

ISSN 1026-9452 (Print)
ISSN 2713-0398 (Online)

Номер 7

Июль 2023

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

State and Law

*Институт государства и права
Российской академии наук:
навстречу 100-летию юбилею*

<https://gospravo-journal.ru>

Человек в макро- и микросреде, плену obsessions и себе самом: особенности зарождения и формирования преступной мотивации (социологические, психологические и криминологические аспекты) • Упрощенный порядок приема в гражданство Российской Федерации • Джангир Аббасович Керимов – человек, учёный, гражданин • Перспектива конвергенции правовой системы России и Китая как юридическое измерение многополярности в XXI столетии • Большие данные и права человека: на пути к правовому регулированию

*Российская академия наук
Институт государства и права*

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

№ 7 2023 Июль

Основан в феврале 1927 г.
Выходит 12 раз в год
ISSN (Print) 1026-9452
ISSN (Online) 2713-0398

Выходил под названиями: «Революция права» (1927–1929 гг.)
«Советское государство и революция права» (1930–1931 гг.)
«Советское государство» (1932–1938 гг.)
«Советское государство и право» ISSN 0132-0769 (1939 г. — первая половина 1992 г.)
«Государство и право» ISSN 1026-9452 (вторая половина 1992 г. — по н/в)

*Журнал издается под руководством
Отделения общественных наук РАН*

Главный редактор
А.Н. Савенков,
член-корреспондент РАН,
доктор юридических наук, профессор

Редакционный совет:

В.Н. Руденко, акад. РАН (*председатель*);
О.В. Белявский, к.ю.н.; В.С. Груздев, д.ю.н.; В.И. Жуков, акад. РАН; В.Д. Зорькин, д.ю.н. (Санкт-Петербург);
М.И. Клеандров, чл.-корр. РАН; А.А. Клишас, д.ю.н.; А.Г. Лисицын-Светланов, акад. РАН;
Н.А. Макаров, акад. РАН; И.М. Рагимов, д.ю.н. (Азербайджанская Республика);
С.В. Степашин, д.ю.н.; Т.Я. Хабриева, акад. РАН

Редакционная коллегия:

С.А. Авакьян, д.ю.н.; Г.Г. Арутюнян, д.ю.н. (Республика Армения);
С.Ф. Афанасьев, д.ю.н. (Саратов); А.А. Бессонов, д.ю.н.; С.А. Бочкарев, д.ю.н.; М.М. Бринчук, д.ю.н.;
Г.А. Василевич, чл.-корр. НАН Беларуси; Т.А. Васильева, д.ю.н.; Бернд Визер, д.ю.н., д.ф.н. (Австрийская Республика);
Е.В. Виноградова, д.ю.н.; А.В. Габов, чл.-корр. РАН; Л.В. Головкин, д.ю.н.; В.С. Горбань, д.ю.н.; Е.Ю. Грачева, д.ю.н.;
А.А. Гришковец, д.ю.н.; Е.П. Губин, д.ю.н.; А.В. Дзюбак, к.ю.н. (*ответственный секретарь*);
А.Г. Диденко, д.ю.н. (Республика Казахстан); В.В. Дорошков, д.ю.н.; Ульрика Дэви, д-р права (ФРГ);
И.В. Ершова, д.ю.н.; И.С. Жудро, д.ю.н.; В.Н. Жуков, д.ю.н., д.ф.н.; С.В. Запольский, д.ю.н.;
В.С. Каменков, д.ю.н. (Республика Беларусь); Кристина Карзай, д.ю.н. (Венгрия);
А.И. Коробеев, д.ю.н. (Владивосток); Н.В. Кроткова, к.ю.н. (*заместитель главного редактора*);
Куан Цзэнцзюнь, д.ю.н. (КНР); А.В. Кудашкин, д.ю.н.; В.В. Кудашкин, д.ю.н.; Лю Хунянь, д.ю.н. (КНР);
С.В. Маликов, д.ю.н. (*заместитель главного редактора*); И.М. Мацкевич, д.ю.н.; Е.В. Михайлова, д.ю.н.;
А.В. Наумов, д.ю.н.; В.Б. Наумов, д.ю.н.; Срето Ного, д.ю.н. (Республика Сербия);
Е.И. Носырева, д.ю.н. (Воронеж); Пламен А. Панайотов, д.ю.н. (Республика Болгария);
В.Н. Плигин, д.ю.н.; Т.А. Полякова, д.ю.н.; С.Б. Россинский, д.ю.н.;
А.Н. Савенков, чл.-корр. РАН (*главный редактор*);
Р.Н. Салиева, д.ю.н. (Казань); Паола Северино, д.ю.н. (Итальянская Республика);
А.Ю. Соколов, д.ю.н. (Саратов); Янаки Б. Стоилов, д-р права (Республика Болгария); А.А. Тедеев, д.ю.н.;
В.В. Устюкова, д.ю.н.; Уве Хеллманн, д-р права (ФРГ); Ван Чжи Хуа, д.ю.н. (КНР); С.Ю. Чуча, д.ю.н.;
А.И. Чучаев, д.ю.н.; В.М. Шерстюк, д.ю.н.; Г.Г. Шинкаревич, д.ю.н.; Б.С. Эбзеев, д.ю.н.; О.А. Ястребов, д.ю.н.

Адрес редакции: 119019 Москва, ул. Знаменка, 10
тел.: +7 (495) 691-87-34
e-mail: gospravo@igpran.ru
<http://gospravo-journal.ru/>

Москва

© Российская академия наук, 2023
© Институт государства и права РАН, 2023
© Составление. Редакция журнала
«Государство и право», 2023

*Russian Academy of Sciences
Institute of State and Law*

STATE AND LAW

No. 7 2023 July

Published since February 1927
Monthly Publication (12 Times a Year)
ISSN (Print) 1026-9452
ISSN (Online) 2713-0398

Formerly known as: “Revolution of the Law” (Revolutsiya prava) (1927–1929)
“Soviet State and the Revolution of the Law” (Sovetskoe gosudarstvo i revolyutsiya prava) (1930–1931)
“Soviet State” (Sovetskoe gosudarstvo) (1932–1938)
“Soviet State and Law” (Sovetskoe gosudarstvo i pravo) ISSN 0132-0769 (1939 – mid-1992)
“State and Law” (Gosudarstvo i pravo) ISSN 1026-9452 (mid-1992 – present)

*The Journal is published under supervisi,
on of the Department of social Sciences of the RAS*

Editor-in-Chief

A.N. Savenkov,

Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences,
Doctor of Law, Professor

Editorial Council:

V.N. Rudenko, Academician of the RAS (*Chairman*);
O.V. Belyavsky, PhD in Law; V.S. Gruzdev, Doctor of Law; V.I. Zhukov, Academician of the RAS;
V.D. Zorkin, Doctor of Law (St. Petersburg); M.I. Kleandrov, Corresponding Member of the RAS;
A.A. Klishas, Doctor of Law; A.G. Lisitsyn-Svetlanov, Academician of the RAS; N.A. Makarov, Academician of the RAS;
I.M. Ragimov, Doctor of Law (Azerbaijan Republic); S.V. Stepashin, Doctor of Law;
T. Ya. Khabrieva, Academician of the RAS

Editorial Board:

S.A. Avakyan, Doctor of Law; G.G. Arutunyan, Doctor of Law (Republic of Armenia);
S.F. Afanasev, Doctor of Law (Saratov); A.A. Bessonov, Doctor of Law; S.A. Bochkarev, Doctor of Law;
M.M. Brinchuk, Doctor of Law; G.A. Vasilevich, Corresponding Member of the NAS of Belarus; T.A. Vasileva, Doctor of Law;
Bernd Wieser, Doctor of Law, DSc in Philosophy (Republic of Austria); E.V. Vinogradova, Doctor of Law;
A.V. Gabov, Corresponding Member of the RAS; L.V. Golovko, Doctor of Law; V.S. Gorban, Doctor of Law;
E. Yu. Gracheva, Doctor of Law; A.A. Grishkovets, Doctor of Law; E.P. Gubin, Doctor of Law;
A.V. Dzyubak, PhD in Law (*executive secretary*); A.G. Didenko, Doctor of Law (Republic of Kazakhstan);
V.V. Doroshkov, Doctor of Law; Ulrike Davy, Doctor of Law (Germany); I.V. Ershova, Doctor of Law; I.S. Zhudro, Doctor of Law;
V.N. Zhukov, Doctor of Law, DSc in Philosophy; S.V. Zapolsky, Doctor of Law; V.S. Kamenkov, Doctor of Law (Republic of Belarus);
Krisztina Karsai, Doctor of Law (Hungary); A.I. Korobeev, Doctor of Law; N.V. Krotkova, PhD in Law (*Vice-Editor-in-Chief*);
Kuang Zengjun, Doctor of Law (China); A.V. Kudashkin, Doctor of Law; V.V. Kudashkin, Doctor of Law;
Liu Honguan, Doctor of Law (China); S.V. Malikov, Doctor of Law (*Vice-Editor-in-Chief*); I.M. Matskevich, Doctor of Law;
E.V. Mikhailova, Doctor of Law; A.V. Naumov, Doctor of Law; V.B. Naumov, Doctor of Law;
Sreto Nogo, Doctor of Law (Republic of Serbia); E.I. Nosyreva, Doctor of Law (Voronezh);
Plamen A. Panayotov, Doctor of Law (Bulgaria); V.N. Pligin, Doctor of Law; T.A. Polyakova, Doctor of Law;
S.B. Rossinsky, Doctor of Law; A.N. Savenkov, Corresponding Member of the RAS (*Editor-in-Chief*);
R.N. Salieva, Doctor of Law (Kazan); Paola Severino, Doctor of Law (Italian Republic);
A. Yu. Sokolov, Doctor of Law (Saratov); Yanaki B. Stoilov, Doctor of Law (Bulgaria); A.A. Tedelev, Doctor of Law;
V.V. Ustyukova, Doctor of Law; Uwe Hellmann, Doctor of Law (Germany); Wang Zhi Hua, Doctor of Law (China);
S. Yu. Chucha, Doctor of Law; A.I. Chuchayev, Doctor of Law; V.M. Sherstyuk, Doctor of Law;
G.G. Shinkaretskaya, Doctor of Law; B.S. Ebzeev, Doctor of Law; O.A. Yastrebov, Doctor of Law

Address: 10 Znamenka street, 119019 Moscow, Russian Federation
tel.: +7 (495) 691-87-34
e-mail: gospravo@igpran.ru
<http://gospravo-journal.ru/>

Moscow

© Russian Academy of Sciences, 2023
© Institute of State and Law of the RAS, 2023
© Editorial Board of “State and Law”, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Номер 7, 2023

Человек в макро- и микросреде, плену obsessions и себе самом: особенности зарождения и формирования преступной мотивации (социологические, психологические и криминологические аспекты) <i>И.М. Рагимов, Х.Д. Аликуперов</i>	7
Упрощенный порядок приема в гражданство Российской Федерации <i>Ю.Л. Шульженко</i>	17

ИНСТИТУТ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК: НАВСТРЕЧУ СТОЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ

Джангир Аббасович Керимов – человек, учёный, гражданин <i>А.Н. Савенков</i>	31
--	----

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПРАВОВЕДЕНИЕ

Перспектива конвергенции правовой системы России и Китая как юридическое измерение многополярности в XXI столетии <i>Г.Г. Небратенко</i>	44
--	----

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Особенности становления политико-правовой субъектности современной России С. Шахрай. Как я написал Конституцию эпохи Ельцина и Путина <i>А.Г. Хабибуллин, Ф.Х. Галиев, А.Х. Султанов</i>	55
Нравственное государство цивилитарного образца или общественное устройство созидательного формата <i>А.П. Антоненко</i>	63

ГРАЖДАНСКОЕ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО

О концепции интеллектуальных прав в свете их объекта <i>И.В. Овчинников</i>	79
--	----

ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО

Неналоговые и налоговые платежи за негативное воздействие на окружающую среду: к вопросу о моделях и их стимулирующей роли при встраивании в экономику России <i>М.А. Вакула, И.А. Умнова-Конюхова, И.А. Алешкова</i>	88
---	----

УКРЕПЛЕНИЕ ЗАКОННОСТИ И БОРЬБА С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

Влияние цифровых технологий на совершенствование правового регулирования уголовно-процессуальной деятельности <i>С.И. Вершинина, В.А. Лазарева</i>	100
Кризисные ситуации в пенитенциарной системе, размышления о понятии и факторах возникновения <i>С.А. Хохрин</i>	111

ПРАВОВАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И РЕЛИГИОЗНАЯ МЫСЛЬ

Происхождение государства в учении П.А. Кропоткина <i>А.Н. Тимонин</i>	120
---	-----

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО И ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

Большие данные и права человека: на пути к правовому регулированию

Э.В. Талапина

129

ПРАВО И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Интеллектуальный статут в международном частном праве

В.Н. Лисица

139

ЗА РУБЕЖОМ

Соотношение прав и свобод человека и ислама в арабских странах

К.В. Карпенко

147

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Советско-польский вооруженный конфликт 1918–1921 гг. в контексте процесса становления Версальской системы. Пример столкновения разных принципов политико-правового конституирования государств в Новейшей истории

Д.Н. Ермаков, Г.Г. Попов, С.Г. Павликов

156

Прусская кодификация 1794 г. как памятник права и объект изучения

В.В. Кизяковский

166

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

Руководство как новый вид нормативного акта

Г.П. Ивлиев, Ж.И. Шевырева

174

Война как экологическая катастрофа: стратегии минимизации

С.Ф. Милюков, Н.И. Кузнецова

178

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Аграрное право в XXI веке: традиции и перспективы развития
(Обзор выступлений участников Международной научно-практической конференции – Вторые Козыревские чтения)

В.В. Устюкова, Г.Л. Землякова

185

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Справедливое правосудие

М.И. Клеандров. Правосудие и справедливость. 2-е изд., перераб. и доп.

Е.В. Виноградова, С.И. Захарцев, В.П. Сальников

194

«Летальность»: допустимо ли введение в научный оборот в качестве самостоятельной медико-правовой категории

В.Н. Галузо. Летальность (медико-правовое исследование)

В.М. Редкоус

200

CONTENTS

Number 7, 2023

Man in the macro- and microenvironment, the captivity of obsessions and to himself: features of the origin and the formation of criminal motivation (sociological, psychological and criminological aspects) <i>I.M. Ragimov, Kh.J. Alikperov</i>	7
Simplified procedure for admission to citizenship of the Russian Federation <i>Yu. L. Shulzhenko</i>	17

INSTITUTE OF STATE AND LAW OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES: TOWARDS THE CENTENARY

Jangir Abbasovich Kerimov – man, scientist, citizen <i>A.N. Savenkov</i>	31
---	----

COMPARATIVE LAW

The prospect of convergence of the legal system of Russia and China as a legal dimension of multipolarity in the XXI century <i>G.G. Nebratenko</i>	44
---	----

DISCUSSIONS AND DEBATES

Features of the formation of political and legal subjectivity of modern Russia S. Shakhrai. How I wrote the Constitution of the Yeltsin and Putin era <i>A.G. Khabibulin, F. Kh. Galiev, A. Kh. Sultanov</i>	55
The Moral State of the civilitarian model or the social structure of the creative format <i>A.P. Antonenko</i>	63

CIVIL AND ENTREPRENEURIAL LAW

On the concept of intellectual rights in the light of their object <i>I.V. Ovchinnikov</i>	79
---	----

ENVIRONMENTAL LAW

Non-tax and tax payments for negative impact on the environment: on the question of models and their stimulating role when integrated into the Russian economy <i>M.A. Vakula, I.A. Umnova-Konyukhova, I.A. Aleshkova</i>	88
---	----

STRENGTHENING OF LEGALITY AND STRUGGLE WITH CRIMINALITY

The impact of digital technologies on improving the legal regulation of criminal procedural activities <i>S.I. Vershinina, V.A. Lazareva</i>	100
Crisis situations in the penitentiary system, reflections on the concept and factors of appearance <i>S.A. Khokhrin</i>	111

LEGAL, POLITICAL AND RELIGIOUS THOUGHT

The origin of the state in the studies of P.A. Kropotkin <i>A.N. Timonin</i>	120
---	-----

INFORMATION LAW AND INFORMATION SECURITY

Big Data and human rights: toward legal regulation

E.V. Talapina

129

LAW AND INTERNATIONAL RELATIONS

Intellectual property statute in Private International Law

V.N. Lisitsa

139

ABROAD

Relationship between human rights and freedoms and Islam in Arab countries

K.V. Karpenko

147

PAGES OF HISTORY

The Soviet-Polish armed conflict of 1918–1921 in the context of the process of formation of the Versailles system. An example of the clash of different principles of the political and legal constitution of states in Recent history

D.N. Ermakov, G.G. Popov, S.G. Pavlikov

156

Prussian codification of 1794 as a monument of law and an object of study

V.V. Kizyakovsky

166

SCIENTIFIC REPORTS

The manual as a new type of regulatory act

G.P. Ivliev, Zh. I. Shevyreva

174

War as an ecological catastrophe: minimization strategies

S.F. Milyukov, N.I. Kuznetsova

178

SCIENTIFIC LIFE

Agrarian law in the 21st century: traditions and prospects of development
(Review of the speeches of the participants of the International Scientific and Practical Conference –
The Second Kozyrev Readings)

V.V. Ustyukova, G.L. Zemlyakova

185

CRITICISM AND BIBLIOGRAPHY

Fair justice

M.I. Kleandrov. Justice and fairness. 2nd ed., rev. and exp.

E.V. Vinogradova, S.I. Zakhartsev, V.P. Salnikov

194

“Lethality”: is it permissible to introduce into scientific circulation as an independent medical and legal category

V.N. Galuzo. Lethality (medical and legal research)

V.M. Redkous

200

ЧЕЛОВЕК В МАКРО- И МИКРОСРЕДЕ, ПЛЕНУ ОБСЕССИЙ И СЕБЕ САМОМ: ОСОБЕННОСТИ ЗАРОЖДЕНИЯ И ФОРМИРОВАНИЯ ПРЕСТУПНОЙ МОТИВАЦИИ (СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ, ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ)

© 2023 г. И. М. Рагимов^{1, *}, Х. Д. Аликперов^{2, **}

¹Ассоциация юристов стран Черноморско-Каспийского региона,
г. Баку, Азербайджанская Республика

²Центр правовых исследований, г. Баку, Азербайджанская Республика

*E-mail: professorilhamragimov@gmail.com

**E-mail: xan_alikperov@hotmail.com

Поступила в редакцию 09.03.2023 г.

Аннотация. В статье на основе междисциплинарного подхода рассматриваются особенности мышления и поведения человека в зависимости от уровня вовлеченности и характера его взаимоотношений в макро- и микросреде, а также в период, когда он находится в плену навязчивых идей (обсессия) или себе самом; исследуются стадии умственной деятельности человека, когда у него возникает мысль о совершении преступления, и причины, ее породившие; анализируются динамика созревания такой мотивации и факторы, способствующие ее материализации. Обосновывается вывод, что состояние обсессии, издержки государства и общества выступают исходной точкой для зарождения у индивидуума зачатков идеи о совершении преступления, которая со временем актуализируется, после чего трансформируется в конкретный преступный замысел, когда он находится в себе самом. Пребывая в этом состоянии, индивидуум мысленно создает сценарий будущего преступления, разрабатывает алгоритм его реализации, рассматривает условия, при возникновении которых может быть совершено задуманное деяние, просчитывает возможные риски его совершения, предусматривает варианты своего посткриминального поведения и т.д. После формирования на ментальном уровне этот сценарий записывается в долговременной памяти человека, где хранится в alertном состоянии, а при возникновении подходящей ситуации срабатывает триггер для его реализации. На основе этих посылов, как и ряда иных доводов, в статье выдвинута гипотеза, согласно которой любое умышленное преступление (за исключением ситуативных и совершенных в состоянии аффекта), будь это убийство или изнасилование, разбой или кража и т.д., есть по сути своей ретрансляция сценария конкретного преступления, когда-то созданного индивидуумом на когнитивном уровне и извлеченного из подсознания в нужный момент для его практического воплощения. Иными словами, возникновение и развитие преступной мотивации — не одномоментный интеллектуально-волевой акт, а растянутый во времени мыслительный процесс, направленный на поиск оптимальных способов удовлетворения определенных потребностей индивидуума, которые он

не смог (не захотел) реализовать в рамках закона. При этом пространственно-временной разрыв между моментом зарождения идеи о совершении преступления и ее фактической реализацией может быть краткосрочным, среднесрочным или долгосрочным¹.

Ключевые слова: макросреда, мотивация, лицедейство, ментальный, компульсия, автономное пространство личности, obsessions, актерствование, микросреда, сущее, когнитивный, преступление.

Цитирование: Рагимов И.М., Аликперов Х.Д. Человек в макро- и микросреде, плену obsessions и себе самом: особенности зарождения и формирования преступной мотивации (социологические, психологические и криминологические аспекты) // Государство и право. 2023. № 7. С. 7–16.

DOI: 10.31857/S102694520026807-8

MAN IN THE MACRO- AND MICROENVIRONMENT, THE CAPTIVITY OF OBSESSIONS AND TO HIMSELF: FEATURES OF THE ORIGIN AND THE FORMATION OF CRIMINAL MOTIVATION (SOCIOLOGICAL, PSYCHOLOGICAL AND CRIMINOLOGICAL ASPECTS)

© 2023 I. M. Ragimov^{1, *}, Kh. J. Alikperov^{2, **}

¹Association of Lawyers of the Countries of the Black Sea-Caspian Region, Baku, Republic of Azerbaijan

²Center for Legal Studies, Baku, Republic of Azerbaijan

*E-mail: professorilhamragimov@gmail.com

**E-mail: xan_alikperov@hotmail.com

Received 09.03.2023

Abstract. Based on an interdisciplinary approach, the article examines the peculiarities of a person's thinking and behavior, depending on the level of involvement and the nature of his relationships in the macro- and microenvironment, as well as during the period when he is in captivity of obsessions (obsession) or himself; examines the stages of a person's mental activity when he has the idea of committing a crime, and the reasons that gave rise to it; the dynamics of the maturation of such motivation and the factors contributing to its materialization are analyzed. The conclusion is substantiated that the state of obsession, the costs of the state and society act as a starting point for the origin of the rudiments of the idea of committing a crime in an individual, which is actualized over time, after which it transforms into a specific criminal plan when he is in himself. Being in this state, an individual mentally creates a scenario of a future crime, develops an algorithm for its implementation, considers the conditions under which the intended act may be committed, calculates the possible risks of its commission, provides options for his post-criminal behavior, etc. After being formed at the mental level, this scenario is recorded in a person's long-term memory, where it is stored in an alert state, and when a suitable situation occurs, a trigger is triggered for its implementation. On the basis of these premises, as well as a number of other arguments, the article hypothesizes that any intentional crime (with the exception of situational and committed in a state of passion), be it murder or rape, robbery or theft, etc., is essentially only a retransmission of the scenario of a specific crime, once created by an individual on at the cognitive level and extracted from the subconscious at the right moment for its practical implementation. In other words, the emergence and development of criminal motivation is not a momentary intellectual and volitional act, but a time – stretched thought process aimed at finding optimal ways to meet certain needs of an individual that he could not (did not want to) implement within the framework of the law. At the same time, the space-time gap between the moment of the origin of the idea of committing a crime and its actual implementation can be short-term, medium-term or long-term².

¹ Значимость предложенной гипотезы (если, конечно, она верна) видится в том, что она в корне меняет существующие научные представления о механизме возникновения у индивидуума идеи о совершении преступления, показывает процесс ее актуализации и дальнейшей трансформации в преступную мотивацию, раскрывает этапы интеллектуальной деятельности, через которые она проходит с момента своего возникновения и до фактической реализации.

² The significance of the proposed hypothesis (if, of course, it is correct) is seen in the fact that it radically changes the existing scientific ideas about the mechanism of the individual's idea of committing a crime, shows the process of its actualization and further transformation into criminal motivation, reveals the stages of intellectual activity through which it passes from the moment of its origin to the actual implementations.

Key words: macroenvironment, motivation, acting, mental, compulsion, autonomous personality space, obsession, acting, microenvironment, being, cognitive, crime.

For citation: Ragimov, I.M., Alikperov, Kh. J. (2023). Man in the macro- and microenvironment, the captivity of obsessions and to himself: features of the origin and the formation of criminal motivation (sociological, psychological and criminological aspects) // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 7, pp. 7–16.

Если дистанцироваться от комплементарной идеологии власть имущих и отдельных претензионных парадигм в теории криминологии, то следует признать, что одним из глобальных детерминантов преступности всегда выступало и выступает государство, в частности, его принципиальные недоработки в управлении обществом, фундаментальные просчеты в правотворческой деятельности и системные ошибки в социальной политике.

Другой ахиллесовой пятой многих современных государств являются коррупция и другие злоупотребления в деятельности чиновников органов исполнительной и судебной власти, чрезмерная урегулированность общественных отношений и необдуманная перманентная криминализация широкого круга деяний, которые по сути своей таковыми не являются.

Говоря о криминогенных издержках государства, нельзя обойти молчанием и такие негативные для XXI в. явления, как безработица, нищета и бедность сотен миллионов людей в различных странах³, в результате которых ежегодно в мире от голода умирают порядка 9 млн человек⁴. Так, по данным ООН, ежедневно более 800 млн людей (т.е. свыше 10% мирового населения) голодают в силу отсутствия каких-либо средств на пропитание⁵, значительная часть из них умирает от недоедания⁶.

³ По мнению специалистов, для устранения массового голода, достигшего в последние годы во многих государствах критического уровня, и обеспечения во всем мире продовольственной безопасности требуется, чтобы мировое сообщество ежегодно выделяло бедным странам 33 млрд долл. Однако эта глобальная проблема отодвинута международным сообществом на периферию межгосударственных отношений: ни государства золотого миллиарда, ни благополучные в материальном плане сотни стран не спешат этого делать, хотя ежегодно на военные расходы выделяют свыше 2 трлн долл. (см.: *Тернер П. Р.* Как решить мировой голод [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://ffl.org/ru/14869/can-we-end-world-hunger/> (дата обращения: 25.02.2023)).

⁴ См.: Отчет ООН: голод в мире стал масштабнее из-за пандемии [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://ntdvtv.ru/109524-otchyot-onn-golod-v-mire-stal-masshtabnee-iz-za-pandemii> (дата обращения: 25.02.2023).

⁵ См.: там же.

⁶ По данным ВОЗ, ежедневно в мире 24 тыс. человек умирают от голода, что в годовом исчислении составляет 8 660 000 человек, значительная часть из которых дети [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30183433 (дата обращения: 04.12.2022).

Изнуряющее чувство голода, душераздирающие взгляды обессиливших и опухших от голода детей вынуждают их родителей, оказавшихся на обочине жизни, выбрать криминальный путь (в том числе и кровавый) добычи еды или средств на ее приобретение⁷. К примеру, экспертные оценки показывают, что около одной трети из указанных выше 800 млн человек ежегодно совершают как минимум несколько преступлений корыстного, корыстно-насильственного или сугубо насильственного характера, причем опять же исключительно ради удовлетворения своих жизненно необходимых витальных потребностей либо обеспечения минимальной едой (лекарством) своих голодающих (больных) детей, престарелых родителей⁸ и т.д.

Особенность подобных деяний, совершаемых в состоянии критической фрустрации, заключается в том, что в этих случаях они готовы совершить практически любое преступление⁹. Об этом красноречиво свидетельствует монолог главной героини знаменитого романа Маргарет Митчелл «Унесенные ветром» Скарлетт О'Хары: «Бог свидетель!

⁷ Более 41 млн человек в 43 странах мира находятся на грани голодной смерти (см. подр.: Десятки миллионов людей в 43 странах мира — на грани голодной смерти [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://news.un.org/ru/story/2021/10/1411202> (дата обращения: 04.11.2022)).

⁸ Пусковым механизмом возникновения преступной мотивации могут стать и другие неудовлетворенные физиологические, социальные и т.д. потребности человека.

⁹ Здесь можно сослаться на получившую в последние десятилетия во многих странах мира широкое распространение практику, когда для контрабанды наркотиков люди глотают капсулы с героином, кокаином и другими тяжелыми наркотиками и в своем желудке (прямой кишке и т.д.) перевозят их через пункты пограничного, таможенного и иного контроля. При этом, как показывает правоприменительная практика, нередко под воздействием химических процессов, происходящих в желудке, герметичность капсулы с тяжелым наркотиком нарушается, и тем самым ставятся под реальную угрозу жизнь и здоровье этих лиц. Но это их не останавливает, так как они сознательно идут на такие опасные поступки и таким путем хотят заработать денег на пропитание и содержание семьи (см., напр.: На границе задержан иранец, который в прямой кишке пытался провезти наркотики в Азербайджан [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://gapp.az/na-granitse-zaderjan-iranets-kotoryiy-v-priamoj-kishke-pyital-sya-pronesti-narkotiki-v-azerbaydjan/> (дата обращения: 01.03.2023); Гражданин Армении пытался ввезти из Ирана наркотики, спрятав пакет в кишечнике [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://ru.armeniasputnik.am/20200313/Grazhdanin-Armenii-pytalsya-vvezti-iz-Irana-narkotiki-spryatav-paket-v-kishechnike-2376295.html> (дата обращения: 01.03.2023)).

Я солгу, я украду, я убью, но больше никогда не буду голодать, никогда». И эта мысль с каждым разом становится все сильнее и навязчивее, когда человек смотрит в молящие глаза своего голодного (больного) ребенка или угасающих от тяжелой болезни или голода близких¹⁰...

Перманентный голод толкает людей на совершение и других форм девиантного поведения¹¹. Например, бедность, безработица и экономический кризис, которые переживает Афганистан после прихода к власти талибов, вынуждают некоторые семьи продавать своих детей в обмен на деньги или скот¹², чтобы за счет вырученных средств от их реализации спасти других членов семьи от неминуемой голодной смерти¹³. Сказанное можно повторить и относительно Северной Кореи, где голод, с которым столкнулись жители этой страны в начале 1990-х годов, был настолько ужасающим, что люди убивали и ели людей, в том числе и детей¹⁴. Аналогичная картина наблюдается и в ряде стран Африки и Ближнего Востока. При этом «возникающее социальное напряжение в таких депрессивных регионах неизбежно выливается в рост радикализма, экстремизма, подпитывает терроризм и локальные конфликты»¹⁵.

Этот далеко не полный перечень трагедий, происходящих в некоторых бедных государствах Африки, Юго-Восточной и Центральной Азии, Ближнего Востока, еще раз показывает, как хроническое

¹⁰ К примеру, в таких странах, как Гаити, Сомали и ряде иных государств, в которых за чертой бедности проживает 98% населения (см. подр.: Рейтинг стран по уровню бедности [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://nonews.co/directory/lists/countries/poverty-rate> (дата обращения: 06.12.2022)).

¹¹ Возникает резонный вопрос: а виновен ли человек в совершении подобных преступлений, невзирая при этом на целеполагания такого его деяния? С позиции формального уголовного права — безусловно, да! Но с позиции общечеловеческих ценностей и декларируемых в национальных и международных актах о правах человека — нет, так как в этих случаях детерминантом таких преступлений выступает само государство, которое довело минимальные физиологические потребности своего гражданина до критического уровня, в силу чего он вынужден прибегнуть к преступлению, чтобы прокормить себя и своих детей.

¹² См.: Голод вынуждает афганцев продавать собственных детей [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://haqqin.az/news/222594> (дата обращения: 27.11.2022).

¹³ См.: Прошина Е. Афганская женщина продала внуков ради еды [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://news.rambler.ru/world/47462861-afganskaya-zhenschina-prodala-vnukov-radi-edu/> (дата обращения: 27.12.2022).

¹⁴ См.: Беженка из Северной Кореи: Люди теряли рассудок от голода, ели даже детей [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://minval.az/news/124133653> (дата обращения: 12.11.2022).

¹⁵ Из стенограммы речи В.В. Путина 10 февраля 2007 г. на Конференции по вопросам политики безопасности в Мюнхене [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://lenta.ru/articles/2007/02/10/asymmetry/> (дата обращения: 26.02.2023).

голодание, отсутствие элементарных продуктов питания и средств на их приобретение могут толкнуть человека на преступление. И это при том, что конституции многих стран гарантируют, что государство обеспечивает всем достойный уровень жизни¹⁶. Однако эти законные ожидания граждан повсеместно попираются. Отсюда одна из причин того, что из числа лиц, ежегодно выявляемых за совершенные преступления, более $\frac{2}{3}$ нигде не работают и не учатся.

К сказанному следует добавить и такой криминальный феномен последних десятилетий, как прекариат, наблюдаемый во многих странах, который «олицетворяет принципиально новое образование: отчуждение людей не только от результатов труда, но и от всего общества, испытывающих особые, изощренные формы эксплуатации их труда, их знаний, их квалификации, а в конечном счете и качества жизни. В эти группы входят те, кто занят неформальной, временной, эпизодической работой, вовлечен в теневой или «нелегитимизированный» сектор рынка труда, вследствие чего эти люди имеют урезанные социальные права и обладают ущемленным социальным статусом»¹⁷. Иными словами, «сегодня мы вправе говорить о некоем социальном слое, образующем, на наш взгляд, новый социальный класс, который во многом определяет лицо современного общества»¹⁸. Разумеется, этот слабо исследованный криминальный фактор постмодерна крайне негативно отражается на состоянии преступности, перманентно подталкивает человека к поиску решения своих сложных личных и семейных проблем вне рамок правового поля.

Эти и многие другие издержки в деятельности государства создают социально-психологическую напряженность в обществе, накал которой с каждым годом лишь усиливается, в силу чего, по меткому выражению проф. Ж.Т. Тощенко, сегодня социум трансформировался в общество травмы, что, естественно, повышает в нем градус агрессивности, толкает определенные слои населения на преступный путь для решения своих насущных физиологических потребностей.

Питательной почвой для зарождения преступной мотивации является и само общество, которое в последние десятилетия во многих странах (особенно западных) демонстративно отошло от многих духовных заповедей, погрязло в таких

¹⁶ См., напр.: Конституция Азербайджанской Республики. Баку, 2020 (Преамбула).

¹⁷ Прекариат: становление нового класса / под ред. Ж.Т. Тощенко. М., 2020. С. 11.

¹⁸ Там же.

безнравственных явлениях, как однополые браки¹⁹ и инцест²⁰, свинг и гомосексуализм, гей-парады и т.д. Литература, театр, кино, СМИ безответственно раскачивают морально-нравственные столпы общества, прославляют в нем культ насилия и алчности, растаптывают общечеловеческие духовные ценности, воспевают разврат и педофилию, разрушают традиционные устои семьи, насаждают в социуме правовой нигилизм и низменные человеческие страсти, что, естественно, не только приближает человечество к вырождению и деградации, духовной и нравственной катастрофе, но и криминализует социум.

Словом, многие государства постмодерна ничем не отличаются от Содомы и Гоморры. Как результат, общество постепенно становится враждебной для человека средой, в которой немало криминальных очагов, виктимологических раздражителей и стрессовых ситуаций, мотивирующих индивидуума на совершение противоправного деяния.

Так, вступая в определенные общественные отношения в макросреде, человек видит, что в ней процветают протекционизм и кумовство, двойные стандарты. Многие должностные лица государства ведут праздный образ жизни, живут не по средствам, владеют дворцами и яхтами, публично демонстрируют свою непомерную роскошь, разъезжают в супердорогих автомобилях, а их отпрыски сорят деньгами в общественных местах и т.д. При этом у них другие измерения относительно чести, порядочности, а система мировосприятия и морально-нравственных координат сбита настолько, что в ней нет места для общечеловеческих нравственных императивов. Поэтому зачастую в социуме правда и справедливость, законность и правосудие не торжествуют, так как в ряде случаев сила денег и власти оказывается куда мощнее, чем требование закона.

Будучи в микросреде, индивид понимает, что общество погрязло в пороке, безнравственности и цинизме, видит вокруг огромное число чиновников, которые разворовывают государственные средства, берут взятки, лицемерят, воспевают свое тщеславие, ради сохранения занимаемой должности или повышения по службе идут на сделку с совестью, предают ближнего, соглашаются на совершение безнравственных поступков и т.д.

Находясь на службе в государственном учреждении, получая образование в учебном заведении

и т.д., он становится свидетелем того, что посредством дачи взятки можно продвинуться по служебной лестнице, сдать экзамены, избежать уголовной ответственности за совершенное преступление и т.д. При этом многие из чиновников-коррупционеров стремятся казаться теми, кем не являются в действительности, тщательно скрывая от окружающих информацию о своих пагубных пристрастиях, мерзких инстинктах и т.д.

Подражая им, многие сотрудники также под маской добродетели пытаются скрыть свою истинную натуру, ущербные наклонности и омерзительные привычки, ради чего все время играют роль, чтобы прятать от окружающих правду о себе. К примеру, вряд ли женщина признается сослуживцам, что изменяет мужу, перед свадьбой сделала именопластику (восстановление утраченной девичьей невинности). Кто расскажет сослуживцам, что потребляет наркотики или злоупотребляет спиртным, бьет жену или терроризирует семью, имеет склонность к педофилии или является гомосексуалистом?

Найдется мало людей в производственном, управленческом или учебном заведении, которые осмелятся рассказать окружающим правду о своих хронических заболеваниях или о том, что состоят на учете у психиатра, являются внедренным в коллектив сотрудником спецслужб или осведомителем руководителя предприятия. Словом, существует много причин для того, чтобы люди скрывали от окружающих (в том числе и от близких) отдельные эпизоды жизни, сведения о своих пристрастиях и предпочтениях, семье и родителях и т.д.

Подобные деструктивные издержки повседневного бытия макро- и микросреды фиксируются в подсознании человека, становятся пусковым механизмом для запуска в его сознании различных девиантных идей. В частности, многие, столкнувшиеся со столь негативной социальной энтропией, задаются вопросом: «А почему я не могу вести подобный образ жизни?» И ради такой праздной жизни некоторые из них готовы попать не только нравственные императивы, но и закон²¹.

Все это дает основание предположить, что в истории человечества не было и нет людей, которые вступали бы в определенные общественные отношения, не облачившись предварительно в ментальный панцирь, под которым скрывают свои истинные намерения, взгляды, наклонности, пристрастия, неблагоприятные поступки, совершенные в прошлом, и т.д., которые хранятся в глубинных пластах

¹⁹ См., напр.: В США 32 штата признают однополые браки [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <http://news.rambler.ru/27582103/> (дата обращения: 17.02.2023).

²⁰ См., напр.: В Нью-Джерси (США) легализован брак между родными братом и сестрой [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://cosmo.kz/v-nyuu-dzhersi-legalizirovan-brak-mezhdu-rodnyimi-bratom-i-sestryu/> (дата обращения: 28.01.2023).

²¹ Как видим, государство, общество и преступность органически взаимообусловлены, имеют неразрывную корреляционную связь, в силу чего не могут функционировать отдельно друг от друга.

души²². Поэтому со времен сотворения человека природа его поведения как минимум четырехлика: *подобающее, притворное, полоненное, сущее*²³.

Перечисленные ипостаси носят субстанциональный характер, так как изначально заложены в матрицу гено типа человека. С достижением определенного возраста (где-то в период 3–5 лет) они постепенно начинают пробуждаться в сознании человека и примерно к 25 годам (а порой и раньше) становятся имманентным свойством его повседневного бытия. Эти генетически заданные личины, некоторые из которых к тому же пропитаны фальшью, имеют преимущественно латентный характер и достаточно динамичны, в силу чего видоизменяются в зависимости от характера взаимодействия человека с различными уровнями социальной организации общества (трудовой коллектив, школа, семья и т.д.). Поэтому человек в обществе (макросреда), человек в семье (микросреда), человек в плену навязчивых идей (обсессивное состояние) и человек в себе самом²⁴ (автономное пространство личности²⁵) — это четыре разных алгоритма поведения и мышления (*alter ego*), четыре

²² В психологии такое явление называется вытеснением — один из механизмов психологической защиты в психодинамическом направлении психологии. Оно заключается в активном, мотивированном устранении чего-либо из сознания. В результате человек перестает осознавать внутренние конфликты, а также не помнит травматических событий прошлого (см.: Защитные механизмы личности [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://omr.by/news/stati/zashchitnye-mekhanizmy-lichnosti> (дата обращения: 14.02.2023)).

²³ Шекспир считал, что природа человека семилика (см.: Шекспир У. Как вам это понравится / пер. Т. Щепкиной-Куперник // Шекспир У. Полн. собр. соч.: в 8 т. М., 1959. Т. 5).

²⁴ Понятие «человек в себе самом» принципиально отличается от кантовского «вещь в себе», так как оно — продукт практического разума (в деонтологическом смысле), основывается на определенных принципах (разумность, рациональность и т.д.) и поддается системному анализу (познанию) посредством логического мышления.

²⁵ Под понятием «автономное пространство личности» авторы подразумевают временную самоизоляцию человека от социума (отшельничество) посредством сознательного уединения в укромной части материальной среды, где после погружения в самого себя у него происходит синхронизация души, разума и чувств, что позволяет ему перейти на новый уровень осознанности; снять внутреннее напряжение; выработать решение конкретной проблемы и т.д. Главное отличие этого пространственно-временного феномена от макро- и микросреды заключается в том, что он односубъектен: человек временно изолирован от мирских бурь и страстей, невзгод социума и его условностей, а детектор ошибок его головного мозга (нейронные популяции мозга, реагирующие на ошибочное выполнение деятельности, функционирующие на бессознательном уровне), отключен. Наконец, такое отшельничество — «кусочек жизни, о котором не будет знать вообще никто» (*Шарлиз Терон*), т.е. нечто очень личное, непередаваемое словами чистилище души и чувство безграничной свободы, когда не надо оглядываться по сторонам и искать у окружающих одобрения своим поступкам и желаниям.

слабо пересекающиеся параллельные реальности, обусловленные конкретными потребностями физиологического, социального, нравственного, ситуативного и т.д. характера.

Так, если на уровнях макросреды (условно назовем «подмостка актерствования»²⁶) и микросреды (обозначим как «арена лицедейства»²⁷) существует определенный внешний контроль за действиями и поступками человека, что вынуждает его вести (позиционировать) себя сообразно правилам, господствующим в социуме, в том числе и среди близких, то на третьем уровне (определим его как «свидание с самим собой»²⁸) он полностью представлен самому себе: здесь нет не только внешнего контроля, но и максимально сужены морально-нравственные запреты и отключены социально-правовые тормоза, ограничивающие действия и поступки индивидуума, хотя и сохраняется определенное влияние базовых императивов общества на его сознание.

Этот остов вольнодумства, где человек наедине с самим собою, создает сложно доступную для описания духовную обстановку для созерцания и абстрактного мышления, уводящую индивидуума далеко за пределы пространственно-временного континуума и привычной системы координат. В частности, находясь в таком виртуальном странствовании его «Эго» раскрепощается, сбрасывает с себя многие физические законы бытия, отпускает узды полета мысли и фантазии на вольные хлеба, в силу чего человек испытывает невероятное чувство свободы и внутреннего спокойствия.

В этой неопишуемой трансформации Вселенная для него сужается до одной точки, сконцентрировавшись на которой, он плавно входит в транс, где перед его внутренним взором открываются глубинные пласты собственного сознания. Пребывая в состоянии расширенного сознания, он приступает к анализу своих проблем, в процессе которого у него порой возникают новые идеи и мысли,

²⁶ То есть максимальная отчужденность от отдельных черт своего архетипа, где человек подменяет свою подлинность на роль, которую играет в социуме, и тем самым пытается соответствовать ожиданиям окружающих, производить на них хорошее впечатление, заслужить их уважение и т.д., скрывая при этом свою истинную сущность.

²⁷ Частичное дистанцирование от некоторых особенностей самости, сокрытие от членов семьи и ближайшего окружения некоторых своих мыслей и представлений, сокровенных тайн или греховных пристрастий, дурных наклонностей и т.д.

²⁸ Как правило, в этом умиротворенном мире свободы и покоя ума у человека активизируются многие его скрытые духовные и интеллектуальные потенциалы (см. подр.: Аликперов Х.Д. Ассоциация как одна из фаз познавательной деятельности сознания в процессе генерации новой идеи (репрезентация ассоциативного мышления на примере права) // Вестник РГГУ. Сер. «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 1 (4)).

щедры сыплющиеся на рецепторы его ментальных струн, на основе которых индивидуум, предварительно отфильтровав их, принимает наиболее оптимальный вариант решения того или иного вопроса и тем самым прокладывает путь до искомого «света» в конце тоннеля.

Что же касается четвертой ипостаси (обозначим ее как «*полоненная ситуация*»), то когда человек пребывает в обсессивно-компульсивном состоянии, его воля максимально сужается и подменяется неадекватными идеями, агрессивными устремлениями или иными девиантными желаниями (в том числе и преступного характера), в плену которых он находится и которые часто не в силах преодолеть, вследствие чего порой слепо следует их зову²⁹. Такое состояние может возникнуть в различных жизненных ситуациях: на производстве, при просмотре фильма, нахождении в себе самом, на прогулке, при чтении книг и т.д.

Иллюстрацией сказанному могут служить неодолимые в своем могуществе крайне навязчивые идеи, невысказанные желания или бесовские мысли, порой произвольно посещающие человека, которые по своему содержанию иногда настолько греховны, гнусны или невообразимо аморальны, что их возникновение вызывает у него жуткое смещение. Подобные перманентные вожделения — суровая реальность бытия мыслительной деятельности Homo sapiens. Эта нравственная проказа возникает из ниоткуда и молниеносно интегрируется в «Ид» человека, провоцируя его пуститься во все тяжкие.

Естественно, у любого, кто сталкивается с подобными неадекватными отклонениями, резко сужается диапазон восприятия. Причем в ряде случаев некоторые из них настолько прочно гнездятся в «Эго» Homo sapiens и с маниакальной настойчивостью рецитируют в нем, что ему не удается от них избавиться. И порой это происходит так стремительно и неистово, что защитные функции его «Супер-Эго» парализуются, а трепещущая воля выходит из-под контроля — индивид лишается возможности противостоять навязанным ему порочным идеям или низменным желаниям. И это при том, что лицо осознает их пагубность, но, тем не менее, нередко «посягает даже на то, о чем оно и помышлять не смело ранее»³⁰.

²⁹ Как отмечает американский психолог Ф. Зимбардо, «глубокое, но скрытое влияние нескольких ситуационных переменных может оказаться сильнее воли человека и может подавить его сопротивление» (см.: *Зимбардо Ф.* Эффект Люцифера. Почему хорошие люди превращаются в злодеев / пер. с англ. 5-е изд. М., 2018 (Дигитека. Всенаука). С. 12).

³⁰ *Мор Т.* Утопия / пер. с лат. Ю.М. Каган; вступ. ст. И.Н. Осинковского; коммент. Ю.М. Каган и И.Н. Осинковского. М., 1978. Этот парадокс А.И. Бастрыкин объясняет тем, что, совершая подобные деяния, «человек зависит от тех причин, которые находятся вне его влияния, и он не в состоянии

Конечно, у индивидуумов, оказавшихся в полоненной ситуации, возникшие у них порочные идеи или низменные желания индивидуальны и многовариантны. Но у всех имеется объединяющее их единое начало: погрузившись в омут навязчивых идей, человек позиционирует себя владыкой вселенной и считает, что может по своему усмотрению казнить или миловать, т.е. примеряет на себя образ Раскольникова, убеждая самого себя в том, что он не тварь дрожащая, а право имеющий. Это еще больше разжигает его гнусные фантазии, придавая им бесовскую силу.

Изложенное позволяет предположить, что человек в обществе, человек в семье, человек в полоненном состоянии и человек в себе самом — это четыре разные грани личности индивидуума (четыре лика одной сути), четыре разных уровня мировосприятия и ценностных императивов, четыре разных вида потребностей, определяющих характер и направленность его поступков.

Из перечисленных выше ипостасей базовая диспозиция самости человека обнажается (и то не всегда) только тогда, когда он пребывает в себе самом, а то, что он проявляет (демонстрирует), к примеру, в социуме, семье и т.д., — это чаще всего лишь репрезентация, своего рода симулякр (приукрашенная и видоизменная копия его личности, в реальности не существующая), под завесой которой индивидуум инстинктивно или сознательно скрывает от окружающих, в том числе и от самых близких, отдельные издержки своей натуры, среди которых пагубные пристрастия, мерзкие устремления, извращенные желания, садистские наклонности и т.д., выходящие далеко за рамки не только традиционных морально-нравственных дозволений, но и правовых запретов (синдром Чикатило).

Такое перманентное социально-психологическое состояние личности, свойственное многим субъектам общественных отношений³¹, в том числе и великим умам человечества³², объясняется тем, что в бездне души каждого человека, независимо от его национальности и вероисповедания, материального или семейного положения, образования

противостоять таким явлениям, хотя и желает этого» (см.: *Бастрыкин А.И.* Рецензия на книгу профессора И.М. Рагимова «Религия и наказание» (СПб., 2020. — 217 с.) // Государство и право. 2021. № 4. С. 88. DOI: 10.31857/S102694520014363-0).

³¹ По мнению акад. РАН С. Медведева, все люди участвуют в неправде буквально с рождения (см.: Академик Медведев: Гениальность «в пробырке» определить невозможно // Росс. газ. 2022. 2 февр.). Словом, ложь является неотъемлемой частью жизни каждого человека.

³² В качестве примера можно сослаться на многочисленные, мягко говоря, неблаговидные поступки таких выдающихся личностей, как Ф.М. Достоевский, П.И. Чайковский, И.А. Бунин, Л.Д. Ландау, Л.Н. Толстой, В.И. Немирович-Данченко, А.П. Чехов, Альберт Эйнштейн, А.С. Пушкин и др.

и занимаемой должности и т.д., таится множество ранее совершенных непристойных поступков, в которых он боится признаться не только близким, но даже самому себе. Причина этого в том, что если их предать огласке, то, по Ф.М. Достоевскому, «на свете поднялся бы тогда такой смрад, что нам бы всем надо было задохнуться»³³. В силу этого никто не может утверждать, «кто из идущих по жизни добрый, а кто — преступник»³⁴. Здесь все зависит от того, как лягут хромосомы на начальном этапе эмбрионального периода человека, что, по утверждению специалистов, происходит хаотичным образом. Как писал Шекспир, «весь мир — театр, а люди в нем актеры»³⁵.

Как видим, мотивы, побуждающие человека пойти на преступление, различны и зависят в том числе и от особенностей пространства и условий, в которых он пребывает. Поэтому, не углубляясь в нейрофизиологические и нейропсихологические тонкости, отметим, что именно в момент пребывания человека в себе самом у него зарождаются зачатки идеи о совершении преступления, которая со временем актуализируется, после чего трансформируется в конкретный преступный замысел. Находясь в этом состоянии, индивидуум мысленно создает сценарий будущего преступления, разрабатывает алгоритм его реализации, просчитывает возможные риски его совершения, предусматривает варианты своего посткриминального поведения и т.д. Затем в его сознании запускается механизм акцентации на «за» и «против» задуманного, а внимание фокусируется на плюсах и возможных издержках. Далее, сделав окончательный выбор между «за» и «против» совершения преступления в пользу первого, перед индивидуумом возникает конкретная цель (опредмеченная потребность) и вырабатывается алгоритм ее достижения, затем он рассматривает условия (обстановку), при возникновении которых может быть совершено задуманное

деяние³⁶. После формирования на ментальном уровне этот сценарий записывается в долговременной памяти человека, где хранится в alertном состоянии, а триггер срабатывает при возникновении подходящей ситуации³⁷.

Вышесказанное дает основание выдвинуть гипотезу, что любое умышленное преступление (за исключением ситуативных и совершенных в состоянии аффекта), будь это убийство или изнасилование, разбой или кража и т.д., есть, по сути, лишь ретрансляция сценария конкретного преступления, когда-то созданного человеком на ментальном уровне и извлеченного из подсознания в подходящий момент для его практической реализации.

Таким образом, возникновение и развитие преступной мотивации — не одномоментный интеллектуально-волевой акт, а растянутый во времени длительный мыслительный процесс³⁸, направленный на поиск способов удовлетворения определенных потребностей индивидуума, которые он не смог или не захотел реализовать в рамках правового поля. При этом пространственно-временной разрыв между зарождением идеи о совершении преступления и ее реальным воплощением может быть краткосрочным, среднесрочным или долгосрочным. Но одно несомненно — такой ментальный криминальный сценарий рано или поздно, но обязательно будет индивидуумом реализован на определенном этапе его жизни, если, конечно, у него не возникнут форс-мажорные обстоятельства (смерть, паралич и т.п.).

Естественно, авторы не возводят в ранг абсолюта высказанные выше суждения, так как они являются лишь исследовательской гипотезой, и поэтому ни в коей мере не распространяются на всех без исключения людей. И это естественно, так как

³⁶ Столь сложное психическое состояние человека ассоциируется с учением Рафаэля Гарофало об опасном состоянии личности (см. подр.: *Garofalo R. Criminologia. Napoli, 1885*).

³⁷ Как видим, период нахождения в себе самом не только время для раздумий и размышлений, развития души и разума, познания себя и т.д., но и формирования преступной мотивации, возникновения навязчивых идей, гнусных желаний и т.д. Поэтому отдельные исследователи считают, что одно из важнейших средств контроля за массами людей — загружать их делами и бытовыми заботами настолько, чтобы у них не оставалось сил и желания для выработки способности размышлять о социальных проблемах и для самих таких размышлений (об этом см. подр.: *Зиновьев А.А. Глобальный человек. М., 2000*).

³⁸ К примеру, трудно даже гипотетически предположить, что убийство 35 президента США Джона Кеннеди, совершенное 22 ноября 1963 г. в Далласе, убийства премьер-министра Индии Индиры Ганди (31 октября 1984 г. в Нью-Дели), премьер-министра Швеции Улофа Пальме (28 февраля 1986 г.), покушение на Генерального секретаря ЦК КПСС Л.И. Брежнева (22 января 1969 г.) и т.д. были результатом одномоментного интеллектуально-волевого акта. Как правило, таким деяниям предшествует многоступенчатый подготовительный период.

³³ *Достоевский Ф.М. Униженные и оскорбленные* // Достоевский Ф.М. Собр. соч.: в 15 т. Л., 1989. С. 178. Т. 4. Эта мотивационная цитата великого писателя дает основание предположить, что, во-первых, в человеческой популяции не существует людей, обладающих иммунитетом от безнравственных деяний, в том числе и противоправного характера, так как подобные поступки являются потенциальным свойством каждого человека, заложенным в его жизненную программу. Во-вторых, в греховное мгновение души человек свободен в своих поступках и мыслях от господствующих в обществе моральных и нравственных императивов, так как подобные «инстинкты сильнее культуры» (Н.В. Кофурин). Иными словами, у каждого свой скелет в шкафу, от которого он не готов отказаться.

³⁴ *Бастрыкин А.И.* Указ. соч.

³⁵ *Шекспир У.* Указ. соч. Шпенглер также утверждал, что жизнь — «спектакль множественности культур», каждая из которых имеет «собственную форму, собственную идею, собственную жизнь, собственную смерть» (цит. по: *Михайлов И.А. Философия жизни* // *Философская энциклопедия*. М., 2004. Т. 4. С. 210, 211).

на каждом из перечисленных социальных уровней (макросреда или микросреда) есть как добропорядочные личности, так и лишенные каких бы то ни было морально-нравственных ориентиров (неустойчивые, десоциализированные лица), как, впрочем, и своя совокупность положительных и негативных общественных отношений³⁹. Сказанное в полной мере относится и к оценке решений, принимаемых человеком в состоянии обсессии, или когда он в себе самом. Дело в том, что, во-первых, нередко ему удается противостоять этим бесовским наваждениям, вытеснить их из своего сознания (в том числе путем сублимации). Во-вторых, было бы ошибочно полагать, что в период пребывания человека в себе самом его мысли и желания продиктованы исключительно низменными побуждениями. Это не так, поскольку такое уединение может быть мотивировано и исключительно благими намерениями, такими как релаксация, чтение книги, медитация, поиск путей решения различных жизненных проблем и т.д. К примеру, у людей, живущих за чертой бедности⁴⁰, о чем мы говорили в начале статьи, в минуты, когда они наедине с собой, возникает мысль не об убийстве, садизме, похоти и других пороках, а, как говорится, о хлебе насущном: как добыть средства на пропитание для себя и своих детей, в том числе и посредством поступков, носящих противоправный характер. Однако внутренний нравственный стержень спасает многих из них от этого криминального шага.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Академик Медведев: Гениальность «в пробирке» определить невозможно // Росс. газ. 2022. 2 февр.
2. Аликперов Х.Д. Ассоциация как одна из фаз познавательной деятельности сознания в процессе генерации новой идеи (репрезентация ассоциативного мышления на примере права) // Вестник РГГУ. Сер. «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 1(4).
3. Бастрыкин А.И. Рецензия на книгу профессора И.М. Рагимова «Религия и наказание» (СПб., 2020. —

³⁹ «Макросреда характеризует процессы, происходящие во всем обществе, которые опосредуют сознание и поведение людей как граждан, как членов данного общества. Что касается микросреды, то это непосредственное окружение, где человек взаимодействует на межличностном уровне и где существует контактная среда, весьма серьезно влияющая на результативность его поведения, на организацию его общественной и повседневной жизни» (см.: Тощенко Ж.Т. Социология жизни // Соц. исследования. 2015. № 1. С. 114).

⁴⁰ Так, по данным ООН за 2022 г., 3,6 млрд людей на планете живут за чертой бедности (см. подр.: Кочетова М. Нищета и бедность спасают планету от перегрева [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://www.vedomosti.ru/ecology/climate/articles/2022/02/18/909986-nischeta-i-bednost-spasayut-planetu-ot-peregrev> (дата обращения: 01.03.2023)).

- 217 с.) // Государство и право. 2021. № 4. С. 88. DOI: 10.31857/S102694520014363-0
4. Достоевский Ф.М. Униженные и оскорбленные // Достоевский Ф.М. Собр. соч.: в 15 т. Л., 1989. С. 178. Т. 4.
5. Зимбардо Ф. Эффект Люцифера. Почему хорошие люди превращаются в злодеев / пер. с англ. 5-е изд. М., 2018 (Дигитека. Всенаука). С. 12.
6. Зиновьев А.А. Глобальный человек. М., 2000.
7. Кочетова М. Нищета и бедность спасают планету от перегрева [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://www.vedomosti.ru/ecology/climate/articles/2022/02/18/909986-nischeta-i-bednost-spasayut-planetu-ot-peregrev> (дата обращения: 01.03.2023).
8. Михайлов И.А. Философия жизни // Философская энциклопедия. М., 2004. Т. 4. С. 210, 211.
9. Мор Т. Утопия / пер. с лат. Ю.М. Каган; вступ. ст. И.Н. Осиповского; коммент. Ю.М. Каган и И.Н. Осиповского. М., 1978.
10. Прекариат: становление нового класса / под ред. Ж.Т. Тощенко. М., 2020. С. 11.
11. Прошина Е. Афганская женщина продала внуков ради еды [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://news.rambler.ru/world/47462861-afganskaya-zhenschina-prodala-vnukov-radi-edy/> (дата обращения: 27.12.2022).
12. Тернер П.Р. Как решить мировой голод [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://fll.org/ru/14869/can-we-end-world-hunger/> (дата обращения: 25.02.2023).
13. Тощенко Ж.Т. Социология жизни // Соц. исследования. 2015. № 1. С. 114.
14. Шекспир У. Как вам это понравится / пер. Т. Щепкиной-Куперник // Шекспир У. Полн. собр. соч.: в 8 т. М., 1959. Т. 5.
15. Garofalo R. Criminologia. Napoli, 1885.

REFERENCES

1. Academician Medvedev: It is impossible to determine genius “in a test tube” // Ross. gaz. 2022. February 2 (in Russ.).
2. Alikperov Kh. J. Association as one of the phases of cognitive activity of consciousness in the process of generating a new idea (representation of associative thinking on the example of law) // Herald of the Russian State University. Ser. “Literary studies. Linguistics. Cultural studies”. 2022. No. 1 (4) (in Russ.).
3. Bastrykin A.I. Review of the book by Professor I.M. Ragimov “Religion and punishment” (St. Petersburg, 2020. — 217 pp.) // State and Law. 2021. No. 4. P. 88. DOI: 10.31857/S102694520014363-0 (in Russ.).
4. Dostoevsky F.M. Humiliated and insulted // Dostoevsky F.M. Collected works: in 15 vols. L., 1989. P. 178. Vol. 4 (in Russ.).
5. Zimbardo F. The Lucifer effect. Why good people turn into villains / transl. from English. 5th ed. M., 2018 (Digiteca. Vsenuka). P. 12 (in Russ.).
6. Zinoviev A.A. Global Humanist. M., 2000 (in Russ.).

7. *Kochetova M.* Poverty and poverty save the planet from overheating [Electronic resource]. — Access mode: URL: <https://www.vedomosti.ru/ecology/climate/articles/2022/02/18/909986-nischeta-i-bednost-spasayut-planetu-ot-peregrevu> (accessed: 01.03.2023) (in Russ.).
8. *Mikhailov I.A.* Philosophy of life // Philosophical Encyclopedia. M., 2004. Vol. 4. P. 210, 211 (in Russ.).
9. *More T.* Utopia / transl. from lat. Yu.M. Kagan; intro. art. I.N. Osinovsky; comment. Yu.M. Kagan and I.N. Osinovsky. M., 1978 (in Russ.).
10. Precariat: the formation of a new class / ed. by Zh. T. Toshchenko. M., 2020. P. 11 (in Russ.).
11. *Proshina E.* An Afghan woman sold her grandchildren for food [Electronic resource]. — Access mode: URL: <https://news.rambler.ru/world/47462861-afganskaya-zhen-schina-prodala-vnukov-radi-edy/> (accessed: 27.12.2022) (in Russ.).
12. *Turner P.R.* How to solve world hunger [Electronic resource]. — Access mode: URL: <https://ffl.org/ru/14869/can-we-end-world-hunger/> (accessed: 25.02.2023) (in Russ.).
13. *Toshchenko Zh. T.* Sociology of life // Social research. 2015. No. 1. P. 114 (in Russ.).
14. *Shakespeare U.* As you like it / transl. T. Shchepkina-Kupernik // Shakespeare U. Full collected works: in 8 vols. M., 1959. Vol. 5 (in Russ.).
15. *Garofalo R.* Criminologia. Napoli, 1885.

Сведения об авторах

РАГИМОВ Ильгам Мамедгасанович —
иностранный член
Российской академии наук,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Азербайджанской
Республики, Президент Ассоциации юристов
стран Черноморско-Каспийского региона;
Азербайджанская Республика, г. Баку

АЛИКПЕРОВ Ханлар Джафарович —
доктор юридических наук, профессор,
директор Центра правовых исследований;
Азербайджанская Республика, г. Баку

Authors' information

RAGIMOV Ilgam M. —
Foreign Member
of the Russian Academy of Sciences,
Doctor of Law, Professor,
Honored Lawyer of the Azerbaijan Republic,
President of the Association of Lawyers of the Black
Sea-Caspian Region; Baku, Azerbaijan Republic

ALIKPEROV Khanlar J. —
Doctor of Law, Professor,
Director of the Center for Legal Research;
Baku, Azerbaijan Republic

УПРОЩЕННЫЙ ПОРЯДОК ПРИЕМА В ГРАЖДАНСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

© 2023 г. Ю. Л. Шульженко

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: constitution@igpran.ru

Поступила в редакцию 20.02.2023 г.

Аннотация. Статья посвящена анализу упрощенного порядка приема в гражданство России. Его применение на практике, объем теснейшим образом связаны с конкретными социально-экономическими условиями и спецификой различных ее периодов. До 1917 г. использование упрощенного порядка приобретения российского подданства основывалось главным образом на экономическом факторе — привлечение в страну высококвалифицированных иностранцев. В первые годы советской власти, кроме того, главнейшим стало возвращение на родину граждан, оказавшихся за ее пределами в результате распада Российской Империи, трех революций. Это одна из причин включения в Положения о гражданстве СССР 1924, 1930, 1931 гг. позиции об упрощенном порядке приема в советское гражданство. Закон о гражданстве СССР 1938 г. уже не содержал такого рода позиций. Лишь Федеральный закон о гражданстве Российской Федерации 2002 г. возвращается к упрощенному порядку приема в российское гражданство. Это связано в первую очередь с тем, что для решения громадных, наисложнейших задач, стоящих перед Россией, прежде всего в экономике, требуется большее количество населения. В дальнейшем в указанный акт вносится большое количество изменений, дополнений. Это свидетельство того, что данный институт должен в полной мере отражать современную деятельность, находиться в постоянном развитии, в поиске, закреплении новых, оптимальных решений. Особенно ярко это проявляется в наши дни в условиях нависшей над Россией огромной угрозы, направленной на уничтожение ее экономики, политического строя, всего русского. Использование упрощенного порядка принятия в российское гражданство в последнее время главным образом было связано с принятием, созданием в Российской Федерации новых субъектов, переездом в Россию вынужденных переселенцев. Принятый в апреле 2023 г. новый Федеральный закон о гражданстве Российской Федерации основывается на внесенных в 2020 г. поправках в Конституцию РФ, реальной практике миграционной политики в России. Он сократил число требований к лицам, принимаемым в гражданство Российской Федерации, его признания, расширил круг лиц на его упрощенное получение.

Ключевые слова: гражданство, гражданин, иностранец, лицо без гражданства, подданство, распад СССР, регистрация, русский язык, статус гражданина, упрощенный порядок.

Цитирование: Шульженко Ю.Л. Упрощенный порядок приема в гражданство Российской Федерации // Государство и право. 2023. № 7. С. 17–30.

DOI: 10.31857/S102694520026676-4

SIMPLIFIED PROCEDURE FOR ADMISSION TO CITIZENSHIP OF THE RUSSIAN FEDERATION

© 2023 Yu. L. Shulzhenko

Institute of the State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: constitution@igpran.ru

Received 20.02.2023

Abstract. The article is devoted to the analysis of the simplified procedure for admission to Russian citizenship. Its application in practice, its scope are closely connected with specific socio-economic conditions and the specifics of its different periods. Before 1917, the use of the simplified procedure for acquiring Russian citizenship was based mainly on an economic factor – attracting highly qualified foreigners to the country. In the first years of Soviet power, the most important factor was the return to the homeland of citizens, who had been outside as a result of the collapse of the Russian Empire and three revolutions. This is one of the reasons for the inclusion in the 1924, 1930, and 1931 Regulations on citizenship of a position on the simplified procedure for admission to Soviet citizenship. The 1938 Law on Citizenship of the USSR no longer contained such positions. Only the 2002 Federal Law on citizenship of the Russian Federation returns to the simplified procedure for admission to Russian citizenship. This was primarily due to the fact that more people were needed to address the enormous, highly complex challenges facing Russia, primarily in the economy. Subsequently, a large number of changes and additions were made to this act. This is a clear indication that this institution should fully reflect modern activities, is in constant development, in search, fixing new, optimal solutions. This is especially evident these days in the face of a huge threat looming over Russia aimed at the destruction of its economy, political system, everything Russian. The use of the simplified procedure for acquiring Russian citizenship in recent times was mainly associated with the adoption, establishment of new entities in the Russian Federation, relocation of forced migrants to Russia. The new Federal Law on citizenship of the Russian Federation adopted in April 2023 is based on the amendments made in 2020 to the Constitution of the Russian Federation of our country and the actual practice of migration policy in Russia. It reduced the number of requirements for persons admitted to Russian Federation citizenship, and expanded the range of persons eligible for its simplified acquisition.

Key words: citizenship, citizen, foreigner, stateless person, citizenship, dissolution of the USSR, registration, Russian language, citizen status, simplified procedure.

For citation: Shulzhenko, Yu. L. (2023). Simplified procedure for admission to citizenship of the Russian Federation // *Gosudarstvo i pravo*=State and Law, No. 7, pp. 17–30.

Упрощенный порядок приема в гражданство предусматривает ряд льгот, определенных послаблений по сравнению с общим. Термин «упрощенный порядок приема в гражданство» используется в официальных документах, особенно широко в научной, общественно-политической отечественной литературе. Что касается законодательного его признания, закрепления, то подходы, решения здесь были различны. Степень, объем использования на практике этой формы, процедуры, ее правового регулирования в нашей стране связан прежде всего с конкретной социально-экономической, политической ситуацией в тот или иной период, конкретными задачами. Немаловажен и тот факт, что сам этот порядок в той или иной форме фактически неоднократно в различные периоды отечественной истории подлежал правовому урегулированию, весьма часто и широко использовался на практике. Так, например, в Российской Империи в 1864 г. был принят Закон «О правилах относительно принятия и оставления иностранцами

русского подданства»¹, в соответствии с которым те иностранцы, которые состояли на государственной службе, имели право быть допущенными в любое время, без всяких сроков по решению их начальства к присяге на подданство. Такая конструкция уже тогда основывалась на соображениях экономического характера – привлечения в страну высококвалифицированных иностранцев.

Это неоднократно подчеркивали как дореволюционные отечественные, так и советские ученые-юристы. Например, еще в 40-х годах XX в. Д.А. Гайдуков отмечал, что «существование упрощенных процедур натурализации в XVIII в. и первой половине XIX в. объясняется стремлением русского правительства по соображениям, главным образом, экономического характера привлечь иностранные элементы в состав населения России»². Такая политика привлечения иностранцев в Россию характеризовалась

¹ См.: ПСЗРИ. Т. IX. СПб., 1899. Ст. 982.

² Гайдуков Д.А. Гражданство СССР. М., 1940. С. 9.

желательной и полезной, оправдавшей себя на практике. Реальные события 60–70-х годов XIX в. подтвердили правильность политики по привлечению иностранцев в нашу страну, на оживление ее промышленности путем привлечения в нее иностранного капитала. «Оживление действительно наступило в размерах, превысивших самые смелые ожидания того времени, и значительная роль, которая выпала в этом отношении на долю иностранного капитала, неоспорима», — писал известный дореволюционный русский юрист, ученый, политический деятель В.М. Гессен³.

Отметим, что вскоре обнаружилось отрицательное явление, выразившееся в колонизации русских западных окраин выходцами из Австрии, Германии. В качестве примера приводились следующие цифры. В губерниях Царства Польского, юго-западном крае к 1882 г. подавляющее большинство иностранцев-поселенцев уже перешли в русское подданство: «в Царстве Польском из 199.970 поселенцев — 131.940; в юго-западном крае из 93.108 поселенцев — 71.922»⁴. Предпринимается попытка выработки определенных мер по прекращению наплыва иностранцев-поселенцев на западных окраинах нашей страны. Важнейшим из них стало создание особой Комиссии во главе с товарищем министра фон Плеве. На нее возлагалась подготовка проекта правил, касавшихся принятия и оставления русского подданства. Он был разработан и представлен на рассмотрение в Государственный Совет в 1888 г., однако по непонятным причинам не имел законодательного утверждения. Важно иметь в виду то, что Комиссия еще раз подтвердила положительность, желательность, полезность притока иностранцев, особенно в экономических интересах. Но при этом особо подчеркивалось, что надо постоянно следить за тем, чтобы такой приток не привел к опасным для государства явлениям, последствиям, прежде всего экономического, социального, политического, военного характера, и в связи с этим сокращению размеров иностранной иммиграции, главным образом через затруднения доступа иностранцев к получению русского подданства. На наш взгляд, это следует учитывать постоянно.

В начале XX в. Россия перенесла фактически катастрофу глобального масштаба. Основными причинами этого стали социально-экономические кризисы, поражения в русско-японской войне, Первой мировой войне, три революции, Гражданская война. Результат — распад могучей, огромной Российской Империи. Для всестороннего, всеобъемлющего восстановления уже советской, социалистической страны необходимо было решить огромнейшие, наисложнейшие задачи. Одной из них и являлось

возвращение всех российских подданных на родину, привлечение всех тех, кто честно будет способствовать ее процветанию, и в первую очередь росту ее экономического потенциала. Именно этому, в частности, должен был служить упрощенный порядок приема в российское гражданство.

Первой ласточкой стал Декрет ВЦИК 1918 г. «О приобретении прав российского гражданства»⁵. Следует отметить, что он устанавливал исключительно лишь общий порядок приема в гражданство. Но обращает на себя внимание сам порядок приема, носивший во многом упрощенный характер. Любой иностранец, который проживал в РСФСР, имел право приобретения российского гражданства. Он должен был представить заявление об этом в соответствующий Совет рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов. Указывался его род занятий, сведения о судебном преследовании. Личность заявителя в случае отсутствия других средств к ее установлению подтверждалась свидетельством полноправных граждан РСФСР. Временные правила 1918 г. «О порядке выхода из российского гражданства лиц, проживающих на территории Российской Республики и желающих вступить в украинское подданство, и о регистрации российских граждан, проживающих на территории Украины»⁶ узаконили процедуру получения гражданства «Российской Республики для бывших подданных Российской Империи, которые проживали на Украине и выразили желание приобрести гражданство Российской Республики», получившую название «регистрация». Но она была весьма и весьма сложной. Предусматривался упрощенный порядок приема в гражданство Положением о союзном гражданстве 1924 г.⁷ Это относилось к иностранным гражданам, проживающим в СССР для трудовой занятости, относящимся к рабочему классу, не использующему чужой труд крестьянству, при преследовании их за общественную деятельность и в связи с этим ищущим убежище. Заметим, что наряду с экономическим подходом четко прослеживается и классовый подход.

Упрощенный порядок приема в гражданство предусмотрен и в Положении о гражданстве СССР 1930 г.⁸ Данный порядок применялся в аналогичном случае, который был предусмотрен Положением о союзном гражданстве 1924 г., а также при перемене гражданства при вступлении в брак. Положение о гражданстве СССР 1931 г.⁹ пошло по пути сохранения в основном всех этих вышеуказанных Положений. В научной литературе выделяется ряд отличий

⁵ См.: СУ 1918. № 31, ст. 405.

⁶ См.: СУ 1918. № 31, ст. 405; 61–100. Отд. 1, ст. 736, 836–838.

⁷ См.: СЗ СССР. 1924. № 23, ст. 201.

⁸ См.: СЗ СССР. 1930. № 34, ст. 367.

⁹ См.: СЗ СССР. 1931. № 24, ст. 196.

³ См.: Гессен В.М. Подданство, его установление и прекращение. СПб., 1909. С. 389.

⁴ Там же.

упрощенной процедуры приема в гражданство рассмотренного периода от аналогичных процедур, которые использовались в России в 90-х годах XX в.: этническое воссоединение лиц, относящихся к коренным народам России, оказавшихся в результате распада Российской Империи вне пределов своих исторических территорий и выступающих за восстановление, сохранение связей, государственного единства с близкими, родственными им этносами; упрощенная процедура приема в гражданство нашей страны в раннем советском законодательстве «была направлена также на решение идеологической задачи: сплочение трудящихся всех стран во имя достижения общих классовых целей — строительства бесклассового коммунистического общества трудящихся»¹⁰.

Закон о гражданстве СССР 1938 г.¹¹ уже не содержал позиций об упрощенном порядке приема в гражданство нашей страны. Однако обратим внимание на ряд указов Президиума Верховного Совета СССР, принятых в дальнейшем¹². Они ярко свидетельствуют о практическом восстановлении такого порядка. Причина появления данных актов, как отмечается в научной литературе, «была обусловлена расширением территории СССР, вхождением в состав СССР новых союзных республик, многочисленными просьбами о приеме в гражданство СССР проживающих за границей подданных бывшей Российской империи»¹³.

Не предусматривался и упрощенный порядок приема в гражданство СССР Законом о гражданстве СССР 1978 г.¹⁴, где говорилось исключительно об общем порядке приема в гражданство Советского Союза. Определенные изменения начинают происходить во второй половине 80–90-х годов. Наметившиеся в годы перестройки изменения взаимоотношений между государством и личностью, гражданином, отход от советской модели гражданства, поиск нестандартных решений в данной области нашли свое определенное выражение в Законе о гражданстве СССР, принятом в 1990 г.¹⁵ Закон, с одной стороны,

обладал свойствами, заимствованными из прежнего законодательства, а с другой — содержал ряд новшеств. В целом закрепленные основания, условия, принципы получения гражданства Советского Союза за незначительными исключениями фактически полностью повторили Закон СССР 1978 г. Не был также предусмотрен и упрощенный порядок приема в гражданство СССР.

Ситуация изменилась в конце прошлого века. Она связана с трагическими событиями. В результате той самой т.н. перестройки, проводившихся главным образом антисоциалистических, антисоветских, антинародных реформ происходит распад великого, могучего государства — Советского Союза. Один из трагических результатов этого — многие наши граждане оказались за пределами своей Родины — России. Были разорваны многие этнические, национальные, семейные связи. Мировая практика не знала аналогии такого масштабного бедствия. Надо было срочно все эти катастрофические последствия ликвидировать. Прежде всего укажем на то, что с новой силой зазвучало слово «соотечественник». В связи с этим в первую очередь на повестку дня встал вопрос законодательного урегулирования его статуса. Заметим, что в международном праве отсутствуют специальные акты такого рода. Напротив, в России принимается достаточно большое количество нормативных актов по данной проблематике¹⁶. В них содержится ряд важных положений, относящихся к анализируемому нами вопросам.

В ноябре 1991 г. принимается первый в истории России, входившей тогда в состав Советского Союза, Закон о гражданстве РСФСР¹⁷. Необходимость принятия указанного акта инициировалась фактически Законом о гражданстве СССР 1990 г., который предоставил право союзным и автономным республикам принимать свои собственные законы о гражданстве. Существенное влияние оказали активизация весной 1991 г. процесса распада СССР, неудавшийся августовский переворот, срыв, неподписание нового Союзного договора. Закон о гражданстве РСФСР 1991 г. в значительной мере был во многом аналогичен Закону о гражданстве СССР 1990 г. Вместе с тем он по ряду радикальных, демократических позиций существенно превзошел последний.

Начинается и процесс возвращения упрощенного порядка приема в гражданство России. В Законе

¹⁰ Овсепян Ж. И. Гражданство в России (общетеоретическое, историческое и конституционно-правовое исследование). Ростов н/Д., 2008. С. 212, 213.

¹¹ См.: Ведомости ВС СССР. 1938. № 11.

¹² Например, указы Президиума Верховного Совета СССР: «О приобретении гражданства СССР жителями западных областей Украинской и Белорусской Советских Социалистических Республик» (1939 г.); «О порядке приобретения гражданства СССР лицами русского происхождения, прибывшими в СССР из Болгарии» (1947 г.); «О порядке приобретения гражданства СССР лицами русской национальности, возвратившимися из Турции в Советский Союз» (1957 г.).

¹³ Кутафин О. Е. Российское гражданство. М., 2003. С. 258.

¹⁴ См.: Ведомости ВС СССР. 1978. № 49, ст. 816.

¹⁵ См.: Ведомости ВС СССР. 1990. № 23, ст. 435.

¹⁶ Например, Указ Президента РФ «О мерах по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом» (2006 г.); постановление Правительства РФ «О внесении изменений в правила выплаты компенсации транспортных расходов участников государственной Программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом» (2008 г.).

¹⁷ См.: Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1992. № 6, ст. 243.

о гражданстве РСФСР 1991 г. данному вопросу посвящена достаточно объемная ст. 18. Но при всем этом сам термин «упрощенный порядок» еще не используется. В Законе такой порядок определен как «приобретение гражданства в порядке регистрации». В научной литературе отмечается, что это «можно оценить как стремление к максимальной либерализации порядка приобретения российского гражданства; это было оправдано, если учесть обстановку в стране времени принятия этого Закона — распад СССР, официально подтвержденный 8 декабря 1991 г., и нависшую угрозу распада России»¹⁸. Такая процедура была весьма своевременной. Она во многом носила прогрессивный, пророческий характер, предвидения того, что у многих в реальности возникнут большие сложности с гражданством, и прежде всего с гражданством России.

Своеобразие, установленное в Законе РФ 1991 г. по приобретению гражданства Российской Федерации путем регистрации, состоит в том, что при наличии определенных условий с этим вопросом обращаются не к Президенту РФ, а в местный орган внутренних дел при проживании человека в России; в дипломатические, консульские учреждения — если человек проживает за рубежом или не проживает в Российской Федерации. Данные органы и решают вопрос по существу. Таким установлением могли воспользоваться: 1) лица, у которых супруг или родственник по прямой восходящей линии является гражданином России; 2) лица, на момент рождения которых хотя бы один из родителей был гражданином Российской Федерации, и которые приобрели иное гражданство по рождению в течение пяти лет до достижения 18-летнего возраста; 3) дети тех, кто были гражданами Российской Федерации, появившиеся на свет после прекращения гражданства у родителей в течение пяти лет до достижения 18-летнего возраста; 4) граждане СССР, которые проживают на территории иных республик, входивших в состав прежнего СССР по состоянию на 1 сентября 1991 г., в том случае, если они не являются гражданами данных республик, а также в трехлетний промежуток времени — с 6 февраля 1992 г. по 6 февраля 1995 г., выразили желание о приобретении гражданства РСФСР; 5) лица без гражданства, которые на день вступления в силу Закона РФ 1991 г. постоянно проживали на территории России, иных республик, в прошлом входивших в состав СССР, по состоянию на 1 сентября 1991 г., в ситуации, когда в течение одного года после вступления в силу Закона выразили желание приобрести гражданство Российской Федерации; 6) иностранные граждане, лица без гражданства независимо от места проживания, при условии, что они или один из родственников по прямой восходящей линии были в российском гражданстве

или подданстве по рождению, а также сделавшие заявление о желании приобретения гражданства Российской Федерации в течение одного года с момента приобретения законной силы названного акта.

Быстроизменяющаяся ситуация, реальная практика требовали постоянного внимания, уточнения, коррекции указанных положений. Уже в 1993 г., исходя из того факта, что бывшие союзные республики стали независимыми государствами, а процесс миграции в Россию приобрел массовый характер, в п. «г» ст. 18 Закона РФ 1991 г.¹⁹ вносится изменение о том, что правом на приобретение гражданства в порядке регистрации пользуются граждане бывшего СССР, которые проживают в государствах, входивших ранее в состав прежнего Советского Союза, а также те, кто прибыл в Российскую Федерацию после 6 февраля 1992 г. Убирается и позиция — «если они не являются гражданами этих республик». Результат — число лиц, претендующих на получение гражданства Российской Федерации, в данном порядке стало очень большим. В связи с этим новая редакция 1993 г. Положения о порядке рассмотрения вопросов гражданства Российской Федерации вносит коррекцию, в соответствии с которой термин «граждане бывшего СССР», содержащийся в п. «г» ст. 18 Закона РФ 1991 г., относится к лицам, которые не являются гражданами государств, прежде входивших в состав СССР. По истечении срока действия данного пункта эти лица в Российской Федерации становятся лицами без гражданства. Говорится здесь и о беженцах. Граждане бывшего Советского Союза, имеющие такой статус, имеют право получить гражданство России на основании п. «г» ст. 18 Закона РФ 1991 г. в том случае, когда установлено их место жительства в определенном в этом Законе порядке в Российской Федерации. В 1995 г. продлевается до 31 декабря 2000 г. установленный п. «г» ст. 18 Закона РФ 1991 г. первоначальный трехлетний срок. Становится неактуальным после 6 февраля 1993 г. и п. «е» ст. 18 Закона РФ 1991 г.²⁰

Возник и ряд вопросов в связи с соотношением, практическим применением приобретения гражданства Российской Федерации в порядке регистрации и его признания. Ответ здесь был дан в Постановлении Конституционного Суда РФ от 16 мая 1996 г. в связи с жалобой о проверке конституционности п. «г» ст. 18 Закона о гражданстве РФ 1991 г.²¹ Указано, что если лицо имело в прошлом гражданство Российской Федерации по рождению, то оно сохраняет его также после распада СССР до того момента, пока не будет собственного его волеизъявления. Факт проживания за рубежом не является

¹⁹ См. позицию 4 предыдущего абзаца.

²⁰ См. позицию 6 предыдущего абзаца.

²¹ См.: СЗ РФ. 1996. № 21, ст. 2579.

¹⁸ Овсепян Ж. И. Указ. соч. С. 289.

основанием прекращения гражданства Российской Федерации. Когда гражданин возвращается в Российскую Федерацию — должна использоваться уведомительная регистрация. Она имеет исключительно учетный характер и этим отличается от регистрации в качестве способа приобретения гражданства.

Вопросы гражданства, упрощенного порядка, упрощенных процедур приема в российское гражданство затрагивались и в иных актах данного периода, и в первую очередь касающихся соотечественников. Так, в Федеральном законе «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом» (1999 г.)²² указывалось на то, что Российская Федерация обязывается оказывать содействие соотечественникам — лицам, состоявшим в гражданстве СССР, в праве на гражданство, свободы его выбора; соотечественникам Российской Федерации, которые по различным причинам утратили российское гражданство или подданство, предоставлялось право на упрощенную процедуру их приема в российское гражданство (признание в российском гражданстве).

Следующим шагом стал Федеральный закон о гражданстве Российской Федерации 2002 г.²³ Принятие данного акта было обусловлено тем, что прежний Закон о гражданстве РСФСР 1991 г. был связан с переходным периодом становления отечественной государственности и не учитывал специфику последующего развития нашей страны, ее правовой системы; не было полного согласования отдельных положений Закона 1991 г. с Конституцией РФ 1993 г.; Закон 1991 г. имел расхождения с рядом международных правовых актов²⁴. Особо отметим следующее: Федеральный закон о гражданстве Российской Федерации 2002 г. основывался на том, что российское гражданство стало наиболее привлекательным в силу того, что темпы социально-экономического роста Российской Федерации были выше, чем в других бывших республиках Советского Союза; в связи с этим произошло увеличение миграции в нашу страну. Все это, в свою очередь, потребовало изменений, новых подходов, решений в целях обеспечения главным образом экономической, социальной, политической и иной безопасности, упорядочения в данной сфере нового законодательства о гражданстве России. Принятые решения первоначально характеризовались как значительное усложнение общего порядка приема в гражданство Российской Федерации, а что касается упрощенного порядка — то сокращения его сферы. Результат такого подхода выразился в первую очередь в отказе от такого способа

приобретения российского гражданства, как регистрация. Отметим и то, что термин «упрощенный порядок приема в гражданство Российской Федерации» был закреплен в Федеральном законе о гражданстве Российской Федерации 2002 г. (ст. 14).

В дальнейшем ситуация начинает существенно меняться, корректироваться. Реальная действительность начала нынешнего века свидетельствовала о том, что такому громадному во всех отношениях государству, как Россия, для решения грандиозных, наисложнейших задач практически во всех областях требуется намного большее количество населения. Фактическое положение с его ростом в силу различного рода факторов было и остается в нашей стране весьма сложным и проблематичным. Начало проявляться, набирать силу и недоброжелательное, подчас враждебное отношение к русским, русскоязычному населению в ряде государств — бывших республиках СССР. Отсюда, естественно, с нашей стороны предпринимались определенные меры по привлечению этих категорий граждан, а также иностранцев и лиц без гражданства в Россию. Одни из таковых состоят в смягчении процедуры приобретения гражданства Российской Федерации для отдельных категорий граждан бывшего СССР. В анализируемом нами упрощенном порядке приема в гражданство Российской Федерации это — расширение процедур, льгот, упрощенностей, общее смягчение, расширение круга лиц льготников в данной области.

В дальнейшем это нашло выражение в большом количестве актов, которые внесли значительный массив дополнений, изменений в Федеральный закон о гражданстве Российской Федерации 2002 г. При этом многие из них касались именно упрощенного порядка приема в гражданство Российской Федерации. Такое явление, в частности, — яркий показатель наибольшей подвижности данного института, свидетельство того, что правовое регулирование его осуществляется на практике постоянно, законодательство по данному вопросу совершенствуется, обновляется с учетом социально-экономической, политической ситуации в стране, международного положения. Указанный Закон в ст. 3 прежде всего данное понятие определил как «порядок рассмотрения вопросов гражданства и принятия решения по вопросам гражданства Российской Федерации в отношении лиц, на которых распространяются льготные условия, предусмотренные настоящим Федеральным законом». Право на приобретение российского гражданства таким путем не требовало обязательности проживания на территории Российской Федерации. Оно распространялось на иностранцев, лиц без гражданства.

Упрощенный порядок приема в гражданство Российской Федерации на льготных условиях нашел свое выражение в первую очередь в снятии установленных

²² См.: СЗ РФ. 1999. № 22, ст. 2670.

²³ См.: СЗ РФ. 2002. № 22, ст. 2031.

²⁴ См.: Шульженко Ю.Л. Комментарий статьи 6 Конституции РФ // Конституция Российской Федерации: науч.-практ. комм. 3-е изд. М., 2003. С. 143.

обязательных сроков проживания в стране, а также всех или подавляющего большинства условий, касающихся получения гражданства России в общем порядке. Он касался главным образом граждан бывшего Советского Союза, не получивших гражданства государств, ранее входивших в состав СССР, а также иностранцев, лиц без гражданства. Развитие законодательных положений приема в гражданство Российской Федерации в такой форме после 2002 г. шло, как отмечалось ранее, в частности, по пути расширения процедур в данной области. В связи с этим укажем, что первоначально Федеральный закон о гражданстве Российской Федерации 2002 г. установил лишь две разновидности таких процедур: во-первых, прием в российское гражданство в такой форме не требовал предоставления вида на жительство, постоянного проживания в России определенный промежуток времени до момента обращения о приеме в ее гражданство, как отмечалось выше; во-вторых, исключались все цензы, предусмотренные общим порядком приема в гражданство.

В дальнейшем российский Закон идет по пути достаточно четкого установления круга лиц, которые имеют право приобретения гражданства Российской Федерации в упрощенном порядке. Для наиболее всестороннего, углубленного анализа данной проблематики наиболее удачным, по нашему мнению, является использование классификации, основывающейся на тех льготах, которые предоставляются в этой сфере указанным лицам. К первой группе относились те, кому можно было не соблюдать такое условие, как пятилетний срок непрерывного проживания на территории России со дня получения вида на жительство и до того дня, когда имеет место обращение с заявлением о приеме в гражданство Российской Федерации. Предусматривались здесь и определенные исключения: пятилетний срок сокращается до одного года в ситуации, при которой имеет место одно из следующих оснований — высокие достижения у человека в науке, технике, культуре, наличие профессии, квалификации, интересной для России; предоставление лицу политического убежища в Российской Федерации; в соответствии с Федеральным законом придание лицу статуса беженца. В ноябре 2003 г. Федеральным законом вносится уточнение, согласно которому срок проживания на территории Российской Федерации определяется непрерывным в том случае, когда человек выезжал за пределы Российской Федерации на срок не более трех месяцев в год. Сроком проживания в Российской Федерации лицам, прибывшим в нашу страну до 1 июля 2002 г. и при этом имеющим вид на жительство, является день регистрации по месту жительства. Помимо этого имеется законный источник средств для существования.

К данной группе в первую очередь отнесены лица без гражданства при достижении ими 18-летнего

возраста, дееспособные, в том случае, если имели гражданство СССР, жили или живут в тех государствах, которые ранее входили в состав СССР, и не имеют гражданства данных государств. К этой же категории относятся иностранные граждане, лица без гражданства, которые постоянно проживают на территории нашей страны при наличии следующих оснований: 1) имеют факт рождения на территории РСФСР, имели гражданство СССР в прошлом; 2) с гражданином Российской Федерации, проживающим на территории Российской Федерации, имеют брак не менее трех лет. Положение о том, что гражданин Российской Федерации должен проживать на территории Российской Федерации, было включено в апреле 2020 г.; 3) имеют дееспособных сына или дочь — граждан Российской Федерации, достигших 18 лет. Примером расширения круга лиц по приобретению в упрощенном порядке гражданства Российской Федерации служит здесь тот факт, что ранее установленным в п. 3 правом могли пользоваться исключительно нетрудоспособные иностранцы, лица без гражданства. Федеральным законом от 13 июля 2020 г. термин «нетрудоспособные» был исключен; 4) наличие ребенка — гражданина Российской Федерации, в ситуации, когда другой родитель — гражданин Российской Федерации данного ребенка умер или на основе решения суда, которое вступило в законную силу, определен безвестно отсутствующим, недееспособным, ограниченным в дееспособности, лишен родительских прав, ограничен в родительских правах; 5) наличие сына, дочери, достигших 18-летнего возраста, — граждан Российской Федерации, которые решением суда, вступившим в законную силу, определены недееспособными или ограниченно дееспособными, когда другой родитель — гражданин Российской Федерации данных граждан Российской Федерации умер, когда признан вступившим в законную силу решением суда безвестно отсутствующим, недееспособным, ограниченно дееспособным, когда лишен родительских прав, ограничен в таких правах. Положения, указанные в п. 4, 5, введены Федеральным законом от 28 июня 2009 г., носят ярко выраженный гуманистический характер и направлены на то, чтобы второй родитель, а также тот, на кого ложится реальная забота о недееспособных, ограниченно дееспособных его детей, мог упрощенно получить гражданство нашего государства.

Ряд позиций, введенных Федеральным законом от 23 июня 2016 г., были направлены на обеспечение в первую очередь экономических интересов Российской Федерации, привлечения в страну высокообразованных, высокопрофессиональных людей. Имеются в виду следующие основания упрощенного приема в российское гражданство: 6) после 1 июля 2002 г. получение по образовательным программам среднего, профессионального образования, программам бакалавриата, программам специалитета, программам

магистратуры, программам ординатуры, программам аспирантуры-стажировки, имеющим государственную аккредитацию, или по программам подготовки научных, научно-педагогических кадров в аспирантуре (адъюнктуре) в образовательных, научных организациях Российской Федерации и ведут в ней в целом не менее одного года до дня обращения с заявлением о приеме в гражданство Российской Федерации трудовую деятельность. За таких иностранцев, лиц без гражданства работодатель обязан в определенный период начислить страховые взносы в Пенсионный фонд РФ. И здесь мы видим пример расширения круга лиц по приобретению российского гражданства в упрощенном порядке. Сюда следует отнести и Федеральный закон от 24 апреля 2020 г., которым ранее предусмотренный обязательный срок не менее трех лет трудовой деятельности в Российской Федерации был сокращен до не менее одного года. Отметим и то, что в ноябре 2020 г. был уточнен, раскрыт, конкретизирован, расширен круг программ, которые являются здесь основанием для получения гражданства Российской Федерации в упрощенной форме. Ранее Федеральный закон о гражданстве Российской Федерации 2002 г. имел формулу общего плана «по основным профессиональным образовательным программам, имеющим государственную аккредитацию»; 7) индивидуальные предприниматели, занимающиеся предпринимательской деятельностью в определенных ее Правительством РФ видах экономической деятельности, постоянно в течение не менее трех лет до года обращения с заявлением о приеме в гражданство России. В указанный период сумма уплаченных данными лицами в каждом календарном году в соответствии с российским законодательством налогов, сборов, за рядом определенных исключений, страховых взносов в Пенсионный фонд РФ должна составлять не менее 1 млн руб.

Огромное значение для нашей страны имеет и инвестиционная политика. В связи с этим было установлено основание для упрощенного приема в гражданство Российской Федерации следующего содержания: 8) инвесторы, доля вклада которых в уставный капитал юридического лица России, действующего на ее территории в определенных Правительством РФ видах экономической деятельности, составляет не менее 10% непрерывно в течение не менее трех лет до года обращения с заявлением о приеме в гражданство Российской Федерации. Уставный капитал данного юридического лица должен быть не менее 100 млн руб. В определенный период сумма уплаченных таким лицом налогов, сборов в соответствии с российским законодательством, за рядом исключений, страховых взносов в Пенсионный фонд РФ равна не менее 6 млн руб.; 9) лица, которые осуществляют не менее одного года до дня обращения с заявлением о приеме в гражданство Российской Федерации трудовую деятельность в нашей

стране по профессии, специальности, должности, установленным соответствующим перечнем для иностранцев, лиц без гражданства — квалифицированных специалистов, которым предоставлено право на упрощенный прием в гражданство Российской Федерации. Этот перечень утверждается соответствующим федеральным органом исполнительной власти. В указанный период работодатель должен начислить таким иностранным гражданам, лицам без гражданства страховые взносы в Пенсионный фонд РФ.

Федеральный закон от 24 апреля 2020 г. определил еще ряд категорий лиц, относящихся к рассматриваемой нами первой группе. Это прежде всего те, у кого хотя бы один родитель, имеющий гражданство Российской Федерации, проживает на территории Российской Федерации; граждане Республики Беларусь, Республики Казахстан, Республики Молдова, Украины. На тех же основаниях упрощенный порядок приема в гражданство Российской Федерации действует в отношении иностранцев, лиц без гражданства, временно или постоянно проживающих в Российской Федерации, если они состоят в браке с гражданином Российской Федерации, который проживает на территории Российской Федерации, и имеют в таком браке общих детей; иностранных граждан, лиц без гражданства, которые постоянно проживают на территории Российской Федерации и признанных носителями русского языка. Такое признание осуществляется в соответствии со ст. 33 (1) Федерального закона о гражданстве Российской Федерации 2002 г.

Вторая группа для упрощенного порядка получения гражданства Российской Федерации не требовала соблюдения условия пятилетнего постоянного проживания в России, предоставления вида на жительство. Первоначально такая льгота распространялась на нетрудоспособных иностранных граждан, лиц без гражданства, которые прибыли в нашу страну из тех государств, которые ранее входили в состав Советского Союза, имеющих регистрацию по месту жительства в России по состоянию на 1 июля 2002 г. С сентября 2022 г. на основании изменений, внесенных в Федеральный закон о гражданстве Российской Федерации 2002 г., эта группа была расширена²⁵. К ней были отнесены граждане иностранных государств, которые заключили контракт о прохождении службы в Вооруженных силах РФ, других войсках, воинских формированиях на срок не менее одного года.

Третью группу составляли те, кому предоставлялось право на получение российского гражданства без соблюдения условий, к которым относилось наличие пятилетнего срока постоянного проживания в Российской Федерации, наличие законного источника к существованию, владение русским языком на

²⁵ См.: СЗ РФ. 2022. № 39, ст. 6540.

определенном уровне. Данную категорию составляют иностранные граждане, лица без гражданства, ранее имевшие гражданство СССР, имеют регистрацию по месту жительства в Российской Федерации по состоянию на 1 июля 2002 г. или обладают разрешением на временное проживание в нашей стране либо видом на жительство. При этом они должны заявить до 1 июля 2009 г. свое желание о приобретении российского гражданства.

Россия всегда будет помнить тех, кто защитил ее в годы Великой Отечественной войны. Одним из показателей уважения, постоянной заботы являлось предоставление ее ветеранам, имевшим гражданство бывшего Советского Союза и проживающим на территории России, значительных льгот при упрощенном порядке приема в гражданство Российской Федерации — без соблюдения следующих условий: пятилетнего срока постоянного проживания в России, наличия законного источника средств к существованию, владения русским языком на определенном уровне, без предоставления вида на жительство.

Такой упрощенный порядок получения российского гражданства распространялся и на иностранцев, лиц без гражданства, которые являются участниками особой Государственной программы, направленной на оказание содействия в деле добровольного переселения в нашу страну соотечественников, членов их семей, проживающих за рубежом и получивших разрешение на временное проживание в России или вид на жительство. Обязательным условием являлось наличие регистрации по месту жительства в субъекте Российской Федерации, который выбран ими в целях постоянного проживания на основе указанной Государственной программы, состоять на учете по месту пребывания в указанном субъекте Российской Федерации.

Обратим внимание на важную роль Президента РФ в анализируемой нами сфере. Здесь он был наделен особыми полномочиями. Согласно ч. 8 ст. 14 Федерального закона о гражданстве Российской Федерации 2002 г. иностранному гражданину, лицу без гражданства предоставлено право представить заявление о приеме в упрощенном порядке в гражданство Российской Федерации без соблюдения следующих условий: наличия пятилетнего срока постоянного проживания в России, наличия законного источника средств к существованию, владения русским языком на определенном уровне. Это было возможно лишь при условии, что указанные граждане, лица отнесены к категории иностранных граждан, лиц без гражданства Президентом РФ. Это он осуществлял в соответствии с ч. 1 (1) ст. 29 указанного Закона, особо подчеркнем, закрепленное в ней положение о том, что данные категории определяются «в гуманитарных целях».

Духом гуманизма пронизаны законодательные положения о тех, кто может обратиться о приеме в упрощенном порядке в российское гражданство без соблюдения условий, которые определены в ч. 1 ст. 13 Федерального закона о гражданстве Российской Федерации, ребенка, недееспособного лица, которые являются иностранными гражданами, лицами без гражданства. Это один из родителей ребенка — гражданин Российской Федерации, в случае предоставления согласия другого родителя на получение ребенком российского гражданства (если ребенок проживает на территории Российской Федерации, согласия не нужно); единственный родитель ребенка — гражданин Российской Федерации; опекун, попечитель ребенка, опекун недееспособного лица — гражданин Российской Федерации, за исключением случаев, предусмотренных ч. 1 ст. 12, ч. 1 ст. 13 Федерального закона об опеке и попечительстве 2008 г.; руководитель российской организации для детей сирот, детей, оставшихся без попечения родителей, в которую под надзор направлен ребенок, за исключением случаев, определенных ст. 155 (1) Семейного кодекса РФ; руководитель образовательной, медицинской организации, оказывающей социальные услуги организации, иной российской организации, куда направлено недееспособное лицо под надзор, за исключением случаев, определенных ч. 4 ст. 11 Федерального закона об опеке и попечительстве.

Сложные, актуальные вопросы в сфере упрощенного порядка приема в гражданство Российской Федерации возникли в последние годы в связи с трагическими событиями в Донецкой, Луганской областях, вхождением Крыма в состав России, специальной военной операцией на Украине. В целом отечественное законодательство достаточно четко, своевременно реагировало на это, принимая соответствующие решения. В данной области особо важное значение имеют два апрельских 2019 г. Указа Президента РФ. Они касаются категории лиц, которые имеют право обращения с заявлением о приеме в гражданство Российской Федерации в упрощенном порядке. Главная цель актов — на основе общепризнанных принципов и норм международного права защита прав и свобод человека, гражданина. Прежде всего данные Указы конкретизировали, развили, уточнили соответствующие положения Федерального закона о гражданстве Российской Федерации 2002 г. Важно отметить и то, что они шли по пути расширения круга тех, кто может получить российское гражданство в упрощенном порядке, облегчения и самой его процедуры. Первый из Указов от 24 апреля 2019 г. № 183²⁶ касается лиц, постоянно проживавших на территории Донецкой, Луганской областей Украины. Весьма своевременным, гуманным стало предоставление им права обращения с заявлением о приеме

²⁶ См.: СЗ РФ. 2019. № 17, ст. 2071.

в гражданство Российской Федерации в упрощенном порядке. Немаловажен и тот факт, что достаточно четко закреплялся сам его процесс.

Указ Президента РФ от 29 апреля 2019 г. № 187²⁷ связан прежде всего с Крымом, г. Севастополем, их вхождением в состав России. Правом обращения с заявлением о приеме в упрощенном порядке в гражданство Российской Федерации наделяются граждане Украины, которые не имеют гражданства иного государства, родились и ранее постоянно проживали в Республике Крым, г. Севастополе, выехали с этих указанных территорий до 18 марта 2014 г., это распространяется также на их детей, включая усыновленных, супругов, родителей; лиц без гражданства, которые родились, постоянно проживали в Республике Крым, г. Севастополе, выехавшие из указанных территорий до 18 марта 2014 г., их детей, включая усыновленных, супругов, родителей; граждане Украины, лица без гражданства, которые имеют разрешение на временное проживание в Российской Федерации, вид на жительство в Российской Федерации, удостоверение беженца, свидетельство о предоставлении временного убежища на территории Российской Федерации, свидетельство участника Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих в зарубежье, но постоянно проживавших в Донецкой, Луганской областях Украины по состоянию на 7 апреля 2014 г. и соответственно на 27 апреля 2014 г., их дети, включая усыновленных, супругов, родителей; иностранные граждане, лица без гражданства или их родственники по прямой восходящей линии, усыновители, супруги, подвергнутые незаконной депортации из Крымской АССР, их родственники по прямой нисходящей линии, усыновленные дети, супруги.

Правом обращения о получении российского гражданства в упрощенном порядке наделялись также граждане иных государств — Исламской Республики Афганистан, Республики Ирак, Йеменской Республики, Сирийской Арабской Республики, которые родились в РСФСР и состояли прежде в гражданстве СССР, их дети, включая усыновленных, супругов. Заявления о приеме в гражданство Российской Федерации гражданами Украины, иными иностранными гражданами, лицами без гражданства, указанными выше, подаются в территориальные органы МВД России по месту их жительства или месту пребывания на территории Российской Федерации. Срок рассмотрения заявлений об упрощенном порядке приема в гражданство Российской Федерации рассмотренной категории лиц и принятии по ним решений территориальными органами МВД России не должен превышать три месяца. Устанавливались и случаи, помимо тех, которые содержатся

в Федеральном законе о гражданстве Российской Федерации 2002 г., когда заявление о приеме в гражданство от лиц, указанных в данном акте, отклоняются. Например, участие данных лиц в деятельности организации, которая включена в перечень организаций, физических лиц, в отношении которых имеются сведения об их причастности к экстремистской деятельности, терроризму; при принятии межведомственным координационным органом, наделенным функцией противодействия финансовому терроризму, решения о замораживании или блокировании денежных средств, иного имущества гражданина Украины, иного иностранного гражданина, лица без гражданства. Все это направлено главным образом на обеспечение безопасности нашего государства.

В дальнейшем в вышеназванные Указы неоднократно вносились изменения²⁸. Так, в июле 2019 г. расширен круг лиц, имеющих право на получение российского гражданства в упрощенном порядке через предоставление его постоянно проживающим на всей территории Донецкой, Луганской областей, а не как это было ранее — «отдельных районов» данных областей. Такого же плана изменения марта 2020 г. Уточнялось, что право получения российского гражданства в упрощенном порядке имеют лица, которые постоянно проживают на территориях отдельных районов Донецкой, Луганской областей Украины, включая имевших гражданство Российской Федерации и оформивших из него выход в установленном порядке. Ранее говорилось в общем плане о лицах, постоянно проживающих в Донецкой, Луганской областях Украины.

Существенные изменения в анализируемые нами Указы, и прежде всего в направлении расширения круга лиц, имеющих право получить российское гражданство в упрощенном порядке, вносятся во время проведения специальной военной операции. В Россию переезжает огромное количество вынужденных переселенцев из Донецкой, Луганской народных республик, ряда территорий Украины. Многие из них хотели стать гражданами России. Сразу же особо подчеркнем, что безотлагательно принимаются значительные меры по обеспечению социальной поддержкой этих категорий граждан, лиц без гражданства²⁹.

В ходе специальной военной операции идет и процесс освобождения ряда иных территорий. Подавляющее большинство их жителей выражают желание получить российское гражданство. Ответ и здесь был дан незамедлительный. При этом основной формой становится упрощенный порядок. Указом

²⁷ См.: СЗ РФ. 2019. № 18, ст. 2226.

²⁸ См.: СЗ РФ. 2019. № 29, ст. 4007; 2020. № 13, ст. 1905; № 45, ст. 7094.

²⁹ См., напр.: Указ Президента РФ от 27.08.2022 г. № 586. URL: <http://publication.pravo.gov.ru>

Президента РФ от 4 мая 2022 г. № 255³⁰ прежняя позиция о том, что правом получения российского гражданства в упрощенном порядке пользуются «лица, постоянно проживающие на территориях отдельных районов Донецкой и Луганской областей Украины», заменяется словами «граждане Украины, Донецкой Народной Республики или Луганской Народной Республики, постоянно проживающие на территории Донецкой Народной Республики или Луганской Народной Республики». Прежде всего четко определен статус этих государственных образований как самостоятельных народных республик, а также расширен круг лиц, имеющих право получения гражданства Российской Федерации в упрощенном порядке, и в первую очередь из ДНР и ЛНР. В том же направлении идут и изменения, внесенные Указом Президента РФ от 25 мая 2022 г. № 304³¹. Установлено, что право на упрощенный порядок получения российского гражданства распространяется на лиц, постоянно проживающих на территории Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области Украины, Херсонской области Украины.

Духом гуманизма пронизан и Указ Президента РФ от 30 мая 2022 г. № 330³², наделивший правом на упрощенный порядок получения гражданства Российской Федерации детей-сирот, детей, оставшихся без попечения родителей, недееспособных лиц, которые являются гражданами ДНР, ЛНР или Украины. Четко определен круг лиц, которые могут обратиться с таким заявлением, перечень необходимых документов и др. Еще более широко трактуется круг лиц, имеющих право получить гражданство Российской Федерации в упрощенном порядке, в Указе Президента РФ от 11 июля 2022 г. № 440³³. Определено, что его могут приобрести фактически все граждане Украины, ДНР, ЛНР, лица без гражданства, которые постоянно проживают на территории данных республик или Украины, включая ранее имевших гражданство Российской Федерации и оформивших выход из него в установленном порядке.

Обратим внимание и на Указ Президента РФ от 30 сентября 2022 г. № 690³⁴, который уточнил, развил новые положения Федерального закона о гражданстве Российской Федерации 2002 г., внесенные в сентябре 2022 г., отмеченные нами ранее. В соответствии с данным Указом с заявлением о приеме в гражданство России в упрощенном порядке могут обратиться иностранные граждане, лица без гражданства, которые заключили контракт о прохождении воинской

службы в рядах Вооруженных Сил РФ, иных войсках, воинских формированиях на срок не менее одного года. При этом они должны принимать или принимали участие не менее шести месяцев в боевых действиях в их составе или принимали в них участие менее шести месяцев и получившие при этом увечье, ранение, травму, контузию, в результате которых они подлежат увольнению или уже уволены с военной службы по состоянию здоровья. Право на упрощенное получение гражданства Российской Федерации имеют также их супруги, дети, включая усыновленных, удочеренных, родители, при условии получения российского гражданства вышеперечисленными лицами.

Важнейшее значение для анализируемой нами проблематики имеют основанные на Конституции РФ Федеральные конституционные законы от 4 октября 2022 г. о принятии в Российскую Федерацию Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области, Херсонской области и образование в составе Российской Федерации соответствующих новых субъектов³⁵. Указанные акты вступают в силу с 5 октября 2022 г., с момента ратификации и вступления в силу Договоров между Российской Федерацией и Донецкой Народной Республикой, Луганской Народной Республикой, Запорожской и Херсонской областями о принятии их в состав Российской Федерации и образовании соответствующих новых субъектов Российской Федерации³⁶. Они, в частности, урегулировали и вопросы, связанные с приобретением гражданства Российской Федерации. Устанавливалось, что со дня принятия в Российскую Федерацию ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей и образования в составе Российской Федерации соответствующих новых субъектов граждане ДНР, ЛНР, Запорожской, Херсонской областей, граждане Украины, лица без гражданства, которые постоянно проживают на территории этих субъектов на данный день, признаются гражданами Российской Федерации. Исключением являются те лица, которые в течение одного месяца после данного дня заявили о том, что желают сохранить имеющиеся у них или их несовершеннолетних детей другое гражданство или остаться лицом без гражданства. В декабре 2022 г. принимаются два правовых акта о гражданстве Российской Федерации³⁷. Но они не касаются упрощенного порядка принятия в него.

В апреле 2023 г. принимается новый Федеральный закон «О гражданстве Российской Федерации»³⁸. Он вступает в силу по истечении 180 дней после его официального опубликования и учитывает те изменения,

³⁰ См.: СЗ РФ. 2022. № 19, ст. 3190.

³¹ См.: СЗ РФ. 2022. № 22, ст. 3636.

³² См.: СЗ РФ. 2022. № 23, ст. 3764.

³³ См.: СЗ РФ. 2022. № 29, ст. 5455.

³⁴ См.: СЗ РФ. 2022. № 40, ст. 6789.

³⁵ См.: СЗ РФ. 2022. № 41, ст. 6930–6933.

³⁶ См.: СЗ РФ. 2022. № 43, ст. 7274–7277.

³⁷ См.: СЗ РФ. 2023. № 1, ст. 16, 189.

³⁸ См.: URL: <http://publication.pravo.gov.ru>

которые внесены в 2020 г. в Конституцию РФ, реальную миграционную политику нашей страны. Однако уже не содержит понятия «упрощенный порядок приема в гражданство»! Вместе с тем данному вопросу посвящено значительное количество положений, содержащихся в первую очередь в его гл. 3 «Приобретение гражданства Российской Федерации».

Упрощенный порядок приобретения гражданства связан прежде всего с таким его видом, как прием в него. Наиболее общая, отправная законодательная форма устанавливает, что иностранные граждане, лица без гражданства, которым исполнилось 18 лет, обладающие дееспособностью, имеют право подачи заявления о приеме в гражданство Российской Федерации в том случае, когда они обязуются соблюдать Конституцию РФ, принести Присягу гражданина Российской Федерации, а также отвечать следующим требованиям: постоянно проживать в Российской Федерации со дня принятия решения о выдаче вида на гражданство Российской Федерации и до дня подачи заявления о приеме в гражданство Российской Федерации в течение пяти лет; владеть русским языком; знать историю России, основы законодательства Российской Федерации; отсутствие по отношению указанных иностранных граждан, лиц без гражданства обязательств, которые являются основанием отклонения заявления о приеме в гражданство Российской Федерации, предусмотренных законом. Закреплено положение о том, что при приеме в гражданство Российской Федерации к ряду иностранных граждан, лиц без гражданства могут и не применяться некоторые из указанных требований. Это в принципе и есть сущность, содержание упрощающего порядка принятия в гражданство Российской Федерации.

К первой группе относятся те, кому можно не соблюдать требования владения русским языком; знания истории России, основ законодательства Российской Федерации. Сюда отнесены иностранные граждане, лица без гражданства, имеющие возраст 70 лет, инвалиды I-й группы.

Вторую группу составляют те, кому можно не соблюдать требования постоянного проживания в Российской Федерации со дня решения о выдаче вида на жительство в Российской Федерации и до дня подачи заявления о приеме в гражданство Российской Федерации в течение пяти лет. Это касается иностранного гражданина, лица без гражданства, достигших 18 лет, дееспособных, если: 1) указанный иностранный гражданин заключил контракт на прохождение службы в Вооруженных Силах РФ, иных войсках, воинских формированиях на срок не менее одного года; 2) указанный иностранный гражданин или лицо без гражданства постоянно проживают в Российской Федерации не менее одного года и признаны беженцами или получили политическое убежище

на территории Российской Федерации. Сюда относятся и иностранный гражданин, лицо без гражданства с 18-летнего возраста, дееспособные, проживающие в Российской Федерации, если они имеют статус участника Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, которые проживают за рубежом, или статус члена семьи участника указанной программы.

К третьей группе отнесены те, от кого не требуется постоянного проживания в Российской Федерации со дня принятия решения о выдаче вида на жительство в Российской Федерации и до дня подачи заявления о приеме в гражданство Российской Федерации в течение пяти лет; владения русским языком; знания русской истории; основ законодательства Российской Федерации. Сюда входят иностранные граждане, лица без гражданства, достигшие 18 лет, дееспособные и постоянно проживающие в Российской Федерации независимо от срока такого проживания при условии, если они родились, постоянно проживали на территории РСФСР и были гражданами СССР; имеют родственников по прямой восходящей линии; родившихся или постоянно проживающих на территории РСФСР или территории, входившей в Российскую Империю или СССР, в пределах Государственной границы Российской Федерации; хотя бы один родитель (усыновитель) — гражданин Российской Федерации, проживающий в Российской Федерации; сын или дочь — граждане Российской Федерации, проживающие в Российской Федерации; состоят в браке с гражданином Российской Федерации, живущим в Российской Федерации, и имеют общего ребенка, в том числе усыновленного; успешно освоили в Российской Федерации имеющую государственную аккредитацию общеобразовательную программу высшего образования по очной форме обучения и получили документ об образовании и о квалификации с отличием; получили профессиональное образование по определенным образовательным программам, имеющим государственную аккредитацию, или по программам общеобразовательным в научных организациях Российской Федерации и осуществляют трудовую деятельность в Российской Федерации по соответствующей специальности в совокупности не менее одного года со дня подачи заявления о приеме в гражданство Российской Федерации; являются лицами без гражданства, а ранее были гражданами СССР.

К этой же группе отнесены лица без гражданства, с 18 лет, дееспособные, проживающие в Российской Федерации, если они были гражданами Российской Федерации и были зарегистрированы по месту жительства в Российской Федерации по состоянию на 1 ноября 2002 г.; является совершеннолетним сыном или дочерью ранее указанного лица и не имеет предусмотренного законодательством иностранного

государства документа, подтверждающего право проживания в иностранном государстве; иностранный гражданин, лицо без гражданства, гражданство Российской Федерации которых было прекращено по заявлению их законных представителей, в течение пяти лет со дня достижения возраста 18 лет.

Этот же особый порядок распространяется на иностранных граждан, лиц без гражданства, если они являются ветеранами Великой Отечественной войны и прежде были гражданами СССР; ветеранами боевых действий, о приеме в гражданство Российской Федерации которых ходатайствуют соответствующие федеральные органы государственной власти субъектов Российской Федерации. Аналогичный порядок, который определен в ст. 17 Федерального закона «О гражданстве Российской Федерации» как исключительный, распространен на иностранных граждан, лиц без гражданства, достигших 18 лет, дееспособных, которые имеют особые заслуги перед Россией; в связи со своей профессией, квалификацией, иными причинами, представляющими интерес для нашей страны.

Урегулирован здесь и ряд вопросов, касающихся детей недееспособных. Установлено, что ребенок — иностранный гражданин или лицо без гражданства может быть принят в гражданство при следующих условиях: один из его родителей (усыновителей) — гражданин Российской Федерации или приобретает гражданство Российской Федерации; единственный родитель (усыновитель) — гражданин Российской Федерации или приобретает гражданство Российской Федерации; ребенок находится под опекой, попечительством гражданина Российской Федерации или лица, которое приобретает гражданство Российской Федерации, за исключением случаев, определенных ч. 1 ст. 12, ч. 1 ст. 13 Федерального закона об опеке и попечительстве 2008 г.; ребенок помещен в отечественную организацию для детей-сирот, детей, оставшихся без попечения родителей, исключая случаи, предусмотренные п. 2 ст. 155.1 Семейного кодекса РФ. Что касается недееспособного лица — иностранного гражданина или лица без гражданства, то оно может быть принято в гражданство Российской Федерации при тех условиях, когда недееспособный находится под опекой, попечительством гражданина Российской Федерации или лица, приобретающего гражданство Российской Федерации, исключая определенные ч. 1 ст. 12, ч. 1 ст. 13 Федерального закона об опеке и попечительстве 2008 г.; недееспособное лицо помещено под надзор в образовательную, медицинскую организацию, оказывающую социальные услуги организации России, исключая случаи, которые предусмотрены ч. 1 ст. 12, ч. 1 ст. 13 указанного Закона.

Обратим внимание и на такую форму приобретения гражданства Российской Федерации, во многом

носящую упрощенный характер, как признание гражданства Российской Федерации. Определено, что гражданами Российской Федерации признаются: лица, являвшиеся гражданами СССР, постоянно проживавшие на территории Российской Федерации по состоянию на 6 февраля 1992 г.; лица, являвшиеся гражданами СССР, но не проживавшие постоянно в Российской Федерации по состоянию на 6 февраля 1992 г. и вернувшиеся для постоянного проживания в Российскую Федерацию, при условии их рождения в Российской Федерации (РСФСР) или хотя бы один родитель на день рождения данного лица проживал на территории РСФСР (Российской Федерации); военнослужащие, проходившие сверхсрочную службу в Вооруженных Силах РФ, министерствах, ведомствах Российской Федерации, имевших войска, воинские формирования, военнослужащие, проходившие обучение в военно-учебных заведениях, принесшие присягу на верность РСФСР или Российской Федерации и проходили на 6 февраля 1992 г. службу в воинских частях, находившихся под юрисдикцией Российской Федерации и располагавшихся на территории других государств (включая Объединенные Вооруженные Силы Содружества Независимых Государств), и входившие в состав их семей по состоянию на 6 февраля 1992 г. их супруги и дети.

Следует отметить особую роль Президента РФ в деле приобретения гражданства Российской Федерации. В рассматриваемом нами вопросе Президент РФ в гуманитарных, иных целях наделен правом определения иных категорий иностранных граждан, лиц без гражданства в целях принятия в гражданство Российской Федерации без учета всех или отдельных требований, установленных ч. 1 ст. 15 Федерального закона «О гражданстве Российской Федерации», которые были проанализированы ранее; устанавливать другие требования, условия приема в гражданство Российской Федерации. Президент РФ принимает решение о приеме в гражданство Российской Федерации в исключительном порядке.

Таким образом, Федеральный закон «О гражданстве Российской Федерации» 2023 г. сокращает количество требований более чем к 20 категориям лиц при приеме их в гражданство Российской Федерации, его признания. Это касается прежде всего соотечественников — бывших граждан СССР, их детей, участников Государственной программы по оказанию содействия по добровольному переселению в Россию соотечественников, проживающих за рубежом; лиц, имеющих в Российской Федерации близких родственников — граждан Российской Федерации; лиц, которые имеют родственников по прямой восходящей линии, постоянно проживавших на территории, относящейся к Российской Империи или СССР. Расширен круг лиц, которые могут

воспользоваться такой формой приобретения гражданства Российской Федерации, как признание³⁹.

* * *

В заключение следует отметить, что опыт России последних лет свидетельствует о том, что институт упрощенного порядка принятия в гражданство Российской Федерации весьма актуален, востребован. Он находится в постоянном движении, развитии, поиске новых решений и напрямую связан с конкретными, каждодневными наисложнейшими социально-экономическими, политическими задачами, которые решают Россия, ее народ как внутри страны, так и на международной арене. Сегодня это главным образом задача защиты великого русского народа, его государственности, над которыми нависла реальная угроза уничтожения. В этих условиях основополагающее значение приобретает защита Отечества, русских, всего русского, консолидация, объединение всех русских, всех народов, проживающих как в нашей стране, так и за ее пределами. Особенно важно то, что центром такого объединения должна быть сама Россия. Именно сюда должны *стекаться* все русские со всего мира и все те, кому дороги, приемлемы гуманистические русские идеалы, традиции, русский менталитет. Именно здесь одно из важных мест должен занять и занимает институт упрощенного порядка принятия в гражданство Российской Федерации.

Не следует забывать и о том, что проблематика демографии, роста населения нашей страны, привлечения высококвалифицированных специалистов была, есть и будет весьма и весьма актуальной, злободневной. И опять-таки упрощенный порядок приема в российское гражданство имеет, может и должен сыграть весьма позитивную, положительную,

эффективную роль. Отсюда в целом объективно наличие устойчивой тенденции его дальнейшего развития, совершенствования, активного использования, и главным образом в направлении расширения круга лиц, имеющих право воспользоваться им, еще большее упрощение его процедуры, оказание всесторонней помощи, поддержки всем тем, кто приобрел свою новую Родину.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Гайдуков Д.А.* Гражданство СССР. М., 1940. С. 9.
2. *Гессен В.М.* Подданство, его установление и прекращение. СПб., 1909. С. 389.
3. *Кутафин О.Е.* Российское гражданство. М., 2003. С. 258.
4. *Овсепян Ж.И.* Гражданство в России (общетеоретическое, историческое и конституционно-правовое исследование). Ростов н/Д., 2008. С. 212, 213, 289.
5. *Шульженко Ю.Л.* Комментарий статьи 6 Конституции РФ // Конституция Российской Федерации: науч.-практ. комм. 3-е изд. М., 2003. С. 143.

REFERENCES

1. *Gajdukov D.A.* USSR citizenship. M., 1940. P. 9 (in Russ.).
2. *Gessen V.M.* Citizenship, its establishment and consumption. Saint-Petersburg, 1909. P. 389 (in Russ.).
3. *Kutafin O.E.* Russian citizenship. M., 2003. P. 258 (in Russ.).
4. *Ovsepjan Zh.I.* Citizenship in Russia (general theoretical, historical and constitutional-legal research). Rostov-on-Don, 2008. P. 212, 213, 289 (in Russ.).
5. *Shulzhenko Yu. L.* Commentary on Article 6 of the Constitution of the Russian Federation of 1993 // Constitution of the Russian Federation: scientific and practical commentary. 3rd ed. M., 2003. P. 143 (in Russ.).

Сведения об авторе

ШУЛЬЖЕНКО Юрий Леонидович — доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, главный научный сотрудник, и.о. заведующего сектором конституционного права и конституционной юстиции Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

SHULZHENKO Yuri L. — Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of Russian Federation, Chief Researcher, Acting Head of the Sector of Constitutional Law and Constitutional Justice, Institute of the State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenska str., 119019 Moscow, Russia

³⁹ См.: Справка Государственно-правового управления. URL: www.kremlin.ru/acts/news/71021

===== ИНСТИТУТ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК: =====
НАВСТРЕЧУ СТОЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ

ДЖАНГИР АББАСОВИЧ КЕРИМОВ – ЧЕЛОВЕК, УЧЁНЫЙ, ГРАЖДАНИН

© 2023 г. А. Н. Савенков

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: an61s@yandex.ru

Поступила в редакцию 10.05.2023 г.

Аннотация. В статье речь идет о Джангире Аббасовиче Керимове. Предпринимается попытка раскрыть определяющие черты его личности, поведать о нём как о настоящем патриоте своей Родины и выдающемся ученом-правоведе. Прослеживаются главные этапы его жизненного пути; говорится о значимых исторических событиях, оказавших на него существенное влияние; описываются встречи и отношения с воодушевлявшими его известными людьми, прежде всего крупнейшими учёными XX – начала XXI в.; анализируются его размышления о судьбах России и, конечно же, основополагающие постулаты предложенных им научно-теоретических концепций. Рассматривается значительный вклад Д.А. Керимова в разработку проблематики предмета, структуры, функций, категориального аппарата общей теории права и государства, представляющей собой органическую целокупность трёх взаимосвязанных и непрерывно взаимодействующих частей: социологии права, философии права и учения о государстве.

Ключевые слова: теория государства и права, философско-правовая научная школа, Российская академия наук, выдающийся ученый-правовед Д.А. Керимов.

Цитирование: Савенков А.Н. Джангир Аббасович Керимов – человек, учёный, гражданин // Государство и право. 2023. № 7. С. 31–43.

DOI: 10.31857/S102694520026809-0

JANGIR ABBASOVICH KERIMOV – MAN, SCIENTIST, CITIZEN

© 2023 A. N. Savenkov

*Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow**E-mail: an61s@yandex.ru*

Received 10.05.2023

Abstract. The article is about Jangir Abbasovich Kerimov. An attempt is being made to reveal the defining features of his personality, to tell about him as a true patriot of his Homeland and an outstanding legal scholar. The main stages of his life path are traced; significant historical events that had a significant impact on him are described; meetings and relationships with famous people who inspired him, primarily the largest scientists of the XX – early XXI century, are described; his reflections on the fate of Russia and, of course, the fundamental postulates of the scientific and theoretical concepts proposed by him are analyzed. The article considers D.A. Kerimov's significant contribution to the development of the subject, structure, functions, categorical apparatus of the General theory of law and the state, which is an organic totality of three interrelated and continuously interacting parts: Sociology of Law, Philosophy of Law and the doctrine of the state.

Key words: theory of state and law, philosophical and legal scientific school, Russian Academy of Sciences, outstanding legal scientist D.A. Kerimov.

For citation: Savenkov, A.N. (2023). Jangir Abbasovich Kerimov – man, scientist, citizen // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 7, pp. 31–43.

Каждое время формирует своих героев. Суровые и безудержные времена или, как принято говорить, эпохи бури и натиска рожают выдающихся личностей. Это, безусловно, относится к Джангиру Аббасовичу Керимову (1923–2015 гг.) и к тому историческому периоду, в который ему суждено было долгоденствовать и творить. Я не случайно употребил именно эти два слова. Они, на мой взгляд, наилучшим образом отражают содержательное наполнение его жизненного пути: он оказался достаточно продолжительным, по большей части счастливым и чрезвычайно насыщенным вдохновенным и напряжённым в первую очередь научным созиданием. Впрочем, обо всём по порядку.

* * *

Прежде чем перейти непосредственно к самому повествованию о Д.А. Керимове, необходимо подчеркнуть следующее. При подготовке данного эссе мне довелось руководствоваться, разумеется, своим собственным, замечу, цельным и ярким впечатлением об этом человеке. Оно сложилось по итогам встреч с ним, на основе скрупулёзного изучения его монографий, статей и выступлений, серьёзного осмысления выдвинутых им концепций и отстаиваемых воззрений, в результате тщательного обдумывания высказанных учёным оценок различных известных людей и знаковых событий прошлого и современности.

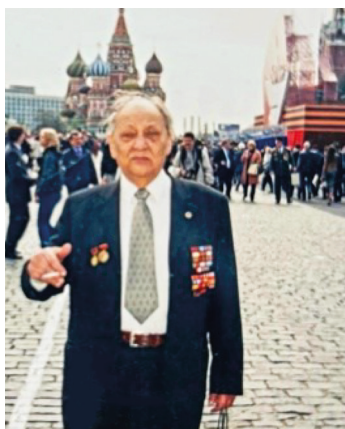
Мне также очень помогли воспоминания тех, кто хорошо его знал, – друзей, коллег, сослуживцев. Особенно выручили рассказы искренне любивших его родных и близких, ибо, как замечательно написал блестящий русский философ Н.А. Бердяев, «тайна всякой индивидуальности узнаётся лишь любовью, и в ней всегда есть что-то не постижимое до конца, до последней глубины»¹. Из разговоров с членами семьи, их рассуждений и откликов добыты уникальные сведения и оригинальные мнения, которые представляют несомненный интерес.

¹ Бердяев Н.А. Русская идея. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 2020. С. 3. Николай Александрович имел в виду народную индивидуальность, но полагаю, что этот тезис применим и к отдельной личности.

* * *

Джангир Аббасович по праву рассматривал свою эпоху во всех отношениях как великую, отмеченную гигантскими по масштабам, коренными по революционности общественными трансформациями, мощнейшими тектоническими сдвигами, охватившими положительно все сферы человеческого бытия. Год от года он всё острее чувствовал, всё яснее понимал, что его дерзновения и устремления, усилия и искательства, свершения и достижения непременно должны быть соразмерны духу эпохи, достойны её драматизма, обязаны соответствовать её судьбоносности и значимости. Он, таким образом, прекрасно осознавал, что отпущенное ему время земной жизни ни при каких обстоятельствах не может быть безвозвратно израсходовано впустую, растрчено напрасно, беспечно и бесцельно. Посему он трудился постоянно, дено и ночно, притом неизменно крайне энергично. По свидетельству родственников, продолжительность его практически непрерывной работы в течение суток нередко составляла 12–14 и более часов. Неудивительно, что он оставил после себя внушительное интеллектуальное наследие, объём которого действительно поражает: 38 индивидуальных монографий, свыше 700 брошюр и статей, изданных не только на русском, но и на иностранных языках и не только в СССР и Российской Федерации, но и в других государствах.

Его заслуги высоко оценены и в нашей стране, и за её пределами. Д.А. Керимов был избран членом-корреспондентом Академии наук СССР (1966) (ныне – Российская академия наук); академиком Академии наук Азербайджанской ССР (1967) (сегодня – Национальная академия наук Азербайджана), что стало для него, безусловно, важным событием, ибо Азербайджан – его Родина; Сербской академии наук и искусств; Черногорской академии наук и искусств; Финской академии наук и литературы.

Д.А. Керимов на Параде Победы в Москве

Он был награждён орденами, медалями и знаками отличия за успехи в области юриспруденции и в преподавании, а также боевыми, как участник Великой Отечественной войны. Упомяну о некоторых из них: орден – Трудового Красного Знамени, Дружбы народов, Знак Почёта, Отечественной войны II степени; медали – «Ветеран труда», «За

оборону Кавказа», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и др.

* * *

И всё же тот факт, что ему удалось достичь столь впечатляющих результатов, нельзя отнести на счёт одних лишь его невероятных волевых качеств, трудолюбия, увлечённости и упорства. Названные черты характера Д.А. Керимова в значительной мере, но отнюдь не с исчерпывающей полнотой объясняют ценность, специфику и новизну вклада, внесённого им в сокровищницу советской, российской и мировой философской, социально-гуманитарной, правовой и политической мысли. Совершенно очевидно, что было ещё что-то, сыгравшее принципиальную роль в его становлении как учёного, – имею в виду незаурядный талант.

Это понятие довольно нелегко определить чётко и однозначно. Есть немало его дефиниций. И тем не менее, используя данную лексему, большинство людей подразумевают, по сути, примерно одно и то же. Талант обыкновенно трактуется в качестве некоего изначально присущего личности феноменального природного дара, обеспечиваемого в том числе особым, неповторимым сочетанием исключительных способностей, свойств натуры и, как правило, позволяющего добиваться заветных целей, потрясающих результатов в той или иной области деятельности.

Детство и юность Джангира Аббасовича проходили в г. Баку, в атмосфере, не очень-то благоприятствующей постепенному, последовательному и неуклонному формированию видного обществоведа. Ничто тогда не предвещало рождения в будущем крупного теоретика юриспруденции, существенно обогатившего эту отрасль знания. На том этапе жизни в социальной среде его обитания, в ближнем, да и в дальнем окружении почти не было лиц, занимавшихся профессионально научным творчеством. Зато в избытке присутствовали персонажи абсолютно другого рода: криминальные авторитеты, откровенные бандиты, их многочисленные добровольные и верные, жестокие и трусливые пособники и приспешники.

Между тем оба его родителя², безгранично любившие сыновей³ и обладавшие умом сильным, острым и проницательным (о чём он и его близкие неоднократно говорили), воспитывая их, стремились привить им тягу к образованию и самообразованию. Они всемерно подталкивали, активно

² Отец – Керимов Али Аббас (азербайджанец), мать – Керимова (Пахомова) Матрёна Степановна (русская).

³ Адиль Аббасович Керимов (1921–1986) – старший брат Д.А. Керимова, также фронтовик, впоследствии живописец, член Союза художников СССР.

побуждали детей к тому, чтобы те упорно учились, как можно больше читали, терпеливо овладевали знаниями, максимально расширяли свой кругозор. В этих стараниях родителей явственно угадывается дальновидность и прозорливость. Подобная линия поведения мне представляется высокоценной, заслуживающей всяческого уважения, особенно учитывая тот факт, что сами они были малограмотными.

Д.А. Керимов, таким образом, несомненно, принадлежит к тем славным сынам своей Отчизны, которых обычно принято называть самородками. Он действительно, в прямом смысле достиг всего в жизни самостоятельно, полагаясь исключительно на свои собственные силы. А для этого, помимо прочего, заведомо требуется настоящий талант. Когда же речь идёт о возделывании нивы духовной, о свершениях на интеллектуальном поприще, то необходим талант внеобыденного, высшего уровня, если угодно, рафинированного, аристократического свойства, коим он бесспорно обладал.

* * *

Д.А. Керимов появился на свет 18 июля 1923 г. в Баку. Как и подавляющему числу советских людей того поистине легендарного, героического, поразительно мужественного, отважного поколения, спасшего Европу и весь мир от фашизма, ему довелось стать участником Великой Отечественной войны — самой ужасной, кровопролитной и разрушительной

войны в истории человечества. По окончании десяти классов среднеобразовательной школы в августе 1941 г. его зачислили в Бакинское военное училище зенитной артиллерии. По сути, это были курсы ускоренной, длившейся приблизительно тринадцать месяцев подготовки младших офицеров. Уже в сентябре 1942 г. он — командир огневого взвода 190 зенитного артполка Бакинской армии противовоздушной обороны Закавказского фронта. С марта 1943 г. служил оперативным уполномоченным в контрразведке «Смерш», откуда уволился в запас только в мае 1946 г. В 1944 г. вступил в коммунистическую партию (на тот момент она именовалась, как известно, ВКП(б)) и, разумеется, никогда из неё не выходил; всю жизнь бережно хранил и партийный билет, и учётную карточку члена КПСС.

Однажды Джангир Аббасович в беседе подтвердил то, что, надо заметить, не единожды звучало

и от других фронтовиков: какое-то время после победы они практически не говорили о войне. Это пришло позже, спустя годы, лет примерно через десять. Лишь тогда они принялись неспешно, порою неохотно делиться впечатлениями о пережитом. Поначалу же никто не хотел вспоминать. Ведь воспоминания всех участвовавших в тех знаменательных, перелом-

ных и трагических событиях независимо от их воли и желания были проникнуты невыносимыми муками, нестерпимой болью, исполнены чувством неизбыточной, вечной скорби о погибших, сгинувших в нацистских застенках, без вести пропавших товарищах и родных, о зачастую невозвратном, раз и навсегда утраченном счастье, пропитаны осознанием страшной тяжести горя, которое обрушилось на наш и без того многострадальный народ.

Не могу не привести здесь один из рассказов Д.А. Керимова, раскрывающий беспощадную и вместе с тем будничную специфику военного периода: *«Будучи в училище, все мы — курсанты жаждали как можно быстрее очутиться на полях сражений, рвались в бой, по-мальчишески наивно уверовав, что почти молниеносно разобьём врага и вернёмся домой прославленными героями. Однако вскоре произошёл случай, несколько остудивший пыл и заставивший призадуматься.*

К нам, похоже, прямо с передовой приехал генерал. Слух о том, что чуть ли не половину наших, ещё не завершивших обучение ребят отправляют в район непосредственного соприкосновения с войсками вермахта, разнёсся мгновенно. И он оказался правдивым. Нас, четыре роты, построили на плацу. Я стоял последним во второй, т.е. по центру, напротив обоих офицеров, и хорошо разобрал их негромкий, лаконичный и безмолвный, по крайней мере со стороны одного из них, диалог. Прибывший генерал печально спросил: “Ну, кого?” В ответ полковник — начальник училища, человек, как нам казалось тогда, совсем немолодой с грустью и каким-то непонятным мне раздражением, не проронив ни звука, просто махнул рукой. Генерал отдал приказ самолично: “Третья, четвёртая роты, два шага вперёд!”

Таким неудачным для меня, нелепым исходом дела я был раздосадован невероятно: почему, чёрт возьми, он выбрал именно эти подразделения? Теперь мои однокашники отбывают на фронт бить фашистов, а я буду ближайшие долгие месяцы прозябать в роли практически школьника. Но ничего не напишешь.

Взрослая, увлекательная, насыщенная жизнь опять откладывалась...

Всех тут же отпустили в увольнение. В течение вечера, ночи и следующего дня мы гуляли, веселились, встречались с девушками, пили купленное на рынке вино. Те, у кого дома находились недалеко, разбрелись по квартирам. Наутро наши товарищи выдвинулись к месту нового расположения. А через двое суток мы узнали: все они погибли. Никого не осталось. Раненых не было. Вчерашних курсантов-артиллеристов в качестве пехотинцев бросили в атаку, и они сразу же попали под шквальный неприятельский огонь.

Описанное происшествие произвело на меня сильнейшее впечатление. За те годы самых разных тяжёлых впечатлений накопилось множество. Постоянно что-нибудь происходило. Это — первое из них.

Джангир Аббасович искренне горевал о своих павших друзьях, ушедших так рано и упокоившихся навечно.

После окончания училища Д.А. Керимов, как уже отмечалось, несколько месяцев служил в должности командира огневого взвода зенитного артполка, а затем состоялось его назначение в подразделение управления контрразведки «Смерш». В круг его обязанностей, как, собственно, и тысяч других оперативных сотрудников, входило, кроме всего прочего, выявление вражеских агентов, шпионов и диверсантов из числа рядовых бойцов и офицеров Красной армии, оказавшихся в плену и завербованных противником или добровольно вставших на сторону оккупантов.

Работа в названном ведомстве, продолжавшаяся свыше трёх лет, абсолютно обоснованно считалась и почётной, и ответственной, и опасной. Не стоит, пожалуй, подробно разяснять в данном случае характер деятельности, особенности функционирования, организацию и структуру военной контрразведки того времени⁴. Означенной проблематике посвящено немало книг и статей. Многое, очевидно, ещё предстоит исследовать, проанализировать, осмыслить. Тем более не все архивные документы по теме рассекречены. Логичнее, по-моему, сосредоточиться на том, что думал об этой спецслужбе сам Джангир Аббасович.

Мне известна его позиция. Во-первых, он был убеждён, что соответствующие органы продемонстрировали свою высокую эффективность, внесли огромный, поистине неоценимый вклад в дело

⁴ Обширная, интересная и правдивая, подкреплённая доказательствами и фактами информация о ней содержится, в частности, в: «Смерш»: исторические очерки и архивные документы / редкол.: А.Г. Безверхний (гл. ред.) и др.; авт. кол.: В.С. Христофоров, В.К. Виноградов, О.К. Матвеев и др. 2-е изд., испр. и доп. М., 2005; см. также: Богомолов В.О. Момент истины (В августе сорок четвертого...). Л., 1981. С. 416.

победы над немецко-фашистскими захватчиками и их союзниками в величайшей мировой войне. Во-вторых, он глубоко сожалел о том, что с началом перестройки, далее — в 90-е годы прошлого века и на последнем этапе его жизни в новом тысячелетии сложная, изнурительная, самоотверженная, подчас героическая работа оперуполномоченных, как и вообще сотрудников всех силовых структур, изображалась либеральной, прозападной интеллигенцией и, увы, частью властвующей элиты явно необъективно, в ложном, искажающем историческую действительность исключительно негативном свете. Прискорбно, но в тот период бессовестное, возмутительно наглое навязывание и интенсивное тиражирование всякого рода антисоветских и антирусских представлений, настроений и мифов стало обычной, привычной практикой, вошло в обиход, превратилось в некий неприменный атрибут хорошего тона, обязательный признак якобы объективной, единственно правильной оценки всей нашей истории.

* * *

Демобилизовавшись, Д.А. Керимов принял важное, осознанное решение — переехать в Ленинград. Впоследствии он ни разу не усомнился в верности своего выбора, ибо, по его собственному свидетельству, именно в этом холодном, неприветливом, чопорно-имперском и вместе с тем сказочно-красивом, восхитительном, потрясающем даже искушённое воображение городе он начал активно общаться с представителями творческих профессий, с удовольствием читать, непрестанно посещать театры, музеи, выставки, картинные галереи, словом, постигать богатство и величие русской культуры во всём её многообразии.

С октября 1946 г. по сентябрь 1947 г. Д.А. Керимов учился на искусствоведа во Всероссийской академии художеств⁵. В результате он навсегда полюбил живопись и, стоит заметить, отлично в ней разбирался. Пожалуй, особо он восторгался шедеврами передвижников и импрессионистов.

Однако уже тогда его гораздо сильнее, точнее сказать, неодолимо влекла общественно-гуманитарная сфера научных изысканий. В связи с этим, совершенно случайно наткнувшись на объявление в газете, он счёл нужным незамедлительно оставить Академию художеств и поступить в аспирантуру Ленинградского юридического института им. М.И. Калинина, на что, кстати, имел вполне законное право: в 1946 г. он окончил (за несколько месяцев — с июня по октябрь) Всесоюзный юридический заочный институт. В сущности, с того момента, как в сентябре 1947 г. Д.А. Керимов стал

⁵ 5 августа 1947 г. была реорганизована в Академию художеств СССР.

аспирантом, его судьба в профессиональном плане в основных чертах определилась. Он был этому искренне рад, ибо иной будущности для себя и не желал.

Здесь следует обратить внимание на одно отличительное свойство характера Джангира Аббасовича. Оно, полагаю, может быть кратко обозначено таким всеобъемлющим, ёмким понятием, как органическая цельность натуры. Это его имманентное качество буквально с юных лет явственно ощущалось, зримо, наглядно проявлялось едва ли не во всех предпринимаемых им действиях, поступках и начинаниях, чем бы он ни занимался в каждый конкретный временной отрезок отведённого ему земного бытия: будь то устройством своей повседневности и личной жизни, обеспечением собственного карьерного роста, участием в политической деятельности, в государственном строительстве, парламентской работе и законодательном процессе, интеллектуальным созиданием в области науки, образования, воспитания и просвещения и т.д. У всех когда-либо сталкивавшихся с ним людей складывалось устойчивое впечатление, и во все не беспочвенное, а в полной мере оправданное, что Джангир Аббасович всегда чётко осознавал, чего в принципе он хочет достичь за отпущенный ему на этом свете срок. Более того, в самых сложных и неожиданных, на первый взгляд безвыходных, тупиковых и безнадёжных ситуациях, при любом, даже крайне неблагоприятном, непредсказуемом и угрожающем развитии событий он, изначально чуждый инфантилизму и расхлябанности, зато, напротив, предельно собранный и трезво мыслящий, хорошо понимал, ясно представлял себе, что и как надо делать. У него словно была ариаднина нить. Он уверенно и неуклонно двигался от одной промежуточной цели к другой, ни на минуту не забывая, что все они должны быть, подобно звеньям неразрывной цепи, взаимосвязаны и в конечном счёте тотально подчинены решению единственно по-настоящему значимой для него сверхзадачи — максимально самореализоваться как творческая личность, стать большим учёным, занять достойное место в науке и приносить пользу Родине прежде всего на этом поприще.

В 1950 г. Д.А. Керимов защитил диссертацию, в мае того же года ему была присвоена учёная степень кандидата юридических наук. В октябре следующего года он получил звание доцента. Чуть ранее, в июле того же 1951 г., он приступил к заведованию кафедрой теории и истории государства и права Ленинградского юридического института им. М.И. Калинина. В феврале 1956 г. был назначен заведующим аналогичной кафедрой Ленинградского государственного университета им. А.А. Жданова.

* * *

С февраля 1957 г. по август 1959 г. Д.А. Керимов находился в заграничной командировке в Германской Демократической Республике в качестве приглашённого профессора. В течение этих двух с половиной лет он, как обычно, напряжённо и весьма результативно трудился, о чём красноречиво свидетельствует внушительное количество появившихся в тот период его публикаций; многие из них — на немецком языке, которым он, кстати, владел отменно.

Д.А. Керимов с супругой Тамарой Викторовной в ГДР

Тогда же он ещё глубже погрузился в обстоятельный, всесторонний и детальный анализ сочинений классиков немецкого идеализма, особенно И. Канта и Г.В.Ф. Гегеля. Их мировоззренческие позиции и философские идеи, бесспорно, оказали колоссальное влияние на становление и развитие фундаментальных и самых востребованных социально-экономических и общественно-политических учений XIX — начала XXI в. Идеи немецких философов-идеалистов, несомненно, сильнейшим образом отразились на творчестве Д.А. Керимова. Между тем внимательное и вдумчивое прочтение его работ убеждает меня в том, что он неизменно стремился основывать свои исследования на постулатах и смысловых конструкциях различных

концепций и доктрин, опираться на различные подходы замечательных отечественных и зарубежных учёных, занимавших порою прямо противоположные позиции.

Помимо этого он ясно отдавал себе отчёт в том, что духовное творчество, интеллектуальное постижение действительности осуществляется не только на рациональном уровне с использованием одних лишь научных средств познания, но и с помощью художественных приемов и образов. Посему он с жадной готовностью, беззаветным неиссякаемым энтузиазмом черпал вдохновение в произведениях искусства и литературы, предпочитая, как и в философии, классические произведения.

Нелегко точно определить, кого из писателей и поэтов он ценил более других. Наполненность его культурологического багажа восхищала. Он очень любил всю русскую поэзию XIX — начала XX столетия: из её золотого века — прежде всего А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова, из серебряного — А.А. Блока, В.В. Маяковского, Игоря Северянина. Он зачитывался Ф.М. Достоевским, А.П. Чеховым, О. де Бальзаком и др. И всё же следует подчеркнуть, что он, похоже, особо выделял Л.Н. Толстого, часто обращался к его мировоззренческим представлениям и психологическим наблюдениям, к обнаруженным и показанным в его книгах ярким человеческим типажам, жизненным ситуациям, проблемам и перипетиям, справедливо рассматривая выдающегося литератора в качестве мыслителя планетарного масштаба. Вместе с Д.А. Керимовым отношу себя к тем, кто считает, что в России одарённый и признанный писатель — это не просто талантливый и оттого заслуженно уважаемый автор, умелый и интересный повествователь. В нашем Отечестве он — всегда ещё и, возможно даже *rag exellence*, большой философ, истинный мудрец.

* * *

Во время пребывания в ГДР правительство страны решило наградить Д.А. Керимова за неустанный, добросовестный труд, поощрив его с семьёй, супругой и дочерью⁶, путёвкой в санаторий в Карловых

⁶ Здесь я обязательно должен сказать, что в собственной, им созданной семье Джангир Аббасович, как и ранее со своими родителями и братом, был безмерно счастлив и абсолютно безмятежен. Состояние же внутренней умиротворённости есть непрменный залог успеха в серьёзных, кропотливых и скрупулёзных, ориентированных на долгие годы научных изысканиях. Дóма, благодаря, конечно, супруге — Керимовой (Севастьяновой) Тамаре Викторовне (1929–2016 гг.), неизменно царил атмосфера настоящей, искренней любви и полнейшего взаимопонимания. Сама Тамара Викторовна, по свидетельству всех её знавших, обладала умом глубоким и проницательным, была энциклопедически образована, деликатна и внимательна, притом потрясающе красива. В профессиональном плане

Варах. Джангир Аббасович впоследствии не единожды и с огромным удовольствием вспоминал этот неожиданный отпуск. Он смог восстановить свои к тому моменту изрядно истощённые напряжённой работой силы, всецело посвятить себя общению с женой и ребёнком, спокойно любоваться чудесной архитектурой курортного города, чарующей красотой окружающего пейзажа.

Но дело не только в этом. Именно там, на отдыхе в Чехословакии, ему посчастливилось познакомиться с всемирно известным советским физиком, инноватором и инженером Петром Леонидовичем Капицей. У них установились тёплые и доверительные отношения. Неторопливо прогуливаясь и беседуя, обмениваясь мнениями по поводу разного рода, как правило, глобальных проблем развития природы, общества и мышления, они провели вместе немало незабываемых, необыкновенно увлекательных часов, которые Джангир Аббасович бережно хранил в своей памяти.

Делясь впечатлениями о П.Л. Капице, он акцентировал внимание главным образом не на его уникальных заслугах и достижениях, гениальных открытиях и изобретениях, блестящих организаторских способностях, а скорее на сугубо личностных качествах. Великий учёный снискал себе репутацию человека исключительно честного, порядочного и смелого. Недаром его называли «совестью науки». Петр Леонидович, в действительности сильно, притом осознанно, благородно и самоотверженно рискуя, неоднократно обращался с письмами к И.В. Сталину. В этих нередко весьма развёрнутых посланиях он настойчиво требовал срочно освободить из-под ареста тех или иных исследователей, которые, с его точки зрения, подверглись репрессиям необоснованно и страдали безвинно. И ему в целом ряде случаев удавалось добиваться желаемого.

Упомянутые черты характера П.Л. Капицы Д.А. Керимов вообще почитал одними из лучших и без сомнения сам обладал ими. Он также, пользуясь своим авторитетом, прочными и при этом неофициальными, товарищескими связями во властных структурах и научной среде, часто и абсолютно бескорыстно, иногда даже, если можно так выразиться, в ущерб собственным интересам помогал людям. Не составило бы ни малейшего труда назвать многих коллег, коим он оказал неоценимое содействие в разрешении их насущных, порою

она, будучи доктором философских наук, занималась теоретическими вопросами социального управления, феномена риска в жизни человека и др.

Дети пошли по стопам родителей: дочь — Аделя Джангировна — кандидат философских наук, сын — Александр Джангирович — доктор юридических наук, профессор.

сложных вопросов и задач, в обеспечении, например, их стремительного профессионального роста.

Жизнь Джангира Аббасовича в принципе была буквально насыщена неожиданными, а подчас, возможно, и предуготованными, провиденциальными встречами с незаурядными, одарёнными, феноменально талантливыми личностями. Пожалуй, едва ли хватило бы увесистого фолианта, чтобы хотя бы вкратце и вскользь описать в нём содержание, смысл и значение этих встреч. Естественно, что в Советском Союзе и затем в Российской Федерации он в той или иной степени знал большую часть правящего слоя и уж точно всех крупных учёных-юристов, философов, социологов, психологов и политологов. Со многими он встречался на научных конференциях, симпозиумах, методологических семинарах и т.п., с некоторыми тесно общался, поддерживал дружеские связи. Поэтому не стану злоупотреблять терпением, очерчивая и показывая весь, по крайней мере известный мне круг его и чисто деловых, и человеческих контактов в нашей стране, а позволю себе поименовать лишь трёх замечательных иностранных учёных, с которыми Д.А. Керимов познакомился в США.

Речь идёт о Норберте Винере (*Norbert Wiener*) — отце кибернетики и теории искусственного интеллекта, Гансе Кельзене (*Hans Kelsen*) — одном из наиболее популярных и авторитетных теоретиков права в XX в., оказавшем большое влияние на

*Роско Паунд и Д.А. Керимов.
Гарвардский университет, США, 1963 г.*

формирование австрийской Конституции 1920 г., и Роско Паунде (*Roscoe Pound*) — выдающемся американском правоведом, больше 20 лет возглавлявшем юридический факультет в Гарварде, авторе концепции социологической юриспруденции. Очевидно, что никто из них в особом, более подробном представлении не нуждается. Состоявшиеся с ними весьма длительные беседы, касавшиеся самых разных социальных проблем, Д.А. Керимов охарактеризовал как конструктивные и плодотворные, любопытные и увлекательные, неформальные и непринуждённые, с удовольствием и часто о них вспоминал.

* * *

Норберт Винер и Д.А. Керимов

Ганс Кельзен и Д.А. Керимов

Вернувшись в августе 1959 г. из Восточной Германии, Д.А. Керимов продолжил заведовать кафедрой теории государства и права ЛГУ, а с февраля 1965 г. вступил в должность первого проректора Университета. В тот период ректором был тоже фронтовик, выдающийся советский и российский геофизик, с 1984 г. — академик АН СССР Кирилл Яковлевич Кондратьев. Они несколько лет руководили прославленным классическим вузом. Их объединяла не только совместная работа, не просто уважительные, но и откровенно добрые, дружеские отношения, сохранившиеся и после переезда Джангира Аббасовича в Москву.

Мысленно возвращаясь в годы своего проректорства, он отмечал, что тогда практически не вёл углублённых творческих изысканий в области философии права и ничего основательного не писал. Это неудивительно, поскольку административные, организационные, контрольные и прочие дела забирали без остатка всё его время. Однако он никогда не жалел о том, что на данном этапе был совершенно поглощён выполнением исключительно управленческих функций, ибо неизменно рассматривал соответствующую деятельность в социуме вообще, равно и в сфере науки, образования

и просвещения, в частности, в качестве чрезвычайно нужной и важной.

Д.А. Керимов занимал пост проректора ЛГУ вплоть до августа 1968 г. Потом в течение четырёх месяцев являлся директором Института комплексных социальных исследований. Это был первый подобного рода НИИ в нашей стране. Его учреждение состоялось ещё в 1965 г. на базе уже существовавших в Ленинградском университете нескольких лабораторий. Д.А. Керимов наряду с другими учёными, представляющими различные отрасли знания, прежде всего с видным психологом, действительным членом Академии педагогических наук СССР Б.Г. Ананьевым, с которым его связывала искренняя дружба, стоял у истоков создания этого Института.

* * *

В декабре 1968 г. Джангир Аббасович переехал в Москву и до февраля 1971 г. трудился в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Затем он перешёл в Академию общественных наук при ЦК КПСС (ныне — Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации), где много лет возглавлял кафедру теории права и государственного строительства (именовавшуюся, впрочем, в те годы по-разному). В 1989 г. был избран народным депутатом СССР и являлся заместителем председателя одного из комитетов Верховного Совета СССР.

*Народный депутат СССР Д.А. Керимов
и президент США Р. Рейган*

В 1991 г. после распада Советского Союза он вновь вернулся к интенсивной и плодотворной научной деятельности в Институте социально-политических исследований РАН, ряде других учреждений.

Необходимо подчеркнуть, что Д.А. Керимов постоянно контактировал, эффективно сотрудничал с коллективом Института государства и права Российской академии наук. Он принимал активное

участие в проводимых Институтом международных конференциях, встречался с коллегами. Среди них: В.Н. Кудрявцев, В.М. Чиквадзе, Б.Н. Топорнин, А.Г. Лисицын-Светланов, А.М. Васильев, В.Е. Чиркин, В.А. Туманов, В.Е. Гулиев, Л.С. Мамут, Ю.Л. Шульженко и др. В ходе этих встреч они оживлённо, с энтузиазмом, зачастую бурно и вместе с тем конструктивно обсуждали насущные теоретические и практические проблемы юриспруденции, истории, философии, политологии и т.д.

В качестве парламентария Д.А. Керимов увлечённо и результативно занимался правотворчеством. Проиллюстрирую это, приведя лишь один пример. Будучи председателем комиссии Съезда народных депутатов СССР по подготовке проекта Закона о конституционном надзоре в СССР, он успешно руководил её работой, выступил с подробным, ёмким докладом, и в итоге соответствующий нормативный акт был принят и введён в действие с 1 января 1990 г. По оценкам широкого круга юристов, специалистов-экспертов, Закон оказался сбалансированным, выверенным, добротным и очень нужным.

Московский период жизни Д.А. Керимова, длившийся с 1968 по 2015 г., т.е. до момента его кончины, ознаменован радикальными переменами и потрясениями, кардинальными модификациями, происходившими во всех сферах человеческого бытия как на глобальном, мировом уровне, так и на национальном, внутригосударственном.

Как он сам воспринимал, — крушение великой державы и всего социалистического лагеря в 90-х годах XX столетия и повсеместная реставрация капитализма, к тому же в его гротескных формах; последовавшие войны; обнищание населения — вот основные события, которые Д.А. Керимов справедливо рассматривал в качестве грандиозных катастроф.

Для него лично драматизм ситуации усугублялся двумя обстоятельствами. Во-первых, он никогда, ни на мгновение не отделял себя от великого целого, т.е. от страны и её многонационального народа, не представлял себя вне их, в отрыве от них. Он ясно и чётко ощущал, обострённо, пронзительно чувствовал свою сопричастность к делам и свершениям, помыслам и чаяниям, радостям и горестям сограждан, торжествовал и переживал вместе с ними, гордился ими. Он всегда точно знал, что его судьба тысячами незримых, невидимых праздным глазам, но необычайно прочных нитей неразрывно и навечно связана с прошлым, настоящим и грядущим нашего Отечества. Во-вторых, он неизменно выказывал твёрдую, неколебимую и, на мой взгляд, абсолютно обоснованную уверенность в том, что все названные перипетии мировой истории последних пятидесяти лет, тяжкие несчастья, суровые испытания, выпавшие на долю нашей Родины, не были жёстко детерминированы, изначально

предзаданы, фатально предопределены. Их можно и должно было избежать. Разрушение Советского Союза и демонтаж социалистических производственных и иных отношений вовсе не являлись неотвратимой, роковой неизбежностью. Напротив, мы вполне могли бы, считал Джангир Аббасович, противостоять деструктивному и тлетворному влиянию, агрессивному и враждебному воздействию на нас коллективного Запада, равно как и, несомненно, уже давно существующей, активно, бойко и ловко орудующей в стране пятой колонны. При этом грамотные, сбалансированные, поступательные реформы, бесспорно, спасли бы и СССР, и завоевания социализма.

* * *

Нисколько не ошибусь, если опишу восприятие Д.А. Керимовым непродолжительного, но смертельно опасного отрезка жизни нашей Отчизны, а именно охарактеризую его видение 90-х годов минувшего века, доминировавшей направленности и преобладавшего духа всей совокупности происходивших тогда метаморфоз и перемен выражением (ставшим вскоре крылатым) русского поэта Н.А. Некрасова из поэмы «Современники» (1875 г.): «Бывали хуже времена, но не было подлей»⁷.

Д.А. Керимов видел, как на том этапе правящая страста нашего государства демонстрировала абсолютно некритическую, упрямую, но явственно отдающую сугубым утилитаризмом и беспредельным корыстолюбием приверженность к разработанным за океаном и (или) в Европе теориям общественного развития и, соответственно, апробированным там же формам и способам, приёмам и методам их практической реализации. Представители истеблишмента, немалая часть т.н. лиц творческих профессий 90-х годов ушедшего столетия в большинстве своём являлись эпигонами апологетов капитализма, либеральной демократии и не обременённого никакими социальными обязательствами свободного рынка. Они безнадежно утонули в стремительно устаревающих и весьма незамысловатых мироустроительных догматах буржуазных концепций.

По его мнению, нарождавшаяся новая элита страны отнюдь не преследовала цель постигнуть, освоить и перенять, безусловно, имеющиеся выдающиеся достижения европейцев и американцев в сфере духовного производства. Нет! Она

⁷ Стихотворения Н.А. Некрасова. Посмертное издание. Т. III. 1873–1877. С.-Пб., 1879. С. 289. Строго говоря, авторство этой фразы принадлежит писательнице Н.Д. Хвощинской. Она вложила её в уста одного из персонажей своего рассказа «Счастливые люди», опубликованного под псевдонимом «В. Крестовский» в журнале «Отечественные записки» в 1874 г. Н.А. Некрасов позаимствовал данное изречение, взяв его в кавычки и переложив в стихотворный размер.

хотела только привнести (притом примитивно-механистически) в русское культурное пространство, в российскую общественно-политическую и экономическую действительность выгодное исключительно ей самой и ее заграничным хозяевам чужеродное формационно-цивилизационное содержание, противные, откровенно антагонистичные, явно враждебные нашему менталитету, сложившимся традициям, обыкновениям и нравам ценности и смыслы.

Посему такие понятия, как долг, патриотизм, ответственность перед народом, призванность и готовность к служению Родине, к решению великих исторических задач, жертвенность во имя достижения высших, надличностных целей и т.п., она никогда, ни при каких обстоятельствах не рассматривала в качестве стратегических императивов ни своей совести, ни своего поведения. Она без какого бы то ни было стеснения отвергала, пользуясь выражением видного русского мыслителя И.А. Ильина, все эти «драгоценные основы жизни»⁸.

Главное, правомерно считал Д.А. Керимов, заключалось в том, что коллаборационистское российское властвующее меньшинство 90-х годов минувшего столетия упорно не понимало или не хотело понять для многих очевидный и архиважный факт: наиболее привилегированные слои коллективного Запада, т.е. политические фигуры верхнего уровня, магнаты капитала, владельцы крупнейших и влиятельнейших средств массовой информации, формирующих воззрения и настроения, вкусы и предпочтения населения, в долгосрочной перспективе вовсе не стремились к честной дружбе, братскому сотрудничеству ни с нашей страной, ни с нашим народом, ни даже с самим этим меньшинством и его псевдоинтеллектуальными приспешниками⁹. Их стратегическая цель, исходная сверхзадача неизменно состояла в другом.

⁸ Русская философия права: философия веры и нравственности. Антология / сост.: А.П. Альбов, Д.В. Масленников, А.И. Числов, С.В. Филиппова. СПб., 1997. С. 391.

⁹ Истинное отношение к либеральным представителям правящего класса России XIX в. со стороны европейцев тонко чувствовал и великолепно описал прекрасный поэт и публицист, карьерный дипломат и высокопоставленный чиновник Ф.И. Тютчев. Об этом свидетельствует его стихотворение 1867 г., в котором он к тому же очень точно, лаконично и ёмко охарактеризовал либералов своего времени. Приведу его целиком, поскольку оно в полной мере актуально и по сию пору.

«Напрасный труд — нет, их не вразумишь.

Чем либеральней, тем они пошлее.

Цивилизация — для них фетиш,

Но недоступна им её идея.

Как перед ней ни гниешь, господа,

Вам не ниспасть признанья от Европы:

В её глазах вы будете всегда

Не слуги просвещения, а холопы.

(Тютчев Ф.И. Полн. собр. соч. Письма: в 6 т. Т. 2 / сост. В.Н. Касаткина. М., 2003. С. 181).

Они всегда лелеяли надежду на то, что наше Отечество благодаря их планомерной, активной подрывной деятельности потерпит крах, повторит судьбу СССР, прекратит своё существование как целостное, независимое и суверенное государство. Они испокон веку внутренне, в глубине души страстно желали (впрочем, некоторые, как известно, объявляли об этом открыто) обратить русских, иные этносы, связанные с нами исторически, культурно и ментально, издавна проживающие вместе с нами в единой державе и принимавшие в её созидании непосредственное участие, в свою вышколенную, запуганную челядь, в послушных лакеев, словом, в презренных рабов. Те же, кто посмеет воспротивиться уготованной им будущности, должны быть, согласно проектам западной властвующей элиты, уничтожены физически. И ничто на данном этапе развития мировой цивилизации не предвещает того, что элита эта намерена отказаться от своих зловещих, безумных, человеконенавистнических замыслов. Фашизм в современных реалиях выступает в форме русофобии!

* * *

Джангир Аббасович хорошо видел и то, что с приходом к власти В.В. Путина ситуация в стране начала меняться к лучшему. Ведь действующий Президент России окончательно, притом чётко и ясно осознал, что наше государство и наш народ смогут выжить, только возродив и преумножив экономическое и политическое могущество, обогатив новыми достижениями науку и культуру, победив в перманентной, никогда не угасающей, в определённом смысле тотальной войне (т.е. ведущейся в самых разных сферах и с использованием всех ресурсов, средств и методов), которая была навязана нам США и беспрекословно им подчиняющимся Североатлантическим альянсом. Победить в этой войне, одержать верх в этом глобальном и чрезвычайно опасном противостоянии означает, в нашем российском понимании, принудить правящие круги ныне враждебных западных держав к миру, заставить их полностью, безоговорочно и навечно отречься от своих агрессивных планов в отношении России, от идеологии русофобии, наладить, наконец, с ними взаимовыгодное сотрудничество на равноправной основе. Убеждён в том, что понимаемая

Ещё раньше, где-то во второй четверти того же века, блистательный и парадоксальный философ и публицист П.Я. Чаадаев остроумно заметил: «Русский либерал – бессмысленная мошка, толкущаяся в солнечном луче; солнце это – солнце запада» (см.: *Чаадаев П.Я.* Полн. собр. соч. и избр. письма / сост. и коммент. С.Г. Блинова и др.; отв. ред. и авт. вступ. ст. З.А. Каменский. М., 1991. Т. 1. С. 469 (Памятники философской мысли)).

Поразительно напоминать об этом почти 200 лет спустя.

таким гуманным и милосердным образом победа, несомненно, будет за нами.

Д.А. Керимов в последние годы жизни с удовлетворением отмечал изменения к лучшему. Единственное, что его непрестанно, искренне и очень сильно тревожило, так это то, что продвижение вперёд, по пути прогресса осуществлялось на редкость крайне неспешно, позитивные перемены происходили в нашем Отечестве медленно. Будучи сам человеком решительным и отважным, он полагал, что можно было бы действовать гораздо смелее, твёрже и энергичнее.

Со своей стороны сожалею о том, что Джангир Аббасович не дожил до настоящего времени. Русский народ, явственно ощутив за собой правду, вновь сплотился, окреп, воспрял духом и стремительно продвигается в направлении возрождения и дальнейшего усиления могущества своего государства. Д.А. Керимов как истинный патриот, беззаветно преданный Родине, был бы сегодня бесконечно горд за свою страну и тем счастлив.

* * *

Намеренно не стал подробно описывать, комментировать и интерпретировать оригинальные абстрактно-теоретические концепции, яркие философско-правовые, конструктивные, по сути, новаторские идеи, равно и конкретно-практические рекомендации по совершенствованию отечественного конституционного механизма, законодательного процесса и др., коими столь богато творчество Д.А. Керимова. Вдумчивый, любознательный, пытливым и достаточно подготовленным читателем в состоянии самостоятельно их вычленивать, изучить и осмыслить. К тому же произведения Джангира Аббасовича красноречиво говорят сами за себя: они оптимальным, т.е. наиболее адекватным и достоверным, полным и целостным, образом показывают его выдающиеся научные достижения, раскрывают его сущностные представления о юридической действительности, помогают всесторонне понять его мировоззренческую позицию по вопросам политико-правового бытия. Это тем более верно, поскольку результаты изысканий учёного, по крайней мере общественно-гуманитарного направления, как известно, всегда отражаются прежде всего именно в написанных им монографиях и статьях.

И всё же моё повествование оказалось бы логически незавершённым, если бы я содержательно не охарактеризовал, отстраняясь от излишней детальности и доскональности, тот бесспорно фундаментальный и вместе с тем уникальный, единственный в своём роде вклад, который он внёс в сокровищницу мировой теоретической мысли. Эта достойная лепта, на мой взгляд, в самых общих чертах заключается как минимум в следующем.

Д.А. Керимов фактически не только предложил неординарное видение общей теории права и государства (её предмета, структуры, функций, используемого ею категориального аппарата и т.д.), но и обстоятельно, скрупулёзно разработал её основные стороны и положения, с удивительной прозорливостью предсказав при этом наиболее вероятные перспективы её грядущего эволюционирования. По мнению Д.А. Керимова, в состав данной науки, предполагающей высокий уровень обобщения правовой действительности, должны органически, имманентно входить не только знания, добытые напрямую ею самой, но и в синтезированном виде знания, накопленные другими научными дисциплинами, в той или иной степени исследующими различные аспекты права и государства. В итоге теория права и государства определялась им как наука, представляющая собой сложный, разнородный по своей структуре симбиоз, включающий в себя три основные части.

Первая — социология права, творческими усилиями которой создаётся грандиозная символическая картина государственно-правового бытия. Это — онтологическая часть, отражающая объективное состояние соответствующей реальности, её развитие, изменение и совершенствование. Вторая — философия права, сосредоточенная на проблемах диалектики, гносеологии и логики правовой жизни. Она методологически обслуживает как саму теорию права, так и все без исключения отраслевые юридические науки. Наконец, третья — учение о государстве, сфокусированное на анализе имеющих свою специфику явлений и процессов, происходящих в сфере собственно государственной. Все эти части, согласно концепции Д.А. Керимова, отнюдь не разделены непреодолимой границей. Напротив, они теснейшим образом взаимосвязаны, непрерывно взаимодействуют между собой, взаимопроникают, взаимообуславливают и обогащают друг друга.

Изложенным, конечно же, не исчерпывается вклад Джангира Аббасовича в историю общественно-гуманитарной мысли. В этом легко убедиться, прочитав его труды разных лет, затрагивающие широкий спектр вопросов и оказавшие существенное влияние буквально на все области современных правоведения и государствоведения¹⁰.

¹⁰ См., напр.: Керимов Д.А. Законодательная деятельность Советского государства (Основные принципы и организационные формы). М., 1955; *Его же*. Свобода, право и законность. М., 1960; *Его же*. Кодификация и законодательная техника. М., 1962; *Его же*. Философские проблемы права. М., 1972; *Его же*. Общая теория государства и права: предмет, структура, функции. М., 1977; *Его же*. Конституция СССР и развитие политико-правовой теории. М., 1979; *Его же*. Философские основания политико-правовых исследований. М., 1986.; *Его же*. Законодательная техника. М., 1988; *Его же*. Культура и техника

Разумеется, надо помнить, что жизнь не стоит на месте. Некоторые выдвинутые Д.А. Керимовым идеи, предложения прикладного характера в какой-то мере утратили актуальность, оставшись достоянием общественно-политической мысли. Но, как хорошо известно, его научные воззрения в подавляющем большинстве касаются основополагающих, фундаментальных аспектов общественного развития. В связи с этим совершенно уверен в том, что многочисленные труды ученого ещё долгие годы будут интересны и востребованы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бердяев Н.А. Русская идея. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 2020. С. 3.
2. Богомолов В.О. Момент истины (В августе сорок четвертого...). Л., 1981. С. 416.
3. Керимов Д.А. Законодательная деятельность Советского государства (Основные принципы и организационные формы). М., 1955.
4. Керимов Д.А. Законодательная техника. М., 1988.
5. Керимов Д.А. Избр. произведения: в 3 т. М., 2007.
6. Керимов Д.А. Кодификация и законодательная техника. М., 1962.
7. Керимов Д.А. Конституция СССР и развитие политико-правовой теории. М., 1979.
8. Керимов Д.А. Культура и техника законотворчества. М., 1991.
9. Керимов Д.А. Общая теория государства и права: предмет, структура, функции. М., 1977.
10. Керимов Д.А. Основы философии права. М., 1992.
11. Керимов Д.А. Проблемы общей теории права и государства: в 3 т. М., 2001. Т. 1. Социология права; 2002. Т. 2. Философия права; 2003. Т. 3. Правовое государство.
12. Керимов Д.А. Свобода, право и законность. М., 1960.
13. Керимов Д.А. Философские основания политико-правовых исследований. М., 1986.
14. Керимов Д.А. Философские проблемы права. М., 1972.
15. Русская философия права: философия веры и нравственности. Антология / сост.: А.П. Альбов, Д.В. Масленников, А.И. Числов, С.В. Филиппова. СПб., 1997. С. 391.
16. «Смерш»: исторические очерки и архивные документы / редкол.: А.Г. Безверхний (гл. ред.) и др.; авт. кол.: В.С. Христофоров, В.К. Виноградов, О.К. Матвеев и др. 2-е изд., испр. и доп. М., 2005.
17. Стихотворения Н.А. Некрасова. Посмертное издание. Т. III. 1873—1877. С.-Пб., 1879. С. 289.

законотворчества. М., 1991; *Его же*. Основы философии права. М., 1992; *Его же*. Проблемы общей теории права и государства: в 3 т. М., 2001. Т. 1. Социология права; 2002. Т. 2. Философия права; 2003. Т. 3. Правовое государство; *Его же*. Избр. произведения: в 3 т. М., 2007.

18. *Тютчев Ф.И.* Полн. собр. соч. Письма: в 6 т. Т. 2 / сост. В.Н. Касаткина. М., 2003. С. 181.
19. *Чаадаев П.Я.* Полн. собр. соч. и избр. письма / сост. и коммент. С.Г. Блинова и др.; отв. ред. и авт. вступ. ст. З.А. Каменский. М., 1991. Т. 1. С. 469 (Памятники философской мысли).
10. *Kerimov D.A.* Fundamentals of Philosophy of Law. M., 1992 (in Russ.).
11. *Kerimov D.A.* Problems of General theory of law and state: in 3 vols. M., 2001. Vol. 1. Sociology of Law; 2002. Vol. 2. Philosophy of Law; 2003. Vol. 3. The Rule of Law (in Russ.).
12. *Kerimov D.A.* Freedom, law and legality. M., 1960 (in Russ.).
13. *Kerimov D.A.* Philosophical foundations of political and legal research. M., 1986 (in Russ.).
14. *Kerimov D.A.* Philosophical problems of law. M., 1972 (in Russ.).
15. Russian Philosophy of law: philosophy of faith and morality. Anthology / comp.: A.P. Albov, D.V. Maslennikov, A.I. Chislov, S.V. Filippova. SPb., 1997. P. 391 (in Russ.).
16. “Smeresh”: historical essays and archival documents / editorial board: A.G. Bezverkhny (ch. ed.), etc.; author col.: V.S. Khristoforov, V.K. Vinogradov, O.K. Matveev et al. 2nd ed., rev. and add. M., 2005 (in Russ.).
17. Poems by N.A. Nekrasov. Posthumous edition. Vol. III. 1873–1877. Saint-Petersburg, 1879. P. 289 (in Russ.).
18. *Tyutchev F.I.* Complete works. Letters: in 6 vols. Vol. 2 / comp. by V.N. Kasatkina. M., 2003. P. 181 (in Russ.).
19. *Chaadaev P. Ya.* Complete collection of works and selections. Letters / comp. and comment. S.G. Blinova et al.; ed. and auth. introductory article Z.A. Kamensky. M., 1991. Vol. 1. P. 469 (Monuments of philosophical thought) (in Russ.).

REFERENCES

1. *Berdyaev N.A.* Russian idea. The origins and meaning of Russian Communism. M., 2020. P. 3 (in Russ.).
2. *Bogomolov V.O.* The Moment of Truth (In August of the forty-fourth...). L., 1981. P. 416 (in Russ.).
3. *Kerimov D.A.* Legislative activity of the Soviet state (Basic principles and organizational forms). M., 1955 (in Russ.).
4. *Kerimov D.A.* Legislative technique. M., 1988 (in Russ.).
5. *Kerimov D.A.* Selected works: in 3 vols. M., 2007 (in Russ.).
6. *Kerimov D.A.* Codification and legislative technique. M., 1962 (in Russ.).
7. *Kerimov D.A.* The Constitution of the USSR and the development of political and legal theory. M., 1979 (in Russ.).
8. *Kerimov D.A.* Culture and technology of lawmaking. M., 1991 (in Russ.).
9. *Kerimov D.A.* General theory of state and law: subject, structure, functions. M., 1977 (in Russ.).

Сведения об авторе

САВЕНКОВ Александр Николаевич — член-корреспондент РАН, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, директор Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10; главный редактор журнала «Государство и право» РАН

Authors' information

SAVENKOV Alexander N. — Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Director of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia; Editor-in-Chief of the Journal “State and Law” of the Russian Academy of Sciences

ПЕРСПЕКТИВА КОНВЕРГЕНЦИИ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ И КИТАЯ КАК ЮРИДИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ МНОГОПОЛЯРНОСТИ В XXI СТОЛЕТИИ

© 2023 г. Г. Г. Небрятенко

*Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации, г. Москва;
Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону*

E-mail: gennady@nebratenko.ru

Поступила в редакцию 24.01.2023 г.

Аннотация. Статья посвящена сравнительно-правовому анализу Дальневосточного и Евразийского государства, представляющему научный интерес для синхронизации межгосударственного сотрудничества и стабилизации международной безопасности национальными средствами. Прагматичное взаимодействие крупнейших государств Евразии направленно на урегулирование противоречий современного миропорядка, во многом предопределенных стремлением США к глобальному распространению правил однополярного мироустройства. Объектом научной статьи являются сравнительно-правовые отношения Китайской Народной Республики и Российской Федерации в процессе конкретно-исторического развития национальных правовых систем, заключающие в себе кумулятивный потенциал для обеспечения всеобщего мира и безопасности. Предмет статьи выражается в компаративистском анализе китайской и российской правовой систем на базе исследования характерных черт романо-германского, социалистического и традиционного (обычного) права. В основе проведенного исследования сравнительно-правовая концепция Рене Давида и ее эпилог в редакции Камиллы Жоффре-Спинози, увенчавшая научные представления о типах права и правовых систем, а также утвердившаяся в гуманитарных науках периодизация исторических эпох, сложившихся в процессе поступательного развития человечества от Древнего мира до Новейшего времени. Методологической базой научного познания стало применение сравнительно-юридического метода, историко-правового и формально-логического, а также системно-структурного метода. В итоге сделан вывод о безусловном влиянии на китайскую правовую систему признаков «семьи социалистического права», с учетом заявленного к 2049 г. строительства коммунизма, а также завершения проекта «Один пояс — один путь» (Великий шелковый путь). Одновременно в Российской Федерации сложилась правовая система романо-германского типа, но Российская Федерация как правопреемница Союза ССР на своей территории и в международных организациях, остается родоначальницей семьи социалистического права, что является вкладом отечественной науки в развитие всемирной юриспруденции. Однако для семьи романо-германского права Российская Федерация слишком масштабна в историко-географическом плане и специфична по юридическому значению, поэтому более точным является представление о самодостаточности национальной правовой системы, у которой в настоящее время, очевидно, доминируют признаки континентального права. Механическое отнесение российской правовой системы к типу романо-германского права, произошедшее на уровне доктрины в 90-е годы XX в., является предсказуемым решением, связанным с представлением о существовании квартета правовых семей. Однако Рене Давид в советский и постсоветский периоды рассматривал Россию отдельно от правовых систем Старого Света и «младоевропейских государств», провозглашенных в XX столетии и не оказывающих суверенного влияния на развитие всемирной юриспруденции. Эти и другие концепты, рассмотренные в статье, иллюстрируют особое место Российской Федерации и Китайской Народной Республики в многополярном мире, а также их роль как ответственных участников международного сотрудничества.

Ключевые слова: национальная правовая система, правовая система общества, правовая семья, романо-германское право, социалистическое право, традиционное право, глобализм, международная безопасность, международная правовая система, российская правовая система, китайская правовая система, многополярность, конвергенция правовых систем, «Один пояс — один путь», Великий шелковый путь.

Цитирование: Небрatenko Г.Г. Перспектива конвергенции правовой системы России и Китая как юридическое измерение многополярности в XXI столетии // Государство и право. 2023. № 7. С. 44–54.

DOI: 10.31857/S102694520024182-1

THE PROSPECT OF CONVERGENCE OF THE LEGAL SYSTEM OF RUSSIA AND CHINA AS A LEGAL DIMENSION OF MULTIPOLARITY IN THE XXI CENTURY

© 2023 G. G. Nebratenko

*Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Moscow;
Southern Federal University, Rostov-on-Don*

E-mail: gennady@nebratenko.ru

Received 24.01.2023

Abstract. The article is devoted to the comparative legal analysis of the Far Eastern and Eurasian states, which is of scientific interest for synchronizing interstate cooperation and stabilizing international security by national means. The pragmatic interaction of the largest states of Eurasia is aimed at resolving the contradictions of the modern world order, largely predetermined by the desire of the United States for the global spread of the rules of the unipolar world order. The object of the scientific article is the comparative legal relations of the People's Republic of China and the Russian Federation in the process of concrete historical development of national legal systems, which contain cumulative potential for ensuring universal peace and security. The subject of the article is expressed in a comparative analysis of the Chinese and Russian legal systems based on the analysis of the characteristic features of Romano-German, socialist and traditional (customary) law. The theoretical basis of the research is based on the comparative legal concept of Rene David and its epilogue edited by Camille Joffre-Spinosi, which crowned scientific ideas about the types of law and legal systems, as well as the periodization of historical epochs established in the humanities in the process of progressive development of mankind from the ancient world to Modern times. The methodological basis of scientific knowledge was the use of the comparative legal method, the historical-legal and formal-logical, as well as the system-structural method. As a result, the conclusion is made about the unconditional influence of the signs of the “family of socialist law” on the Chinese legal system, taking into account the declared construction of communism by 2049, as well as the completion of the “One Belt, One Road” project (the Great Silk Road). At the same time, a right-wing system of the Romano-Germanic type has developed in the Russian Federation, but Russia, as the legal successor of the USSR on its territory and in international organizations, remains the ancestor of the family of socialist law, which is the contribution of domestic science to the development of world jurisprudence. However, for the family of Romano Germanic law, the Russian Federation is too large in historical and geographical terms and is specific in legal significance, therefore, the idea of self-sufficiency of the national legal system, which is currently obviously dominated by signs of continental law, is more accurate. The mechanical attribution of the Russian legal system to the type of Romano-Germanic law, which occurred at the level of doctrine in the 90s of the XX century, is a predictable decision related to the idea of the existence of a quartet of legal families. However, Rene David in the Soviet and post-Soviet period considered Russia separately from the legal systems of the Old World and the “Young European states” proclaimed in the XX century and not having a sovereign influence on the development of world jurisprudence. These and other concepts discussed in this article illustrate the special place of the Russian Federation and the People's Republic of China in the legal world, as well as their role as responsible participants in international cooperation.

Key words: national legal system, legal system of society, legal family, Romano-Germanic law, Socialist law, traditional law, globalism, international security, international legal system, Russian legal system, Chinese legal system, multipolarity, convergence of legal systems, “One belt, one way”, The Great Silk Road.

For citation: Nebratenko, G.G. (2023). The prospect of convergence of the legal system of Russia and China as a legal dimension of multipolarity in the XXI century // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 7, pp. 44–54.

Гуманитарные науки, частью которых выступают юриспруденция, периодизируют человеческую цивилизацию на Древний мир, Средние века, Новое и Новейшее время, причем смена эпох сопровождается тектоническими изменениями государства и права: падение Западно-Римской империи (476 г.) и Восточно-Римской (1453 г.); Российской Империи (1917 г.), а также Австро-Венгерской и Германской (1918 г.)¹. Новейшее время открылось по итогам Первой мировой войны с заключением Версальского договора (1919 г.), характеризующаясь прогрессивным развитием науки и техники, ростом промышленности и автоматизации труда. При этом завершение Второй мировой войны (1945 г.), а также упразднение Союза ССР (1991 г.) с предшествовавшим ей роспуском «стран социалистического лагеря» оказали конститутивное влияние на реальность Новейшего времени, к тому же сложившаяся в научном сообществе линейная модель человеческого прогресса оказалась выгодна англосаксонским государствам. Последние рассматриваются в ее рамках не поверженными и поэтому непогрешимыми, что на идеологическом уровне создает иллюзию их глобального превосходства. Хотя англосаксонское доминирование в XXI столетии вошло в противоречие с человеческим прогрессом и принципами международной безопасности, ущемляя национальные интересы многотысячелетней Индии, Ирана, Китая, а также тысячелетней России.

Нации древнейших государств Евразии, впитавших культуру основных исторических эпох, совокупно пережитых человечеством, сформировались в результате длительной нелинейной эволюции, и в их орбиту вовлечены сотни различных по правовой культуре народов. Совместное проживание этносов привело к распространению цивилизации и развитию правовой культуры, стремительной эволюции регионов за счет государственной поддержки их экономики, образования, медицины, транспорта, а также обеспечения безопасности и правопорядка. В итоге сформировались многонациональные народы, соединенные общей судьбой на своей земле, стремящиеся к сохранению исторически сложившегося политического единства, как справедливо замечено в преамбуле Конституции РФ.

Сложившаяся в итоге модель «континентального многонационального государства» отличается от «трансконтинентальных империй», в свое время устроенных Великобританией, Испанией, Нидерландами, Португалией, Францией и Японией, рассматривавших взаимодействие с «национальными окраинами» как диалог с колониями,

выполнявшими роль донора для поддержания благосостояния метрополии. Аналогичный образ международного взаимодействия впитали Соединенные Штаты Америки, ставшие идеологическим и миграционным порождением Западной Европы, в первую очередь Великобритании и Ирландии. Многие субъекты международного права в XXI в. испытывают на себе «постколониальный диктат» и вынуждены подчиняться навязываемым «правилам однополярного глобального мироустройства», а суверенные государства реагировать на поставляемую международную «повестку дня». Впрочем, в Новейшее время лекала «колониальной политики» пробуксовывают, и для продолжения глобального доминирования нередко используются негодные средства. К ним относятся: незаконное уязвление экономики конкурентов; финансирование экстремистских и террористических ячеек; организация массовых беспорядков вплоть до устройства «цветных революций»; физическое устранение негодных политических деятелей; осуществление провокаций с применением отравляющих химических веществ, а также проведение опасных экспериментов с объектами вирусологической этиологии. Кроме того, целенаправленно создаются условия для локальных конфликтов с вовлечением сил и средств НАТО по сценарию, уже апробированному в Ираке, Ливии, Сирии, в республиках бывшего СССР и Югославии.

Волюнтаристский подход к замораживанию претензий на глобальное превосходство грозит миру завершением исторической эпохи как варианта окончания Новейшего времени, но балансировка на грани апокалипсиса не устраивает суверенные нации, стремящиеся к многополярности. Поэтому единение международно-правовых позиций Китайской Народной Республики и Российской Федерации неизбежно. Многие другие нации и народы, следуя здравому рассудку, стремятся сохранить собственную идентичность, менталитет и правовую культуру. Тем более что в процессе смены исторических эпох наблюдается тенденция к ускорению человеческого прогресса, и если Древний мир эволюционировал тысячелетиями, то Средние века длились менее тысячи лет (477~1453 гг.), а Новое время развивалось около пятисот лет (1454~1918). Сколько отмерено Новейшему времени, неизвестно, кроме того, что это произойдет.

В 2019 г. Новейшее время перешагнуло столетний рубеж, что ознаменовалось началом глобальной пандемии COVID, продемонстрировавшей, что поступательное развитие человеческого прогресса пробуксовывает. Длительное время наблюдается деконструкция агрегатов международной правовой и торговой системы, экспортирование социальной аномии, стагнация общеевропейской

¹ См.: Лурье Ф. М. Российская и мировая история в таблицах: синхронизированные таблицы. СПб., 1995.

экономики, а также депопуляция коренного населения. Существенными условиями для депопуляции стало покушение на классические семейные ценности, проведение экспериментов с «гендерной социализацией» детско-юношеской среды и вовлечение молодежи в криминальную деятельность, в первую очередь за счет наркотизации².

В XXI в. континентальная Европа утратила роль авангарда всемирной цивилизации, став частью света, где зарождаются глобальные противоречия и возникают масштабные конфликты, а США и Великобритания оказались не в состоянии справиться с грузом ответственности за судьбы наций. В Новейшее время они используют лидирующие позиции для обогащения финансово-промышленных элит за счет поглощения ресурсов, принадлежащих другим народам, делая это вопреки интересам собственного населения, например, насаждением гендерной теории, обезличивающей биологический вид и ограничивающей возможность его естественного воспроизводства. Поэтому будущее прогресса с прицелом на XXII столетие закладывается в современной Азии, лишенной колониальных амбиций и безудержной алчности национальной буржуазии, но достаточно богатой, в первую очередь человеческим ресурсом. Стагнация Новейшего времени повышает уровень ответственности государств, предлагающих идти по пути здравого рассудка, развивая цифровые технологии с целью обеспечения человеческого прогресса без деиндустриализации и дегуманизации общества³.

Для научного сообщества Китайской Народной Республики и Российской Федерации актуализирована разработка путей преодоления глобальных противоречий путем развития «многополярного миропорядка», основанного на равноправии наций, достигаемого отменой постколониальной эксплуатации народов, маскируемой гуманизмом и демократией, а также противодействием инспирируемым извне «террористическим угрозам». В результате международно-правовые позиции КНР и Российской Федерации сближаются. Для урегулирования межгосударственных интересов действует Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой от 16 июля 2001 г.⁴

² См.: *Варданян А. В.* «Золотая молодежь» как специфическое явление в структуре современной насильственной преступности и объект криминалистического исследования // *Криминалистические проблемы эффективности борьбы с преступностью и иными правонарушениями среди молодежи.* Уфа, 2019. С. 19–25.

³ См.: *Шатковская Т. В., Епифанова Т. В., Вовченко Н. Г.* Трансформация структуры механизма правового регулирования в условиях цифровой экономики // *Проблемы экономики и юридической практики.* 2018. № 3. С. 142–146.

⁴ См.: СЗ РФ. 2002. № 21, ст. 1922.

Вышеизложенное актуализирует компаративистское исследование КНР и Российской Федерации, позволяющее «сверять часы» при строительстве многополярного механизма преодоления глобальных противоречий и катаклизмов, например, посредством международной евразийской организации «Шанхайская организация сотрудничества» или группы государств БРИКС. Тем более что ханьцы и русские как государствообразующие этносы различны по материальной культуре, но идентичны по идеалистическому мировоззрению, склонности к патерналистской форме традиционализма, а также к межличностной толерантности. Однако китайское общество сохраняет верность маоизму как национальной разновидности марксизма, что отражено в преамбуле Конституции КНР⁵. В России же авторитет создателя Советского государства В. И. Ленина и строителя социалистического общества И. В. Сталина развеян, что с идеологической точки зрения объясняет деконструкцию Союза ССР. Общество с середины 80-х годов XX в. подтачивается западной субкультурой «либеральных ценностей», сохраняя склонность к межэтнической дисперсии, а государственная или иная обязательная идеология запрещена как таковая (ст. 13 Конституции РФ).

В современном Китае, устроенном на основе политического централизма, сложилось стабильное общество социалистического типа, передовая экономика носит многоукладный суверенный характер и в ее основе лежит планово-административный механизм, сделавший Дальневосточное государство одним из флагманов мировой промышленности и торговли. В то же время российское общество после деконструкции общесоюзной государственности до конца не оформилось как капиталистическое, закладка принципов рыночной экономики в 90-е годы XX в. основывалась только на приватизации государственной собственности, приводившей к оскудению федерального бюджета, экономии на социальных программах и, как следствие, к депопуляции населения. В результате череды реформ отечественная экономическая система была подготовлена к встраиванию в глобальное экономическое пространство, но англосаксонские государства *de facto* не готовы признать и принять «Новую Россию», игнорируя ее национальные интересы и уязвляя безопасность, покушаясь на политический суверенитет, который отчасти утрачен странами континентальной Европы.

⁵ См.: Конституция КНР (принята 04.12.1982 г., с изм. на 1-й сессии Тринадцатого Всекитайского собрания народных представителей 11.03.2018 г.), 2022 [Электронный ресурс] // Портал законов Китая – CJO // <https://ru.chinajusticeobserver.com/law/x/constitution-of-china-20180318> (дата обращения: 11.11.2022).

Между тем, невзирая на имеющиеся различия, сфера образования и науки обоих государств адаптирована к взаимовыгодному сотрудничеству, заложенному советскими учеными и инженерами, помогавшими в 1949–1956 гг. в строительстве Китайской Народной Республики. В дальнейшем КНР неизменно учитывала многоаспектный советский и постсоветский опыт. В ведущих российских вузах осуществляется обучение специалистов и аспирантов из Китая, при этом дальневосточные университеты встречно предоставляют образовательные гранты для талантливой молодежи из России, освоившей китайский язык. Поэтому в научной среде складывается единое гуманитарное пространство, и в области юриспруденции учеными обоих государств признается ставшее классическим учение Рене Давида.

Французский компаративист предложил универсальное представление о национальных правовых системах, основанное на их классификации по «семьям права», что позволяет на глобальном уровне комплексно исследовать правовое развитие иностранных государств, не заикливая юридическую науку только на знаниях об отечественном законодательстве и международном праве. В свое время ученый верно смоделировал механизм правового регулирования общественных отношений, позволяющий эффективно влиять на уровень законности, правопорядка и безопасности. Универсальность представлений о правовых системах заключается в том, что указанная доктрина в равной степени характеризует регулятивное развитие собственной нации и неограниченного множества иных субъектов международного права, подпадающих под определение государства с присущими ему признаками.

Поэтому под национальной правовой системой следует признать конкретно-историческую совокупность права, правосознания и юридической практики, во взаимодействии обеспечивающих правовое регулирование общественных отношений и характеризующих уровень развития правовой культуры. При этом «право» сегментировано как регулятивный элемент вне зависимости от формы наполняющих содержанием его источников. «Правосознание» выражается в доминирующих на идеологическом и психологическом уровне представлениях населения и публичной власти о праве и справедливости. Наконец, «юридическая практика» является связующим прикладным элементом национальной правовой системы, непосредственно задействованным в процессе нормотворчества, толкования и правоприменения.

Общепризнанность концепции Рене Давида в юридической компаративистике завоевывалась продолжительное время, хотя монография

«Основные правовые системы современности (Сравнительное право)» впервые была переведена на русский язык в 1967 г.⁶, изменив воззрения о «правовой карте мира», а также подтолкнув к формированию представлений о «юридической таксономии» как иерархичной взаимообусловленности правовой системы, системы права и системы законодательства. Научно-теоретическая апробация доктрины привела к появлению новой категории «правовая система общества», приспособленной к конкретно-исторической экспликации в рамках национальных правовых систем и составляющих «региональных правовых систем», а также в контексте международной правовой системы, выраженной в универсальном и межрегиональном формате.

Доктрина Рене Давида в свое время получила масштабное прикладное распространение, так как «легализовала» экспортировавшуюся в 50–80-е годы XX в. советскую модель государства и права, поскольку основные существовавшие на политической карте мира национальные правовые системы были классифицированы на «романо-германскую семью права», «социалистическое право», а также «общее право». Автор уяснил перспективность «социалистического права», уместного к распространению после окончания Второй мировой войны как следствие победы над нацизмом, в решающем значении в которой СССР никто не сомневался, дегуманизации фашистской идеологии и утраты легитимности колониальной политики Запада, поскольку ее косвенным результатом стало появление нацистской Германии, фашистской Италии и милитаристской Японии. После окончания Второй мировой войны происходили тектонические изменения: возникла Организация Объединенных Наций (1945 г.); на базе Британской империи появилось «Содружество наций», и У. Черчиллем в Цюрихском университете была озвучена идея создания «Соединенных Штатов Европы» (1946 г.); США провозгласили программу помощи Европе (План Маршалла), а Японии была «дарована» Конституция (1947 г.).

В сложившихся условиях социалистические идеи возобладали в государствах победившей «народной демократии» (Албания, Болгария, Венгрия, Германская Демократическая Республика, Куба, Польша, Румыния, Чехословакия и Югославия), а колонизированные народы Азии и Африки получили шанс на суверенную государственность. Для многих примером ее строительства стала Россия, где впервые в мире возникло «советское государство», на практике воплотились идеи «развитого

⁶ См.: Давид Р. Основные правовые системы современности (Сравнительное право) / пер. с франц. М.А. Крутоголова и В.А. Туманова; предисл. В.А. Туманова. М., 1967.

социалистического общества», декларировалась логичная, но на практике утопическая коммунистическая доктрина. В результате вплоть до крушения «двухполюсного миропорядка» возникло более двух десятков национальных правовых систем, составлявших семью социалистического права, в том числе с выбравшими аналогичный путь развития странами «третьего мира». В XXI столетии немногие государства сохранили верность избранному пути (например, Китайская Народная Республика, Корейская Народно-Демократическая Республика, Социалистическая Республика Вьетнам, Республика Куба или Лаосская Народно-Демократическая Республика). Впрочем, благодаря распространению «социалистического права» государства классического капитализма были вынуждены перейти к юридическому закреплению и соблюдению всеобщих прав и свобод человека, чтобы исключить смену политического режима в собственном домене⁷.

Послевоенные реалии были всесторонне учтены Рене Давидом, которым одновременно с тремя классическими правовыми семьями выделялись «другие виды общественного строя и права», включавшие национальные правовые системы, в настоящее время определяемые к семье религиозного права, а также традиционного (обычного) права. Однако в технико-юридическом плане «неофиты» имели модель одного из классических типов правовых систем, но на идеологическом уровне сохранялись традиционно-религиозные или философско-мировоззренческие детерминанты. Поэтому для религиозной или традиционной семьи права характерна универсальность юридической формы и специфичность идеологического содержания, при этом под категорией «семья права», как и прежде, понимается совокупность национальных правовых систем, обобщенных на основе анализа технико-юридического и идеологического признаков. Впрочем, последний род признаков имеет расширительное общегуманитарное значение, отражающее духовно-нравственные, общественно-политические и социально-экономические особенности развития общества.

Между тем Китайская Народная Республика, отнесенная Рене Давидом к группе правовых систем Дальнего Востока, непрерывно с 1949 г. строит советское государство и развивает социалистическое общество, усвоив многоаспектный опыт родоначальника социалистического права. С учетом принципиальности китайцев в решении стоящих перед ними задач на пути достижения искомой цели, за более чем 74 года, прошедших с момента провозглашения КНР, добились значительных успехов, при

этом сама Советская Россия функционировала — 74 года (1917–1991 гг.). Поэтому стало уместным юридическое представление о Китае с учетом характерных черт социалистического права: построение советского государства и развитие социалистического общества; превалирование над правами человека законных интересов общества и государства, где обязанности доминируют над правами; доминирование материалистического правопонимания на основе марксистского учения Мао Цзэдуна с учетом классового подхода. К данным признакам также относятся: превалирование норм политики над нормами права, выраженное в примате коммунистической доктрины как составной части государственной идеологии; особая роль правового воспитания в обеспечении законности и правопорядка; наличие развитой системы права и законодательства; построение многоукладной экономики как антипода либеральной рыночной системе; гармоничное сочетание господствующей политической доктрины с философско-мировоззренческими школами, присущими китайской нации.

В идеологической основе государственного и общественного строя Китайской Народной Республики на официальном уровне заложена доктрина Мао Цзэдуна, личность и воззрения которого сохранили привлекательность в общекитайском правосознании. Хотя он стремился побороть пережитки тысячелетиями формировавшихся философско-мировоззренческих школ, некоторые из которых до сих пор сохраняют популярность, например, у простого народа — концепты даосизма, а молодежь и чиновничество различного уровня подпитывается идеями конфуцианства, не противоречащими коммунистической доктрине, где в основе общественного порядка закладывается социальная справедливость. Поэтому благодаря прагматической деятельности Дэн Сяопина, Цзян Цзэмина и Ху Дзиньтао государство добилось больших успехов, фактически заняв на международной арене место бывшего Союза ССР как конкурента капиталистическим странам⁸.

В настоящее время для политического руководства и населения Дальневосточного государства строительство коммунизма остается общественно признанной целью, намеченной на 2049 г., что определил XX Всекитайский съезд Коммунистической партии Китая, прошедший в Пекине 16–22 октября 2022 г. под председательством генерального секретаря Си Цзиньпина. Поэтому коммунистическая доктрина, под которую подведена научная основа марксизма-маоизма, учтена

⁷ См.: Всеобщая декларация прав человека, принятая резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 г. // Росс. газ. 1995. 5 апр.

⁸ См.: *Небратенко Г.Г.* Государственно-правовая доктрина Мао Цзэдуна как идеологическая основа становления Китайской Народной Республики // *История государства и права.* 2022. № 10. С. 16–22.

в китайском законодательстве, при этом национальные традиции также оказывают гуманитарное влияние на общественное правосознание по принципу «мягкой силы». Законодательство, политическая доктрина и принципы философско-мировоззренческих школ дополняют друг друга, при этом нормативные правовые акты имеют безусловное распространение в сфере публичных отношений, в частных — приветствуются стремление к гармонии с внешним миром, а при возникновении конфликта — примирение путем медиаторского посредничества. Используемые в этом случае «народные традиции» дополняют механизм правового регулирования общественных отношений, но в СССР они считались пережитком прошлого, что в итоге не помешало становлению в КНР советского государства и права.

Между тем после деконструкции СССР российская правовая система механически стала считаться частью семьи романо-германского права, поскольку были исключены условия для пролонгации советского государства и права. Но на конституционном уровне с 2020 г. закреплена идея правопремущества Российской Федерации от Союза ССР на своей территории и в рамках международной правовой системы (ст. 67¹ Конституции РФ), а у широких слоев населения, особо у старшего поколения, сохраняется ностальгическое отношение к советскому прошлому, причем на уровне правосознания. Введение данной нормы стало важной вехой конституционной реформы 2020 г.⁹ В социально-регулятивной сфере преобразования влияют на общественное правосознание, в котором признается ценность семейных традиций, здорового образа жизни, коллективного труда, законных интересов общества и государства. Кроме того, на конституционном уровне с 1993 г. Российская Федерация провозглашена социальным государством (ст. 7 Конституции РФ), и в основе данной нормы заложена доктрина социальной справедливости, встречающаяся в учении В.И. Ленина, правда, в классовом понимании. В свое время стремление к «социальной справедливости» воодушевило народ будущего Острова свободы к Кубинской революции 1959 г.

В Российской Федерации с самого начала отказались от правового централизма, перейдя к юридическому плюрализму, строящемуся на множественности представлений о праве. Поэтому школа материалистического правопонимания считается не актуальной, а интерес к теории государства уступает дискурсу в сфере теории права, что не вполне

оправданно¹⁰. В результате современный Китай по инерции рассматривается в российской науке как ведущий представитель группы правовых систем Дальнего Востока (вместе с Японией), как предложил Рене Давид, ушедший из жизни в 1990 г. и не заставший распада СССР.

Хотя французский компаративист обращал внимание на волю Китая к реформам, проводимым на пути строительства коммунизма, но он физически не увидел расцвета Китайской Народной Республики. В одной из последних работ отмечал, что проведенные преобразования пока не привели к отказу от традиций, укоренившихся в народном сознании, с которыми считается политическое руководство, что предопределяет особый китайский путь к коммунизму, отличный от выбранного Советским Союзом¹¹.

Рене Давид недооценил тот факт, что на пути от традиционного государства в сторону коммунистического общества неизбежно лежит стадия социализма, особо, если сложившийся общественный строй имеет классовую основу, а государственный строй характеризует советская мажоритарная модель «народного представительства». Поэтому изначальное отнесение китайской правовой системы к семье традиционного права предопределялось «неформатным устройством КНР» по отношению к СССР как родоначальнику советского государства и права. Ведь классовой основой революции, приведшей к возникновению в 1949 г. Китайской Народной Республики, стало сельское население ханьского происхождения, представлявшего большинство китайской нации, что рассматривалось в СССР после 1956 г. как «коммунистический национализм» в противовес концепту «советского интернационализма». В то же время большевики при строительстве Советской России опирались на национальные меньшинства и пролетариат, проживавший в городах, при этом интересы русского большинства ущемлялись при разрушении унитарной государственности и возведении на ее основе парадигмы федеративной республики, концептуализированной в рамках политики коренизации в 20–30-х годах XX в.

Тем не менее в XXI столетии у китайской правовой системы объективно перевешивают признаки «семьи социалистического права» технико-юридического и идеологического характера, предопределенные централизмом коммунистической доктрины, невзирая на существующую многопартийность, представленную рядом либеральных партий,

⁹ См.: Клеандров М.И. Конституционные изменения 2020 г. и механизм правосудия: плюсы и минусы // Государство и право. 2020. № 10. С. 8.

¹⁰ См.: Кроткова Н.В. Взгляд на отечественную теоретико-правовую науку // Право и государство: теория и практика. 2018. № 3. С. 81.

¹¹ См.: Давид Р. Основные правовые системы современности / пер. с франц. и вступ. ст. В.А. Туманова. М., 1988. С. 437.

но правящей неизменно является КПК, а также синкретизмом в китайском правосознании даосизма, маоизма и конфуцианства. Государственный строй Китая в прямом смысле носит советский характер, строясь на мажоритарной системе «народных советов» различного уровня. КНР имеет унитарное устройство с предоставлением автономии национальным меньшинствам в отличие от Союза ССР, являвшегося асимметричной федерацией, сформированной по сложно сочетавшемуся национально-территориальному признаку и административно-территориальному¹².

Однако для Российской Федерации характерные черты социалистического права не актуальны, при этом и для семьи континентального права российская правовая система слишком массивна, а государственность — в конкретно-историческом плане специфична, поэтому не типична. В этой связи отечественную правовую систему как самодостаточную логичней рассматривать отдельно от романо-германской семьи права, как предложено в обновленной Камиллой Жоффре-Спинози концепции Рене Давида¹³. Российская нация спаяна славянскими, финно-угорскими, татарскими и прочими народами, среди которых нет коренных ромеев или германцев. Да и сама семья романо-германского права в географическом плане буквально может считаться «континентальной», если включает правовую систему России и бывших союзных республик Закавказья и Средней Азии, расположившихся в азиатской части континента. Кроме того, с идеологической точки зрения российская правовая система имеет особенности, безоговорочно отличающие ее от иных государств романо-германской семьи, которые в общегуманитарной сфере, влияющей на формирование правосознания, обобщены в емком термине «Русский мир», строящейся на духовно-нравственном примате Русской Православной Церкви, держащейся вместе с буддизмом, исламом и иудаизмом. А сплачивающей основой «Западного мира» стали либеральные ценности, *de facto* разрушающие общественное единство народов и многих государств Европы.

В настоящее время российская правовая система характеризуется следующими чертами: формированием правового государства и гражданского общества; превалированием прав человека над законными интересами общества и государства, при этом права доминируют над обязанностями;

господствующим правовым и политическим плюрализмом; превалированием нормативного правового акта как доминирующей формы (источника) права. К данным признакам также относятся: запрет государственной или иной обязательной идеологии, подмененной концептами правовой идеологии; проникновением юриспруденции во все сферы жизнедеятельности человека, общества и государства; наличием развитой иерархичной системы власти, права и законодательства; стремлением к строительству рыночной экономики, в основе которой все-таки лежит ее либеральная модель.

Поэтому в XXI столетии Китайская Народная Республика и Российская Федерация имеют много различий, но миссия трансграничных государств заключается в координации усилий по обеспечению многополярного устройства и международной безопасности, в том числе в Европе, с которой Азия делит один материк и где *de jure* расположены два евразийских государства: Российская Федерация и Турецкая Республика. Лакмусом успеха в сотрудничестве Востока и Запада является возрождение к 2049 г. «Великого шелкового пути». Международная экономическая стратегия, объединяющая стабильными торговыми путями многие государства под названием «Один пояс — один путь» была провозглашена Си Цзиньпином осенью 2013 г.¹⁴ Однако уже в ноябре 2013 г. на Украине начался «евромайдан», приведший в итоге к неконституционной смене власти и к парализации важнейших торговых магистралей возводимого «Шелкового пути» из Азии в Европу. Впрочем, любые препятствия к развитию прогресса, рано или поздно исключаются человечеством, и, наверное, в этом состоит подлинная цель динамичного сотрудничества Китайской Народной Республики и Российской Федерации, а также заключается практическая значимость исследования возможностей конвергенции национальных правовых систем обоих государств.

Таким образом, перспективы конвергенции правовой системы России и Китая в контексте юридического измерения многополярности основываются на общем для государств традиционалистском мировоззрении, лежащем в основе правосознания наших народов, а также зиждутся на советском социалистическом прошлом, выраженном в самодостаточности российской правовой системы, обладающей технико-юридическими признаками романо-германской правовой семьи, не способными раскрыть ее идеологическую сущность, в первую очередь духовно-нравственную. Даже в постсоветском облике Российская Федерация остается родоначальницей семьи социалистического права,

¹² См.: Фойгель Е. И. Перспективная модель государственного устройства «симметричная федерация» в контексте обеспечения национальной безопасности России // *Lex russica* (Русский закон). 2020. Т. 73. № 9. С. 39–48.

¹³ См.: Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности. М., 2009. С. 130–220.

¹⁴ См.: Chen Q. Chinese and Russian Transport Corridors and the Belt and Road Initiative: Prospects of Sino-Russian Cooperation // *R-Economy*. 2020. Vol. 6. No. 2. P. 100, 101.

нашедшего продолжение в «юридическом быте» Китайской Народной Республики и у некоторых других государств, преимущественно расположенных в Юго-Восточной Азии.

Благодаря конкретно-историческому правовому опыту Китайской Народной Республики, а также Корейской Народно-Демократической Республики, Социалистической Республики Вьетнам, Республики Куба или Лаосской Народно-Демократической Республики следует констатировать, что в XXI столетии семья социалистического права сохраняет актуальность для юридической науки и прикладную значимость в международных отношениях. КНР *de facto* стала продолжателем советского государства и права, развивая социалистическое общество по пути строительства «китайского коммунизма». Однако переход китайцев к социалистической общественно-политической формации оказался по-восточному гармоничен, и рецепция марксизма при посредничестве СССР, сделавшего многое для становления Китайской Народной Республики в 1949–1953 гг., не привела к нивелированию национальной культуры, менталитета и правовых традиций ханьцев (этнического государствообразующего большинства). Успехи современного Китая свидетельствуют о верности пути, избранного в материальной и идеологической сфере; в этом смысле тернистым оказался конкретно-исторический опыт России, в 1917 г. изменившей форму государства, а в 1991 г. утратившей признаки советского государства и права.

Такого уровня государственно-правовые катаклизмы может пережить терпеливый народ, сохраняющий волю к совместному проживанию представителей различных этносов и конфессий, спаянных Богом в единую нацию. Ведь радикальные изменения вектора развития Российского государства практически останавливают темп прогрессирования отечественной цивилизации, ломают сущность правового регулирования общественных отношений. В этом смысле Китай, также неоднократно в XX в. переживавший революции, продемонстрировал гибкость в развитии национальной правовой системы, изменив форму правления (1911 г.), став подлинно «народной республикой» (1949 г.). Неизменным оказывался традиционный оттиск национальной правовой системы при буржуазном правительстве Чан Кайши или коммунистах во главе с Мао Цзедунем, хотя в нормотворческом процессе производилась рецепция римского права, а с 1949 г. советского. Поэтому в законодательстве КНР дуалистично уживаются характеристики различных типов права, но с учетом выбранного пути и достигнутых в этом успехов в XXI в. признаки семьи социалистического права стали основой государственного

и общественного строя, а традиционализм отражается в правосознании.

В то же время на международной арене и в отечественном правоведении КНР по инерции рассматривается как традиционалистское государство, но в самом Китае разгоняются темпы строительства многоукладного «китайского коммунизма», при этом официально закреплён классовый статус буржуазии как при НЭПе в СССР 1921–1928 гг. За рубежом КНР выступает одним из гарантов международной безопасности, угрозу которой представляют глобальные амбиции некоторых стран «коллективного Запада». Однако реализация задач глобализации апокалипсична, поэтому активное участие Китайской Народной Республики и Российской Федерации в складывании условий к справедливому многополярному миропорядку дает шанс суверенным нациям на дальнейшее естественное развитие человеческого прогресса за пределами XXI столетия.

Что касается национальных правовых систем, то они могут рассматриваться отдельно от семьи романо-германского и традиционного (обычного) права, в контексте предложенного в свое время Рене Давидом «социалистического права»: «российская постсоветская правовая система» и «китайская социалистическая правовая система», что не отрицает их гибридных черт с романо-германским и традиционным правом соответственно. В отношении России эта идея апробирована в обновленной Камиллой Жоффре-Спинози концепции Рене Давида, где отечественное государство и право рассматриваются самодостаточно вне прочих семей права. С учетом современных реалий этот «тип правовых систем» логичней именовать «семья постсоветского и социалистического права», очевидно, состоящего из двух групп правовых систем.

Укоренившееся в юридической науке представление о квартете семей права не в полной мере отражает правовую картину мира, сложившуюся после деконструкции двухполярного мироустройства и его глобализации. Сложившееся в доктрине представление должно совершенствоваться концептуализацией квинтета правовых семей как результат политики многополярности в юридическом измерении. Появление «новой» правовой семьи предопределяется уровнем становления международного права, разрушаемого политикой глобализации, связано с конкретно-историческим развитием Китайской Народной Республики и Российской Федерации в XXI в., складыванием перспектив для конвергенции их национальных правовых систем. Результативность сближения права зависит от эффективности совместной работы на международной платформе ШОС, а также от укрепления двухстороннего сотрудничества

в контексте международной экономической стратегии «Один пояс — один путь».

Следующим шагом в развитии «доктрины квинтета правовых семей» может стать ревизия типовой принадлежности иных национальных правовых систем, которым в той или иной степени присущи признаки постсоветского или социалистического права. Впрочем, техническое отнесение российской правовой системы к семье романо-германского права может продолжиться впредь, но будет означать экстраполирование на Российскую Федерацию проблем европейского права и государства, отказавшегося от классических континентальных ценностей в пользу конвергенции с либеральной англосаксонской моделью, сопряженно с угрозой утраты национальной идентичности, финансов, в перспективе — суверенитета. Пролонгацию же причисления китайской правовой системы к типу традиционного (обычного) права можно считать отказом от признания объективной реальности, обоснованным только оскоминой от централизма материалистического правопонимания, господствовавшего в советском правоведении, в какой-то мере присущего КНР. Однако правильная оценка обстановки была и остается залогом верности юридического прогнозирования для принятия юридически значимых решений, связанных с преодолением угроз национальной безопасности и формированием условий к складыванию приемлемого многополярного миропорядка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Варданыан А.В.* «Золотая молодежь» как специфическое явление в структуре современной насильственной преступности и объект криминалистического исследования // Криминалистические проблемы эффективности борьбы с преступностью и иными правонарушениями среди молодежи. Уфа, 2019. С. 19–25.
2. *Давид Р.* Основные правовые системы современности / пер. с франц. и вступ. ст. В.А. Туманова. М., 1988. С. 437.
3. *Давид Р.* Основные правовые системы современности (Сравнительное право) / пер. с франц. М.А. Крутоголова и В.А. Туманова; предисл. В.А. Туманова. М., 1967.
4. *Давид Р., Жоффре-Спинози К.* Основные правовые системы современности. М., 2009. С. 130–220.
5. *Клеандров М.И.* Конституционные изменения 2020 г. и механизм правосудия: плюсы и минусы // Государство и право. 2020. № 10. С. 8.
6. *Кроткова Н.В.* Взгляд на отечественную теоретико-правовую науку // Право и государство: теория и практика. 2018. № 3. С. 81.
7. *Лурье Ф.М.* Российская и мировая история в таблицах: синхронизированные таблицы. СПб., 1995.
8. *Небратенко Г.Г.* Государственно-правовая доктрина Мао Цзэдуна как идеологическая основа становления

Китайской Народной Республики // История государства и права. 2022. № 10. С. 16–22.

9. *Фойгель Е.И.* Перспективная модель государственного устройства «симметричная федерация» в контексте обеспечения национальной безопасности России // Lex russica (Русский закон). 2020. Т. 73. № 9. С. 39–48.
10. *Шатковская Т.В., Епифанова Т.В., Вовченко Н.Г.* Трансформация структуры механизма правового регулирования в условиях цифровой экономики // Проблемы экономики и юридической практики. 2018. № 3. С. 142–146.
11. *Chen Q.* Chinese and Russian Transport Corridors and the Belt and Road Initiative: Prospects of Sino-Russian Cooperation // R-Economy. 2020. Vol. 6. No. 2. P. 100, 101.

REFERENCES

1. *Vardanyan A.V.* “Golden youth” as a specific phenomenon in the structure of modern violent crime and the object of criminalistic research // Criminalistic problems of the effectiveness of combating crime and other offenses among young people. Ufa, 2019. P. 19–25 (in Russ.).
2. *David R.* Basic legal systems of modernity / transl. from French V.A. Tumanov. M., 1988. P. 437 (in Russ.).
3. *David R.* Basic legal systems of modernity (Comparative Law) / transl. from French M.A. Krutogolov and V.A. Tumanov; preface V.A. Tumanov. M., 1967 (in Russ.).
4. *David R., Joffre-Spinosi K.* Basic legal systems of modernity. M., 2009. P. 130–220 (in Russ.).
5. *Kleandrov M.I.* Constitutional changes in 2020 and the mechanism of justice: pros and cons // State and Law. 2020. No. 10. P. 8 (in Russ.).
6. *Krotkova N.V.* A look at the domestic theoretical and legal science // Law and the State: Theory and Practice. 2018. No. 3. P. 81 (in Russ.).
7. *Lurie F.M.* Russian and World history in tables: synchronized tables. SPb., 1995 (in Russ.).
8. *Nebratenko G.G.* The state-legal doctrine of Mao Zedong as an ideological basis for the formation of the People's Republic of China // History of the state and law. 2022. No. 10. P. 16–22 (in Russ.).
9. *Foigel E.I.* Perspective model of the state structure “symmetrical federation” in the context of ensuring national security of Russia // Lex russica (Russian Law). 2020. Vol. 73. No. 9. P. 39–48 (in Russ.).
10. *Shatkovskaya T.V., Epifanova T.V., Vovchenko N.G.* Transformation of the structure of the mechanism of legal regulation in the digital economy // Problems of economics and legal practice. 2018. No. 3. P. 142–146 (in Russ.).
11. *Chen Q.* Chinese and Russian Transport Corridors and the Belt and Road Initiative: Prospects of Sino-Russian Cooperation // R-Economy. 2020. Vol. 6. No. 2. P. 100, 101.

Сведения об авторе

НЕБРАТЕНКО Геннадий Геннадиевич — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовной политики Академии управления Министерства внутренних дел Российской Федерации; 125993 г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8; профессор кафедры теории и истории государства и права Южного федерального университета; 344002 г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, д. 105/42

Authors' information

NEBRATENKO Gennady G. — Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Policy, Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation; 8 Zoya and Aleksandr Kosmodemyanskikh str., 125993 Moscow, Russia; Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Southern Federal University; 105/42 Bolshaya Sadovaya str., 344002 Rostov-on-Don, Russia

ОСОБЕННОСТИ СТАНОВЛЕНИЯ ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ СУБЪЕКТНОСТИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

С. Шахрай. КАК Я НАПИСАЛ КОНСТИТУЦИЮ ЭПОХИ ЕЛЬЦИНА
И ПУТИНА. М.: Синдбад, 2021. – 428 с.

© 2023 г. А. Г. Хабибулин^{1, *}, Ф. Х. Галиев^{2, **}, А. Х. Султанов^{2, ***}

¹Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

²Уфимский университет науки и технологий

*E-mail: 21alik@mail.ru

**E-mail: galievfarkhat@mail.ru

***E-mail: harisovich58@mail.ru

Поступила в редакцию 21.03.2023 г.

Аннотация. Формат автобиографического повествования позволяет проследить не только основные этапы жизненного пути его героя, но и получить более полное представление о событиях прошлого, когда неизбежно возникает желание согласиться, а в чем-то и не согласиться с авторским видением и восприятием событий, людей, особенностей формирования новых основ российской государственности.

Заслуживает внимания достаточно объемное повествование автора о работе Первого Съезда народных депутатов РСФСР, где он был избран Председателем Комитета Верховного Совета РСФСР по законодательству. По должности он также вошел в состав Президиума Верховного Совета РСФСР, который возглавил избранный на съезде Председателем Верховного Совета РСФСР Б.Н. Ельцин. Постоянное общение с руководителем российского парламента помогло сформировать у автора мемуаров и его коллег четкое представление, которое позволило убедить Б.Н. Ельцина в необходимости принять в качестве первого практического шага нового парламента закон о референдуме. Очевидно, что подобное решение позволило преодолеть многие негативные последствия, которые стали результатом происходивших невиданных ранее политических процессов в обществе в начале 90-х годов прошлого столетия. Создание механизма проведения референдумов позволило главе государства в значительной мере сохранять контроль за развитием ситуации в стране.

Отметим простой, доступный для читателя язык повествования, в книге содержатся авторские оценки жестких по своему содержанию юридических баталий, эмоционально окрашенных политических столкновений, приведены ёмкие, но в то же время объективные характеристики государственных и общественных деятелей. Можно сказать, что автор своей работой стал предтечей для тех, кто решится написать подобные мемуары, тем более, когда речь идет о таком сложном периоде, начало которому было положено событиями 30-летней давности.

Ключевые слова: съезды народных депутатов РСФСР, референдум, социальное государство.

Цитирование: Хабибулин А.Г., Галиев Ф.Х., Султанов А.Х. Особенности становления политико-правовой субъектности современной России

С. Шахрай. Как я написал Конституцию эпохи Ельцина и Путина // Государство и право. 2023. № 7. С. 55–62.

DOI: 10.31857/S102694520026682-1

FEATURES OF THE FORMATION OF POLITICAL AND LEGAL SUBJECTIVITY OF MODERN RUSSIA

S. Shakhrai. HOW I WROTE THE CONSTITUTION OF THE YELTSIN AND PUTIN ERA. Moscow: Sindbad, 2021. – 428 pp.

© 2023 A. G. Khabibulin^{1, *}, F. Kh. Galiev^{2, **}, A. Kh. Sultanov^{2, ***}

¹Lomonosov Moscow State University

²Ufa University of Science and Technologies

*E-mail: 21alik@mail.ru

**E-mail: galieyfarkhat@mail.ru

***E-mail: harisovich58@mail.ru

Received 21.03.2023

Abstract. The features of an autobiographical narrative allows the reader to trace not only the main stages of the life path of the hero of the story, but also to get a more complete picture of the events of the past, when the desire inevitably arises to agree, and in some ways disagree with the author's vision and perception of events, people, features of the formation of new foundations of Russian statehood.

The rather voluminous narrative of the author about the work of the First Congress of People's Deputies of the RSFSR, where he was elected chairman of the Committee of the Supreme Soviet of the RSFSR on legislation, deserves attention. By virtue of his position, he also became a member of the Presidium of the Supreme Soviet of the RSFSR, which was headed by B.N. Yeltsin. Constant communication with the head of the Russian parliament helped to form a clear idea among the author of the memoirs and his colleagues, which made it possible to convince B.N. Yeltsin of the need to adopt the law on a referendum as the first practical step of the new parliament. It is obvious that such a decision made it possible to overcome many negative consequences that were the result of unprecedented political processes that took place in society in the early 1990^s in the last century. The creation of a mechanism for holding referendums allowed the head of state to largely maintain control over the development of the situation in the country.

We note the simple language of narration that is accessible to the reader, the book contains the author's assessments of legal battles that are tough in their content, emotionally colored political clashes, capacious, but at the same time objective characteristics of statesmen and public figures are given. It can be said that the author, with his work, became a forerunner for those who dare to write such memoirs, especially when it comes to such a difficult period, which began with the events of thirty years ago.

Key words: congresses of people's deputies of the RSFSR, referendum, welfare state.

For citation: Khabibulin, A. G., Galiev, F. Kh., Sultanov, A. Kh. (2023). Features of the formation of political and legal subjectivity of modern Russia

S. Shakhrai. How I wrote the Constitution of the Yeltsin and Putin era // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 7, pp. 55–62.

Как правило, в публикациях подобного рода принято давать краткую характеристику человеку, перу которого принадлежит рассматриваемая работа. Мы сочли очевидным привести обзор содержания воспоминаний, размышлений, оценок автора, после прочтения и осмысления (подчас и переосмысления) которых неизбежно возникает лицо автора со своим видением и восприятием окружающего мира.

Перед читателем предстает жизненный путь человека, в далекой юности ринувшегося из провинции покорять столицу. Надо отдать должное автору книги, который с первых страниц вспоминает своих учителей. И первым, о котором пишет С.М. Шахрай, был Давид Львович Златопольский,

ставший его научным руководителем в работе по подготовке диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Перед нами образ представителя молодого поколения, которому, как и многим другим в то время, неслыханно повезло. У них были учителя, обладавшие огромным жизненным опытом и достигшие высот в своей профессиональной деятельности. В книге особо выделен тот факт, что Д.Л. Златопольский в годы Великой Отечественной войны служил офицером в рядах советской военной контрразведки («Смерш»).

К 1985 г., когда М.С. Горбачев приступил к осуществлению знаменитой концепции перестройки, С.М. Шахрай был кандидатом юридических наук

«и самым молодым ассистентом кафедры государственного права и советского строительства юридического факультета МГУ. А в 1987 году... возглавлял первую в СССР лабораторию правовой информатики и кибернетики» (с. 12).

На страницах книги воспроизводится картина острейшей борьбы на выборах народных депутатов РСФСР, которые прошли 4 марта 1990 г. В 10-м Центральном национально-территориальном избирательном округе Московской области сошлись в дебатах 17 кандидатов. В результате второго тура голосования 18 марта 1990 г. победу одержал молодой юрист, ставший в одночасье известным в России политическим деятелем.

В опубликованных воспоминаниях приводится последовательный рассказ о работе Первого Съезда народных депутатов РСФСР, где С.М. Шахрай был избран Председателем Комитета Верховного Совета РСФСР по законодательству. По должности он также вошел в состав Президиума Верховного Совета РСФСР, который возглавил избранный на съезде Председателем Верховного Совета РСФСР Б.Н. Ельцин. Постоянно общаясь с Борисом Николаевичем, С.М. Шахрай сумел убедить его в необходимости принять в качестве первого практического шага нового парламента закон о референдуме. Как известно, данный акт позволил преодолеть многие негативные последствия, когда в начале 90-х годов прошлого столетия в обществе происходили невиданные ранее политические процессы. Создание механизма проведения референдумов позволило главе государства в значительной мере сохранять контроль за развитием ситуации в стране.

Особый интерес для читателя-юриста представляют страницы, где описывается процесс подготовки автором книги совместно с Сергеем Сергеевичем Алексеевым «президентского» проекта Конституции. Данный вариант был готов в апреле 1993 г. Обращает на себя внимание важный теоретический аспект, получивший отражение в процессе разработки текста документа: «В работе над нашим совместным проектом Сергей Сергеевич широко использовал свои идеи о “Конституции Человека”. Его концепция Основного закона, который “ставит человека, с его высоким статусом и неотъемлемыми правами, над властью”, полностью соответствовала подходам президентской команды и самого Ельцина».

Авторы исходили из основополагающего момента, при котором произошел «полный отказ от “вертикали Советов” и выведение Президента Российской Федерации из классической системы разделения властей. Последнее решение, — подчеркивает С.М. Шахрай, — это не наше изобретение. Фактически в модели президента, стоящего над всеми ветвями власти, нашли воплощение взгляды великого русского реформатора и законодателя

Михаила Михайловича Сперанского на “оптимальную для России” конструкцию государственной власти и на роль главы государства» (с. 60). Чуть позже автор вновь возвращается к вопросу о статусе главы государства в проекте Конституции: «Мы отошли от классического разделения властей и вынесли президента “за рамки”, вернее, поставили “над” ними: российский президент, как глава государства и арбитр, не входит ни в одну из ветвей власти. Кстати, он в нашей Конституции не один такой. Центральный банк, прокуратура, Счетная палата, уполномоченный по правам человека, Центральная избирательная комиссия — это также государственные органы “вне” механической схемы разделения властей, с особым статусом и компетенцией» (с. 74).

Сегодня актуальными представляются многие наблюдения автора, вспоминающего нелегкий путь подготовки проекта Конституции. Как известно, в процессе обсуждения ее текста многие теоретики в сфере конституционного права выступили категорически против ст. 7, где определялись параметры социального государства. Большинство оппонентов в унисон утверждали, что подобная формула означает возврат в «советское прошлое». Сергей Михайлович в ответ на подобные утверждения приводит весьма оригинальную трактовку: «И еще одну позицию мы записали на этот лист (правда, исключительно по настоянию Сергея Сергеевича, за что я перед ним снимаю шляпу) — это формулировка: “Российская Федерация — социальное государство”. Я, нужно сказать, тогда яростно возражал Алексееву, все твердил, что “это не юридическая, не конституционная терминология”. А он мне в ответ: “Сергей, мы выходим из коммунизма, мы живем с теми людьми, которые нашу страну создавали, живут в ней. И сейчас не сказать о том, что социальный характер хотя бы как цель является ориентиром для всего государства, будет нашей с тобой огромной ошибкой» (с. 72).

Однако следует иметь в виду, что в рецензируемой работе речь идет о событиях 30-летней давности и, возможно, С.М. Шахрай мог что-то упустить и запечатлеть.

Так, один из авторов проекта Конституции С.С. Алексеев, координировавший на Совещании работу палаты, объединявшей товаропроизводителей и коммерсантов, который уже на заключительной стадии Конституционного совещания, 15 октября 1993 г., выступил на заседании Комиссии по доработке проекта Конституции РФ с пространным заявлением. В частности, С.С. Алексеев, выражая позицию палаты, работу которой он координировал, высказал мнение, что в результате достигнутых на Конституционном совещании компромиссов проект Конституции утратил «последовательно

демократическое передовое содержание»: «Поскольку я как человек, занимающийся философией права, не государствовед, участвовал в разработках вот этой концептуальной стороны, то должен сказать, что в основе первоначального проекта было заложено, что Конституция в соответствии с самыми новейшими тенденциями в конституционной жизни должна стать Конституцией человека. Не Конституцией власти, не Конституцией мировоззрений и идеологий, а Конституцией человека. И поэтому в ней первые же статьи были сразу же посвящены абсолютности, ненарушаемости, предельной защите прав человека. И это, по замыслу, должно было служить камертоном всему содержанию. Президентская или парламентская власть — на мой взгляд, это вещь вторичная. А главное, чтобы выше всего стали права человека, защищаемые судом, правосудием.

К сожалению, в результате работы, внесения поправок, а поправки всегда приводят к тому, что какая-то усредненная величина получается, вот эта стержневая исходная линия улетучилась, исчезла. На первое место встали общие положения. Фундаментальные права человека были приравнены к социально-экономическим правам, хотя это принципиально разные категории с точки зрения фундаментальных подходов.

И второе. В проекте появились — я скажу чуть-чуть жестко, извините меня тоже за это — известные просоветские элементы, то есть элементы, связанные с советским видением Конституции. Начинается Конституция с общих положений, как и во всех конституциях. Возьмите все наши предшествующие Конституции — общие положения были замечательные. И здесь замечательные общие положения, носящие в значительной степени декларативный характер. Появилось социальное государство — это уже идеологический подход, потому что социальное государство представляет собой социал-демократическое видение всей этой материи. Я бы мог указать еще на ряд других моментов, которые свидетельствуют об этом.

У нас у всех еще сильны постулаты прежней идеологии, подходов, и особенно в первых группах эти советские моменты были довольно сильны. А вот я как координатор пятой группы, группы товаропроизводителей, коммерсантов, могу сказать, что ими это отвергалось категорически. Все же в конечном счете в результате голосования большинством голосов эти моменты оказались зафиксированными. И поэтому проект Конституции принял во многом теоретический, в чем-то даже идеологический характер»¹.

¹ Конституционное совещание. Стенограммы. Материалы. Документы. М., 1996. Т. 18. С. 78, 79. Истины ради, следует заметить, что позиция С.С. Алексеева явилась изложением не только личной точки зрения ученого, но и обобщенным выражением мнения значительного числа участников Конституционного

На этом же совещании выступил Б.С. Эбзеев: «Ни одна политическая сила, которая, скажем, в данный момент в обществе одержала победу (для меня это большой вопрос — есть ли победа той или иной политической силы в данной ситуации), не может продиктовать свою волю всему обществу в виде Конституции. Если мы отрешимся от того, что Конституция является выражением соотношения сил в классовой борьбе, если мы поймем, что Конституция претендует на то, что она будет документом согласия и стабильности в обществе, если мы претендуем на то, что Конституция должна быть действительным выражением баланса действительных интересов различных социальных слоев нашего общества, то мы не должны соглашаться с тем предложением, которое высказал уважаемый Сергей Сергеевич, — отбросить все то, что было наработано в ходе Конституционного совещания, и вернуться к тому первоначальному проекту, который был предложен двумя авторами, во всяком случае значился он именно с двумя фамилиями — Алексеев, Шахрай либо наоборот.

Идея социального государства является по существу не чем иным, как выражением коллективного начала в организации нашего общества, является не чем иным, как выражением социальной роли государства. И эта идея и форма ее воплощения, выражения в Конституции имеет достаточно четкое и определенное нормативное и юридическое содержание, и по этой причине отказываться от этой идеи я лично также не считал бы для себя возможным. Более того, может быть, именно эта идея является чрезвычайно важным выражением демократической направленности того проекта Основного Закона, который был подготовлен в процессе работы Конституционного совещания в целом, его секций и рабочей группы, сидящей здесь»².

Подводя итог состоявшейся затем длительной дискуссии по данной проблеме, Б.С. Эбзеев заключил:

совещания (Н.В. Быков, С.В. Вобленко, С.Н. Красавченко, Н.В. Соловьев и др.). В частности, поддерживая мнение представителя Российской конференции свободных профсоюзов Н.В. Соловьева, полагавшего, что «под видом социального государства... протаскивается тоталитарное государство», А.А. Собчак даже увязал конституционное оформление этого принципа с фашизмом, утверждая, что само слово «социальный» появилось в Конституции у национал-социалистских режимов, затем оно было включено в соответствующие конституции как результат компромисса. «Так возникло понятие “социального государства”», — заключил А.А. Собчак (см.: там же. Т. 5. С. 350–352), проигнорировав при этом как исторические факты, так и конституционно-правовое содержание этого принципа, да и основную тенденцию европейского конституционализма, начало которой было положено Веймарской конституцией Германии 1919 г., но никак не германским национал-социализмом.

² Там же. Т. 18. С. 82, 83.

«Наше государство — это не ночной сторож, а именно социальное государство»³.

Любопытно читать констатацию автором последующего развития нового Российского государства, когда указанная норма впоследствии «стала любимой статьей конституционных судей, потому что всегда позволяла, будь то дело чернобыльцев или дела, связанные с какими-нибудь другими социальными выплатами, пенсиями, пособиями, трактовать ситуацию через эту самую седьмую статью: да, рыночная экономика, да, частная собственность, но государство также имеет конституционную обязанность сохранять социальный мир и выполнять обязательства социального характера» (с. 72, 73).

Следуя принципам объективного изложения событий, в воспоминаниях отмечается активная роль Б.Н. Ельцина в ходе обсуждения отдельных положений проекта Основного Закона. В частности, «в ходе одного из обсуждений Борис Николаевич даже не стал этот момент дискутировать, а жестко сказал, что ситуация в стране такова, что обязательно надо вписать в Конституцию право президента издавать указы, которые обладают силой закона. Ельцин считал, что без этого при оппозиционном парламенте, бесконечно вставляющем ему и правительству палки в колеса и не принимающем никаких важных для развития страны решений, он обойтись не сможет. Просто не сможет делать дело, ради которого он стал президентом страны.

И как показала история, он был прав. Примерно до второй половины 1990-х годов Ельцину пришлось издавать свои указы, имеющие силу закона, чтобы продолжать реформы, строить новую экономику и государство. Понятно, что парламент был против» (с. 76).

Автор книги демонстрирует нередко способность переходить в своих рассуждениях от шутки к серьезным обобщениям. Так, в ответ на вопрос: «Что еще вы не успели записать в своем варианте проекта Конституции?», С.М. Шахрай пишет, что в шутку парировал: «Мы с Сергеем Сергеевичем не записали, что брак — это союз мужчины и женщины, заключенный по любви.

Но, оказывается, что в нынешние времена эта шутка перестала быть шуткой. Собеседники теперь всерьез допытываются: “А почему не записали? Разве это не надо прописывать в Конституции?”. Я отвечаю: “Мы не записали, потому что посчитали любовь неконституционной материей. Ведь речь идет о личных и интимных отношениях между двумя — мужчиной и женщиной. А теперь, глядя на то, что с институтом семьи в мире и в стране происходит, думаю, что, может быть, надо было сразу написать пару строк на эту тему”.

³ Конституционное совещание. Стенограммы. Материалы. Документы. Т. 18. С. 436.

Подобная норма давно записана в Конституции Болгарии, в 2013 г. появилась по результатам референдума в Конституции Хорватии. А с 2020 г. есть и у нас» (с. 81, 82).

Разумеется, что особый интерес для читателя представляет раздел книги, где говорится о процессе распада Союза ССР. Приводится обстоятельная хронология событий, согласно которой в августе 1991 г. приняли решение о государственной независимости Азербайджан, Белоруссия, Киргизия, Латвия, Молдавия, Узбекистан, Украина и Эстония, в сентябре — Армения и Таджикистан, в октябре — Туркменистан. Автор напоминает, что еще раньше, в марте 1990 г. и в апреле 1991 г., вновь избранные представительные органы Литвы и Грузии объявили о выходе этих двух республик из состава союзного государства. К декабрю 1991 г. в составе союзного государства фактически остались Казахстан и Россия.

«Последнюю точку, — пишет С.М. Шахрай, — в этой разрушительной работе поставили результаты украинского референдума 1 декабря, когда абсолютное большинство граждан республики поддержало объявление независимости Украины и последовавшее за ним 5 декабря решение Верховного Совета Украины о денонсации Договора о создании Союза ССР 1922 года» (с. 124).

Автор как непосредственный очевидец событий утверждает: «Ельцин и Шушкевич поначалу надеялись уговорить Кравчука сохранить Союз хоть в каком-нибудь виде... Однако украинский президент не желал даже слышать слово “Союз”.

<...> Окончательно идея оформилась, когда Ельцин, Шушкевич и Кравчук втроем провели переговоры в закрытом режиме. Никакие помощники на эти переговоры допущены не были. Потом они вызвали нас и объявили, что договорились так: СНГ вместо СССР, экономическое пространство — единое, а ядерное оружие — у России. “Идите, — сказали, — оформляйте в виде договора”» (с. 126, 127).

При составлении документа исходили из того, что в Вискулях собрались руководители трех из четырех республик, учредивших СССР в 1922 г.: Белоруссии, России и Украины. Четвертая республика — Закавказская Федерация — прекратила свое существование в 1936 г. В книге приводится заключительный вывод в тех рассуждениях декабря 1991 г., который получил следующее оформление: «То есть было абсолютно очевидно, что трое из четырех “отцов-основателей” имели полное юридическое право обсуждать судьбу Советского Союза.

В итоге родилась формула соглашения, которая состояла из двух частей. Первое: государства-учредители констатируют факт смерти образованного ими государства — Союза ССР. Второе: Россия, Украина и Белоруссия (опять же в качестве учредителей)

объявляют о создании нового объединения — Содружества Независимых Государств» (с. 127).

Говоря о причинах распада союзного государства, автор неоднократно ссылается на существующие документы, где говорилось о попытках руководства СССР «расколоть» РСФСР путем выравнивания статуса союзных и автономных республик. «10 и 26 апреля 1990 года, — утверждает С.М. Шахрай, — Верховный Совет СССР под председательством Лукьянова принял два внешне очень демократических и справедливых закона, которые начали выравнивать статус и права автономных и союзных республик. И если первым актом резко расширялась экономическая самостоятельность автономий, то второй пошел еще дальше: в нем автономные республики были названы государствами, являющиеся субъектами федерации — Союза ССР» (с. 137).

Дальше — больше. «Помимо “плана автономизации” у союзного центра в борьбе с новым российским государством были и другие идеи. Например, 14 июля 1991-го в “Известиях” был опубликован документ в рамках подготовки к сентябрьскому заседанию политбюро и пленума ЦК. Там предлагалось создать на территории РСФСР семь союзных республик. Вместо одной России — семь новых» (с. 138).

Большой интерес вызывают рассуждения автора, согласно которым с начала 1990-х годов в России «одновременно воплощаются и конкурируют между собой не одна, а сразу три модели федерализма.

Первая — это модель кооперативного федерализма. Именно такую модель я закладывал в Конституцию Российской Федерации. Суть ее состоит в развитии отношений координации и сотрудничества между федерацией и ее субъектами, для чего создаются соответствующие условия — и в праве, и в виде разных государственных структур» (с. 189).

«Модель параллельного федерализма, — пишет С.М. Шахрай, — родилась в головах руководителей ряда российских регионов. Идея была проста: не нужны нам никакие предметы совместного ведения, давайте полностью поделим вопросы, за которые отвечает центр, и те, за которые отвечают субъекты. То есть теряется вообще какой-то повод для взаимодействия, и наша федерация плавно превращается в лучшем случае в конфедерацию, а то и вообще разваливается на удельные княжества.

Что касается модели унитарного федерализма, то это наследие старых советских времен и чиновничьих традиций. Ее двигают главным образом “федералы”. Тут все просто: культ единообразия. Все команды идут сверху, а разные федеративные “бантики” — только камуфляж для прикрытия централизации» (с. 189, 190).

Особую ценность представляют размышления автора по поводу развития указанных тенденций в современных условиях, когда он пишет: «Возникает большой соблазн сказать, что сегодня мы наблюдаем победу унитарного федерализма. То есть победу централизации над федерализмом, над самостоятельностью регионов, над свободой маневра в рамках своих предметов ведения.

Однако более внимательный анализ показывает, что реальной победы унитарного федерализма не произошло. Некоторые потери понесли главы регионов. Их исключили из Совета Федерации и до возвращения системы прямых выборов назначали при участии местных парламентов. Есть факты администрирования, попытки поделить территорию страны на равные по площади и количеству населения части. Однако что касается реальных полномочий субъектов федерации, то они в основном сохранились. Более того, в ходе бюджетной реформы произошло более четкое разграничение полномочий различных уровней власти. Даже договорная практика — один из главных объектов атаки унитаристов — сохранилась и развивается на новом этапе» (с. 190, 191).

Заслуживает прямого цитирования следующий пассаж рассуждений С.М. Шахрая: «В современных условиях любому государству приходится очень трудно. Снаружи давит глобализация, изнутри — стремление людей и регионов пожить своей жизнью, отдельно от всех этих борений и метаний. Особенно такое **окукливание** (выделено нами. — А.Х., Ф.Г., А.С.) происходит в кризисных ситуациях, как коронавирусная пандемия, которая не только перекрывала внешние границы, но и разрывала связи между городами, между людьми.

Очевидно, что перед лицом глобальных вызовов роль государства должна усиливаться. Но, на мой взгляд, роль централизации, контроля, тенденции к закрытости и отказу от сотрудничества на международной арене делают любое государство не сильным, а хрупким. А нам нужна гибкость, которую дает федерализм. Государство должно научиться использовать “двойные” конкурентные преимущества: с одной стороны, от новых глобальных технологий, с другой — от уникального потенциала, которое создает внутреннее разнообразие регионов, идей, людей» (с. 199).

Обзор, столь насыщенный описанием многочисленных событий, очевидцем и активным участником которых был С.М. Шахрай, можно продолжать достаточно долго. Лишь формат предлагаемой рецензии ограничивает возможности авторов данной публикации.

Следует также подчеркнуть, что С.М. Шахрай активно высказывает свое отношение к современному положению дел в нашей стране.

Говоря о положительных впечатлениях от книги, хотелось бы высказать два замечания по отдельным моментам. Оценивая перестройку, автор пишет следующее: «И наконец, самая главная из ошибок Горбачёва, которых можно было избежать, — он не решился пойти на выборы президента СССР всенародным голосованием.

Я думаю, что Михаил Сергеевич зря боялся. Его обязательно бы избрали! Ведь 1987–1989-й — самые яркие годы надежд и ожиданий. “Перемены, мы ждем перемен!”.

Я бы сам за него тогда голосовал и других бы агитировал!

Но Горбачёв предпочел пойти на выборы Съездом народных депутатов, стал договорным, слабым лидером» (с. 145).

Вспоминая ставшую столь уже отдаленной по времени эпоху, можно смело констатировать, что население страны на рубеже 1987–1988 гг. стало уставать от многочисленных выступлений Генерального секретаря ЦК КПСС, когда происходило интенсивное «забалтывание» перестройки. А решения XIX Всесоюзной партийной конференции КПСС были фактически восприняты с недоумением партийным аппаратом и многими членами партии, болезненно относившимися к ломке традиционных структур. Почему автор позитивно оценивает сегодня шансы Горбачёва, если в марте 1989 г. «провалились» на выборах в новый парламент Советского Союза руководители партийных организаций Ленинграда и области, Куйбышевского областного комитета и других регионов? А как отнестись к тому очевидному факту, что сам Михаил Сергеевич был избран народным депутатом СССР не от территориального или национально-территориального округа, а от КПСС (одной из общественных организаций). Представляется, что сама идея выдвижения кандидатов от общественных организаций (что составило 1/3 от общего числа народных избранников) и была задумана с целью прежде всего добиться избрания М.С. Горбачёва сначала народным депутатом, затем Председателем Верховного Совета СССР, а впоследствии и Президентом Союза ССР.

Описывая тяжелую обстановку 1990-х годов, С.М. Шахрай отмечает следующее: «По факту — страна практически неуправляемая, голодная и холодная, стоящая у края пропасти. И в этот момент надо просто решиться сделать то, что сделал в свое время Ленин в 1920-х годах — ввести НЭП. И Гайдар это сделал. Так что, по сути, рыночные гайдаровские реформы — это тот же НЭП, только 1990-х годов» (с. 316).

При всем пиетете, который испытывает автор книги по отношению к своему коллеге по правительству, занимавшему в определенный период пост Председателя Кабинета министров, следует

заметить, что подобные сравнения, образно выражаясь, приведены из разных весовых категорий. Сам Сергей Михайлович буквально в следующем же абзаце говорит о том, что Дэн Сяопин, учившийся в Москве в 1926–1927 гг., именно тогда пришел к убеждению: «экономическая свобода и твердая коммунистическая власть — это и есть формула скачка к экономическому чуду...

В общем, свои реформы Дэн Сяопин “срисовал” у нас» (с. 316).

Но даже указанные моменты служат ярким подтверждением той очевидной истины — книга написана человеком, буквально через себя пропускавшим неудачи, трудности и достижения эпохи, активным участником и свидетелем событий которых он являлся. В этом плане для читателя более яркой и рельефно осязаемой становится столь пестрая, полная противоречий картина формирования основ новой российской государственности и законодательства, начавшаяся в начале 90-х годов прошлого века.

* * *

Книга написана доступным для читателя языком, в ней содержатся авторские оценки жестких по своему содержанию юридических баталий, эмоционально окрашенных политических столкновений, приведены ёмкие, но в то же время объективные характеристики государственных и общественных деятелей. Таким образом, автор своей работой установил своеобразную планку для всех последующих лиц, кто решится написать подобные мемуары, тем более, когда речь идет о столь сложном периоде, начало которому было положено событиями 30-летней давности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституционное совещание. Стенограммы. Материалы. Документы. М., 1996. Т. 5. С. 350–352; т. 18. С. 78, 79, 82, 83, 436.
2. *Шахрай С.* Как я написал Конституцию эпохи Ельцина и Путина. М., 2021. С. 12, 72–74, 76, 81, 82, 124, 126, 127, 137, 138, 145, 189, 191, 199, 316.

REFERENCES

1. Constitutional Conference. Transcripts. Materials. Documents. M., 1996. Vol. 5. P. 350–352; vol. 18. P. 78, 79, 82, 83, 436 (in Russ.).
2. *Shakhray S.* How I wrote the Constitution of the Yeltsin and Putin era. M., 2021. P. 12, 72–74, 76, 81, 82, 124, 126, 127, 137, 138, 145, 189, 191, 199, 316 (in Russ.).

Сведения об авторах

ХАБИБУЛИН Алик Галимзянович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой экономических и финансовых исследований Высшей школы государственного аудита Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова; профессор кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова; 119991 г. Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 13 (4-й учебный корпус)

ГАЛИЕВ Фарит Хатипович — доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории государства и права Института права Уфимского университета науки и технологий; 450005 Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Достоевского, д. 131

СУЛТАНОВ Ахсан Харисович — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры теории государства и права Института права Уфимского университета науки и технологий; 450005 Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Достоевского, д. 131

Authors' information

KNABIBULIN Alik G. — Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Economic and Financial Investigations of the Higher School of State Audit of Lomonosov Moscow State University; Professor of the Department of Theory of State and Law and Political Science of the Faculty of Law at Lomonosov Moscow State University; 1 Leninskie Gory, bld. 13 (4th academic building), 119991 Moscow, Russia

GALIEV Farit Kh. — Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Theory of State and Law of the Institute of Law of Ufa University of Science and Technologies; 131 Dostoevskogo str., 450005 Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia

SULTANOV Ahsan Kh. — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Theory of State and Law of the Institute of Law of Ufa University of Science and Technologies; 131 Dostoevskogo str., 450005 Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia

НРАВСТВЕННОЕ ГОСУДАРСТВО ЦИВИЛИТАРНОГО ОБРАЗЦА ИЛИ ОБЩЕСТВЕННОЕ УСТРОЙСТВО СОЗИДАТЕЛЬНОГО ФОРМАТА

© 2023 г. А. П. Антоненко

Город Минск, Республика Беларусь

E-mail: antonenkoalex1@yandex.ru

Поступила в редакцию 06.10.2022 г.

Аннотация. В статье в полемической форме рассматриваются некоторые фундаментальные вопросы, исследованные С.Н. Бабуриным в монографии «Нравственное государство: русский взгляд на ценности конституционализма». Среди них: о принципе объективности в науке, понятиях нравственности и справедливости, о формах народного контроля. Обсуждается цивилитарная теория государства и права. Обосновывается необходимость построения общества сущностно новой формации, сформированного на доминанции духовных ценностей над материальными, и перехода к прямому народовластью. Рассматриваются способы перехода к обществу созидательной формации.

Ключевые слова: объективность, нравственность, справедливость, природная рента, контроль, государство, общество созидания.

Цитирование: Антоненко А.П. Нравственное государство цивилитарного образца или общественное устройство созидательного формата // Государство и право. 2023. № 7. С. 63–78.

DOI: 10.31857/S102694520026684-3

THE MORAL STATE OF THE CIVILITARIAN MODEL OR THE SOCIAL STRUCTURE OF THE CREATIVE FORMAT

© 2023 A. P. Antonenko

Minsk, Republic of Belarus

E-mail: antonenkoalex1@yandex.ru

Received 06.10.2022

Abstract. The article polemically examines some fundamental issues, investigated by S.N. Baburin in the monograph “The Moral State: Russian view of the values of constitutionalism”. Among them: the principle of objectivity in science, the concepts of morality and justice, the forms of popular control. The civilitarian theory of state and law is discussed. The necessity of building an essentially new formation of society based on the dominance of spiritual values over material values and the need to transition to direct democracy is substantiated. The ways of transition to a society of creative formation are considered.

Key words: objectivity, morality, justice, natural rent, control, the state, the society of creation.

For citation: Antonenko, A.P. (2023). The Moral State of the civilitarian model or the social structure of the creative format // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 7, pp. 63–78.

В 2020 г. вышло в свет монографическое сочинение проф. С.Н. Бабурина «Нравственное государство: русский взгляд на ценности конституционализма»¹, посвящённое, как пишет автор в предисловии, исследованию философии государства, конструированию концепции нравственного государства, через создание которого общество может преодолеть препятствия, возникающие на пути его благополучного развития в условиях упадка современных нравов². Монография представляет собой объёмный труд (536 страниц), многоаспектна по тематике затронутых проблемных вопросов и ожидаемо полемична. Её подробный анализ неизбежно превратился бы в не менее фундаментальное по объёму самостоятельное исследование. Поэтому остановимся лишь на наиболее значимых, с позиции, конечно же, субъективной оценки, общих подходах автора к решению обозначенных во введении вопросов. Предлагаемый анализ необходимо предварить некоторыми замечаниями, определяющими подход автора настоящей статьи к оценке сочинения С.Н. Бабурина.

Проблема поиска «справедливой» модели социальной организации общества присутствует в общественном сознании в продолжение всего обозримого прошлого человечества. В обозримом историческом промежутке времени предлагались различные доктринальные концепции построения идеального государства и предпринимались попытки его построения, но все они не выдержали проверки практикой. Результаты оказывались далеки от желаемого идеала. Всплеск общественного энтузиазма, вызванный появлением очередной теории общества всеобщего блага, сменялся разочарованием и безразличием к недавно казавшейся идеальной модели государственной общественной организации.

В современном обществе в последние несколько десятков лет сложилось убеждение катастрофичности следования исторически известному однотипному по своей сути модельному ряду форм общественной организации, поскольку оно ведёт уже не к разочарованию, а к физической гибели человечества. Необходимы поиск и научная разработка модели общественной организации, отличающейся от всех известных сущностно. Именно такой попыткой и воспринимается сочинение С.Н. Бабурина. В этом её несомненная социальная и познавательная ценность.

Вместе с тем монография представляет собой, по нашему мнению, пример характерного для науки (особенно гуманитарной) отступления

в исследованиях от объективности как фундаментального принципа организации процесса научного познания. Доктрина признаёт основными принципами научного познания объективность, обоснованность, объясняемость, точность. Все принципы находятся и применяются во взаимосвязи, но при этом объективность является сущностным принципом в ряду перечисленных принципов. Именно он предопределяет возможность правильного обоснования, объяснения и точность в исследовании. Фундаментальное значение принципа объективности в науке неизбежно ставит перед исследователем вопрос о том, что есть объективное, а что не объективное? От ответа на него и будет прежде всего зависеть результат процесса исследования, который при неправильном ответе превращает процесс познания в наукообразный поток субъективных иллюзий, фантазий, желаний.

В философии объективность (объективная реальность) понимается как всё существующее независимо от человеческого сознания и первичное по отношению к нему³. Таким образом, объективное коррелируется с сознанием. Если же, следуя логике осмысления критерия объективности, задаться очевидным вопросом о том, что есть сознание, то неизбежно признаем отсутствие у современной науки убедительного, объективно подтверждённого ответа на него. Следовательно, необходимо прийти к признанию того, что категорию «объективное» мы не понимаем либо понимаем, но ограниченно.

В сегменте наук, охватывающем всё связанное с материальной природой, ограниченное понимание объективного как того, что можно измерить, взвесить, увидеть, сосчитать и т.д., позволяет получать объективную информацию. Ограниченность понимания объективного для этих наук проявляется на стадии объяснения полученных объективных данных, построения и проверки теорий. Если же обратиться к гуманитарным наукам, например к юридической науке, психологии, политологии и т.д., тогда что для них можно признать существующим независимо от сознания человеческого и являющимся первичным по отношению к сознанию? Только проявления социальной жизни, происходившие в прошлом или происходящие сейчас, но и в том и в другом случае — это уже исторические факты, которые хотя и объективны, но также не позволяют проверить точность выстроенных на их основании теорий. Любое основанное на них утверждение, вывод будут вероятностны и условны, т.е. не вполне объективны. Глядя назад, в историческое прошлое, невозможно уверенно идти вперёд. Необходим универсальный метод проверки объективности, позволяющий правильно

¹ Бабурин С.Н. Нравственное государство: русский взгляд на ценности конституционализма / предисл. И.М. Рагимова. М.: Норма, 2020.

² См.: там же. С. 4.

³ См.: Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова. 5-е изд. М., 1987. С. 336.

понимать и прошлое, и настоящее, и конструировать верные научные теории без социального эксперимента как критерия их истинности.

Поскольку принятая система методов не позволяет решить поднятую проблему, необходимо обратиться к основанию, определяющему применение системы методологических принципов познания. Таким основанием является исходная мировоззренческая позиция исследователя, проявляющаяся в ответе на основной вопрос философии о первичности духовного или материального, отношении духовного к материальному. Ответ на него с позиции приоритета духовного выбора приводит к признанию того, что бытие Духа не зависит от сознания. Напротив, сознание есть результат действия Духа и он, как источник всего сущего, первичен по отношению к сознанию. Следовательно, Дух объективен. Исходя же из известных Его исключительных качеств, именно Дух следует признавать единственным полностью объективным источником. В этом его свойстве Он может восприниматься как универсальный принцип объективности познания.

Приведённое допущение снимает в науке проблему объективности на теоретическом уровне, но само по себе не объясняет, как использовать свойство объективности Духа в практическом научном исследовании, проходящем в условиях трёхмерного материального мира. Дух и материя — в том числе и сознание, слишком разные субстанции. Для сознания, которое ассоциируется с единственным инструментом познания, Дух непостижим. Дух же не вмешивается непосредственно в дела мира материального, который для Него слишком зыбок, хрупок, эфемерен, но проявляется в нём опосредованно через действие установленных и поддерживаемых Им законов мироздания: Мира Духовного и материального мира. Объективность Законов мироздания, частью которых являются законы диалектики, наукой не оспаривается, хотя при этом и не все Законы признаются в качестве таковых. Игнорирование некоторых из них приводит к ограничению понимания и познания. Тем не менее «на основе знания закона, — отмечается в философии, — возможно достоверное предвидение течения процесса. Закон выражает одну из сторон сущности, познание которой в теории совпадает с переходом от эмпирических фактов к формулировке изучаемых процессов. Всё в мире детерминировано, обусловлено объективными законами»⁴.

В свою очередь, и Законы не автономны, поскольку не могут противоречить Сущности Духа. Они Им детерминированы. Дух признаётся

бесконечно многогранным и потому непостижимым во всём Его многообразии, однако для целей научного познания этого и не требуется. Важнейшее качественное состояние Духа, являющееся основополагающим принципом Его бытия, бытия Мира Духовного и всего Мироздания, человечеству известно. Вербально оно обозначается понятием Любовь. Степень проникновения, погружения, восприятия этого чувственного состояния исследователем, дополняемая его пониманием сущности Любви влияет на способность применить объективность Духа в процессе научного познания и получения истинных результатов. Во всяком случае в сфере социального моделирования это довольно просто. Понимая Любовь Духа как исходный принцип, определяющий Его волю на Земле, исследователь получает не только общее представление об идеальном образце общественной организации человечества, но и критерий соотнесения своих научных воззрений и теорий по совершенствованию существующей модели общественной организации (например, государства) с идеальной моделью. Восприятие Любви Духа как универсального принципа является и ключом к правильному пониманию, толкованию и применению Законов Мироздания, а также к пониманию правил организации Мира Духовного и последующей их трансляции на мир Земной.

К сожалению, современные исследователи не в полной мере владеют инструментами объективного анализа и не стремятся к их овладению, признавая первичность Духа на уровне сознания, т.е. осмысленной «веры» в Него, а не знания о Нём, добываемого личным духовным трудом. Поэтому, не имея возможности отказаться от принципа объективности, в научной среде получила распространение его подмена субъективными суждениями, высказанными, желательно, авторитетными учёными. Правильность их суждений оценивается авторами в большинстве случаев с позиции собственных субъективных симпатий и предпочтений. Чем больше ссылок на чужие мнения, тем фундаментальнее (объективнее) принято полагать исследование. Такова нынешняя научная традиция, не дистанцировался от которой даже С.Н. Бабурин. Рецензируемая монография содержит такое обилие цитируемых суждений, что за ними не всегда удаётся увидеть оригинальную собственную позицию автора, понять мотивы её принятия. Временами складывается впечатление, что читаешь не научное исследование, а антологию чужих теорий, мнений, суждений на заданную тему.

Определение темы исследования

Недостаточно уверенное принятие автором монографии первичности Духа и понимание сущности всего связанного с Ним проявилось довольно

⁴ Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова. 5-е изд. С. 147, 148.

зримо в попытках соединить несоединимое в названии монографии. В названии научных работ традиционно принято отражать объект и предмет исследования, в какой-то мере цели и задачи исследования, что, признаем, бывает непросто. Из названия монографии «Нравственное государство: русский взгляд на ценности конституционализма» можно предположить, что объектом исследования является государство в его нравственном проявлении, разработка (обоснование) концепции нравственного государства. Но может ли государство быть нравственным?

По своей природе нравственность относится к категориям нематериального свойства. Она является способом проявления совести в материальном мире через поступки человека. Именно поступки дают повод и выступают необходимой предпосылкой для оценки человека с нравственной позиции. Совесть же, образно говоря, — глаза Души, которая, в свою очередь, является частицей Мира Духовного в энерго-полевой структуре человека. Несомненно, что нравственность — одно из отражений в материальном мире Мира Духовного, т.е. сущностно противоположна материи и несовместима с ней. Государство же, напротив, — элемент исключительно материального мира, политико-правовой инструмент организации общества и управления им. Соединив в названии монографии сущностно несовместимое (нравственность и государство), автор незаметно для себя «одушевил» государство и далее рассматривает его, по сути, как некую сущность, которую можно изменять с помощью такого несвойственного ему качества, как нравственность.

В действительности, во всей материальной реальности известен лишь один феномен, объединяющий в себе духовное и материальное, т.е. живое с мёртвым. Это человек. Поэтому только в отношении человека можно говорить о нравственности. Всё остальное — безнравственно в том смысле, что нравственность ему не присуща как признак. Нравственность не является атрибутом и государства. Поэтому вопрос о нравственности государства является абстракцией.

Вместе с тем эта абстракция уводит в сторону от исследования действительно актуальнейшей проблемы — распространившейся среди людей безнравственности и, соответственно, смещает акценты исследования с проблематики о человеке на индифферентный к проблеме социальный инструмент. Расстановка акцентов в исследовании имеет значение! В человеке суть проблемы, а не в инструментах, которыми он пользуется.

Можно предположить, что, используя понятие «нравственное государство», автор наполнил его каким-то особенным содержанием, но в таком случае

необходимо было объяснить его новое смысловое наполнение и необходимость использования такого стилистического приёма. В противном случае обозначенный в названии «нравственное государство» объект исследования превращается в некую фантастическую абстракцию, а само исследование вступает в противоречие с объективной реальностью, т.е. противоречит принципу объективности. Исследование есть, а его объекта фактически нет.

О категории «справедливость»

Объясняя существо нравственного государства, автор неоднократно обращается к вопросу о справедливости как одной из его важнейших составляющих. Например, в гл. 14 нравственным государством утверждается государство справедливое. В гл. 22 основой социальной консолидации нравственного государства объявляется справедливость и неотвратимость воздаяния. В гл. 29 справедливое социальное правовое государство рассматривается одной из основ русской цивилизационной модели нравственного государства.

Выстраивая исследование с опорой на представление о справедливости, перед С.Н. Бабуриным естественным образом встал вопрос необходимости объяснить сущность понятия справедливость. С этой целью автор обратился прежде всего к Аристотелю с воспроизведением таких приводимых им мало проясняющих существо справедливости признаков, как добродетельность, государственное благо, служение общей пользе. Далее автор приводит суждения иных авторитетных учёных (Н.Я. Данилевского, Е.А. Лукашевой, Л.И. Петражицкого, Дж. Ролза и др.), из которых также уяснить сущность справедливости невозможно. Исследование в этой части автор завершает мнением Патриарха Кирилла, утверждающего, что, размышляя о справедливости, «мы выходим на идею Бога, потому что справедливость... универсальна. А если в основе понятия универсальная истина, то она превышает возможности человеческого ума»⁵. Поскольку автор не предлагает какого-либо собственного объяснения понимания сущности справедливости, можно предположить, что он полностью разделяет приведённые суждения о ней и признаёт невозможность постижения справедливости человеческим умом. На этом всё, что касается справедливости, следовало бы вынести за скобки сочинения, поскольку становится очевидной научная бесперспективность её исследования, так как признаётся, что как объект познания справедливость не коррелируется с фундаментальными научными принципами объективности, обоснованности, объясняемости, точности. Тем не менее автор продолжает

⁵ Цит. по: Бабурин С.Н. Указ. соч. С. 240.

использовать сущностно непонятное понятие справедливости, которое ему необходимо, в частности, для обоснования справедливости государства: один из постулатов исследования сводится к утверждению того, что «лишь признаваемая обществом справедливость государства может быть основой легитимности власти»⁶. С приведённым утверждением С.Н. Бабурина можно согласиться, сопроводив его замечанием о возможности признания абсолютно легитимной лишь власть, осуществляемую непосредственно народом.

Отсутствие в сочинении внятной авторской трактовки справедливости умаляет убедительность суждений и заключений, построенных на использовании этой социальной категории. Поэтому дальнейшее рассмотрение некоторых ключевых моментов сочинения требует прояснение этого вопроса и обозначения по нему позиции автора статьи. Попробуем разобраться с вопросом о понимании справедливости, опираясь прежде всего на её объяснение в философии, представленное, например, в таком академическом издании, каким является, например «Философия: энциклопедический словарь» под редакцией А.А. Ивина⁷.

Объяснение сущности справедливости начинается с определения, согласно которому справедливость представляется как «общая нравственная санкция совместной жизни людей, рассмотренной по преимуществу под углом зрения сталкивающихся желаний, интересов, обязанностей»⁸. Но главное, и в этом заключается смысл постановки вопроса о справедливости, заключается в объяснении её как «способа обоснования и распределения между индивидами выгод и тягот их совместного существования в рамках единого социального пространства»⁹. Следовательно, справедливость — это способ распределения социальных благ, а во все не проявление духовного в человеке, относящееся к его субъективному восприятию и оценке действительности. Так человек мягко отстраняется от справедливости и выводится куда-то на второй план. Справедливость начинает существовать самостоятельно, отделённо от человека и приобретать самостоятельное значение и ценность, не очень-то связанные с человеком. В справедливости главным оказывается не человек!

Обоснованием правила распределения социальных благ со времён Аристотеля служит идея

равенства. Полагается, что «люди равны в рамках социального пространства», в котором они существуют и вынужденно взаимодействуют, «но сам акт учреждения состоит в легитимации неравенства занятий и положений, образующих структуру учреждаемого социального пространства (разделение труда, выделение органов управления и т.д.)»¹⁰. Таким образом, утверждается идея о невозможности справедливой совместной жизни в существующем обществе, т.е. при существующей системе и форме общественной организации. Поэтому и справедливость предлагается понимать не как субъективно бесконфликтное (комфортное) восприятие человеком себя в социальном пространстве (своего положения в обществе), а как способ обоснования неравенства, т.е. нормальности внутреннего конфликта, субъективной неудовлетворённости. При этом объясняется чрезвычайная ценность сохранения состояния неравенства, поскольку «и то и другое — и равенство в нравственно-гражданском аспекте, и неравенство во всех прочих отношениях — суть две фундаментальные опоры социально-упорядоченного пространства»¹¹.

К сожалению, сторонники приведённого понимания справедливости не принимают и не допускают факт многообразия сущностно разных форм «организации общественного пространства», следующий из системы Законов, например: Единства и борьбы противоположностей, Полярности (двойственности). Отрицается ими и Мир Духовный как образец сущностно противоположной модели организации и возможность такой организации человечеством по Его подобию.

Признав невозможность справедливости в существующем обществе и в недалеко обозреваемых ими государственных моделях прошлого, которые все сущностно одинаковы, они не только продолжают называть несправедливость справедливостью, но и утверждают о двух формах её существования: распределительной и уравнивающей. Названные формы представляют собой «способы распределения благ, которых не хватает на всех... и которые вообще не могут быть распределены без того, чтобы кого-то не обидеть»¹².

Современная философская трактовка категории «справедливость» приводит к следующим основным выводам: во-первых, справедливости как явления социальной реальности не существует. Есть её иллюзия, поддержание которой в сознании людей позволяет достигать совершенно определённых целей. Во-вторых, с помощью иллюзии справедливости ограничивается доступ большей части

⁶ Бабурин С.Н. Указ. соч. С. 240.

⁷ См.: Философия: энциклопедический словарь / под ред. А.А. Ивина. М., 2004 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc...1150/Справедливость> (дата обращения: 08.09.2022).

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

людей к коллективно произведённому общественному богатству и иным благам. В-третьих, ограничение доступа людей к общественным благам обеспечивает состояние власти и подчинения ничтожного меньшинства над всем обществом и реализацию богоборческой практики препятствования соблюдению Закона свободы воли человека. В-четвёртых, более или менее успешно сглаживается конфликт в обществе между бедными и богатыми, понимающими справедливость по-разному. В-пятых, необходимостью восстановить «справедливость» оправдывается насилие, применяемое для восстановления «справедливого» порядка распределения блага власти — одного из тех благ, которое нельзя распределить без того, чтобы «кого-то не обидеть». Объяснению и обоснованию нормальности несправедливого общественного устройства, т.е. справедливости несправедливого, и посвящены многочисленные философские теории начиная со времён Аристотеля.

Справедливое распределение природной ренты

Обладая неоспоримо высоким личным восприятием нравственности, искренне стремясь поправить трудное материальное положение населения страны, но опираясь при этом на изложенное понимание справедливости, С.Н. Бабурин отстаивает необходимость установить справедливость при использовании доходов, получаемых от природной ренты. Соответственно, справедливость он понимает вслед за Аристотелем и его многими последователями как равенство. На представлении о равенстве как основе справедливости основывается его убеждённость в правильности деления доходов, полученных от природной ренты, поровну между всеми гражданами Российской Федерации. В действительности подобная практика раздачи денег с надеждой на установление справедливости и повышение благосостояния народа — иллюзорный самообман, в котором справедливости не больше, чем при любом способе деления чего бы то ни было. Попытки реализовать на практике благие устремления, основанные на субъективных желаниях, закономерно заканчиваются разрушением иллюзий либо подчинением их «воле» объективной реальности.

На общетеоретическом (философском) уровне заблуждение о равном распределении как способе установления отношений справедливости опровергается отсутствием в объективной реальности состояния равенства как такового. Равенство присутствует только в математике, где оно понимается как отношение между двумя величинами или в более общем смысле двумя математическими выражениями, утверждающее, что величины имеют

одинаковое значение или что выражения представляют один и тот же математический объект¹³. В математике такое возможно, а вот в реальной жизни — нет, поскольку равенство между объектами, явлениями и т.д. означает их тождественность самим себе.

На метафизическом уровне понимания любое разделение (будь то разделение денег, иных благ, населения, прав, религиозное разделение и т.п.) должно признаваться проявлением богоборчества. Ибо Бог есть Любовь беспредельная, безграничная и всеохватывающая. Ею окормляется всё и вся без ограничений и без условий. Она едина, всеобща и неделима. Лишь выбором человека может определяться и ограничиваться (или не ограничиваться) мера Её принятия. Поэтому Бог никогда, ничто и никого не разделяет, поскольку разделение противоречит Его сущности. Он лишь объединяет.

Введение практики раздачи денег, оцениваемое с позиции её социальных и экономических последствий, также вызывает немало вопросов. Сама идея не нова. Публично она была обнародована в конце XVIII в., например, в работах Т. Пейна. В статье *Agrarian Justice* им обосновывается необходимость создания национального фонда, формируемого за счёт отчисления одной десятой части наследуемой собственности. Из фонда каждому лицу, достигшему 21 года, предлагалось выплачивать сумму в 15 фунтов стерлингов в виде частичной компенсации за потерю естественного наследства, под которым понималось естественное право на землю, утраченное вследствие введения системы поземельной собственности (права собственности на землю). Кроме того, должны были выплачиваться суммы в 10 фунтов стерлингов ежегодно и пожизненно каждому человеку, достигшему возраста 50 лет, и всем другим, когда достигнут этого возраста¹⁴. Тем самым предполагалось утвердить право граждан на регулярное получение доли в создаваемом национальном богатстве.

В настоящее время суть теории безусловного базового дохода (она имеет множество названий) сводится к регулярной выплате государством определённой суммы денег всем членам сообщества, вне зависимости от уровня их дохода и без необходимости участия в трудовой деятельности. Цель — обеспечение права на поддержание достойного качественного уровня жизни. Теория безусловного базового дохода с очевидностью

¹³ Равенство (математика) — Википедия [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Transitive_property_of_equality (дата обращения: 15.09.2022).

¹⁴ См.: Пейн Т. *Agrarian Justice* (Аграрная справедливость), 1797 / пер. с англ. Ф.Ф. Вермель (1959) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: https://land-question.narod.ru/misc/pain_1.html (дата обращения: 17.09.2022).

соотносится с положениями цивилитарной теории акад. В.С. Нерсисянца и близкими к ней предложениями о распределении природной ренты, сформулированными С.Н. Бабуриным, хотя и с учётом изменившихся обстоятельств — проведённой приватизации общенародной социалистической собственности. Вариативные отличия наблюдаются, пожалуй, лишь в источниках получения необходимых для распределения денежных средств.

Интересно то, что теория безусловного базового дохода, в отличие от большинства иных социально-теоретических конструкций, получила некоторую практическую апробацию в целом ряде государств, однако эксперименты по её влиянию на состояние экономики и общества в масштабе целой страны пока не проводились. Локальные же эксперименты далеко не всегда оправдывали ожидания, примерами чего служат Монголия и Иран. Для Монголии попытка подобного субсидирования закончилась значительным ростом государственного долга и падением размера выплат детских пособий — с 89 долл. в месяц до 7–17 долл. В Иране в течение пяти лет каждое домохозяйство (92% населения) получало около 400 долл. в месяц. Эксперимент завершился заметным ухудшением макроэкономической ситуации, что и привело к его прекращению¹⁵. Аналогичного рода выплаты проводились в 2018 г. локально и в Канаде (провинция Онтарио), но были прекращены раньше предполагавшегося срока из-за отсутствия ожидавшегося результата. На референдуме в Швейцарии в 2016 г. граждане отказались от планов введения безусловного базового дохода¹⁶. В то же время в ряде государств результаты экспериментов с безвозмездными выплатами, проводившимися в отношении отдельных категорий граждан или относительно немногочисленных групп граждан либо на некоторых административных территориях стран, были признаны положительными¹⁷.

Таким образом, опыт практического применения теории безусловного базового дохода в различных её вариантах, на наш взгляд, не позволяет однозначно утверждать о его, безусловно, положительном влиянии на экономику и на улучшение качества жизни народа. Важным в оценке его результатов представляется то, что субсидирование населения проводилось в условиях существующей экономической, политической социальной модели

общества. Те же эксперименты, но проводимые в условиях стабилизации цен, отсутствия инфляции, исключения из экономической жизни практики ссудного процента, наполнения рынка товарами, т.е. в иных условиях, дали бы более убедительный ответ на вопрос о целесообразности такого пути повышения народного благосостояния. Впрочем, к вопросу о справедливости раздачи населению в равных долях доходов от природной ренты всё сказанное прямого отношения не имеет. Речь больше шла о рисках и о практической целесообразности.

Принцип разделения является качественным признаком вовсе не справедливости, а напротив, несправедливости. Там, где делят, результаты разделения никогда не принимаются одеяемым населением как справедливые. Делимые блага всегда создаются коллективным трудом. Они — продукт общественного производства, в котором так или иначе, но участвует каждый. Вклад в конечный продукт труда у всех разный, но без вклада каждого невозможен желаемый конечный результат. В таких обстоятельствах справедливым на уровне субъективного восприятия является лишь совместное потребление совместно произведённого блага, ограничиваемое лишь субъективно оцениваемыми индивидуальными потребностями. Только в этом случае вопрос о справедливости снимается и на уровне общественного сознания, и на уровне сознания индивидуального, а любой труд на общее благо воспринимается как одинаково ценный. Поэтому полностью разделяя позицию С.Н. Бабурина о недопустимости присвоения природной ренты отдельными гражданами или отдельными социальными группами, представляется правильным и необходимым распространить её до признания недопустимым индивидуального присвоения природной ренты ни под каким предлогом. Она должна использоваться на создание условий, позволяющих удовлетворять нравственно одобряемые потребности каждого человека: на предоставление образования всех уровней, на медицинское обслуживание, на удовлетворение культурных потребностей, на организацию отдыха и досуга, на создание условий для духовного саморазвития, на удовлетворение жизненно важных потребностей в жилье и питании, на иные потребности того же порядка. Каждый должен иметь доступ к перечисленным общественным благам и пользоваться ими в меру субъективно определяемых им самим потребностей. Возможно ли такое путём оплаты затрат за счёт природной ренты? Очевидно, полностью невозможно, и не только при существующей расточительной потребительской модели организации

¹⁵ См.: Сысоев Т. Что такое безусловный базовый доход и почему этой мечте не сбыться. РБК [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://trends.rbc.ru/trends/social/5f64aacb9a794785d395a065> (дата обращения: 18.09.2022).

¹⁶ См.: Безусловный базовый доход — Википедия.ru [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://wikipedia.org> — Безусловный базовый доход (дата обращения: 18.09.2022).

¹⁷ См.: Сысоев Т. Указ. соч.

общества, однако это возможно в какой-то мере и в наше время¹⁸.

Возможность полного финансирования перечисленных и иных общественных потребностей открывается лишь при изменении правил распределения дохода, полученного от коллективно произведённых благ. Проблема в том, как организовать общественное производство таким образом, чтобы и доходов было достаточно, и сохранялась высокая индивидуальная мотивация к труду, существенно влияющая на темпы развития экономики, её качественные параметры и нравственное состояние общества. В СССР решить проблему не удалось, но для науки это не убедительный аргумент в пользу утверждения невозможности её решения. Решение, конечно же, есть, и один из его вариантов, возможно, следует искать в ограничении личной капитализации доходов. Ограничение капитализации на достаточно высоком уровне (например, в 30–50 млн долл.) должно обеспечить сохранение высокой мотивации к предпринимательской деятельности, снизить уровень конфликтности внутри бизнеса, мотивируемый стремлением к бесконечному обогащению, создающему иллюзию большей личной и экономической безопасности, к заполнению пустующих ниш в экономике, поскольку будет практически утрачен смысл борьбы за вложение в высокодоходные отрасли. Проект ограничения капитализации может иметь своим следствием и изменение в обществе ценностных ориентиров, если бизнес получит право вкладывать доходы, полученные сверх максимальной суммы капитализации, в социальные проекты по своему выбору из утверждаемых народом (населением) перечней таких проектов.

¹⁸ В 2019 г. размер природной ренты в Российской Федерации составлял примерно 1532,4 долл. на гражданина. Цифра, конечно, приблизительная. Авторы расчета определили уровень погрешности в плюс-минус 20%. Природная рента определялась по формуле: рыночная цена – себестоимость производства – амортизация инвестиций – нормальная прибыль на вложенный капитал, где под «нормальной» понималась средняя по экономике прибыль для проектов такого уровня риска. Полагалось, «что от всей природной ренты, разными способами получаемой в бюджет Российской Федерации, рента от собственно нефти в зависимости от мировых цен составляет 80–90% всей природной ренты». Размер нефтяной ренты в 2019 г. составлял 1277 долл. на гражданина (см. подр.: Некрасов Д. Бонус за ресурсы: природная рента россиян в 30 раз меньше, чем в Катаре [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://newizv.ru/article/general/19-10-2021/bonus-za-v-v-v...> (дата обращения: 19.09.2022)). При численности населения 147 млн человек сумма природной ренты составляла 22 526 280 000 долл., что примерно в 22 раза больше, чем суммарное финансирование Государственных программ по социальной поддержке населения, развитию физической культуры и спорта, научно-техническому развитию Российской Федерации, предусматривавшееся Федеральным законом от 29.11.2018 г. № 459-ФЗ «О федеральном бюджете на 2019 год и на плановый период 2020 и 2021 годов» (см.: СЗ РФ. 2018. № 49 (ч. I–VI), ст. 7531).

Рассматривая предложение о равном распределении между гражданами природной ренты по праву их происхождения и гражданства, заслуживает внимания и критическая оценка противников концепции безусловного базового дохода, отмечающих её негативное влияние на состояние общественной нравственности. Монетизированный труд является одним из известных доминирующих мотивов, побуждающих людей к творческому, активному, добросовестному труду. Денежный доход в обществе с доминацией материальных ценностей открывает доступ к социально значимым благам через личное обогащение (чем больше денег, аккумулированных в собственности, тем свободнее и шире доступ к социальным благам). Раздача денег, получение которых ни в какой мере не обусловлена трудовым участием, может иметь разные последствия. Среди них снижение или полное устранение мотивации к труду либо, даже не являясь основным мотивом снижения мотивации, способствовать отказу от труда. Пример тому – США, где наблюдается тенденция отказа населения от работы. Основными причинами тому послужило нежелание подвергаться эксплуатации, снижение размера заработной платы, неуважительное отношение со стороны работодателей, но немаловажным фактором явилась и раздача денег правительством¹⁹. Вариативность последствий зависит от сформированной в человеке морально-нравственной установки на труд, её «устойчивости» и других факторов. Предполагается бесспорным представление о труде (во всех его видах, формах и проявлениях: физической, интеллектуальной, духовной) как единственном источнике всех благ. При этом именно труд есть единственно нравственный способ их обретения, поскольку в ином случае следовало бы признать нравственным принцип жизни одних людей за счёт других, т.е. эксплуатацию одного человека другим. Возможно ли в таком случае ожидать нравственного поведения в обществе, в котором декларируется и осуществляется на практике принцип получения благ без личного трудового участия?

¹⁹ «Пандемия Covid-19 радикально перекроила рынок труда. В частности, по оценке Goldman Sachs, в последние 1,5 года около 3,5 млн американцев досрочно и добровольно ушли на пенсию, а 1,7 млн работоспособных уволились в никуда. В сентябре 2021 года количество увольнений по собственному желанию составило рекордные 4,4 млн случаев... У явления есть вполне явная финансовая подоплека. Во время пандемии федеральное правительство начало выплачивать 300 дополнительных долларов в неделю получателям пособия по безработице. В результате практически во всех штатах США, кроме трех, размер пособия превысил средний заработок» (см. подр.: Лакодин В. Сердце капитализма сбоят: в США растёт движение «Антиработа» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://TexTerra.ru/Блог/...-khochet-rabotat-v-ssha...> (дата обращения: 19.09.2022)).

Народный контроль

Развивая концепцию нравственного государства, С.Н. Бабуриной приходит к правильному утверждению о необходимости учреждения в нём в каком-то виде контроля народа. Глава 16 монографии так и названа: «Народный контроль над публичной властью как структурно-функциональная черта нравственного государства». Предпринятый им исторический экскурс и краткий анализ известных в прошлом форм участия населения в контроле на территории Российской Империи, СССР, Российской Федерации, некоторых зарубежных государств (Иран, Индия, КНР, Япония и др.) склоняет его симпатии к форме контроля, близкой к народному контролю в СССР, но дополненному контролем религиозным. Вместе с тем тот же исторический анализ показывает, что контроль никогда и нигде не был действительно народным. Он всегда организовывался и осуществлялся уполномоченными специальными органами с более или менее массовым, но всегда ограниченным привлечением к нему населения. Система контролирующих органов так или иначе, с той или иной степенью автономности, но всегда была встроена в институциональную систему государства и потому никогда не сливалась с народом, но неизбежно подчинялась логике функционирования этой системы.

Чтобы контроль стал действительно народным, а только такой, оцениваемый с позиции интересов народа контроль может быть объективным и максимально эффективным, необходима передача народу власти. Но возвращение власти народу, которое вполне принимает и по-своему обосновывает С.Н. Бабуриной, означает создание не просто обновлённого государства, а сущностно иной модели цивилизации, основанной на иных приоритетах и доминации иных ценностей. Сущность цивилизации и, как следствие, её общественное устройство, определяются ценностным выбором, который и получает своё проявление в ответе на основной вопрос философии. Выбор в пользу доминации материальных ценностей и их потребления закономерно ведёт общество к морально-нравственной деградации и гибели. Выбор в пользу доминации духовных ценностей столь же закономерно ведёт к гигантскому всплеску и объединению всех сил общества (моральных, нравственных, экономических), созданию, развитию и процветанию общественной модели созидательной направленности. Цивилизация движется духовным началом, а не материальным.

Этого, по-видимому, автор рецензируемой монографии и не может пока принять до конца. Отсюда попытки буквально втиснуть в привычную конструкцию государства, которое «верой и правдой» служит идее доминации материальных ценностей над духовными, какие-то несвойственные ему начала

нравственности, добродетельности, справедливости, этики, христианских ценностей. Своеобразный парадокс заключается в том, что любая человеческая цивилизация в силу двойственной сущности самого человека вынуждена совмещать в себе и духовные, и материальные начала. Это объективный факт. Однако вопрос не в устранении того или иного начала, а в том, какое из них доминирует в обществе на ценностном уровне восприятия. Потому несвойственные современному государству духовные ценности неизбежно будут в нём присутствовать, но весьма ограниченно и где-то на его ценностной периферии, не влияя на сущность такого государства.

Можно ли переориентировать населяющий государство народ в его ценностной ориентации? Ответ должен быть категорически утвердительным: жизненно необходимо и в кратчайшее время. Рассмотрение проблемы на общетеоретическом уровне (закон перехода количественных изменений в качественные изменения) также позволяет дать на поставленный вопрос предположительно утвердительный ответ. Элемент неопределённости ответа обеспечивает дискретность процесса перехода количества в качество, в результате чего первоначально задаваемый желательный вектор движения развития может менять предполагаемое направление. Условно позитивное развитие процесса может на каком-то этапе поменять позитивное направление движения на условно негативное направление. Чем длиннее и неопределённое путь движения к заданной цели и медленнее продвижение к ней, тем меньше вероятность её достижения. Новое качественное состояние возникнет неизбежно, но оно обязательно окажется не таким, какое мы ожидали изначально.

Развивая идею нравственного государства, С.Н. Бабуриной, объективно говоря, склоняется именно к такому пути постепенной трансформации общества и государства с негарантированным результатом. Человечество же, включая и российский народ, заинтересовано в разработке модели общественной организации сущностно иной, нежели современная государственная модель, отличающаяся абсолютной доминацией идеологии материальных ценностей, которая и привела общество к состоянию безнравственности. И это динамически ухудшающееся состояние проявляется во всех странах, хотя и с разной степенью выраженности. Разработка модели государства созидательной направленности — в этом суть социального запроса, ответ на который является основной задачей, стоящей перед гуманитарной наукой общественно-политического, социального, юридического, экономического её направлений, и, как представляется, должен определять магистральный путь движения названных наук и созидательно ориентированной части всего учёного сообщества, а также политиков.

Демократия или теократия

Предложенный автором к обсуждению вопрос об учреждении особого рода «органов публичного духовно-нравственного контроля» над органами государственной власти (и, очевидно, не только над ними) вызвал ожидаемую критическую реакцию. Акцентируя внимание на фактически предлагаемой С.Н. Бабуриным замене в Российской Федерации существующей республиканской формы правления на теократическую имперскую форму, элементом которой и должны стать органы «публичного духовно-нравственного контроля», акад. З.А. Станкевич подчёркивает «опасность ренессанса религиозного сознания...», которое, если оно «овладевает массами», не так уж и часто способствует действительному социальному, экономическому, политическому и культурному прогрессу»²⁰. Опадение, высказанное акад. З.А. Станкевичем, трудно опровергать, поскольку проф. С.Н. Баурин не объясняет мотивы, по которым полагает клерикальный контроль над состоянием нравственности более эффективным, чем, например, прямой контроль народа, о котором говорилось выше. Приведённое положение утверждается им бездоказательно, в чём вновь проявляется отступление от принципа объективности исследования и подмена названного принципа субъективным усмотрением.

Не отрицая необходимости контроля над органами власти, З.С. Станкевич поднимает вопрос о реальности «всеобъемлющего» народного контроля «в условиях, когда нынешняя Россия все дальше продвигается по пути укрепления персоналистского (полумонархического) авторитаризма плебисцитарного типа? И не разумнее ли, особо ничего не изобретая, на деле вернуться к достаточно тривиальным, но, в целом, проверенным временем и мировым опытом свободным и конкурентным выборам, регулярной сменяемости власти на всех её «этажах», реальному разделению властей при надёжной системе «сдержек и противовесов» и независимой судебной системе, а контроль за властью (в самых разных институциональных формах!) оставить за полномочными представителями народа и сильным гражданским обществом»? Очевидно, что речь идёт о восстановлении в Российской Федерации т.н. демократической формы правления в её англосаксонской трактовке. Но как восстанавливать то, чего в России не было? Попытка установить форму правления с изложенными признаками была, но чуть не закончилась для народа утратой

суверенности государства и установлением режима полного внешнего управления. К тому же утверждение о проверенности временем и опытом англосаксонской модели «демократии» представляется, глядя на происходящее в странах Запада, преждевременным. Больше похоже на то, что время для окончательных оценок ещё не наступило. У цивилизаций и государств, в отличие от людей, век бесконечно длинный. Это обстоятельство и создаёт предпосылку к заблуждению в оценках и выводах относительно действительной ценности для человечества как достижений т.н. цивилизованного мира, так и роли этого мира в истории человечества. Нетрудно и ошибиться в оценках.

Известно мнение У. Черчилля о демократической форме правления, которое ещё раз уместно вспомнить. «Никто не притворяется, что демократия — идеал или ответ на все вопросы. Более того, утверждалось, что демократия является наихудшей формой правления за исключением всех тех других форм, которые применялись время от времени»²¹. Есть повод ещё раз задуматься о целесообразности копирования столь несовершенной и далёкой от идеала модели.

Народу Российской Федерации и всем народам нужна демократия, но в её буквальном понимании прямого народовластия, обеспечить которое вполне можно уже сейчас введя законодательно практику прямого электорального голосования на всех территориях от федерального уровня до сельских поселений. Ещё лет 10 назад это представлялось нереальным, но сегодня вполне возможно и не трудно создать условия, при которых люди путём свободной подачи петиции могли бы сами предлагать актуальные и значимые, по их мнению, вопросы для вынесения на голосование. При поддержке петиции установленным законом количеством населения сформулированный в ней вопрос должен выноситься на референдум без чьего-либо согласия или санкции. Электронное голосование должно проходить открыто и в режиме реального времени, а принятые решения исполняться незамедлительно.

В порядке электронного голосования могут определяться и утверждаться важнейшие направления и задачи развития государства, регионов, городов и поселений, даваться оценка работе исполнительных и представительных органов и их руководителей, решаться вопросы о доверии, о необходимости принятия предложенных представительными (исполнительными) органами новых и отмене действующих нормативных правовых актов, затрагивающих интересы населения

²⁰ Станкевич З.А. «Нравственное государство» или всё-таки новая теократия? Полемиические заметки в связи с очередной концепцией российской государственности [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://cyberleninka.ru/article...npravstvennoe-gosudarstvo...> (дата обращения: 15.09.2022).

²¹ Цитаты Черчилля на сайте Буридо [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://burido.ru/726-tsitaty-cherchillya> (дата обращения: 19.09.2022).

соответствующих территорий, осуществляться право законодательной инициативы.

Выражение народом страны (населением территорий) путём плебисцита своей воли, обеспеченное правом принятия любого решения, и приведёт к установлению в государстве режима всеобщего контроля народа, в том числе и контроля «нравственного». Особенность такого контроля в том, что народ оценивает работу исполнительных органов по результатам, а результаты и есть объективный критерий оценки. Поэтому можно утверждать, что народ всегда прав, а его решения нравственнее и принципиальнее, чем решения любых чиновников, хотя часть народа при определённом воздействии на низменные человеческие качества может временно впадать в состояние безнравственности.

Новая модель государственного устройства

Понимая, что теория нравственного государства не может претендовать на завершенность без разработки новой модели (или общей концепции) экономико-правовой составляющей государства, но не ставя перед собой такой задачи, проф. С.Н. Бабурин обращается к предложенной акад. В.С. Нерсисянцем научной теории цивилизма, разработанной им в конце XX в. Высоко оценивая её, С.Н. Бабурин принимает цивилитарную форму собственности и логику цивилизма как «возможность создать общество и государство, обладающие потенциалом, необходимым и достаточным для достижения исторически более высокой ступени свободы, равенства, права, справедливости. Цивилизм, по его мнению, способен стать и обществом нравственного государства»²². Являясь последователем названной научной теории, автор монографии с сожалением констатирует факт того, что цивилизм государства не получил широкого признания, но, что совершенно странно для С.Н. Бабурина, цитируя Л. Вовенарга, объясняет это вероятностной неспособностью оппонентов к великим свершениям и их презрением к великим замыслам²³. Возможно, и так. Но в то же время известны и другие высказывания Л. Вовенарга, например: «Короли признают великими только тех, кого сами возвеличили»²⁴. Поскольку С.Н. Бабурин излагает не свои взгляды на новую экономико-правовую модель государства, а полностью солидаризируется с моделью, предложенной В.С. Нерсисянцем,

придётся оценивать изложенную в ней аргументацию как аргументацию автора монографии.

В основу теории цивилизма положено утверждение о невозможности общества без частной собственности и об иллюзорности коммунизма ввиду отрицания им частной собственности. «Коммунизма как такового нет и не может быть, т.к. его основной идеей является отрицание частной собственности»²⁵. Из факта ликвидации при социализме частной собственности на средства производства делается вывод об отсутствии в условиях социалистической экономической модели «настоящей» собственности и, соответственно, «настоящего права», а также обусловленной их наличием и прогрессом возможности перехода к «более высокой ступени» свободы. «Хотя в реальной действительности, — полагает В.С. Нерсисянец, — социализм оказался строем без настоящей собственности, свободы и права, однако в результате социалистического отрицания капитализма создана впервые в истории социалистическая собственность “всех вместе”, справедливое (в соответствии с принципом всеобщего правового равенства) преобразование которой ведёт к цивилизму»²⁶. В теории цивилизма «настоящей» полагается собственность в любых её формах, кроме обобществлённой формы (таковую цивилитарная концепция права за собственность не признаёт), и обязательно персонализированная, из чего и выводится утверждение об отсутствии при социализме настоящей свободы, поскольку свобода реализации титульных прав частного собственника невозможна в отсутствие таковых. Из того же предположения о «настоящей собственности» выводится и утверждение об отсутствии при социализме настоящего права, т.е. позитивного права, обосновывающего справедливость установления режима частной собственности на средства производства и его регулирующего.

Таким образом, цивилитарная концепция права хотя полностью не отрицает социалистическую собственность, право и свободу при социализме, но и не признаёт до конца, объявляя их ненастоящими. Впрочем, любое позитивное право является «ненастоящим» уже по той причине, что оно субъективно, так как в основании своего происхождения и изменений имеет волю и субъективное усмотрение элит общества (в разные исторические эпохи ими выступали отдельные личности, семьи, группы, кланы и т.д.). Как всё субъективное, позитивное право исторически изменчиво

²² Бабурин С.Н. Указ. соч. С. 337.

²³ См.: там же. С. 334.

²⁴ Афоризмы со всего мира. Энциклопедия мудрости. Вовенарг Л. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://rus-yaz.niv.ru/doc/aphorisms-world/index.htm> (дата обращения: 19.09.2022).

²⁵ Нерсисянец В.С. Философия права: учеб. для вузов. Глава 1. От социализма к цивилизму. Концепция цивилитарного права. С. 327 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://artsakhlib.am/wp...uploads...Владик-Нерсисянец...права...> (дата обращения: 28.09.2022).

²⁶ Там же. С. 341.

и конъюнктурно отражает в себе постоянно меняющиеся политико-экономические реалии. Меняются реалии — меняется и позитивное право. В условиях социалистической общественно-экономической формации объективно существовали соответствующие ей собственность, право и свобода. Потому рассуждения о «настоящих» и «ненастоящих» собственности, праве и свободе представляются не имеющими под собой объективных предпосылок. Объяснить их появление можно лишь субъективным усмотрением.

Необходимость вернуть общество в цивилизованное состояние справедливости и права подводит В.С. Нерсисянца к вопросу о судьбе социалистической собственности в рамках ответа на сформулированный им вопрос о том, «к какому праву и какой собственности можно идти от социализма»? То есть «возможно ли такое право, которое признавало бы принцип всеобщего формального равенства... и вместе с тем не было бы буржуазным правом» и «возможна ли такая индивидуализированная собственность на средства производства, которая вместе с тем не была бы частной собственностью»?²⁷ Утвердительный ответ на поставленные вопросы автор видит в преобразовании социалистической собственности в гражданскую (цивилитарную) собственность, «по которой каждый приобретает юридический титул собственника и реально становится собственником равной доли десоциализированной собственности на средства производства...»²⁸.

Предваряя анализ изложенных положений, представляется необходимым отметить одинаковое стремление В.С. Нерсисянца и С.Н. Бабурина обосновать модель новой общественной формации с такими принципами её устройства, как гражданская собственность и нравственный общественный уклад. Переход к цивилизму «знаменует, по мнению В.С. Нерсисянца, отмечает С.Н. Бабурин, переход... к новому общественному строю»²⁹. Сам же С.Н. Бабурин понимает такой переход как «следующий шаг по ступеням восхождения к Разуму»³⁰. Под Разумом здесь очевидно понимается Дух, судя по написанию слова с прописной буквы. И если предположение верно, следовательно, в этом случае автор, вольно или невольно, демонстрирует стремление к Духу как образцу, т.е. признаёт объективность Духа и идеальность Его Мира как образца для построения Мира человеческого. В то же время С.Н. Бабурин не принимает модель общественного устройства без несвойственного

Миру Духовному формального права, собственности и государства (института управления людьми и властвования над ними) и других болезненных пережитков пути восхождения человека к состоянию действительно Человеческому. Этот пример неустойчивости внутреннего духовного выбора, тем не менее, не препятствует признанию правильности поставленной цели — разработать теоретическую модель общества новой формации.

Цивилитарная научная теория перехода к новому общественному строю В.С. Нерсисянца представляет несомненную ценность в вопросе научного обоснования необходимости новой общественной модели, но утверждение о её новизне не бесспорно. Признавая Закон дихотомии Мира и используя его для поиска ответа на вопрос о возможных видах общественных формаций, необходимо признать допустимой реальность лишь двух существенно отличающихся видов формаций: потребительской с доминанцией ценностей материальных и условно называемой созидательной с доминанцией ценностей Духовных. Под сущностью в философии понимается категория, в которой отражается «смысл данной вещи, то, что она есть сама по себе, в отличие от всех других вещей и в отличие от изменчивых состояний вещи под влиянием тех или иных обстоятельств»³¹. Следовательно, действительно новой допустимо признавать лишь модель, существенно противостоящую сравниваемой модели. Все и любые изменения, вносимые в известную сравниваемую модель, не образуют качество действительной новизны. Они приводят лишь к обновлению, изменению, трансформации известного, т.е. содержа элемент новизны, не образуют чего-то нового по своей сути. Следуя именно изложенному пониманию новизны, и необходимо посмотреть на новации, предлагаемые в цивилитарной модели права и государства.

Важнейшим тезисом цивилитарной концепции, как следует из приведённых выше объяснений её автора, является преобразование социалистической собственности в иную форму собственности, но не частную и не государственную, а цивилитарную (гражданскую), которая, как полагает В.С. Нерсисянец, и «ведёт к новому строю с более содержательным (чем при капитализме) принципом равенства и справедливости, с более развитыми формами собственности и права»³². Принятое в гражданском праве и ставшее классическим понимание собственности определяет её как сочетание трёх титульных прав, а именно: прав владения, пользования и распоряжения объектом гражданских правоотношений. Только в этом случае

²⁷ Нерсисянец В.С. Указ. соч. С. 335.

²⁸ Там же. С. 342.

²⁹ Бабурин С.Н. Указ. соч. С. 334.

³⁰ Там же.

³¹ Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова. 5-е изд. С. 469.

³² Нерсисянец В.С. Указ. соч. С. 327.

субъект правоотношений юридически признаётся реальным собственником.

Из факта признания права собственности неизбежно следует и признание любого составляющего его титульного права, в том числе и права на свободное распоряжение собственностью. На практике это приводит к тому, что право на гражданскую собственность неизбежно должно стать объектом гражданского оборота, в результате чего запускается процесс его «перетекания» от одного собственника к другому, концентрации права у отдельных собственников (граждан и юридических лиц). Логикой правоотношений собственности запускается процесс отрицания основополагающего тезиса теории цивилизма о равном праве всех граждан на равную долю в гражданской собственности. Право на гражданскую собственность становится не всеобщим и не равным. Разрушается основа цивилизма, а вместе с ней и надежды на возникновение нового общественного строя становятся призрачными.

Вполне понимая перспективы теории цивилизма, к которым ведёт право на распоряжение собственностью, В.С. Нерсисянц вынужден был ввести оговорку, согласно которой «право на гражданскую собственность не может быть полностью или частично передано другому лицу»³³. Оговорка исключила возможность распоряжаться правом собственности и тем самым разрушила всю конструкцию права собственности. Граждане не могли стать реальными собственниками. К тому же и право пользования собственностью оказалось существенно ограниченным. От него осталось лишь право на равную монетизированную долю «от всех доходов, получаемых от общей собственности всех граждан в результате всех форм рыночно-хозяйственного использования объектов этой собственности»³⁴. Возможность пользования средствами производства в личных или коммерческих целях для абсолютного большинства граждан цивилитарная модель общества не предполагает.

Важнейший тезис цивилитарной теории о необходимости юридического закрепления за гражданами права общей совместной собственности на имущественное наследие социализма превратился в благое неисполнимое намерение, поскольку реальные собственники не могли появиться, вернее могли, но перманентно, на период времени, достаточный для проведения первой сделки по отчуждению доли в гражданской собственности.

В таком случае оказывается неустойчивой и вся конструкция нового цивилитарного послебуржуазного и постсоциалистического правообразования:

в нём сохраняется лишь принцип любого права (принцип формального равенства), а вот «содержательного обогащения его качественно новым моментом — равным правом каждого на одинаковый для всех минимум собственности»³⁵ не происходит. Цивилитарное право, таким образом, должно исчезнуть, только возникнув, вместе с объектом своего регулирования — гражданской (цивилитарной) собственностью. От него остаётся обычное давно известное буржуазное право.

Кроме того, в теории цивилизма не затрагиваются вопросы влияния перехода к цивилитарной форме собственности и права на систему, структуру и взаимодействие институтов современного общества и государства, о месте и роли в них народа и другие вопросы трансформации общественного устройства. Но ведь представляется аксиоматично очевидным, что за переходом к новой форме собственности должны последовать если не тектонические социальные изменения, как то произошло с появлением обобществлённой (социалистической) собственности, то существенные изменения, поскольку цивилитарная собственность позиционируется фактором, ведущим «к новой ступени развития — новому строю...»³⁶.

Перечисленные и иные вопросы, в процессе научного исследования которых могла быть теоретически доказана и обоснована возможность возникновения новой общественной формации, детерминированной цивилитарной (гражданской) формой собственности, оставлены без внимания. Похоже на то, что такое странное обстоятельство указывает на признание существующего общественного порядка вполне соотносимым с концепцией цивилизма и потому не требующим изменения. Но современному обществу требуется не концепция правомерной раздачи денег, а доктринальная модель перехода к качественно иной, действительно новой, модели общественного устройства. Сущность нового порядка общественного устройства, отличающего его от всех иных существующих и известных из прошлого общественных моделей, менявшихся под влиянием тех или иных исторических, культурных, технических факторов, раскрывается в новом ценностном выборе народа, а не в изменении форм собственности. Тогда допустимо предположить, что теория цивилитарного государства и права не получила широкого признания вовсе не по причине чьего-то презрения к великим замыслам, а по причине сомнения в их новизне и актуальности.

³⁵ Там же.

³⁶ Нерсисянц В.С. Право — математика свободы. Опыт прошлого и перспективы. М., 1996. С. 133.

³³ Нерсисянц В.С. Указ. соч. С. 338.

³⁴ Там же.

Тем не менее С. Н. Бабурин уверенно настаивает на том, что «главная социальная задача возрождающейся исторической России — добиться для каждого гражданина России получения с рождения справедливой доли средств от использования природных богатств...»³⁷. Приведённый тезис, явно унаследованный от Т. Пейна, В. С. Нерсисянца и многочисленных сторонников безусловного базового дохода, как-то диссонирует одному из основополагающих нравственных положений автора о русском народе. Несмотря на неоднократные вынужденные цитирования, приведём его полностью. «Высокий уровень духовно-нравственных требований к земному существованию человека, лежащий в основе русской системы ценностей, ориентирован на трудолюбие как основу благосостояния, на простоту запросов и открытость чувств»³⁸. Если верно утверждение о трудолюбии не только как основе благосостояния, но и одной из основ системы всех русских ценностей, тогда получение материальных благ без вложения труда следует признать недопустимым способом обретения благосостояния, какую бы часть в благосостоянии они не составляли. Предоставление нетрудовых доходов будет разрушать систему русских ценностей.

В контексте сказанного можно предложить ещё раз вернуться к предлагавшемуся выше принципу коллективного производства и потребления благ. Он не противоречит ни такому «исключительно важному принципу славянской идентичности», как «общинное начало жизни, в основе которого лежит добровольный коллективизм»³⁹, ни способности жить на общее благо, являющейся, как полагает С. Н. Бабурин, «одной из черт славянской духовности с устойчивым характером...»⁴⁰.

Мировоззренческая свобода в политике

Монография завершается предлагаемой С. Н. Бабуриным формулой Русской цивилизации XXI в., состоящей из нескольких взаимосвязанных положений. Последнее из них, определяемое автором как «мировоззренческая свобода в политике», вызывает вопросы. Речь идёт, по всей видимости, о свободе в самостоятельном определении своей мировоззренческой внутренней и внешней политики Российским государством. Оценка приведённого положения зависит прежде всего от того, кому в государстве принадлежит власть. Если народу — тогда с тезисом можно условно согласиться, понимая, что власть народа будет распространяться исключительно на руководящих должностных

лиц органов государства и осуществляться в форме народного контроля над ними и в форме общенародного определения направлений, целей и задач развития общества. В этом случае народ перестаёт быть объектом манипуляции чьей-то воли. Власть как одна из составляющих современной общественной жизни, проявляющаяся в возможности навязывания своей воли другим людям и подавлении их воли, в таком случае фактически исчезает. Исключение отношений властвования из практики общественных отношений является условием реализации в полной мере принципа свободы воли, установленного не нами.

Если же между народом и его властной волей будут оставаться посредники, осуществляющие функции власти, то с обсуждаемым выдвинутым С. Н. Бабуриным положением о мировоззренческой свободе в политике согласиться нельзя. Мировоззрение политиков объективно всегда формируется под влиянием ограниченного восприятия реальности, обусловленного невозможностью полного отражения объективного мира на уровне индивидуального сознания человека. Мировоззрение же народа, напротив, всегда объективно, так как формируется вне изменчивой воли и сознания отдельных людей или их групп. Поэтому субъективное никогда не совпадает полностью с объективным и потому не может признаваться истинным. Следовательно, мировоззренческая свобода в политике и как тезис, и как практическое воплощение вступает в противоречие с Законом свободы воли (выбора), действие которого распространяется не только на право выбора отдельных личностей, но и на право выбора народа.

Обозначенная философская позиция может показаться противоречивой, если её рассматривать с позиции представления о народе как совокупности отдельных людей, т.е. как совокупности единиц. В таком понимании народа отражается лишь один, хотя и весьма распространённый, если не сказать доминирующий в современной науке, подход к его восприятию. Более полное восприятие и понимание народа раскрывается в его интерпретации как самостоятельной единой сущности. Используя разработанную в гражданском праве концепцию юридических лиц, возможно восприятие народа как коллективной социальной личности, имеющей свои, не всегда совпадающие с личностью персонифицированной интересы, ценности, цели, задачи, а также качества, необходимые для их достижения: коллективные сознание, волю, силу. По умолчанию такое понимание народа признаётся, например, когда речь идёт о цивилизационных особенностях народа, о культурно-исторических типах цивилизаций. К сожалению, современная правовая доктрина не разрабатывает это направление, интересное не только

³⁷ Бабурин С. Н. Указ. соч. С. 504.

³⁸ Там же. С. 508.

³⁹ Там же. С. 519.

⁴⁰ Там же.

в научно-познавательном отношении, но и имеющее важное практическое значение, в частности, для формирования правового ограничения мировоззренческой свободы в политике, которая всегда готова превратиться в мировоззренческий произвол тех, кто примет на себя возложенное «бремя» исполнения функций власти. Поэтому, безусловно, прав проф. С.Н. Бабурин, когда пишет о необходимости легализации в Конституции РФ понятия «народ», но его легализация, по нашему глубокому убеждению, должна быть осуществлена введением в Конституцию РФ специальной главы, содержащей не только понятие народа как коллективной социальной личности, но и провозглашение его ценностей, целей, задач, прав, особых интересов, формулировании идеологии российского народа.

Взгляды С.Н. Бабурина на государство и устройство российского общества, изложенные в монографии в контексте проблематики нравственности и справедливости с позиции консерватизма и опорой на цивилизационные особенности русского народа, чрезвычайно актуальны, научно обоснованы, хотя и оставляют немало вопросов.

Основной и результирующий из них о выборе, чем заниматься: подлатывать крышу полусгнившего сарая старой модели государства потребительского типа или строить новый светлый и удобный для всех дом духовного и материального созидания? Ответ на него лежит в выборе между живой объективностью Духа и мёртвой субъективностью материи. Что выберем — то и получим: либо жизнь в обществе созидательном, либо смерть духовную и физическую.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Афоризмы со всего мира. Энциклопедия мудрости. Вовенарг Л. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://rus-yaz.niv.ru/doc/aphorisms-world/index.htm> (дата обращения: 19.09.2022).
2. Бабурин С.Н. Нравственное государство: русский взгляд на ценности конституционализма / предисл. И.М. Рагинова. М., 2020. С. 4, 240, 334, 337, 504, 508, 519.
3. Лакотин В. Сердце капитализма сбоят: в США растёт движение «Антиработа» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://TexTerra.ru/Блог/...-khochet-rabotat-v-ssha...> (дата обращения: 19.09.2022).
4. Некрасов Д. Бонус за ресурсы: природная рента россиян в 30 раз меньше, чем в Катаре [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://newizv.ru/article/general/19-10-2021/bonus-za...v...v...> (дата обращения: 19.09.2022).
5. Нерсесянц В.С. Право — математика свободы. Опыт прошлого и перспективы. М., 1996. С. 133.
6. Нерсесянц В.С. Философия права: учеб. для вузов. Глава 1. От социализма к цивилизму. Концепция цивилитарного права. С. 327, 335, 338, 341, 342 [Электрон-

ный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://artsakhlib.am/wp...uploads...Владик-Нерсесянц...права...> (дата обращения: 28.09.2022).

7. Лейн Т. Agrarian Justice (Аграрная справедливость), 1797 / пер. с англ. Ф.Ф. Вермель (1959) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: https://land-question.narod.ru/misc/pain_1.html (дата обращения: 17.09.2022).
8. Станкевич З.А. «Нравственное государство» или всё-таки новая теократия? Полемиические заметки в связи с очередной концепцией российской государственности [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://cyberleninka.ru/article...npravstvennoe-gosudarstvo...> (дата обращения: 15.09.2022).
9. Сысоев Т. Что такое безусловный базовый доход и почему этой мечте не сбыться. РБК [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://trends.rbc.ru/trends/social/5f64aacb9a794785d395a065> (дата обращения: 18.09.2022).
10. Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова. 5-е изд. М., 1987. С. 147, 148, 336, 469.
11. Философия: энциклопедический словарь / под ред. А.А. Ивина. М., 2004 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc...1150/Справедливость> (дата обращения: 08.09.2022).
12. Цитаты Черчилля на сайте Буридо [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://burido.ru/726-tsitaty-cherchillya> (дата обращения: 19.09.2022).

REFERENCES

1. Aphorisms from all over the world. Encyclopedia of Wisdom. Vauvenarg L. [Electronic resource]. — Access mode: URL: <https://rus-yaz.niv.ru/doc/aphorisms-world/index.htm> (accessed: 19.09.2022) (in Russ.).
2. Baburin S.N. The Moral State: Russian view on the values of constitutionalism / preface by I.M. Ragimov. M., 2020. P. 4, 240, 334, 337, 504, 508, 519 (in Russ.).
3. Lakodin V. The heart of capitalism is failing: the “Anti-Work” movement is growing in the USA [Electronic resource]. — Access mode: URL: <https://TexTerra.ru/Blog/...-khochet-rabotat-v-ssha...> (accessed: 19.09.2022) (in Russ.).
4. Nekrasov D. Bonus for resources: the natural rent of Russians is 30 times less than in Qatar [Electronic resource]. — Access mode: URL: <https://newizv.ru/article/general/19-10-2021/bonus-za...v...v...> (accessed: 19.09.2022) (in Russ.).
5. Nersesyants V.S. Law — Mathematics of Freedom. The experience of the past and prospects. M., 1996. P. 133 (in Russ.).
6. Nersesyants V.S. Philosophy of Law: studies for universities. Chapter 1. From socialism to civilization. The concept of Civil Law. P. 327, 335, 338, 341, 342 [Electronic resource]. — Access mode: URL: <https://artsakhlib.am/wp...uploads...Vladik-Nersesyants...rights...> (accessed: 28.09.2022) (in Russ.).
7. Payne T. Agrarian Justice (Agrarian justice), 1797 / transl. from the English by F.F. Vermel (1959) [Electronic resource]. — Access mode: URL: https://land-question.narod.ru/misc/pain_1.html (accessed: 17.09.2022) (in Russ.).
8. Stankevich Z.A. “The moral state” or is it still a new theocracy? Polemical notes in connection with the next concept

- of Russian statehood [Electronic resource]. — Access mode: URL: <https://cyberleninka.ru/article...nravstvennoe-gosudarstvo...> (accessed: 15.09.2022) (in Russ.).
9. *Sysoev T.* What is an unconditional basic income and why this dream will not come true. RBC [Electronic resource]. — Access mode: URL: <https://trends.rbc.ru/trends/social/5f64aacb9a794785d395a065> (accessed: 18.09.2022) (in Russ.).
 10. Philosophical Dictionary / ed. by I.T. Frolov. 5th ed. M., 1987. P. 147, 148, 336, 469 (in Russ.).
 11. Philosophy: Encyclopedic Dictionary / ed. by A.A. Ivin. M., 2004 [Electronic resource]. — Access mode: URL: <https://dic.academic.ru>dic.nsf/enc...1150/Justice> (accessed: 08.09.2022) (in Russ.).
 12. Churchill's quotes on the Burido website [Electronic resource]. — Access mode: URL: <https://burido.ru/726-tsi-taty-cherchillya> (accessed: 19.09.2022) (in Russ.).

Сведения об авторе

АНТОНЕНКО Алексей Петрович —
кандидат юридических наук, доцент;
Республика Беларусь, г. Минск

Authors' information

ANTONENKO Alexey P. —
PhD in Law, Associate Professor;
Republic of Belarus, Minsk

ГРАЖДАНСКОЕ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО

О КОНЦЕПЦИИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ПРАВ
В СВЕТЕ ИХ ОБЪЕКТА

© 2023 г. И. В. Овчинников

Удмуртский государственный университет, г. Ижевск

E-mail: oiv413@gmail.com

Поступила в редакцию 23.06.2022 г.

Аннотация. В статье исследуется понятие интеллектуальных прав, введенное Частью четвертой Гражданского кодекса РФ для обозначения совокупности прав на интеллектуальную собственность. Автор обосновывает его самостоятельный характер и независимость данных прав в системе субъективных гражданских прав не только от права собственности и иных вещных прав, но и от института охраны нематериальных благ (защиты личных неимущественных прав). Исторические особенности развития европейской цивилистики XIX в., стремившейся к отказу от проприетарной теории интеллектуальной собственности, привели в тот же период к формированию теории личных прав на результаты творческой деятельности. Указанная теория, понимавшая произведение как продолжение личности автора, в свою очередь, оказывает влияние на отечественное гражданское право и приводит к смешению интеллектуальной собственности и нематериальных благ личности в системе объектов гражданских прав.

Ключевые слова: гражданское право, интеллектуальные права, интеллектуальная собственность, авторское право, проприетарная теория интеллектуальной собственности, личные неимущественные права, нематериальные блага, объекты гражданских прав.

Цитирование: Овчинников И. В. О концепции интеллектуальных прав в свете их объекта // Государство и право. 2023. № 7. С. 79–87.

DOI: 10.31857/S102694520020813-5

ON THE CONCEPT OF INTELLECTUAL RIGHTS
IN THE LIGHT OF THEIR OBJECT

© 2023 I. V. Ovchinnikov

Udmurt State University, Izhevsk

E-mail: oiv413@gmail.com

Received 23.06.2022

Abstract. This article explores the concept of intellectual rights, introduced by Part 4 of the Civil Code of the Russian Federation to denote the totality of intellectual property rights. The author argues its independence among subjective civil rights not only from property rights, but also from the rights of personality. The development of European Civil Law of the XIX century that led to steady decline of the proprietary theory of intellectual property, simultaneously led to the formation of the theory of personality rights in relation to artistic work. This theory, which understood the work as a continuation of the author's self, still exerts its influence upon Russian Civil Law and leads to the confusion of intellectual property with inalienable attributes of personality (intangible goods) in the system of objects of civil rights.

Key words: Civil Law, intellectual rights, intellectual property, copyright law, proprietary theory of intellectual property, personality rights, attributes of personality, objects of civil rights.

For citation: Ovchinnikov, I. V. (2023). On the concept of intellectual rights in the light of their object // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 7, pp. 79–87.

Постановка проблемы

Разработка и принятие Части четвертой Гражданского кодекса РФ сопровождалась страстной (подчас пристрастной) научной дискуссией, выливавшейся на страницы научных журналов, монографий и диссертаций. Этому, нет сомнений, способствовал поистине титанический объем открытого ей правового материала, но подлинную причину, как видится, необходимо искать в другом. Часть четвертую ГК РФ по аналогии с т.н. авторским кинематографом стоило бы назвать авторским законодательством. В момент своего принятия она содержала в себе оригинальное в мировом контексте и хорошо артикулированное видение как многих фундаментальных теоретико-правовых проблем, имевшихся в праве интеллектуальной собственности, так и способов их решения. Это авторское видение на тот момент едва ли можно было назвать общепринятым, а потому неудивительно, что ему пришлось испытать на себе критику.

Для большинства юристов идея исчерпывающего регулирования в рамках Гражданского кодекса РФ всего комплекса отношений, связанных с результатами интеллектуальной деятельности, кажется бесспорной, а термин «интеллектуальные права» — привычным. Часть четвертая ГК РФ доказала свою теоретическую и практическую состоятельность, обросла большим корпусом доктринальных комментариев и выработанных судами правовых положений. Тем интереснее сейчас вернуться к дискуссии о ее понятийном аппарате.

В 2007 г. увидела свет известная статья В.П. Мозолина «О концепции интеллектуальных прав»¹, содержащая критическую оценку понятийных нововведений Части четвертой ГК РФ. Аргументы, изложенные в ней и подобные им, многократно приводились и обсуждались в литературе того периода², и не все из них по прошествии лет в полной мере сохранили свою актуальность. Тем не менее эта статья ценна уже постановкой проблемы, вынесенной в название. И правда, какова же концепция интеллектуальных прав в отечественном гражданском праве? Вопрос тем более интересный, что А.Л. Маковский, один из разработчиков Части четвертой ГК РФ, отвечая на эту и другие публикации, подчеркивал: никакой концепции

интеллектуальных прав в Части четвертой ГК РФ не существует³.

Столь ясный и не оставляющий пространство для маневра комментарий мог бы обескуражить исследователя. Стоит ли искать в законе научную проблематику и доктринальную глубину там, где, по утверждению самого автора закона, цивилиста с непрекаемым авторитетом, ее нет и не предполагалось? Ответ на этот вопрос дал сам А.Л. Маковский: «Пока это (интеллектуальные права. — И.О.) лишь общая “упаковка” для субъективных гражданских прав, у которых явно есть общие черты (нематериальность объектов этих прав, абсолютный характер). <...> Выяснение сущности интеллектуальных прав, позволяющей признать их субъективными гражданскими правами особого типа, — задача второго шага на долгом пути...»⁴. Таким образом, понятийную трансформацию Части четвертой ГК РФ следует считать не окончанием, а началом дискуссии о сущности и природе интеллектуальных прав.

Среди непроясненных вопросов, касающихся интеллектуальных прав, обычно называют проблемы, связанные с их составом и юридической природой. В частности, остро стоит вопрос о т.н. иных интеллектуальных правах, среди которых наибольшее внимание цивилистов заслужили право доступа и право следования. Кажется не слишком правильным ставить неприкаемость этих и других «иных» прав в упрек разработчикам Части четвертой ГК РФ или даже абстрактным «отечественным правоведам»⁵, которые не смогли разобраться с их природой. Обратившись к практике европейских стран, мы обнаружим, что смотримся в зеркало, — европейские правоведы испытывают не меньшие сложности, чем российские⁶. Эта тема заслуживает не упоминания, а отдельного глубокого исследования, поэтому рассматриваться в рамках данной статьи не будет.

Что же касается дихотомии «имущественные права vs личные неимущественные права» в целом, то она представляет собой характерное родовое пятно права интеллектуальной собственности, и именно ей хотелось бы уделить внимание, но под вполне определенным углом зрения. Как бы мы ни

³ См.: Маковский А.Л. О кодификации гражданского права (1922–2006). М., 2010. С. 624.

⁴ Маковский А.Л. Об интеллектуальных правах // Актуальные вопросы российского частного права: сб. ст., посвященный 80-летию со дня рождения проф. В.А. Дозорцева. М., 2008. С. 223.

⁵ Рожкова М.А. «Триада» интеллектуальных прав: верен ли законодательный подход // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2016. № 11. С. 16.

⁶ См., напр., анализ права следования во французской юриспруденции: Lucas A., Lucas H.-J., Lucas-Schloetter A. *Traité de la propriété littéraire et artistique*. Paris, 2012. P. 424, 425.

¹ Мозолин В.П. О концепции интеллектуальных прав // Журнал рос. права. 2007. № 12. С. 100–109.

² См., напр.: Горохов О.А. О проекте части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации // Правоведение. 2006. № 6. С. 36–51; Суханов Е.А. Гражданское право России — частное право. М., 2008. С. 143–150; Толстой Ю.К. О понятийном аппарате части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации // Правоведение. 2008. № 2. С. 39–43.

понимали термин «интеллектуальные права» и что бы мы ни вкладывали в его содержание, мы во всяком случае должны предположить, что все эти права имеют хотя бы один объединяющий их признак, который и позволяет нам в рамках классификации субъективных гражданских прав отнести их в группу, именуемую «интеллектуальные права».

Исключительное право и личные неимущественные интеллектуальные права на первый взгляд не просто отличны, но существуют как бы в бинарной оппозиции друг к другу и по своему субъекту (правообладатель *vs* автор), и по срокам охраны (намеренно игнорируя нюансы, в целом ее можно очертить в европейской традиции как «срочность охраны *vs* бессрочность охраны»), и по возможности перехода к другим лицам (по общему правилу, отчуждаемое *vs* неотчуждаемое), и по существу заложенных в них возможностей. Что же объединяет столь разные правовые сущности?

Казалось бы, ответ на данный вопрос насколько очевиден, настолько и прост: все интеллектуальные права родственны по своему объекту. Как указано в ст. 1226 ГК РФ, они признаются на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации. Действительно, все они возникают, существуют и охраняются по поводу и в связи с тем или иным объектом интеллектуальной собственности, без которого само их существование непредставимо. Нет никаких сомнений, что именно такой взгляд положен в основу Части четвертой ГК РФ. Как писал В.А. Дозорцев, термин «интеллектуальные права» определяет группу прав «через объект, свойства которого оказывают решающее влияние на правовой режим»⁷.

На данном этапе уже можно сформулировать проблему, имплицитно заложенную в таком подходе, в виде следующего вопроса: могут ли две разные категории субъективных прав (имущественные и личные неимущественные), предназначенные для опосредования различных по своему характеру отношений, иметь один и тот же объект? Данный вопрос можно изложить и другим образом: следует ли полагать, что интеллектуальная собственность может выступать объектом личного неимущественного права?

В определенном смысле ст. 1226 ГК РФ уже дала нам утвердительный ответ на оба эти вопроса, признав личные неимущественные права составной частью интеллектуальных. Но удовлетворителен ли этот ответ? Как в таком случае быть с традиционным, совершенно обоснованным взглядом на объект личного неимущественного права как на неотторжимое от личности нематериальное благо? Достаточно ли нам для решения этой проблемы лишь

признать, что интеллектуальная собственность выступает одновременно и неотъемлемым благом, и объектом имущественных прав?

Представляется, что имеющее здесь место смешение чрезвычайно несходных объектов (интеллектуальная собственность и личное благо), которые роднит разве что нематериальный характер, не устранить особенностями словоупотребления. Сколь распространенный, столь же и неясный в содержании термин «дуализм», будь то дуализм интеллектуальных прав или дуализм самой интеллектуальной собственности, не в состоянии нам помочь. Базовая классификационная триада абсолютных прав, состоящая из вещных, личных неимущественных и интеллектуальных прав, выстроена на объектном критерии (вещь — личное благо — интеллектуальная собственность). Нет ничего удивительного в том, что среди интеллектуальных прав оказались также личные неимущественные, ведь и единство критерия классификации не выдержано.

Эта проблема не нова для права интеллектуальной собственности ни в России, ни за рубежом. Но нигде она не была проявлена столь выпукло, как в рамках Части четвертой ГК РФ, что в каком-то смысле стало продолжением достоинств последней. Ранее действовавший Закон РФ от 9 июля 1993 г. № 5351-1 «Об авторском праве и смежных правах», обладавший, как было замечено, неясным понятийным аппаратом и обилием противоречий⁸, в ст. 15 и 16 устанавливал некие «имущественные» и «личные неимущественные» права автора соответственно, упоминая лишь, что они признаются в отношении произведения. В отсутствие определенности по поводу того, что же это за личные неимущественные права автора (не говоря уже об имущественных), правоведы имели возможность отождествить или, во всяком случае, приблизить их природу к тем правам, защита которых возложена на институт охраны нематериальных благ.

Так, М.Н. Малеина выделяла применительно к личным неимущественным правам автора два параллельно существующих объекта: общий (сам результат интеллектуальной деятельности) и специальные (отдельные личные блага, такие как авторство, авторское имя, автономия целостности произведения и свобода определения судьбы произведения)⁹. Очевидно, что подобное удвоение объекта было призвано разрешить обозначенную выше проблему и вписать эти права одновременно и в концепцию личного права на неотчуждаемое нематериальное

⁷ Дозорцев В.А. Интеллектуальные права: понятие, система, задачи кодификации: сб. ст. М., 2005. С. 348.

⁸ См.: Яковлев В.Ф., Маковский А.Л. О четвертой части Гражданского кодекса России // Журнал рос. права. 2007. № 2. С. 4.

⁹ См.: Малеина М.Н. Личные неимущественные права граждан (понятие, осуществление, защита): дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1997. С. 28, 29, 352.

благо, и в концепцию авторского права на результат творческой деятельности. Едва ли это можно назвать полностью удовлетворительным выходом из ситуации, но действовавшее тогда законодательство, по крайней мере, давало такую возможность.

Часть четвертая ГК РФ, гораздо более выверенная в своей понятийной составляющей, по большей части лишила нас и этого. Следует сказать все же, что некоторая путаница с объектами интеллектуальных прав сохранилась и поныне. В Гражданском кодексе РФ не определен объект личных неимущественных интеллектуальных прав. Так, в ст. 128 ГК РФ среди нематериальных благ названо авторство. В п. 1 ст. 1267 и п. 2 ст. 1282 Кодекса говорится также об авторском имени и неприкосновенности произведения. Но разве не интеллектуальная собственность служит объектом интеллектуальных прав?

Категория «личные неимущественные права, связанные с имущественными», которая в советском праве была противопоставлена охране «чисто личных благ»¹⁰, т.е. личным правам, не имевшим такой связи, также не кажется удовлетворительной. Дело даже не в том, что она не известна законодательству, но более всего в самой ее теоретической и содержательной размытости. Известно, что в советском праве ей обычно охватывались и права использования, что объяснялось зачастую неправовыми причинами, такими как особая идеологическая ценность произведения¹¹.

Реанимировав ее в новом виде (признав, например, те личные права, что закреплены в гл. 8 ГК РФ, не связанными с имущественными, а те, что закреплены в Части четвертой ГК РФ, — связанными), мы вновь столкнемся с вопросом о научной ценности классификации, в которой природа права диктуется не его объектом и характером, а некой связью с другими правами¹².

Поставленный ранее вопрос, столь простой при первом приближении, требует более тщательного, чем могло бы показаться, изучения. Если и можно согласиться с какой-либо из претензий, высказываемых в свое время в адрес проекта Части четвертой ГК РФ, так это с тем, что ее концептуальная основа и понятийный аппарат, столь продуманные и местами новаторские в части исключительного права, остались в части личных неимущественных прав без должного осмысления и обновления.

¹⁰ Иоффе О. С. Советское гражданское право. М., 1967. С. 11.

¹¹ См.: Советское гражданское право: учеб.: в 2 т. Т. 2 / под ред. О. А. Красавчикова. М., 1968. С. 447 (автор главы — А. И. Беспалова).

¹² См. подр.: Тагайназаров Ш. Т. Гражданско-правовое регулирование личных неимущественных прав граждан в СССР. Душанбе, 1990. С. 11, 12.

Суперпозиция объекта интеллектуальных прав: между личным благом и нематериальным объектом sui generis

Проблематика объекта интеллектуальных прав имеет давнюю историю и неразрывно связана с их правовой природой и местом в системе субъективных гражданских прав. Теоретическая работа по поиску ответа на данный вопрос была начата в европейской цивилистике в первой половине XIX в. и к началу XX в. была в значительной степени завершена, во всяком случае, в том отношении, что новых вариантов ответа на него с тех пор так и не было предложено.

В отечественной науке гражданского права широко известна т.н. проприетарная теория интеллектуальной собственности, не в последнюю очередь потому, что именно она в последние несколько десятилетий выступала основным объектом критики и стала своего рода точкой отталкивания для понятийной трансформации Части четвертой ГК РФ. Версия данной теории предполагает отождествление по своим свойствам права собственности и права на результат интеллектуальной деятельности со всеми вытекающими последствиями, в частности, распространением на последнее триады «владение — пользование — распоряжение»¹³. Однако гораздо чаще эта теория содержит в себе некую условность в употреблении слова «собственность», предполагающую не вписывание прав на результаты интеллектуальной деятельности в существующее понятие права собственности, а расширение, по выражению И. Г. Табашникова, «римского понятия вещи на новые, во времена римлян неизвестные предметы»¹⁴.

Европейская дискуссия о состоятельности проприетарной концепции была блестяще запротоколирована и осмыслена еще в дореволюционной литературе¹⁵, поэтому едва ли стоит уделять подробное внимание данному предмету — он хорошо известен. Этой дискуссией была вдохновлена и концептуальная основа законодательства об интеллектуальных правах. Справедливое отторжение проприетарной теории, не расширяющей,

¹³ Гуляев А. М. Русское гражданское право. Обзор действующего законодательства и проекта Гражданского уложения. Посobie к лекциям. СПб., 1911. С. 220, 221.

¹⁴ Табашников И. Г. Литературная, музыкальная и художественная собственность с точки зрения гражданского права и по постановлениям законодательств: Северной Германии, Австрии, Франции, Англии и России. Т. 1. Литературная собственность, ее понятие, история, объект и субъект. СПб., 1878. С. 167.

¹⁵ См., напр.: Канторович Я. А. Литературная собственность. С приложением всех постановлений действующего законодательства о литературной, художественной и музыкальной собственности, вместе с разъяснениями по кассационным решениям Сената. СПб., 1895. С. 12—26; Шершеневич Г. Ф. Авторское право на литературные произведения. Казань, 1891. С. 29—47.

а размывающей понятие вещи, вылилось в стройную и, как видится, чрезвычайно удачную концепцию исключительного права как единого имущественного права *sui generis* на результат интеллектуальной деятельности.

Проприетарной концепцией, однако, совершенно не исчерпывается дискуссия ни о природе интеллектуальных прав, ни даже о природе имущественных интеллектуальных прав. За спорами о соотношении терминов «собственность» и «интеллектуальная собственность» российская цивилистика упустила из виду другую ветвь научных теорий — ветвь, противоположную проприетарной. Речь идет о группе теорий, рассматривающих права на результат интеллектуальной деятельности как личное право. Обделив ее вниманием, российские правоведы тем самым упустили не только шанс извлечь из нее полезные уроки и выводы, но и возможность отвергнуть те ее положения, которые противоречат основам современного взгляда на интеллектуальные права. Как европейский, так и советский опыт в этой части остался по большому счету без внимания.

Во многом такое положение дел объяснимо. Очевидно, что постсоветское гражданское право, в том числе и право интеллектуальной собственности, отталкивалось в первую очередь от советского. Велико желание списать советский подход к авторским правам, признававший их все в той или иной степени личными («личными неимущественными, связанными с имущественными»), на некую правовую девиацию, отход от цивилистической нормы, продиктованный идеологическими причинами. Аналогия с «личной собственностью» и ее нынешней судьбой сама приходит на ум. Ирония заключается в том, что советское право не было ни изобретателем, ни даже единственным представителем данного юридического воззрения, а лишь адаптировало его под себя, по необходимости разбавив идеологически заряженными утверждениями об особой социалистической охране интересов автора, не допускающей эксплуатацию его творческого труда.

Корни же указанного подхода следует искать во все той же европейской цивилистической мысли XIX в. Признание за интеллектуальными правами особого, нового места в системе субъективных гражданских прав требовало научной и теоретической смелости и широты мышления. Это становится особенно очевидно, если принять во внимание, что до того момента эта система просуществовала без кардинальных перемен со времен римского права. Что же оставалось тем авторам, которых не удовлетворяла проприетарная теория? Выход был найден в другой, на тот момент достаточно новаторской, но уже имеющей твердую почву под ногами идее личного права. В европейской научной мысли

эта школа представлена целым рядом авторитетных ученых. Так, во Франции она ассоциируется с идеями А. Берто и ранними научными работами А. Морийо, относившими авторское право к естественному и личному, а в Германии известными представителями этого направления авторско-правовой мысли были И. Блюнчли и О. фон Гирке¹⁶.

Все представители данной школы в своей логике старались абстрагироваться от проприетарной теории, и концепция личного права казалась им весьма удачной заменой праву собственности. На формально-юридическом уровне она позволяла ответить на некоторые важные вопросы. Например, если право на произведение — это разновидность права собственности, то почему в таком случае срок его существования и охраны не просто ограничен по времени, но и привязан к сроку жизни автора? Потому, отвечал О. фон Гирке, что это не право собственности, а личное право автора¹⁷. Почему на субъективное авторское право, принадлежащее самому автору, невозможно обратить взыскание и принудительно опубликовать произведение, удовлетворив за счет этого требования его кредиторов? Потому, отвечал А. Морийо, что это не имущественное право, подлежащее денежной оценке и свободно отчуждаемое, а личное, тесно связанное с автором¹⁸.

В этой точке начало проявлять себя пренебрежение строго правовыми конструкциями в пользу абстрактных философских и даже искусствоведческих аргументов, сопоставлявших результат интеллектуальной деятельности со «сферой», «продолгацией» или «эманацией» личности автора. Некоторые зарубежные исследователи называют эту школу авторского права, особенно характерную для немецкой юридической мысли, «эстетико-правовыми теориями»¹⁹. Юридическим же подспорьем для нее стала неясность места, занимаемого результатом интеллектуальной деятельности в системе объектов гражданских прав. Поиск этого места, как водится, сопровождался некоторыми эксцессами, и маятник, качнувшись в одну сторону (проприетарная теория и вещь), качнулся и в другую (тогда еще только оформлявшаяся теория личного права на нематериальные блага).

¹⁶ См.: Lucas-Schloetter A. Droit moral et droits de la personnalité: étude de droit comparé français et allemande. Aix-en-Provence, 2002. Т. 1. P. 57–59, 69, 70, 97, 98.

¹⁷ См.: Rigamonti C.P. The Conceptual Transformation of Moral Rights // The American Journal of Comparative Law. 2007. Vol. 55. P. 97, 98.

¹⁸ См.: Morillot A.-P. De la personnalité du droit de publication qui appartient à un auteur vivant // Revue critique de législation et de jurisprudence. 1872. Т. 2. P. 29–50.

¹⁹ Saunders D. Authorship and Copyright. NY; London, 1992. P. 115.

В то же время плоды, приносимые теорией личного права при ее приложении к результатам интеллектуальной деятельности, имели высокую цену и требовали двух глобальных допущений, без которых в ином случае стоило бы обойтись. Во-первых, требовалось приравнять результат интеллектуальной деятельности по своему режиму к нематериальным благам, ведь именно они выступают объектами личных прав. Во-вторых, требовалось признать самое тяжелое следствие такого уравнивания, а именно неотчуждаемость субъективного авторского права, ведь именно таково свойство личных благ и, как следствие, прав на них. Эти допущения наиболее полно воплотились в теории О. фон Гирке, но в том или ином виде неизбежно присутствовали в работах всех перечисленных авторов.

Первое из упомянутых допущений можно назвать во всяком случае объяснимым, хотя оно, видится, ошибочно переступает черту, отделяющую метафору от строгого профессионального суждения об объекте права. Второе же настолько противоречило действительности, что немедленно вызвало критику и привело к теоретической корректировке, преимущественно связанной с именами все того же А. Морийо во Франции и Й. Колера в Германии. Оба автора, осознавая нежизнеспособность идеи о неотчуждаемых имущественных правах использования произведения, предложили известное сегодня деление авторских прав на имущественные и личные на основе их природы.

В версии Й. Колера интеллектуальные права представляли собой *Doppelrecht* (двойное право), включавшее в себя *Immaterialgüterrecht*, т.е. абсолютное имущественное передаваемое право *sui generis* на нематериальный объект, и *Urheberpersönlichkeitsrecht*, т.е. личное право, которое он вслед за О. фон Гирке относил к *allgemeines Persönlichkeitsrecht*, т.е. единому праву личности (институту охраны нематериальных благ)²⁰. А. Морийо в более поздних работах, испытывая на себе влияние немецкой мысли, также характеризовал авторское право как двойное, охватывающее собой два права «неравного значения и абсолютно разной природы»: имущественное право (*Droit récurrentaire*) на воспроизведение и моральное право (*Droit moral*), охраняющее личные интересы автора, связанные с произведением²¹.

В отличие от первой группы теорий, построенной на спорной посылке, но сохранявшей по крайней мере внутренне единство и непротиворечивость, данное ответвление лично-правовых теорий

еще более запутало ситуацию. Оно перенесло в правовую плоскость квазиправовое представление о дуальной природе произведения и предложило понимать его одновременно и как особое идеальное экономическое благо применительно к имущественным правам, и как неотторжимое нематериальное благо, отпечаток личности автора, по отношению к личным неимущественным авторским правам. Тем самым был проигнорирован базовый логический принцип «Один вид объекта — один вид права», лежащий в основе пообъектной классификации субъективных прав.

Ранние теории не страдали от этого методологического изъяна, так как все интеллектуальные права имели один объект (произведение, понимаемое как личное благо), а их весьма условное разграничение на имущественные и неимущественные производилось на основе интереса, к охране которого они преимущественно направлены. Здесь же они были помещены в состояние суперпозиции наподобие квантовой: их объектом выступает не то результат интеллектуальной деятельности как отдельная сущность *sui generis*, не то он же, но понимаемый в качестве личного нематериального блага, не то вовсе отдельные личные блага сообразно характеру конкретного права.

От суперпозиции к единому объекту интеллектуальных прав

Гражданское право с принятием Части четвертой ГК РФ, как видится, отторгло в равной степени и проприетарную теорию, и теорию личного авторского права. Свойственная ему система объектов гражданских прав построена на ясной дифференциации невещественных объектов. Одни (нематериальные блага в собственном смысле слова) принадлежат личности и охраняются в той степени, в какой его инструменты приспособлены для этого. Вторые (результаты интеллектуальной деятельности) разделяют с первыми разве что идеальный характер, но образуют совершенно независимый от них и по своей сущности, и по формальным признакам правовой режим. Статья 128 ГК РФ в этом смысле лишь обобщает общую логику законодательства Российской Федерации.

Даже сам термин «интеллектуальные права» оказался идеально приспособлен для того, чтобы отразить объектную специфику этих прав. Его автор Э. Пикар в своей работе «Чистое право» говорил о недостаточности унаследованного от римского права деления субъективных прав в зависимости от их объекта на личные, обязательственные и вещные. Выражение «*Droits intellectuels*» было призвано зафиксировать рождение четвертой объектной категории, равноценной первым трем и не пересекающейся с ними, — *jura in re intellectuali*,

²⁰ См.: Saunders D. Op. cit. P. 116.

²¹ См.: Morillot A.-P. De la protection accordée aux oeuvres d'art, aux photographies, aux dessins et modèles industriels, et aux brevets d'invention dans l'Empire d'Allemagne. Paris; Berlin, 1878. P. 108, 109.

или прав на нематериальный объект²². Как здесь не вспомнить слова Г.Ф. Шершеневича о необходимости отрешиться от римского права, не знавшего интеллектуальной собственности, и создать систему гражданского права, обнимающую все частные права²³. Именно такое видение и воплотилось в Гражданском кодексе РФ, оставившем позади наследие советского периода с его теорией личного авторского права.

И все же понятийная трансформация, начатая Частью четвертой ГК РФ, оказалась незавершенной в силу того, что неимущественные авторские права, приобретая статус интеллектуальных, сохранили статус личных. Отвергнув аналогию между правом собственности и имущественным интеллектуальным правом, закон оставил нетронутой аналогию между неимущественным интеллектуальным правом и личным правом. Объективно заложенное здесь противоречие в объекте не было должным образом осмыслено. Отчасти это объяснимо сравнительно компактным размером этого института и небольшим количеством посвященных им правовых норм. Во многом эта категория прав оказалась также заложником собственного наименования. Прилагательное «имущественный» обычно указывает лишь на одну из черт субъективного права, не предопределяя его природу, в то время как слова «личный неимущественный» отсылают ко вполне конкретной категории гражданских прав. Неимущественные права автора, без сомнения, обладают сходством с «традиционными» личными права, прежде всего в том отношении, что имеют в основном (но не исключительно) охранительный характер и признаются неотчуждаемыми. Но это сходство в выполняемой функции, а не в правовой природе, и может быть уподоблено сходству исключительного права и права собственности, в равной степени имущественных и отчуждаемых. И в том и в другом случае, как видится, сходство не должно вести к выводу о тождестве.

Присмотревшись же, мы увидим, что и признак неотчуждаемости применительно к авторским правам оказывается существенно ослабленным. По-другому не могло и быть, ведь объектом этих прав является благо, которое «вышло на божий свет и получило отдельное от личности автора существование»²⁴, чем совсем не напоминает личные нематериальные блага. Пункт 4 ст. 129 ГК РФ говорит, что отчуждаться могут не результаты интеллектуальной деятельности (средства индивидуализации), а права на них, и это справедливое

замечание, но вытекает оно из догматического представления об идеальном, невещественном характере интеллектуальной собственности.

Так или иначе с экономической точки зрения эти объекты, безусловно, участвуют в обороте, что создает закономерное трение между правообладателем и автором. Часть четвертая ГК РФ содержит в этой связи множество правовых норм, существо которых сводится или к ограждению правообладателя от злоупотребления автором своими неимущественными правами, или к предоставлении ему возможностей, которые весьма напоминают эти права. Эта черта не уникальна для российского права — возможность перехода моральных прав автора в порядке наследования, частичной передачи (или отказа) по договору в том или ином виде признается в законодательстве и судебной практике большинства континентальных стран, активно обсуждается в европейской цивилистике²⁵. В то же время и исключительное право по законодательству отчуждаемо не всегда, а лишь по общему правилу и сообразно природе его объекта.

Что же в таком случае остается от понятия личного права применительно к соответствующим авторским правам? Достаточно ли для признания их личными неимущественными того факта, что они предназначены в основном для удовлетворения персональных интересов автора? Ответ уже был дан в литературе, и его стоит привести здесь: «имущественный или неимущественный характер интереса... вообще не имеет решающего значения для характеристики соответствующего права... ибо субъективные права характеризуются не интересами, а объектом, на который они направлены и при помощи которого соответствующие интересы и получают удовлетворение, а также содержанием правомочий, составляющих данное субъективное право»²⁶.

* * *

Таким образом, осмысление интеллектуальных прав в качестве многосоставной, но все же одной категории субъективных прав, а не собирательного термина для обозначения абсолютно разных прав, как-либо связанных с интеллектуальной собственностью, образует первый шаг, необходимый для дальнейшего теоретического развития этого понятия. Сделав его, можно ставить перед собой

²² См.: Picard E. Le droit pur. Paris, 1908. P. 91–95.

²³ См.: Шершеневич Г.Ф. Указ. соч. С. 70, 71.

²⁴ Пилленко А.А. Новый закон об авторском праве. Текст закона, сопоставление с прежде действовавшим правом, подготовительные материалы. СПб., 1911. С. 4.

²⁵ См., напр.: Adeney E. The Moral Rights of Authors and Performers: An International and Comparative Analysis. NY, 2006. P. 208, 270–274; Janssens M.-C. Le droit moral en Belgique // Les Cahiers de propriété intellectuelle. 2013. Vol. 25. No. 1. P. 104–106; Lucas A., Lucas H.-J., Lucas-Schloetter A. Op. cit. P. 456, 457; Rigamonti C.P. Deconstructing Moral Rights // Harvard International Law Journal. 2006. Vol. 47. No. 2. P. 377, 378.

²⁶ Антимонов Б.С., Флейшиц Е.А. Авторское право. М., 1957. С. 42, 43.

дальнейшие вопросы общего и частного характера. Так, имеет ли деление интеллектуальных прав на имущественные и неимущественные фундаментальный характер, или же существующие между ними отличия в отчуждаемости и характере охраняемого интереса — это отличия степени, а не рода, искусственно подчеркнутые законом? Можно ли считать право следования интеллектуальным абсолютным правом на произведение, или же оно представляет собой принадлежащее автору имущественное право требования, возникающие на основании отдельного юридического состава (отчуждение оригинала, перепродажа профессиональным участником художественного рынка)? Эти и множество других вопросов предполагают как минимум признание объектного, институционального единства интеллектуальных прав, понятийной независимости не только от вещного права, но и от прав на нематериальные блага.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антимонов Б. С., Флейшиц Е. А. Авторское право. М., 1957. С. 42, 43.
2. Городов О. А. О проекте части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации // Правоведение. 2006. № 6. С. 36–51.
3. Гуляев А. М. Русское гражданское право. Обзор действующего законодательства и проекта Гражданского уложения. Пособие к лекциям. СПб., 1911. С. 220, 221.
4. Дозорцев В. А. Интеллектуальные права: понятие, система, задачи кодификации: сб. ст. М., 2005. С. 348.
5. Иоффе О. С. Советское гражданское право. М., 1967. С. 11.
6. Канторович Я. А. Литературная собственность. С приложением всех постановлений действующего законодательства о литературной, художественной и музыкальной собственности, вместе с разъяснениями по кассационным решениям Сената. СПб., 1895. С. 12–26.
7. Маковский А. Л. О кодификации гражданского права (1922–2006). М., 2010. С. 624.
8. Маковский А. Л. Об интеллектуальных правах // Актуальные вопросы российского частного права: сб. ст., посвященный 80-летию со дня рождения проф. В. А. Дозорцева. М., 2008. С. 223.
9. Малеина М. Н. Личные неимущественные права граждан (понятие, осуществление, защита): дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1997. С. 28, 29, 352.
10. Мозолин В. П. О концепции интеллектуальных прав // Журнал рос. права. 2007. № 12. С. 100–109.
11. Пилленко А. А. Новый закон об авторском праве. Текст закона, сопоставление с прежде действовавшим правом, подготовительные материалы. СПб., 1911. С. 4.
12. Рожкова М. А. «Триада» интеллектуальных прав: верен ли законодательный подход // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2016. № 11. С. 16.
13. Советское гражданское право: учеб.: в 2 т. Т. 2 / под ред. О. А. Красавчикова. М., 1968. С. 447 (автор главы — А. И. Беспалова).
14. Суханов Е. А. Гражданское право России — частное право. М., 2008. С. 143–150.
15. Табашиников И. Г. Литературная, музыкальная и художественная собственность с точки зрения гражданского права и по постановлениям законодательств: Северной Германии, Австрии, Франции, Англии и России. Т. 1. Литературная собственность, ее понятие, история, объект и субъект. СПб., 1878. С. 167.
16. Тагайназаров Ш. Т. Гражданско-правовое регулирование личных неимущественных прав граждан в СССР. Душанбе, 1990. С. 11, 12.
17. Толстой Ю. К. О понятийном аппарате части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации // Правоведение. 2008. № 2. С. 39–43.
18. Шершеневич Г. Ф. Авторское право на литературные произведения. Казань, 1891. С. 29–47, 70, 71.
19. Яковлев В. Ф., Маковский А. Л. О четвертой части Гражданского кодекса России // Журнал рос. права. 2007. № 2. С. 4.
20. Adeney E. The Moral Rights of Authors and Performers: An International and Comparative Analysis. NY, 2006. P. 208, 270–274.
21. Janssens M.-C. Le droit moral en Belgique // Les Cahiers de propriété intellectuelle. 2013. Vol. 25. No. 1. P. 104–106.
22. Lucas A., Lucas H.-J., Lucas-Schloetter A. Traité de la propriété littéraire et artistique. Paris, 2012. P. 424, 425, 456, 457.
23. Lucas-Schloetter A. Droit moral et droits de la personnalité: étude de droit comparé français et allemande. Aix-en-Provence, 2002. T. 1. P. 57–59, 69, 70, 97, 98.
24. Morillot A.-P. De la personnalité du droit de publication qui appartient à un auteur vivant // Revue critique de législation et de jurisprudence. 1872. T. 2. P. 29–50.
25. Morillot A.-P. De la protection accordée aux oeuvres d'art, aux photographies, aux dessins et modèles industriels, et aux brevets d'invention dans l'Empire d'Allemagne. Paris; Berlin, 1878. P. 108, 109.
26. Picard E. Le droit pur. Paris, 1908. P. 91–95.
27. Rigamonti C. P. Deconstructing Moral Rights // Harvard International Law Journal. 2006. Vol. 47. No. 2. P. 377, 378.
28. Rigamonti C. P. The Conceptual Transformation of Moral Rights // The American Journal of Comparative Law. 2007. Vol. 55. P. 97, 98.
29. Saunders D. Authorship and Copyright. NY; London, 1992. P. 115, 116.

REFERENCES

1. Antimonov B. S., Fleishits E. A. Copyright. M., 1957. P. 42, 43 (in Russ.).
2. Gorodov O. A. On the draft of Part four of the Civil Code of the Russian Federation // Jurisprudence. 2006. No. 6. P. 36–51 (in Russ.).

3. *Gulyaev A. M.* Russian Civil Law. Review of the current legislation and the draft Civil Code. Handbook for lectures. St. Petersburg, 1911. P. 220, 221 (in Russ.).
4. *Dozortsev V. A.* Intellectual rights: concept, system, tasks of codification: collection of arts. M., 2005. P. 348 (in Russ.).
5. *Ioffe O. S.* Soviet Civil Law. M., 1967. P. 11 (in Russ.).
6. *Kantorovich Ya. A.* Literary property. With the attachment of all the resolutions of the current legislation on literary, artistic and musical property, together with explanations on the cassation decisions of the Senate. St. Petersburg, 1895. P. 12–26 (in Russ.).
7. *Makovsky A. L.* On the codification of Civil Law (1922–2006). M., 2010. P. 624 (in Russ.).
8. *Makovsky A. L.* On intellectual rights // Topical issues of Russian Private Law: collection of articles dedicated to the 80th anniversary of the birth of Prof. V. A. Dozortsev. M., 2008. P. 223 (in Russ.).
9. *Maleina M. N.* Personal non-property rights of citizens (concept, implementation, protection): dis. ... Doctor of Law. M., 1997. P. 28, 29, 352 (in Russ.).
10. *Mozolin V. P.* On the concept of intellectual rights // Journal of Russ. law. 2007. No. 12. P. 100–109 (in Russ.).
11. *Pilenko A. A.* New Copyright Law. The text of the law, comparison with the previously valid law, preparatory materials. St. Petersburg, 1911. P. 4 (in Russ.).
12. *Rozhkova M. A.* “Triad” of intellectual rights: is the legislative approach correct // Journal of the Court of Intellectual Rights. 2016. No. 11. P. 16 (in Russ.).
13. Soviet Civil Law: textbook: in 2 vols. Vol. 2 / ed. by O. A. Krasavchikov. M., 1968. P. 447 (author of the chapter – *A. I. Bespalova*) (in Russ.).
14. *Sukhanov E. A.* Civil Law of Russia – Private Law. M., 2008. P. 143–150 (in Russ.).
15. *Tabashnikov I. G.* Literary, musical and artistic property from the point of view of civil law and according to the regulations of the legislatures: Northern Germany, Austria, France, England and Russia. Vol. 1. Literary property, its concept, history, object and subject. St. Petersburg, 1878. P. 167 (in Russ.).
16. *Tagainazarov Sh. T.* Civil Law regulation of personal non-property rights of citizens in the USSR. Dushanbe, 1990. P. 11, 12 (in Russ.).
17. *Tolstoy Yu. K.* On the conceptual apparatus of Part four of the Civil Code of the Russian Federation // Jurisprudence. 2008. No. 2. P. 39–43 (in Russ.).
18. *Shershenevich G. F.* Copyright on literary works. Kazan, 1891. P. 29–47, 70, 71 (in Russ.).
19. *Yakovlev V. F., Makovsky A. L.* On the fourth part of the Civil Code of Russia // Journal of Russ. law. 2007. No. 2. P. 4 (in Russ.).
20. *Adeney E.* The Moral Rights of Authors and Performers: An International and Comparative Analysis. NY, 2006. P. 208, 270–274.
21. *Janssens M.-C.* Le droit moral en Belgique // Les Cahiers de propriété intellectuelle. 2013. Vol. 25. No. 1. P. 104–106.
22. *Lucas A., Lucas H.-J., Lucas-Schloetter A.* Traité de la propriété littéraire et artistique. Paris, 2012. P. 424, 425, 456, 457.
23. *Lucas-Schloetter A.* Droit moral et droits de la personnalité: étude de droit comparé français et allemande. Aix-en-Provence, 2002. T. 1. P. 57–59, 69, 70, 97, 98.
24. *Morillot A.-P.* De la personnalité du droit de publication qui appartient à un auteur vivant // Revue critique de législation et de jurisprudence. 1872. T. 2. P. 29–50.
25. *Morillot A.-P.* De la protection accordée aux oeuvres d’art, aux photographies, aux dessins et modèles industriels, et aux brevets d’invention dans l’Empire d’Allemagne. Paris; Berlin, 1878. P. 108, 109.
26. *Picard E.* Le droit pur. Paris, 1908. P. 91–95.
27. *Rigamonti C. P.* Deconstructing Moral Rights // Harvard International Law Journal. 2006. Vol. 47. No. 2. P. 377, 378.
28. *Rigamonti C. P.* The Conceptual Transformation of Moral Rights // The American Journal of Comparative Law. 2007. Vol. 55. P. 97, 98.
29. *Saunders D.* Authorship and Copyright. NY; London, 1992. P. 115, 116.

Сведения об авторе

ОВЧИННИКОВ Иван Викторович – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Удмуртского государственного университета; 426034 Удмуртская Республика, г. Ижевск, ул. Университетская, д. 1, корп. 4

Authors’ information

OVCHINNIKOV Ivan V. – PhD in Law, Associate Professor of the Department of Civil Law, Udmurt State University; 4, bld. 1 Universitetskaya str., 426034 Izhevsk, Udmurt Republic, Russia

НЕНАЛОГОВЫЕ И НАЛОГОВЫЕ ПЛАТЕЖИ ЗА НЕГАТИВНОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ НА ОКРУЖАЮЩУЮ СРЕДУ: К ВОПРОСУ О МОДЕЛЯХ И ИХ СТИМУЛИРУЮЩЕЙ РОЛИ ПРИ ВСТРАИВАНИИ В ЭКОНОМИКУ РОССИИ

© 2023 г. М. А. Вакула^{1, *}, И. А. Умнова-Конюхова^{2, **}, И. А. Алешкова^{2, ***}

¹Российский университет дружбы народов, г. Москва

²ИНИОН РАН, г. Москва

*E-mail: vakula2004@yandex.ru

**E-mail: ikonyukhova@yandex.ru

***E-mail: ialeshkova@mail.ru

Поступила в редакцию 16.09.2022 г.

Аннотация. Статья посвящена вопросам правового регулирования платежей, взимаемых в порядке реализации принципа платности природопользования (так называемых «экологических платежей»), а также анализу эффективности различных моделей встраивания неналоговых и налоговых сборов в экономику Российской Федерации и зарубежных стран.

Актуальность исследования обусловлена инвариантностью используемых в мировой практике подходов к выработке государственной политики управления в сфере снижения негативного воздействия на окружающую природную среду в целом с использованием эколого-экономических стимулов, направленных на обеспечение рационального природопользования в деятельности хозяйствующих субъектов, в частности.

Цель исследования заключается в изучении влияния экологических платежей на эффективность природоохранной деятельности и в рассмотрении перспектив развития их стимулирующей роли в целях обеспечения рационального природопользования, а также снижения антропогенной нагрузки на компоненты окружающей среды.

Достижение поставленной цели обеспечивается через сравнительный анализ наилучших зарубежных практик в части правового регулирования реализации принципов «загрязнитель платит», «платность природопользования», а также через формирование направлений по совершенствованию российского правового регулирования в этой сфере с использованием комплексной экономической модели, сочетающей фискальные, компенсационные и стимулирующие функции, направленные на повышение эколого-экономической эффективности природоохранной политики.

На основе обзора тенденций правового регулирования принципа «загрязнитель платит» авторы проводят общетеоретическую характеристику платежей за негативное воздействие на окружающую среду и предлагают направления совершенствования развития института рационального природопользования.

В статье обосновывается вывод о том, что при выборе экономической модели реализации принципа платности природопользования и возмещения вреда окружающей среде следует акцентировать внимание на стимулировании ответственного природопользования. Это позволит повысить эффективность управления эколого-экономической деятельностью хозяйствующих субъектов, в том числе посредством их мотивации к трансформации производственных процессов с использованием низкоуглеродных, энергоэффективных и других «зеленых» технологий.

В процессе исследования авторами использовались правовые методы нормативно-юридической формализации, сравнительного правоведения, правового моделирования, а также общенаучные методы — системного анализа, дедукции, аналогии, синтеза и др.

Ключевые слова: рациональное природопользование, эколого-экономическая эффективность деятельности, налоговые и неналоговые экологические платежи, низкоуглеродные, энергоэффективные технологии, «зеленая» экономика, принцип «загрязнитель платит».

Цитирование: Вакула М.А., Умнова-Конюхова И.А., Алешкова И.А. Неналоговые и налоговые платежи за негативное воздействие на окружающую среду: к вопросу о моделях и их стимулирующей роли при встраивании в экономику России // Государство и право. 2023. № 7. С. 88–99.

DOI: 10.31857/S102694520026685-4

**NON-TAX AND TAX PAYMENTS
FOR NEGATIVE IMPACT ON THE ENVIRONMENT:
ON THE QUESTION OF MODELS AND THEIR STIMULATING ROLE
WHEN INTEGRATED INTO THE RUSSIAN ECONOMY**

© 2023 M. A. Vakula^{1, *}, I. A. Umnova-Konyukhova^{2, **}, I. A. Aleshkova^{2, ***}

¹*Peoples' Friendship University of Russia, Moscow*

²*INION RAS, Moscow*

*E-mail: vakula2004@yandex.ru

**E-mail: ikonyukhova@yandex.ru

***E-mail: ialeshkova@mail.ru

Received 16.09.2022

Abstract. The article is devoted to the issues of legal regulation of payments levied in order to implement the principle of payment for nature management (the so-called “environmental payments”), as well as the analysis of the effectiveness of various models of embedding non-tax and tax fees in the economy of the Russian Federation and foreign countries.

The relevance of the study is due to the invariance of approaches used in world practice to the development of state management policy in the field of reducing the negative impact on the environment in general with the use of ecological and economic incentives aimed at ensuring rational use of natural resources in the activities of economic entities, in particular.

The purpose of the study is to study the impact of environmental payments on the effectiveness of environmental protection activities and to consider the prospects for the development of their stimulating role in order to ensure rational use of natural resources, as well as to reduce the anthropogenic load on environmental components.

The achievement of this goal is ensured through a comparative analysis of the best foreign practices in terms of legal regulation of the implementation of the principles of “polluter pays”, “payment for environmental management”, as well as through the formation of directions for improving Russian legal regulation in this area using a comprehensive economic model combining fiscal, compensatory and incentive functions aimed at improving environmental and economic efficiency environmental policy.

Based on the review of trends in the legal regulation of the “polluter pays” principle, the authors conduct a general theoretical characterization of payments for negative environmental impact and propose directions for improving the development of the institute of rational nature management.

The article substantiates the conclusion that when choosing an economic model for the implementation of the principle of payment for environmental management and compensation for environmental damage, attention should be focused on stimulating responsible environmental management. This will make it possible to increase the efficiency of managing the environmental and economic activities of economic entities, including through their motivation to transform production processes using low-carbon, energy-efficient and other “green” technologies.

In the course of the research, the authors used legal methods of normative legal formalization, comparative jurisprudence, legal modeling, as well as general scientific methods – system analysis, deduction, analogy, synthesis, etc.

Key words: rational use of natural resources, ecological and economic efficiency of activities, tax and non-tax environmental payments, low-carbon, energy-efficient technologies, “green” economy, the principle of “polluter pays”.

For citation: Vakula, M.A., Umnova-Konyukhova, I.A., Aleshkova, I.A. (2023). Non-tax and tax payments for negative impact on the environment: on the question of models and their stimulating role when integrated into the Russian economy // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 7, pp. 88–99.

Введение

Правовое регулирование отношений в сфере природоохранной деятельности и рационального природопользования — один из актуальных вопросов современности. В научной литературе доминирующим предметом исследований является вопрос эффективности экологических платежей в рамках стимулирования субъектов хозяйственной деятельности к рачительному природопользованию.

Негативные воздействия хозяйственной и иной деятельности, ухудшающие качество окружающей среды, не только нуждаются в контроле, но и требуют формирования подходов, создающих основу, в том числе и экономическую, для минимизации рисков деградации компонентов окружающей среды или утраты природных объектов на отдельных территориях, возмещения экологического вреда, стимулирования внедрения инновационных технологий и развития экологически безопасных (нейтральных) производств.

Один из экономических инструментов обеспечения рационального природопользования — введение экологических платежей. При этом, несмотря на широкое использование этого словосочетания в нормативных актах и научной литературе, термин «экологический платеж» в законодательстве четко не определен. Экологические платежи — обобщенное понятие, которое используется для обозначения соответствующих платежей в сфере природопользования, условно делящихся, в свою очередь, на налоговые и неналоговые в зависимости от целей взимания (обезличенного пополнения бюджета либо адресной компенсации затрат государства)¹.

Традиционно плата за негативное воздействие на окружающую среду взимается за следующие его виды: выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух стационарными источниками; сбросы загрязняющих веществ в водные объекты; хранение, захоронение отходов производства и потребления.

Наряду с неналоговыми платежами многие страны внедряют систему экологических налогов, являющихся по характеру фискальными. Такие налоги используются в качестве эффективного средства для пополнения государственного бюджета².

В настоящее время в различных государствах специалистами активно используются три основных модели встраивания налоговых и неналоговых платежей в экономические системы³.

Простая модель — система, используемая в странах линейной экономики и устанавливающая лишь один из видов экологических платежей (либо неналоговых, либо налоговых) как за природопользование, так и за негативное воздействие на окружающую среду.

Гибридная модель — система, которая характеризуется тем, что наряду с неналоговыми платежами вводятся экологические налоги.

Циркулярная модель — система, которая появилась в результате внедрения моделей циркулярной экономики (экономики замкнутого цикла). Ее характерной особенностью является создание правовых, технических и финансовых условий, стимулирующих эффективное использование ресурсов, на основе системы гибкого распределения налоговой и иной платежной нагрузки. При циркулярной модели традиционно используется не только два вида платежей (налоговые и неналоговые), но и устанавливается дифференцированная шкала налогообложения, при которой существенное значение при определении ставки налогообложения отводится значимости экологического воздействия на окружающую среду.

В современных условиях экономического развития гибридная и циркулярная модели постепенно вытесняют простую модель, так как доказывают большую эффективность. В частности, *гибридная* и *циркулярная* модели в рамках реализации принципа «загрязнитель платит» включают в себя положительные эффекты, которые свойственны и *простой* модели, но с более высокими показателями стимулирующего воздействия на хозяйствующих субъектов в части понуждения их к рациональному природопользованию, т.е. способствуют позитивному с точки зрения охраны окружающей среды поведению.

Если сравнивать действенность гибридной и циркулярной моделей, то, на наш взгляд, последняя имеет целый ряд преимуществ. В частности, дифференциация налоговых ставок наличествует и в *гибридной модели*, однако *циркулярная модель* одновременно еще предполагает перераспределение финансовой нагрузки при реализации определенных социальных проектов, например компенсацию части налогового бремени для предприятий при использовании низкоуглеродных технологий. Одновременно *циркулярная модель* позволяет

¹ См.: Ялбулганов А.А. Правовое регулирование природоресурсных платежей. М., 2021.

² См.: Боголюбов С.А. Развитие экологического права на евразийском пространстве. М., 2020.

³ См.: Heyes G., Sharmina M., Mendoza J. (2018). Developing and implementing circular economy business models in service-

oriented technology companies // Journal of Cleaner Production. 177, 621–632. DOI: 10.1016/j.jclepro.2017.12.168; Alcayaga A., Hansen E., Wiener M. (2019). Towards a Framework of Smart-Circular Systems: An Integrative Literature Review // Journal of Cleaner Production. 221, 622–634. DOI: 10.1016/j.jclepro.2019.02.085; Tura N., Hanski J., Ahola T. (2019). Unlocking circular business: A framework of barriers and drivers // Journal of Cleaner Production. 212, 90–98. DOI: 10.1016/j.jclepro.2018.11.202

компенсировать выпадающие доходы бюджета при льготировании части налоговых выплат для социально незащищенных слоев населения или при стимулировании предприятий к использованию наилучших доступных технологий в целях перехода к низкоуглеродной экономике.

Кроме того, характерным моментом для *циркулярной модели* является повышение экологических платежей для тех предприятий, которые не переходят на наилучшие доступные технологии и продолжают оказывать значимое негативное воздействие на окружающую среду. Одновременно данная модель позволяет формировать экономические предпосылки для выполнения взятых на себя государством обязательств по снижению выбросов парниковых газов и других экологических требований.

В обоснование своей позиции и учитывая компенсационный характер платежей за негативное воздействие на окружающую среду, а также важность формирования стимулирующих инструментов для обеспечения экологической безопасности⁴, авторы концентрируют внимание на сравнительном анализе эффективности стимулирующего характера экологических платежей при использовании каждой из ранее указанных моделей — *простой, гибридной и циркулярной*.

Зарубежный опыт выбора моделей правового регулирования стимулирования рационального природопользования и минимизации вредного воздействия на окружающую среду с использованием экологических платежей

В научной литературе уделяется существенное внимание по актуализации национального законодательства по внедрению новых инструментов стимулирования рационального природопользования⁵, а также совершенствованию устоявшихся подходов в области налоговой политики, в том числе в части инвестирования проектов с использованием «зеленых облигаций»⁶; реализации субсидированного финансирования экологических

мероприятий⁷, введению в государственную систему налогообложения оптимальных моделей взимания экологических налогов⁸.

Экономическая система ряда государств предусматривает плату за загрязнение окружающей среды как один из основополагающих экономических инструментов стимулирования субъектов, осуществляющих хозяйственную и иную деятельность, к действиям, направленным на минимизацию загрязнения окружающей среды, а также способствующих снижению выбросов, в том числе углекислого газа (декарбонизацию экономики). Примером этому может служить широкое распространение в европейских странах транспортных и / или энергетических налогов, экономически поощряющих плательщиков переходить к низкоуглеродным технологиям.

Необходимо отметить, что во многих государствах в систему экологических налогов входят компенсационные выплаты за негативное воздействие на окружающую среду. С определенной долей терминологической неурегулированности и вариативности, эколого-экономический механизм позволяет реализовать фискальную, управленческую, организационно-финансовую и стимулирующую функцию перехода к «зеленой экономике», в том числе внедрения низкоуглеродных, энергоэффективных и экологически нейтральных технологий.

В этих условиях в последние десятилетия наблюдается тенденция отказа государств от *простой модели* и переход на *гибридную* или *циркулярную модель* экологических платежей. Предпосылками к этому является стремление государств обеспечить действенную защиту права человека на благоприятную окружающую среду, минимизацию негативного антропогенного воздействия на окружающую среду, а также потребность в достижении целей, обозначенных в Парижском климатическом соглашении 2015 г.⁹ Для противодействия климатическим изменениям, снижения их скорости посредством реального сокращения выбросов парниковых газов мировым сообществом предложено введение целевого налога на выбросы углерода

⁴ См.: Андрюшин С. В. Правовые проблемы налогового стимулирования как направления экономического регулирования охраны окружающей среды // Экологическое право. 2021. № 1. С. 19–22. DOI: 10.18572/1812-3775-2021-1-19-22

⁵ См.: Вагина О. В. Инструменты экономического механизма, способствующие стимулированию хозяйствующих субъектов к рациональному природопользованию // Бизнес, Менеджмент и Право. 2018. № 4. С. 62–64; Лунева Е. В. Понятие и место права рационального природопользования в системе экологического права // Экологическое право. 2020. № 6. С. 35–42. DOI: 10.18572/1812-3775-2020-6-35-42

⁶ Rose P. (2019) Certifying the “Climate” in climate bonds // Capital Markets Law Journal. 14-1, 59–77. DOI: 10.1093/cmlj/kmy032; Freeburn L., Ramsay I. (2020) Green bonds: legal and policy issues // Capital Markets Law Journal. 15-4, 418–442. DOI: 10.1093/cmlj/kmaa018

⁷ См.: Bogojević S. (2020) COVID-19, Climate Change Action and the Road to Green Recovery // Journal of Environmental Law. 32-3, 355–359. DOI: 10.1093/jel/eqaa023

⁸ См.: Hafstead M. A. C., Williams III R. C. (2020) Designing and Evaluating a U.S. Carbon Tax Adjustment Mechanism to Reduce Emissions Uncertainty // Review of Environmental Economics and Policy. 14-1, 76–84. DOI: 10.1093/reep/rez018

⁹ Документ вступил в силу для Российской Федерации 06.11.2019 г. (см.: Официальный интернет-портал правовой информации // <https://www.pravo.gov.ru>, 06.11.2019).

(углеродный налог), применяемого наряду с иными экологическими платежами¹⁰.

Сравнительный анализ введения в экономику государств *гибридной модели* на начальных этапах не позволяет обозначить совпадающие тенденции. В одних странах это дает неоднозначный результат и вызывает негативный общественный резонанс¹¹, так как показывает, что в отдельных случаях это может оказать негативное влияние в целом на экономику страны. В других государствах гибридная модель приживается более эффективно. Однако в целом обнаруживаются как положительные, так и отрицательные последствия гибридизации платежной системы.

Например, во Франции при использовании *гибридной модели* отмечается медленный экономический рост и умеренное снижение выбросов. Напротив, в Канаде наблюдались номинально более высокие темпы роста (по сравнению с Францией и Швецией), но и выбросы увеличились на значительную величину, хотя и в меньшей пропорции, чем ВВП¹².

В США используется *гибридная модель*, в рамках которой наряду с платежами за природопользование особое место отводится налогам на выбросы углерода. Необходимо отметить, что в США многие годы практиковался подход, направленный на снижение негативного воздействия на атмосферный воздух с использованием эколого-экономического механизма стимулирования предприятий через торговлю квотами на выбросы. Однако такой подход не подтвердил свою эффективность, так как «количественный инструмент» — торговля выбросами создает предпосылки для неопределенности в отношении будущих расходов. На практике выяснилось, что затраты на снижение выбросов загрязняющих веществ растут, поскольку их введение сопряжено с параллельным снижением ставок налога с продаж и подоходного налога, тогда как монетизированные оценки ущерба остаются неизменными¹³.

¹⁰ См.: Metcalf G. E. (2020) An Emissions Assurance Mechanism: Adding Environmental Certainty to a U. S. Carbon Tax // Review of Environmental Economics and Policy. 14-1, 104–114. DOI: 10.1093/reep/rez013

¹¹ См.: Levi S. (2021) Why hate carbon taxes? Machine learning evidence on the roles of personal responsibility, trust, revenue recycling, and other factors across 23 European countries // Energy Research & Social Science. 73, 1–13. DOI: 10.1016/j.erss.2020.101883

¹² См.: Criqui P., Jaccard M., Sterner T. (2019) Carbon taxation: A tale of three countries // Sustainability. 11(22): 6280, 1–21. DOI: 10.3390/su11226280

¹³ См.: Троянская М.А., Тюрина Ю.Г. Налоги на выбросы в атмосферный воздух: зарубежный опыт // Междунар. бухгалтерский учет. 2018. Т. 21. № 6 (444). С. 672, 673. DOI: 10.24891/ia.21.6.670; Brooks S.A., Keohane N.O. (2020) The Political Economy of Hybrid Approaches to a U.S. Carbon Tax: A Perspective from

Необходимо отметить опыт КНР в использовании *гибридной модели* в целях снижения негативной нагрузки на окружающую среду. В КНР с 1979 г. существовал сбор за загрязнение окружающей среды. С 2011 г. были запущены пилотные программы торговли квотами на выбросы CO₂¹⁴, что обусловило плавный переход от *простой* к *гибридной модели*. Государственная концепция развития страны до 2030 г. («Видение—2030»), нацеленная на диверсификацию экономики и снижение зависимости от экспорта углеводородов, обусловила появление экологического налога, соответственно, и реализацию *гибридной модели*. С 1 января 2018 г. в Китае ввели экологический налог за шумовое воздействие, загрязнение воздуха и / или воды, а также за размещение твердых отходов. Кроме того, налогом облагаются выбросы углерода, образуемого в результате сжигания в том числе транспортными средствами с двигателями внутреннего сгорания¹⁵.

Учитывая недостатки простой и гибридной моделей, некоторые государства выбирают третью — *циркулярную модель*, отличающуюся большей адаптивностью, и добиваются в этом направлении очевидных успехов.

Так, опыт Швеции показал, что *циркулярная модель* приводит к сокращению выбросов в сочетании с экономическим ростом. Более того, Швеция, применяя *циркулярную модель*, извлекла выгоду из более высоких темпов экономического роста и значительного сокращения выбросов. С целью недопущения увеличения общего уровня налогообложения и устранения нежелательных социально-экономических последствий, повышение экологических платежей сочеталось со снижением социальных налогов, а также сопровождалось гибкой системой перераспределения и роста количества рабочих мест. Успех предопределен тем, что в основу системы налогообложения Швеции при реализации *циркулярной модели* было положено достижение баланса между реализацией экологических, экономических и социальных принципов развития. Применение обозначенной модели способствовало обеспечению достижения природоохранных целей, сохранению стабильности

the Policy World // Review of Environmental Economics and Policy. 14(1): 67–75. DOI: 10.1093/reep/rez022

¹⁴ См.: Cao J., Ho M.S., Jorgenson D.W. (2009) The Local and Global Benefits of Green Tax Policies in China // Review of Environmental Economics and Policy. 3(2): 189–208. DOI: 10.1093/reep/rep005; Xu Y. (2011). China's "Stir Fry" of Environmentally Related Taxes and Charges: Too Many Cooks at Work // Journal of Environmental Law. 23(2): 255–283. DOI: 10.1093/jel/eqr004

¹⁵ См.: Трофимов А.А. Налогообложение загрязнения окружающей среды в Китае // Правоведение. 2018. Т. 62. № 4. С. 751–764. DOI: 10.21638/spbu25.2018.410

экономического развития¹⁶. Циркулярная модель используется также во Вьетнаме в рамках налогообложения предприятий, оказывающих негативное воздействие на окружающую среду¹⁷.

Таким образом, сравнительный анализ опыта различных стран по применению *простой, гибридной и циркулярной* моделей дает основание предположить, что более перспективной является *циркулярная* модель. Ее главное преимущество состоит в том, чтобы комплексно подойти к обеспечению реализации принципов социально-экономического развития, принципов охраны окружающей среды, рационального природопользования и экологической безопасности. В частности, данный подход позволяет формировать стимулирующие механизмы экономического поощрения экологически ориентированной деятельности, использовать доходы от экологических платежей для компенсации части выпадающих иных налогов (например, налога на прибыль и (или) налога на социальное страхование)¹⁸.

При этом следует отметить, что общая тенденция к доминированию *циркулярной* модели, обеспечивающей равновесие при реализации экологических, социальных и экономических принципов, коррелируется с принятой мировым сообществом концепцией устойчивого развития. Такое равновесие имеет важное значение для выполнения задач «зеленой экономики», а именно — усиления охраны окружающей среды, повышения рациональности использования природных ресурсов, улучшения социальной интеграции и экономического развития.

Российский опыт правового регулирования экономического стимулирования природоохранной деятельности и рационального природопользования

В Российской Федерации система экологических платежей основывается на гибридной модели, которая, однако, все еще трансформируется и находится под влиянием остаточных механизмов *простой* модели. В целом ставятся амбициозные задачи по формированию экологически ориентированной экономики. В программно-стратегических документах обозначаются конкретные задачи, направленные на оптимизацию хозяйственной деятельности предприятий, оказывающих негативное воздействие на окружающую среду, снижение объема вредных выбросов в атмосферу на 20% к 2024 г., за

счет комплексной модернизации промышленности, ЖКХ, транспорта, энергетики; совершенствование системы экологических платежей, обеспечение рационального природопользования¹⁹.

Решение поставленных задач должно основываться на законодательном регулировании налоговых и неналоговых платежей за негативное воздействие на окружающую среду. Вместе с тем сохраняется ряд доктринальных и практических проблем в формировании платежной системы, обеспечивающей развитие зеленой экономики.

В юридической литературе нет единства в формулировании и структуризации экологических платежей: используются термины: «экологические налоги», «природоресурсные налоги», «налоги, связанные с использованием природных ресурсов»²⁰.

Проблемы пробельного законодательного регулирования в рассматриваемой сфере частично решаются Конституционным Судом РФ.

В соответствии с правовыми подходами, выработанными Конституционным Судом РФ, понятие «законно установленные налоги и сборы» подразумевает соблюдение следующих условий: установление налога или сбора только законом и только путем прямого перечисления в нем существенных элементов налогового обязательства, в том числе размера платы²¹. Однако унифицированного понятия «экологический налог» так и не сформировалось ни в российской правовой доктрине, ни в российском законодательстве.

Постановлением Конституционного Суда РФ от 14 мая 2009 г. № 8-П разъяснено, что целью установления экологических платежей как одного из способов экономико-правового регулирования охраны окружающей среды, направленного на обеспечение конституционного права каждого на благоприятную окружающую среду, является не столько фискальный интерес государства в наполнении

¹⁹ См.: Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 21 апреля 2021 г. // Росс. газ. 22 апр.

²⁰ Миронова С. М. Экологические налоги и платежи в системе финансового обеспечения экологической безопасности Российской Федерации // Научный вестник Волгоградского филиала РАНХиГС. Сер.: Юриспруденция. 2017. № 2. С. 49–55.

²¹ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 04.04.1996 г. № 9-П по делу о проверке конституционности ряда нормативных актов города Москвы и Московской области, Ставропольского края, Воронежской области и города Воронежа, регламентирующих порядок регистрации граждан, прибывающих на постоянное жительство в названные регионы // СЗ РФ. 1996. № 16, ст. 1909; Постановление Конституционного Суда РФ от 11.11.1997 г. № 16-П по делу о проверке конституционности ст. 11.1 Закона РФ от 1 апреля 1993 г. «О Государственной границе Российской Федерации» // СЗ РФ. 1997. № 46, ст. 5339; и др.

¹⁶ См.: Crique P., Jaccard M., Sterner T. (2019) Op. cit.

¹⁷ См.: Dang V.H., Gam P.T., Xuan Son N.T. (2021) Vietnam's Regulations to Prevent Pollution from Plastic Waste: A Review Based on the Circular Economy Approach // Journal of Environmental Law. 33-1, 137–166. DOI: 10.1093/jel/eqaa028

¹⁸ См., напр.: Чернявская Н. В., Клейман А. В. Экологические налоги в зарубежных странах: вопросы применения // Бухгалтерский учет в бюджетных и некоммерческих организациях. 2019. № 18 (474). С. 18–27.

казны, сколько сохранение природы и обеспечение экологической безопасности²².

В Российской Федерации все экологические платежи (налоговые и неналоговые) поступают в бюджетную систему и расходуются в соответствии с бюджетной росписью, а значит, и не на природоохранные цели. Ранее действовавшая вертикально интегрированная система экологических фондов, которые аккумулировали поступления от платежей за негативное воздействие на окружающую среду по установленному нормативу, а также средства от иных компенсационных платежей²³ отсутствуют.

Отсутствие в Российской Федерации законодательного закрепления правовой природы экологических платежей и их цель, а также устанавливающего их закрытый перечень приводит и к смешению понятий, и, как следствие, к усилению фискальной нагрузки в скрытой форме²⁴. При этом сам порядок исчисления и взыскания неналоговых платежей создает лишь режим «преференций» для субъектов хозяйственной деятельности²⁵ и не является значимым стимулятором к рациональности природопользования предприятиями-загрязнителями.

Таким образом, можно сказать, что российский законодатель пока не определился и продолжает поиск модели реализации принципов «платность природопользования» и «загрязнитель платит», которая бы эффективно обеспечивала не только реализацию экономических и экологических принципов, но и способствовала стимулированию хозяйствующих субъектов к рациональному природопользованию.

Учитывая это, ряд авторов высказывают определенные предложения по решению обозначенных вопросов. Во-первых, предлагается изменить устоявшуюся модель исчисления и взимания экологических платежей с целью повышения их стимулирующей роли, уделять особое внимание институту

экологического страхования²⁶. Отстаивается также позиция четкого структурирования расходов на охрану окружающей среды и внесения изменений в амортизационном механизме в целях налогообложения прибыли и имущества природоохранного назначения²⁷.

Во-вторых, в научной литературе начиная с 1999 г. уже более 20 лет обсуждается вопрос о введении экологических налогов²⁸.

Одним из оснований, обусловившим предложение о переходе к экологическим налогам, послужил положительный опыт зарубежных стран, а также хронически невысокий уровень собираемости платежей за негативное воздействие на окружающую среду. К сожалению, необходимо отметить, что привлечение к юридической ответственности в случае невыполнения субъектами права своих обязательств по невнесению платы за негативное воздействие на окружающую среду в виде административного штрафа экономически не пугает предпринимателей. Совсем иное отношение у хозяйствующих субъектов к ответственности за нарушение налогового законодательства. Наступление уголовной ответственности при невыплате или не своевременном погашении налоговой задолженности, в случае введения экологического налога вместо неналоговых платежей за негативное воздействие на окружающую среду, во многом обусловило отрицательное отношение бизнеса к этому проекту.

²⁶ См.: Вагина О. В. Указ. соч.

²⁷ См.: Андрушин С. В. Указ. соч.

²⁸ См.: Петрунин А. Т. Экологические платежи // Налоговый вестник. 1999. № 5. С. 88–98; Лисица В. Н. Платеж или налог за пользование природными ресурсами? // Юрист. 2004. № 10. С. 44–47; Сергеев А. А. Разграничение налоговых и неналоговых платежей: конституционно-правовой аспект // Конституционное и муниципальное право. 2006. № 1. С. 40, 41; Семенча О. Ю. К вопросу о правовой природе природоресурсных платежей // Финансовое право. 2007. № 4. С. 18–23; Хильченко Е. Н., Науменко А. М. Налоговый сбор: юридические признаки // Финансовое право. 2007. № 7. С. 37–40; Петрова Т. В. Расходы на финансирование капитальных вложений в целях охраны окружающей среды: проблемы правового регулирования и стимулирования // Вестник Московского ун-та. Сер. 11: Право. 2012. № 3. С. 49; Боголюбов С. А. Соотношение экологических политик России и других государств // Экологическое право. 2016. № 4. С. 23–32; Пономарев М. В. Плата за негативное воздействие на окружающую среду как механизм экономического стимулирования природоохранной деятельности // Журнал рос. права. 2018. № 4. С. 150–160. DOI: 10.12737/art_2018_4_15; Анисимов А. П., Моторин Д. Е. Правовая природа платежей за негативное воздействие на окружающую среду и перспективы перехода России к экологическому налогу // Гуманитарные и юрид. исследования. 2019. № 3. С. 97–104. DOI: 10.37494/2409-1030-2019-3-97-104; Майоров Н. П., Макаров Д. А. Квазиалоги в сфере экологических платежей // Журнал правовых и экономических исследований. 2021. № 1. С. 72–76. DOI: 10.26163/GIEF.2021.12.96.013; и др.

²² См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 14.05.2009 г. № 8-П по делу о проверке конституционности положения п/п. «б» п. 4 постановления Правительства РФ «Об утверждении Порядка определения платы и ее предельных размеров за загрязнение окружающей природной среды, размещение отходов, другие виды вредного воздействия» в связи с запросом Верховного суда Республики Татарстан // СЗ РФ. 2009. № 22, ст. 2752.

²³ См.: постановление Правительства РФ от 11.10.2001 г. № 721 «О ликвидации Федерального экологического фонда Российской Федерации» // СЗ РФ. 2001. № 43, ст. 4116.

²⁴ См.: Hanco М. Д., Hanco М. Б. Актуальные налоговые инициативы и новации: социально-экономические основы, теоретические подходы и практическое применение // Lex russica. 2019. № 12. С. 135–151. DOI: 10.17803/1729-5920.2019.157.12.135-151

²⁵ См.: Артёмов Н. М., Ячменёв Г. Г. Правовое регулирование неналоговых доходов бюджетов: учеб. пособие. М., 2008. С. 91.

В поддержку проекта введения экологических налогов откликнулись ряд авторов, подчеркивающих, что стимулирующие нормы Федерального закона «Об охране окружающей среды» не имеют прямого действия и могут быть реализованы, только если получают конкретизацию, в частности, в налоговом законодательстве²⁹. При этом экологические налоги вне зависимости от используемой модели обеспечивают реализацию компенсационной и стимулирующей функции посредством сочетания экономической и экологической составляющих в правовом регулировании³⁰.

Повышение собираемости платежей за негативное воздействие на окружающую среду повысит мотивацию предприятий для перехода к новым энергоэффективным, низкоуглеродным технологиям, что также обусловило подготовку проекта федерального закона о включении платы за негативное воздействие на окружающую среду в Налоговый кодекс РФ путем ее трансформации в экологический налог³¹.

Обсуждение указанного проекта выявило разнонаправленность общественного мнения в отношении к этой инициативе. С одной стороны, высказывались мнения, что это приведет к увеличению фискальной нагрузки на промышленные предприятия в целях пополнения бюджета и снижению темпов роста промышленности³², с другой — переход от платежей к экологическому налогу может являться формой понуждения к правомерному поведению при уплате платежей за негативное воздействие, что само по себе направлено исключительно на реализацию принципа платности природопользования и служит стимулом для природопользователей для снижения негативной нагрузки на окружающую среду.

Постепенный поворот в отечественной правовой природоохранной практике к реализации не

столько фискальной, сколько компенсационной и стимулирующих функций экологических платежей подтверждается принятием ряда нормативных правовых актов в рамках природоохранного регулирования. В частности, введен институт комплексного экологического разрешения, который увязывает экологические платежи за загрязнение окружающей среды с фактом соблюдения требований технического и технологического нормирования, в том числе посредством внедрения хозяйствующим субъектом наилучших доступных технологий. Следует также отметить, что принят Федеральный закон от 26 июля 2019 г. № 195-ФЗ «О проведении эксперимента по квотированию выбросов загрязняющих веществ и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части снижения загрязнения атмосферного воздуха»³³. Повышение эффективности экономических стимулов должно получить также свое дальнейшее закрепление в поощрении природопользователей, внедряющих природоохранные технологии. В силу этого целесообразно вернуться к вопросу о необходимости корректировки ставок платы за негативное воздействие на окружающую среду на основе научно обоснованных подходов к развитию риск-ориентированных эколого-экономических методов оценки вложений в природоохранную деятельность, направленную на снижение выбросов / сбросов загрязняющих веществ в окружающую среду.

Задачи, которые поставлены в рамках мер по сокращению выбросов парниковых газов, определены как сокращение к 2030 г. выбросов до 70% относительно уровня 1990 г. при условии устойчивого и сбалансированного социально-экономического развития Российской Федерации. Базовые принципы низкоуглеродного развития закреплены в Федеральном законе «Об ограничении выбросов парниковых газов». В своем единстве оба блока задач определяют для нашей страны целесообразность развития циркулярной модели встраивания экологических платежей в бюджетную систему Российской Федерации.

Комплексный подход к сбалансированности фискальной, компенсационной и стимулирующей части экологических платежей может быть реализован посредством перехода к *циркулярной экономической модели*. Реализация этой модели могла бы быть именно тем компромиссным подходом, который позволит предприятиям получить целевые стимулирующие преференции, обеспечивающие технологический переход к «зеленой экономике», а выпадающие доходы бюджета были бы компенсированы в том числе за счет повышения собираемости платежей за негативное воздействие

²⁹ См.: Петрова Т. В. Указ. соч.; Ялбулганов А. А. Экологизация российского законодательства о налогах и сборах: к вопросу об экологических функциях налогового права // Реформы и право. 2014. № 4. С. 25–33; Журавлева О. О. Гибкость регулирования и конституционные принципы налогообложения // Право и экономическая деятельность: современные вызовы / отв. ред. А. В. Габов. М., 2015. С. 379.

³⁰ См.: Ермакова Е. П. Судебные иски к правительствам и частным компаниям стран Европы о защите климата в рамках Парижского соглашения 2015 г. (Великобритания, Нидерланды, Германия, Франция) // Вестник Пермского ун-та. Юридические науки. 2020. № 49. С. 604–625. DOI: 10.17072/1995-4190-2020-49-604-625

³¹ См.: Письмо Минфина России от 28.06.2019 г. № 03-06-07-04/47688 // В официальных источниках опубликовано не было.

³² См., напр.: Зобова Е. Экологические платежи: настоящее и будущее // Учреждения образования: бухгалтерский учет и налогообложение. 2018. № 12. С. 50–59.

³³ См.: СЗ РФ. 2019. № 30, ст. 4097.

на окружающую среду. У предприятий-загрязнителей появляется заинтересованность к внедрению низкоуглеродных, малоотходных технологий и, как следствие, к снижению соответствующих экологических издержек. Появляется мотивация к правомерному поведению в части своевременной уплаты платежей за негативное воздействие. Циркулярная модель позволяет направить часть соответствующих денежных средств, поступивших в федеральный бюджет от экологических платежей, на налоговое льготирование и / или целевое субсидирование предприятий по переходу на «зеленую экономику», а значит, сформирует дополнительный стимул к эффективной реализации природоохранных целей.

На наш взгляд, переход к *циркулярной модели* может разрешить одну из «застоявшихся» проблем в сфере рационального природопользования, а именно отсутствие универсальной модели реализации принципов платности природопользования и «загрязнитель платит», уравнивающей не только частные и публичные интересы, но и обеспечивающей баланс экономической, социальной и экологической составляющих в рамках реализации концепции устойчивого развития.

Заключение

Реформирование системы финансирования природоохранной деятельности принципиально повлияло на реализацию как отдельных элементов эколого-экономического механизма, так и весь его потенциал, направленный не только на инвестирование в природоохранные проекты, но и на экономическое стимулирование бережного отношения к природным богатствам, а также на создание материальной основы для природоохранной деятельности по восстановлению нарушенных компонентов окружающей среды и природных объектов.

Современные требования обеспечения устойчивого развития предполагают переход от простых моделей к гибридным и циркулярным моделям регулирования экологических платежей и налогов. Хотя в большинстве стран с развитой экономикой доминирует гибридная модель, общая тенденция состоит в постепенном переходе к циркулярной модели реализации неналоговых и налоговых платежей. Этот опыт актуален для Российской Федерации.

Введение в России более сложной, но легко адаптируемой к задачам управления *циркулярной модели* посредством сочетания налоговых и неналоговых платежей в совокупности с дифференцированным стимулирующим снижением налоговой нагрузки в рамках перехода к «зеленой экономике» позволит обеспечить эффективность природоохранной деятельности, создаст предпосылки для активизации инвестирования в природоохранные

проекты. Кроме того, повышение стимулирующей роли экологических платежей обоснованно позволяет сократить бюджетное финансирование мероприятий по охране окружающей среды за счет ответственной экологической политики хозяйствующих субъектов, а также в перспективе снижения расходов на компенсацию вреда здоровью населения от негативного воздействия загрязнения окружающей среды.

Потребность в оптимизации экономической модели реализации принципов «загрязнитель платит» и «платность природопользования» обусловлена необходимостью повышения стимулирования хозяйствующих субъектов к внедрению низкоуглеродных, энергосберегающих технологий в производство, а также в целях обеспечения компенсации расходов на охрану окружающей среды в широком понимании этого процесса. Представляется необходимым в максимально короткие сроки минимизировать конфликт принципов экономического, социального и экологического развития в контексте целей устойчивого развития и, соответственно, ускорить решение задачи минимизации негативного антропогенного воздействия на окружающую среду при переходе на новый технологический уклад. В этом контексте роль гибкой *циркулярной модели* внедрения экологических неналоговых и налоговых платежей трудно переоценить.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андрюшин С. В. Правовые проблемы налогового стимулирования как направления экономического регулирования охраны окружающей среды // Экологическое право. 2021. № 1. С. 19–22. DOI: 10.18572/1812-3775-2021-1-19-22
2. Анисимов А. П., Моторин Д. Е. Правовая природа платежей за негативное воздействие на окружающую среду и перспективы перехода России к экологическому налогу // Гуманитарные и юрид. исследования. 2019. № 3. С. 97–104. DOI: 10.37494/2409-1030-2019-3-97-104
3. Артёмов Н. М., Ячменёв Г. Г. Правовое регулирование неналоговых доходов бюджетов: учеб. пособие. М., 2008. С. 91.
4. Боголюбов С. А. Развитие экологического права на евразийском пространстве. М., 2020.
5. Боголюбов С. А. Соотношение экологических политик России и других государств // Экологическое право. 2016. № 4. С. 23–32.
6. Вагина О. В. Инструменты экономического механизма, способствующие стимулированию хозяйствующих субъектов к рациональному природопользованию // Бизнес, Менеджмент и Право. 2018. № 4. С. 62–64.
7. Ермакова Е. П. Судебные иски к правительствам и частным компаниям стран Европы о защите климата в рамках Парижского соглашения 2015 г. (Велико-

- британия, Нидерланды, Германия, Франция) // Вестник Пермского ун-та. Юридические науки. 2020. № 49. С. 604–625. DOI: 10.17072/1995-4190-2020-49-604-625
8. Журавлева О. О. Гибкость регулирования и конституционные принципы налогообложения // Право и экономическая деятельность: современные вызовы / отв. ред. А. В. Габов. М., 2015. С. 379.
9. Зобова Е. Экологические платежи: настоящее и будущее // Учреждения образования: бухгалтерский учет и налогообложение. 2018. № 12. С. 50–59.
10. Лисица В. Н. Платеж или налог за пользование природными ресурсами? // Юрист. 2004. № 10. С. 44–47.
11. Лунева Е. В. Понятие и место права рационального природопользования в системе экологического права // Экологическое право. 2020. № 6. С. 35–42. DOI: 10.18572/1812-3775-2020-6-35-42
12. Маюров Н. П., Макаров Д. А. Квазиналоги в сфере экологических платежей // Журнал правовых и экономических исследований. 2021. № 1. С. 72–76. DOI: 10.26163/GIEF.2021.12.96.013
13. Миронова С. М. Экологические налоги и платежи в системе финансового обеспечения экологической безопасности Российской Федерации // Научный вестник Волгоградского филиала РАНХиГС. Сер.: Юриспруденция. 2017. № 2. С. 49–55.
14. Нанко М. Д., Нанко М. Б. Актуальные налоговые инициативы и новации: социально-экономические основы, теоретические подходы и практическое применение // Lex russica. 2019. № 12. С. 135–151. DOI: 10.17803/1729-5920.2019.157.12.135-151
15. Петрова Т. В. Расходы на финансирование капитальных вложений в целях охраны окружающей среды: проблемы правового регулирования и стимулирования // Вестник Московского ун-та. Сер. 11: Право. 2012. № 3. С. 49.
16. Петрунин А. Т. Экологические платежи // Налоговый вестник. 1999. № 5. С. 88–98.
17. Пономарев М. В. Плата за негативное воздействие на окружающую среду как механизм экономического стимулирования природоохранной деятельности // Журнал рос. права. 2018. № 4. С. 150–160. DOI: 10.12737/art_2018_4_15
18. Семенча О. Ю. К вопросу о правовой природе природоресурсных платежей // Финансовое право. 2007. № 4. С. 18–23.
19. Сергеев А. А. Разграничение налоговых и неналоговых платежей: конституционно-правовой аспект // Конституционное и муниципальное право. 2006. № 1. С. 40, 41.
20. Трофимов А. А. Налогообложение загрязнения окружающей среды в Китае // Правоведение. 2018. Т. 62. № 4. С. 751–764. DOI: 10.21638/spbu25.2018.410
21. Троянская М. А., Тюрина Ю. Г. Налоги на выбросы в атмосферный воздух: зарубежный опыт // Междунар. бухгалтерский учет. 2018. Т. 21. № 6 (444). С. 672, 673. DOI: 10.24891/ia.21.6.670
22. Хильченко Е. Н., Науменко А. М. Налоговый сбор: юридические признаки // Финансовое право. 2007. № 7. С. 37–40.
23. Чернявская Н. В., Клейман А. В. Экологические налоги в зарубежных странах: вопросы применения // Бухгалтерский учет в бюджетных и некоммерческих организациях. 2019. № 18 (474). С. 18–27.
24. Ялбулганов А. А. Правовое регулирование природоресурсных платежей. М., 2021.
25. Ялбулганов А. А. Экологизация российского законодательства о налогах и сборах: к вопросу об экологических функциях налогового права // Реформы и право. 2014. № 4. С. 25–33.
26. Alcaayaga A., Hansen E., Wiener M. (2019) Towards a Framework of Smart-Circular Systems: An Integrative Literature Review // Journal of Cleaner Production. 221, 622–634. DOI: 10.1016/j.jclepro.2019.02.085
27. Bogojević S. (2020) COVID-19, Climate Change Action and the Road to Green Recovery // Journal of Environmental Law. 32–3, 355–359. DOI: 10.1093/jel/eqaa023
28. Brooks S. A., Keohane N. O. (2020) The Political Economy of Hybrid Approaches to a U.S. Carbon Tax: A Perspective from the Policy World // Review of Environmental Economics and Policy. 14(1): 67–75. DOI: 10.1093/rep/rez022
29. Cao J., Ho M. S., Jorgenson D. W. (2009) The Local and Global Benefits of Green Tax Policies in China // Review of Environmental Economics and Policy. 3(2): 189–208. DOI: 10.1093/rep/rep005
30. Criqui P., Jaccard M., Sterner T. (2019) Carbon taxation: A tale of three countries // Sustainability. 11(22): 6280, 1–21. DOI: 10.3390/su11226280
31. Dang V. H., Gam P. T., Xuan Son N. T. (2021) Vietnam's Regulations to Prevent Pollution from Plastic Waste: A Review Based on the Circular Economy Approach // Journal of Environmental Law. 33-1, 137–166. DOI: 10.1093/jel/eqaa028
32. Freeburn L., Ramsay I. (2020) Green bonds: legal and policy issues // Capital Markets Law Journal. 15-4, 418–442. DOI: 10.1093/cmlj/kmaa018
33. Hafstead M. A. C., Williams III R. C. (2020) Designing and Evaluating a U.S. Carbon Tax Adjustment Mechanism to Reduce Emissions Uncertainty // Review of Environmental Economics and Policy. 14-1, 76–84. DOI: 10.1093/rep/rez018
34. Heyes G., Sharmina M., Mendoza J. (2018). Developing and implementing circular economy business models in service-oriented technology companies // Journal of Cleaner Production. 177, 621–632. DOI: 10.1016/j.jclepro.2017.12.168
35. Levi S. (2021) Why hate carbon taxes? Machine learning evidence on the roles of personal responsibility, trust, revenue recycling, and other factors across 23 European countries // Energy Research & Social Science. 73, 1–13. DOI: 10.1016/j.erss.2020.101883
36. Metcalf G. E. (2020) An Emissions Assurance Mechanism: Adding Environmental Certainty to a U.S. Carbon Tax // Review of Environmental Economics and Policy. 14-1, 104–114. DOI: 10.1093/rep/rez013
37. Rose P. (2019) Certifying the “Climate” in climate bonds // Capital Markets Law Journal. 14-1, 59–77. DOI: 10.1093/cmlj/kmy032

38. *Tura N., Hanski J., Ahola T.* (2019) Unlocking circular business: A framework of barriers and drivers // *Journal of Cleaner Production*. 212, 90–98. DOI: 10.1016/j.jclepro.2018.11.202
39. *Xu Y.* (2011) China's "Stir Fry" of Environmentally Related Taxes and Charges: Too Many Cooks at Work // *Journal of Environmental Law*. 23(2): 255–283. DOI: 10.1093/jel/eqr004

REFERENCES

1. *Andryushin S.V.* Legal problems of tax incentives as a direction of economic regulation of environmental protection // *Environmental Law*. 2021. 1, 19–22. DOI: 10.18572/1812-3775-2021-1-19-22 (in Russ.).
2. *Anisimov A.P., Motorin D.E.* Legal nature of payments for negative impact on the environment and the prospects for Russia's transition to environmental tax // *Humanitarian and legal research*. 2019. No. 3. P. 97–104. DOI: 10.37494/2409-1030-2019-3-97-104 (in Russ.).
3. *Artemov N.M., Yachmenev G.G.* Legal regulation of non-tax budget revenues: a textbook. M., 2018. P. 91 (in Russ.).
4. *Bogolyubov S.A.* Development of Environmental Law in the Eurasian space. M., 2020 (in Russ.).
5. *Bogolyubov S.A.* The ratio of environmental policies of Russia and other states // *Environmental Law*. 2016. No. 4. P. 23–32 (in Russ.).
6. *Vagina O.V.* Tools of the economic mechanism that promote the stimulation of business entities to rational use of natural resources // *Business, Management and Law*. 2018. No. 4. P. 62–64 (in Russ.).
7. *Ermakova E.P.* Lawsuits against governments and private companies of European countries for climate protection under the Paris Agreement 2015 (Great Britain, the Netherlands, Germany, France) // *Herald of Perm University. Legal sciences*. 2020. No. 49. P. 604–625. DOI: 10.17072/1995-4190-2020-49-604-625 (in Russ.).
8. *Zhuravleva O.O.* Regulation flexibility and constitutional principles of taxation // *Law and economic activity: modern challenges* / res. ed. A.V. Gabov. M., 2015. P. 379 (in Russ.).
9. *Zobova E.* Environmental payments: the present and the future // *Educational institutions: accounting and taxation*. 2018. No. 12. P. 50–59 (in Russ.).
10. *Lisitsa V.N.* Payment or tax for the use of natural resources? // *Lawyer*. 2004. No. 10. P. 44–47 (in Russ.).
11. *Luneva E.V.* The concept and place of the law of rational use of natural resources in the system of Environmental Law // *Environmental Law*. 2020. No. 6. P. 35–42. DOI: 10.18572/1812-3775-2020-6-35-42 (in Russ.).
12. *Mayurov N.P., Makarov D.A.* Quasinalogues in the field of environmental payments // *Journal of Legal and Economic Research*. 2021. No. 1. P. 72–76. DOI: 10.26163/GIEF.2021.12.96.013 (in Russ.).
13. *Mironova S.M.* Environmental taxes and payments in the system of financial support for the environmental safety of the Russian Federation // *Scientific herald of the Volgograd branch of the RANPEA. Series: Jurisprudence*. 2017. No. 2. P. 49–55 (in Russ.).
14. *Napso M.D., Napso M.B.* Actual tax initiatives and innovations: socio-economic foundations, theoretical approaches and practical application // *Lex russica*. 2019. No. 12. P. 135–151. DOI: 10.17803/1729-5920.2019.157.12.135-151 (in Russ.).
15. *Petrova T.V.* Expenditures for financing capital investments in order to protect the environment: problems of legal regulation and incentives // *Herald of Moscow University. Ser. 11: Law*. 2012. No. 3. P. 49 (in Russ.).
16. *Petrinin A.T.* Environmental payments // *Tax Bulletin*. 1999. No. 5. P. 88–98 (in Russ.).
17. *Ponomarev M.V.* Payment for negative impact on the environment as a mechanism of economic incentives for environmental protection // *Journal of Russian law*. 2018. No. 4. P. 150–160. DOI: 10.12737/art_2018_4_15 (in Russ.).
18. *Semencha O. Yu.* On the question of the legal nature of natural resource payments // *Financial Law*. 2007. No. 4. P. 18–23 (in Russ.).
19. *Sergeev A.A.* Differentiation of tax and non-tax payments: constitutional and legal aspect // *Constitutional and Municipal Law*. 2006. No. 1. P. 40, 41 (in Russ.).
20. *Trofimov A.A.* Taxation of environmental pollution in China // *Jurisprudence*. 2018. Vol. 62. No. 4. P. 751–764. DOI: 10.21638/spbu25.2018.410 (in Russ.).
21. *Troyanskaya M.A., Tyurina Yu.G.* Taxes on air emissions: foreign experience // *International accounting*. 2018. Vol. 21. No. 6 (444). P. 672, 673. DOI: 10.24891/ia.21.6.670 (in Russ.).
22. *Khilchenko E.N., Naumenko A.M.* Tax collection: legal features // *Financial Law*. 2007. No. 7. P. 37–40 (in Russ.).
23. *Chernyavskaya N.V., Kleiman A.V.* Environmental taxes in foreign countries: application issues // *Accounting in budgetary and non-profit organizations*. 2019. No. 18 (474). P. 18–27 (in Russ.).
24. *Yalbulganov A.A.* Legal regulation of natural resource payments. M., 2021 (in Russ.).
25. *Yalbulganov A.A.* Greening Russian legislation on taxes and fees: on the issue of environmental functions of tax law // *Reforms and Law*. 2014. No. 4. P. 25–33 (in Russ.).
26. *Alcayaga A., Hansen E., Wiener M.* (2019) Towards a Framework of Smart-Circular Systems: An Integrative Literature Review // *Journal of Cleaner Production*. 221, 622–634. DOI: 10.1016/j.jclepro.2019.02.085
27. *Bogojević S.* (2020) COVID-19, Climate Change Action and the Road to Green Recovery // *Journal of Environmental Law*. 32-3, 355–359. DOI: 10.1093/jel/eqaa023
28. *Brooks S.A., Keohane N.O.* (2020) The Political Economy of Hybrid Approaches to a U.S. Carbon Tax: A Perspective from the Policy World // *Review of Environmental Economics and Policy*. 14(1): 67–75. DOI: 10.1093/reep/rez022
29. *Cao J., Ho M.S., Jorgenson D.W.* (2009) The Local and Global Benefits of Green Tax Policies in China // *Review of Environmental Economics and Policy*. 3(2): 189–208. DOI: 10.1093/reep/rep005
30. *Criqui P., Jaccard M., Sterner T.* (2019) Carbon taxation: A tale of three countries // *Sustainability*. 11(22): 6280, 1–21. DOI: 10.3390/su11226280
31. *Dang V.H., Gam P.T., Xuan Son N.T.* (2021) Vietnam's Regulations to Prevent Pollution from Plastic Waste: A Review Based on the Circular Economy Approach // *Journal of Environmental Law*. 33-1, 137–166. DOI: 10.1093/jel/eqaa028

32. *Freeburn L., Ramsay I.* (2020) Green bonds: legal and policy issues // *Capital Markets Law Journal*. 15-4, 418–442. DOI: 10.1093/cmlj/kmaa018
33. *Hafstead M.A.C., Williams III R.C.* (2020) Designing and Evaluating a U.S. Carbon Tax Adjustment Mechanism to Reduce Emissions Uncertainty // *Review of Environmental Economics and Policy*. 14-1, 76–84. DOI: 10.1093/reep/rez018
34. *Heyes G., Sharmina M., Mendoza J.* (2018) Developing and implementing circular economy business models in service-oriented technology companies // *Journal of Cleaner Production*. 177, 621–632. DOI: 10.1016/j.jclepro.2017.12.168
35. *Levi S.* (2021) Why hate carbon taxes? Machine learning evidence on the roles of personal responsibility, trust, revenue recycling, and other factors across 23 European countries // *Energy Research & Social Science*. 73, 1–13. DOI: 10.1016/j.erss.2020.101883
36. *Metcalfe G.E.* (2020) An Emissions Assurance Mechanism: Adding Environmental Certainty to a U.S. Carbon Tax // *Review of Environmental Economics and Policy*. 14-1, 104–114. DOI: 10.1093/reep/rez013
37. *Rose P.* (2019) Certifying the “Climate” in climate bonds // *Capital Markets Law Journal*. 14-1, 59–77. DOI: 10.1093/cmlj/kmy032
38. *Tura N., Hanski J., Ahola T.* (2019) Unlocking circular business: A framework of barriers and drivers // *Journal of Cleaner Production*. 212, 90–98. DOI: 10.1016/j.jclepro.2018.11.202
39. *Xu Y.* (2011) China’s “Stir Fry” of Environmentally Related Taxes and Charges: Too Many Cooks at Work // *Journal of Environmental Law*. 23(2): 255–283. DOI: 10.1093/jel/eqr004

Сведения об авторах

ВАКУЛА Марина Анатольевна — кандидат юридических наук, заведующая кафедрой земельного и экологического права Юридического института Российского университета дружбы народов; 117198 г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6
ORCID: 0000-0001-9790-1531

УМНОВА-КОНЮХОВА Ирина Александровна — доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела правоведения ИНИОН РАН; 117418 г. Москва, Нахимовский проспект, д. 51/21
ORCID: 0000-0001-6400-851X

АЛЕШКОВА Ирина Александровна — кандидат юридических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела правоведения ИНИОН РАН; 117418 г. Москва, Нахимовский проспект, д. 51/21
ORCID: 0000-0001-5054-5939

Authors' information

VAKULA Marina A. — PhD in Law, Head of the Department of Land and Environmental Law of the Law Institute of the Peoples' Friendship University of Russia; 6 Miklukho-Maklaya str., 117198 Moscow, Russia

UMNOVA-KONYUKHOVA Irina A. — Doctor of Law, Professor, Leading Researcher of the Department of Jurisprudence, INION RAS; 51/21 Nakhimovsky Ave., 117418 Moscow, Russia

ALESHKOVA Irina A. — PhD in Law, Associate Professor, Senior Researcher of the Department of Jurisprudence, INION RAS; 51/21 Nakhimovsky Ave., 117418 Moscow, Russia

УКРЕПЛЕНИЕ ЗАКОННОСТИ
И БОРЬБА С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ
НА СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

© 2023 г. С. И. Вершинина^{1, *}, В. А. Лазарева^{2, **}

¹Тольяттинский государственный университет

²Самарский национальный исследовательский университет им. акад. С.П. Королева

*E-mail: svetlana-vershinina@ya.ru

**E-mail: v.a.lazareva@mail.ru

Поступила в редакцию 30.10.2022 г.

Аннотация. Анализируя влияние современных технологий на уголовный процесс, авторы приходят к выводу, что автоматизация и цифровизация уголовно-процессуальной деятельности не приведут к положительному результату, если не будут устранены имеющиеся в действующем законодательстве неточности, пробелы и противоречия, создающие сложности в текущей правоприменительной деятельности. С учетом грядущей автоматизации и цифровизации уголовного процесса предлагается переосмыслить и по-новому определить некоторые процессуальные термины и институты, в том числе такие, как сообщение о преступлении, поводы и основания к возбуждению уголовного дела, доследственная проверка, уголовное дело.

Ключевые слова: цифровизация уголовного судопроизводства, цифровизация досудебного процесса (предварительного расследования), цифровые технологии, автоматизация процесса, сообщение о преступлении, поводы к возбуждению уголовного дела, основания возбуждения уголовного дела, уголовное дело, электронное уголовное дело, электронный документооборот, удаленное участие.

Цитирование: Вершинина С.И., Лазарева В.А. Влияние цифровых технологий на совершенствование правового регулирования уголовно-процессуальной деятельности // Государство и право. 2023. № 7. С. 100–110.

DOI: 10.31857/S102694520022898-8

THE IMPACT OF DIGITAL TECHNOLOGIES
ON IMPROVING THE LEGAL REGULATION
OF CRIMINAL PROCEDURAL ACTIVITIES

© 2023 S. I. Vershinina^{1, *}, V. A. Lazareva^{2, **}

¹Togliatti State University

²Academician S.P. Korolev of Samara National Research University

*E-mail: svetlana-vershinina@ya.ru

**E-mail: v.a.lazareva@mail.ru

Received 30.10.2022

Abstract. Analyzing the impact of modern technologies on the criminal process, the authors come to the conclusion that automation and digitalization of criminal procedural activities will not lead to a positive result if the inaccuracies, gaps and contradictions in the current legislation that create difficulties in current law enforcement activities are not eliminated. Taking into account the upcoming automation and digitalization of the criminal process, it is proposed to rethink and define some procedural terms and institutions in a new way, including such as reporting a crime, reasons and grounds for initiating a criminal case, pre-investigation check, criminal case.

Key words: digitalization of criminal proceedings, digitalization of pre-trial process (preliminary investigation), digital technologies, automation of the process, reporting of a crime, reasons for initiating a criminal case, grounds for initiating a criminal case, criminal case, electronic criminal case, electronic document management, remote participation.

For citation: Vershinina, S.I., Lazareva, V.A. (2023). The impact of digital technologies on improving the legal regulation of criminal procedural activities // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 7, pp. 100–110.

Введение

В последние десятилетия все чаще употребляется определение «цифровой»: цифровая экономика, цифровые технологии, цифровые устройства и т.д. Цифровизация входит практически во все сферы нашей жизни и делает ее значительно проще и эффективнее. Цифровые технологии используются для хранения большого объема информации, обеспечивают быструю и удобную передачу данных, автоматизацию процессов, управление электронными приборами и т.д. Достижения технического прогресса в полной мере влияют и на деятельность органов государственной власти. Нашли свое место цифровые продукты и технологии и в уголовном судопроизводстве. Достаточно указать, например, на функционирование различных автоматизированных справочных правовых систем, облегчающих работу с правовыми актами, включая ГАС «Правосудие», программу «Автоматизированное рабочее место следователя» (АРМС); использование цифровых устройств для контроля поведения обвиняемого при применении мер пресечения; использование электронных способов и средств в доказывании и т.д.

Вместе с тем цифровизация уголовного процесса в Российской Федерации, судя по публикациям в научных и периодических изданиях, проходит медленнее, чем в других, в том числе близлежащих и когда-то входивших в общую правовую систему странах, отстает и уровень ее правового регулирования. Такое осторожное отношение к IT-технологиям понятно: уголовно-процессуальная деятельность традиционно считается сферой детального правового регулирования, призванного обеспечить высокий уровень как надежности результатов процессуальной деятельности, так и соблюдения прав ее участников. Тем не менее за последнее десятилетие правовому регулированию подверглись различные формы электронно-цифрового взаимодействия участников уголовного процесса, в числе которых: подача в суд разного рода заявлений, жалоб, ходатайств и представлений, выполненных путем заполнения специальной формы, размещенной на официальном сайте суда в информационно-коммуникативной сети Интернет, и прилагаемых к ним, преобразованных в электронный вид, документов (ч. 1 ст. 474¹ УПК РФ); изготовление судебных решений в электронном виде, размещение их на официальном сайте суда в информационно-коммуникативной сети Интернет, направление их копий или

электронных образов участникам уголовного судопроизводства (ч. 2, 3 ст. 474¹ УПК РФ); направление судебной повестки посредством информационно-коммуникативной сети Интернет, в частности электронной почты, мессенджеров, или путем размещения на официальном сайте суда в режиме ограниченного доступа; дистанционное участие в судебном заседании посредством видеоконференцсвязи (ст. 278¹ УПК РФ); аудиопотоколирование судебного заседания (ст. 259 УПК РФ); возможность трансляции судебного заседания с использованием радиотелевидения и информационно-коммуникативной сети Интернет (ст. 241 УПК).

Не осталось без внимания и досудебное производство. В Уголовно-процессуальном кодексе РФ действуют нормы, предусматривающие использование в качестве доказательств электронных носителей информации, изъятых в ходе следственных действий или примененных для ее копирования и сохранения (ст. 164¹); цифровой информации о соединениях между абонентами и абонентскими устройствами (ст. 186¹); проведения ряда следственных действий (допрос, очная ставка, предъявление для опознания) с использованием систем видеоконференцсвязи (ст. 189¹).

Эти и другие технические решения, которые эффективно используются в уголовно-процессуальной деятельности, обусловили постановку научных задач, направленных на определение вектора развития российского уголовного судопроизводства в условиях цифровизации. Сформулирован достаточно широкий круг вопросов, требующих научного изучения и осмысления. Определенное ускорение внедрению цифровых технологий в практику российского уголовного судопроизводства придало введение ограничительных мер в связи с появлением коронавируса (COVID-19)¹.

Изучая данный феномен, российская научная общественность закономерно ставит вопросы о политическом значении цифровизации уголовного процесса², о совместимости цифровых технологий

¹ См.: Сержантова Л.А. Электронное судопроизводство как ответная мера на пандемию в 2020 году // Судебная власть и уголовный процесс. 2021. № 1. С. 126–130.

² См.: Масленникова Л.Н. К вопросу о политическом значении цифровизации досудебного производства в уголовном процессе // Вестник Московского ун-та МВД России. 2020. № 3. С. 34–36.

и уголовного судопроизводства³, о направлениях и перспективах развития уголовного судопроизводства в условиях цифровизации⁴ и степени обеспечения прав участников⁵ и даже о возможностях использования искусственного интеллекта в уголовном процессе⁶ и т.д.

Однако при постановке и решении исследовательских задач в значительном количестве научных работ, на наш взгляд, неверно расставляются акценты в определении соотношения и взаимопроникновения исследуемых объектов: уголовного процесса и цифровых технологий. Введение цифровых продуктов и технологий в уголовное судопроизводство не должно быть «данью моде», оно должно преследовать сугубо утилитарные цели, помогать решать стоящие перед судопроизводством задачи. Это означает, что цифровые нововведения в первую очередь должны быть направлены на совершенствование процессуального инструментария там, где это возможно и допустимо с точки зрения целей такой деятельности, они должны «обслуживать» установленный законом порядок судопроизводства, а не создавать, по точному определению Л.В. Головки, «новый уголовный процесс»⁷.

Чтобы цифровые решения действительно стали эффективным инструментом, качество процессуальных институтов, подлежащих цифровизации, не должно вызывать замечаний в части их содержания, соответствия юридической технике, наличия противоречий и пробелов. Цифровой инструментарий должен создавать условия для эффективного использования процессуальных средств в практической деятельности, не подменяя их собой и не

изменяя их содержание. Ведь по своей сути цифровые технологии не что иное, как более совершенные способы, приемы осуществления процессуальной деятельности, позволяющие эффективно достигать поставленных целей.

Поэтому, прежде чем моделировать «цифровой» уголовный процесс, необходимо если не разрешить, то хотя бы учесть существующие проблемы правового регулирования с тем, чтобы, используя в том числе цифровые технологии, свести их негативный эффект к минимуму. Под таким углом зрения и рассмотрены проблемы цифровизации уголовного процесса отдельно в досудебном и судебном производстве, проанализированы высказанные в науке предложения и идеи, касающиеся применения различных цифровых продуктов и технологий, и на этой основе обозначены наиболее эффективные направления, способы и средства решения существующих проблем нормотворчества и правоприменения.

Исследовательская часть

Досудебное производство. Наиболее сложным для определения перспектив цифровизации является досудебное производство, разделенное на две стадии, три формы, объединяющее разнородные органы расследования и сложную систему взаимодействия руководящих ими лиц. Кроме того, многочисленные изменения, постоянно вносимые в Уголовно-процессуальный кодекс РФ под влиянием внешних факторов, затрудняют понимание предписаний уголовно-процессуального законодательства и значительно осложняют переход на новые технологии. Многие дополнения, как отмечается в литературе, отражают ведомственные интересы, излишне многословны, дублируют уже содержащиеся в законодательстве правила, не согласованы с ними, бессистемны, а то и бессмысленны⁸.

Несмотря на погрешности нормотворчества, отдельные цифровые технологии успешно применяются в досудебном производстве, например в процессе собирания доказательств. Это направление охватывает следующие вопросы: получение, изъятие и хранение информации с электронных носителей и на электронных носителях; применение цифровой техники для фиксации хода и результатов процессуальных, в том числе следственных, действий; использование цифровых продуктов в качестве доказательств и т.д. Отдельно следует назвать применение цифровых технологий для обеспечения

³ См.: *Воскобитова Л.А.* Уголовное судопроизводство и цифровые технологии: проблемы совместимости // *Lex russica* (Русский закон). 2019. № 5 (150). С. 91–104.

⁴ См.: *Андреева О.И.* К вопросу о перспективах развития уголовного процесса в условиях цифровизации общественных отношений // В сб.: *Судебная реформа в современной России: результаты, проблемы и перспективы: материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящённой 100-летию Кубанского государственного университета* / отв. ред. В.А. Семенцов. Краснодар, 2020. С. 11–18; *Зайцев О.А.* Основные направления развития уголовно-процессуального законодательства в условиях цифровизации // *Вестник Московского ун-та МВД России*. 2020. № 3. С. 18–20; *Юркевич М.А.* Цифровое уголовное судопроизводство: какой процесс нас ждёт в ближайшем будущем, и о чем нельзя забывать в погоне за всеобщей диджитализацией // *Вопросы рос. и междунар. права*. 2020. Т. 10. № 5-1. С. 54–56.

⁵ См.: *Гладышева О.В.* Цифровизация уголовного судопроизводства и проблемы обеспечения прав его участников // *Юридический вестник Кубанского гос. ун-та*. 2019. № 1. С. 31–34.

⁶ См.: *Юркевич М.А.* Применение судом видеотехнологий в уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021.

⁷ *Головка Л.В.* Цифровизация в уголовном процессе: локальная оптимизация или глобальная революция // *Вестник экономической безопасности*. 2019. № 1. С. 15–25.

⁸ См.: *Белоносов В.О.* Об уголовно-процессуальном законодательстве в современных условиях // *Юридический вестник Самарского ун-та*. 2020. Т. 6. № 4. С. 67–71; *Его же.* Правовые проблемы уголовно-процессуального законодательства на современном этапе // *Правовые проблемы укрепления российской государственности: сб. ст.* Томск, 25–27 января 2018 года / науч. ред. О.И. Андреева, Т.В. Трубникова. Томск, 2018. С. 27–34.

надлежащего поведения подозреваемого, обвиняемого. Достижения технического прогресса за последние 20–30 лет позволяют гарантировать соблюдение обвиняемым условий меры пресечения при минимальном ограничении его гражданских прав и свобод с помощью электронных средств контроля за перемещением лица.

Вместе с тем специфика электронных продуктов и технологий обуславливает возможность их использования и по таким направлениям, как получение и передача больших объемов процессуальной информации; фиксация процессуальных действий; ведение процессуального документооборота (уголовного дела); организация коммуникации между удаленными участниками.

Наиболее проблемным является процесс перевода традиционной (бумажной) формы сохранения, получения и передачи процессуальной информации в электронную форму, т.е. создание электронного процессуального документооборота. Попытки создать в России такую платформу предпринимаются с конца 90-х годов XX в., однако до сих пор не увенчались успехом, о чем свидетельствуют многочисленные научные публикации⁹.

Объяснить сложившуюся ситуацию можно по-разному, как мы полагаем одна из причин — отсутствие ясности в понимании воли законодателя по основополагающим положениям уголовного судопроизводства. Трудности и противоречия в толковании норм права появляются с самого начала процессуальной деятельности, например, с понятия повода и оснований к возбуждению уголовного дела.

Повод к возбуждению дела в ст. 140 УПК РФ обозначен как сообщение или заявление о *преступлении*. Учитывая, что на момент получения органом расследования первичной информации о совершенном противоправном деянии не всегда можно сделать какие-либо прогнозы относительно его преступности, употребление законодателем термина «сообщение о преступлении» изначально дезориентирует правоприменителя и ставит его в сложное положение, заставляя на этом этапе подтвердить либо опровергнуть тезис о совершенном преступлении, в то время как решить указанную задачу можно лишь в ходе предварительного расследования.

⁹ См.: Гришин Д.А. Совершенствование применения информационных технологий в досудебных стадиях уголовного судопроизводства // Вестник Московского ун-та МВД России. 2019. № 3. С. 119–122; Загвоздкин Н.Н. Автоматизированное рабочее место следователя: проблемы разработки и внедрения в практику // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2016. № 1 (9). С. 82; Разумовская Е.А. Назначение и возможности программного комплекса «автоматизированное рабочее место следователя» // Криминалист. 2008. № 1. С. 63–65.

Помимо алогичности такой подход противоречит положениям ч. 2 ст. 140 УПК РФ, согласно которым для начала уголовно-процессуальной деятельности достаточно наличия *признаков, а не состава* преступления. До тех пор, пока в деянии не будет достоверно установлен состав преступления, говорить о преступлении преждевременно. Проблема не терминологическая: подмена понятий привела к постепенному размыванию границ между двумя стадиями досудебного производства, что стало особенно заметно с принятием Федерального закона от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ и вызвало массу критических замечаний¹⁰.

Полагаем более верным на начальном этапе уголовного процесса говорить не о преступлении, а о происшествии, имеющем признаки преступления, а его юридическую квалификацию устанавливать уже в ходе расследования. Соответственно, поводом должно рассматриваться не любое сообщение о происшествии, а сообщение, в котором содержится указание на признаки преступления, как на предусмотренное ч. 2 ст. 140 УПК РФ основание для начала процессуальной деятельности. Создать условия для получения сообщения, соответствующего указанным требованиям, не так сложно, если использовать автоматизированную информационную систему (АИС).

В этом отношении бесспорный интерес представляет уже показавший свою эффективность опыт ряда других государств. В частности, в научной литературе указывается на достижения Республики Казахстан¹¹, где с 2015 г. работает электронная система принятия, рассмотрения и регистрации сообщений об уголовных правонарушениях, которая фактически привела к исчезновению стадии возбуждения уголовного дела, поскольку решение о регистрации сообщения в Едином реестре досудебных расследований принимается в течение 24 часов с момента регистрации сообщения в книге учета информации. Четкая система требований к содержанию поступающих сообщений позволяет отсекаать заявления, в которых отсутствует информация о признаках именно уголовного правонарушения и освобождает органы расследования

¹⁰ См.: Мешков М.В., Гончар В.В. Уголовно-процессуальная деятельность в стадии возбуждения уголовного дела: проблемы правового регулирования // Мировой судья. 2015. № 4. С. 14–18; Масленникова Л.Н. Трансформация досудебного производства в начальный этап уголовного судопроизводства, обеспечивающий доступ к правосудию в эру Industry 4.0 // Актуальные проблемы рос. права. 2019. № 6 (103). С. 137–146.

¹¹ См.: Андреева О.И., Зайцев О.А. Электронный формат уголовного судопроизводства в Республике Казахстан // Юридический вестник Кубанского гос. ун-та. 2019. № 1. С. 34–40; Концепция построения уголовного судопроизводства, обеспечивающего доступ к правосудию в условиях развития цифровых технологий (ГАС «Доступ к правосудию») / отв. ред. Л.Н. Масленникова. М., 2022. С. 212–217.

от ненужной работы по проверке некриминальных сообщений. Использование цифровых технологий сопредельным государством позволило им вернуть первую стадию уголовного процесса к своей изначальной роли, суть которой в принятии решения о начале уголовно-процессуальной деятельности при наличии признаков преступления. Мы же для возбуждения уголовного дела фактически требуем установления состава преступления в рамках т.н. доследственной проверки, искажая при этом смысл как проверки, так и будущего расследования.

Следующая проблема логично вытекает из первой: она связана с определением начала процессуальной деятельности. Когда все-таки начинается уголовный процесс — с момента поступления / регистрации повода или с принятия решения о возбуждении уголовного дела? На первый взгляд решение этого вопроса напрямую не связано с технологией (цифровой или бумажной) официальной регистрации повода. Ведь от того, поступит сообщение о преступлении (происшествии) через интернет-ресурс или в бумажном виде, уполномоченное должностное лицо обязано совершить определенные действия и принять процессуальное решение. Но как показано выше на примере Казахстана, использование АИС приводит к стиранию границ между досудебными стадиями. Любая автоматизированная информационная система действует на основе четкого алгоритма последовательных, логически обоснованных и связанных между собой действий субъектов, определения начала и окончания процесса, способов «входа» и «выхода» из системы, обозначения роли каждого участника, в том числе «держателя» или руководителя процесса, и т.д. Поэтому поступление сообщения о деянии, содержащем признаки преступления, и его регистрацию (автоматическую на электронном носителе либо в ручном режиме) следует признать началом уголовного процесса и точкой отсчета срока предварительного расследования, прекратив тем самым длительные дискуссии по данному вопросу.

Если начало досудебной части уголовного процесса определяется моментом поступления сообщения о происшествии, содержащем признаки преступления, то его окончание совпадает с составлением процессуального акта, устанавливающего наличие совершенного преступления (его юридическую квалификацию). При таком подходе досудебное производство предстает как единое целенаправленное расследование, сконцентрированное на установлении состава преступления, в том числе лиц, его совершивших. Попытки законодателя сохранить автономность «доследственной проверки», обосновать ее необходимость, а фактически усилить ее роль и значение путем «опроецирования» проверочной деятельности, привели к превращению «доследственной проверки» в суррогат расследования.

Достаточно указать на перечень следственных действий, которые десятилетиями рассматривались исключительно как атрибут предварительного расследования, а сегодня проводятся до принятия процессуального решения о возбуждении уголовного дела (ч. 1 ст. 144 УПК РФ) и рассматриваются как полноценные способы получения доказательств (ч. 1¹ ст. 144 УПК РФ) вне рамок предварительного расследования.

Игнорирование границ между пока еще сохраняющими юридическую самостоятельность стадиями уголовного процесса — возбуждением уголовного дела и предварительным расследованием, приводит к хаосу, неразберихе и дублированию процессуальных действий и в целом свидетельствует о назревшей необходимости реформирования досудебного производства. В связи с этим высказываются различные идеи, вплоть до упразднения стадии возбуждения уголовного дела путем ее преобразования в дознание¹² и ликвидации самого дознания как самостоятельной формы предварительного расследования¹³. Способы решения этой проблемы могут быть разными, но для начала остановимся на вопросе, имеющем, на наш взгляд, концептуальное значение: это проблема сохранения в процессуальном обороте самого понятия «уголовное дело», которое в соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом РФ «возбуждают, расследуют, рассматривают и разрешают». В действительности же, следуя правилам русского языка, расследуют не уголовное дело, а происшествие; рассматривают не уголовное дело, а представленные сторонами доказательства; разрешают не уголовное дело, а вопросы, составляющие суть приговора, главный среди которых — это вопрос о виновности обвиняемого в совершении преступления.

До тех пор, пока законодатель оперирует данной категорией и сохраняет значимость уголовного дела от начала до окончания уголовного процесса, исключить обвинительный уклон в деятельности суда и прервать преемственность в отношениях стороны обвинения и суда вряд ли удастся. Уголовное дело, как атрибут обвинительной власти, переходит из одной стадии в другую, нивелируя значимость процессуальных функций остальных участников, препятствуя объективности суда и развитию самостоятельности.

Попытки законодателя трансформировать понятие «уголовное дело» в «уголовное преследование» не увенчались успехом, уголовное дело остается

¹² См.: *Махов В.Н.* Заменить стадию возбуждения уголовного дела на стадию полицейского дознания // *Закон и право.* 2016. № 2. С. 27–29.

¹³ См.: *Малышева О.А.* О необходимости отказа от дознания как процессуальной формы расследования // *Актуальные проблемы рос. права.* 2020. Т. 15. № 9 (118). С. 80–92.

«центром» процессуальной деятельности властных участников, объединяя тем самым деятельность стороны обвинения и суда «с момента возбуждения уголовного дела и до момента исполнения приговора»¹⁴. Вызывает озабоченность тот факт, что ученые не предлагают альтернатив сложившемуся порядку документооборота, а обсуждают проблемы цифровизации существующего *уголовного дела*, возможности оцифровки материалов *уголовного дела*, создания электронного *уголовного дела*¹⁵, полной или частичной замены бумажного документооборота электронным, в том числе для облегчения и ускорения ознакомления с ними участников уголовного процесса, а также для предотвращения утраты материалов *уголовного дела*¹⁶.

Учитывая мировые тенденции и достигнутый во многих странах уровень цифровизации, описанный в научной литературе¹⁷, переход к цифровому документообороту в Российской Федерации представляется достаточно близким по времени результатом развития цифрового общества. Полагаем, что к этому времени мы должны говорить уже не о цифровизации уголовного дела, а о цифровизации процессуальной деятельности ее властных субъектов. Необходимо отказаться от понятия уголовного дела как стержня, пронизывающего все стадии судопроизводства, заменив его терминами, обозначающими результаты процессуальной деятельности отдельно для стороны обвинения и суда. Иными словами, речь идет о создании новых правил документооборота в смешанном по типу российском уголовном процессе, создании документооборота отдельно для досудебного производства и для судебного.

Использование АИС в досудебном производстве позволит по-новому формировать материалы расследования и формировать на их основе ту часть, которая должна направляться в суд. Предлагаем следующую схему: закончив расследование, орган предварительного следствия направляет прокурору не привычное для нас уголовное дело, а дело (кейс, производство, материалы), содержащее итоговый

процессуальный акт обвинения (акт, заключение, постановление), определяющий предмет будущего судебного рассмотрения, и документы, планируемые к использованию для обоснования обвинения в суде. Прокурор, утвердив итоговый процессуальный акт обвинения (акт, заключение, постановление), направляет его в суд. При этом документы, обосновывающие обвинение, должны оставаться в ведении прокурора и представляться им в судебное разбирательство в соответствии с тактикой обвинения. Часть материалов расследования, которые не планируется использовать в судебном разбирательстве, должна оставаться в архивах органов расследования и предъявляться по требованию прокурора или суда.

Предрешая вопросы о возможности и целесообразности сохранения права стороны защиты на ознакомление с материалами досудебного производства, можно отметить, что такая целесообразность, безусловно, сохраняется в отношении тех материалов, которые сторона обвинения планирует представлять в судебном заседании для обоснования обвинения. Аналогичное правило должно действовать и в отношении остальных участников. В судебной практике по гражданским делам эта процедура называется раскрытие доказательств. Электронный доступ к материалам, подтверждающим обвинение, может быть открыт с момента принятия решения об окончании расследования. Будет этот доступ осуществлен на электронной платформе органов расследования либо на судебной платформе, должны ответить специалисты, проектирующие данные программные продукты. Впрочем, могут быть и другие варианты.

Сторона защиты не обязана представлять в суд какие-либо документы, отражающие и подтверждающие ее позицию, но поскольку она вправе это сделать на основании действующего регулирования, вполне возможно, а в условиях цифровизации даже необходимо, нормативно определить процессуальную форму для обозначенных актов стороны защиты. Есть повод вспомнить исключенный из Уголовно-процессуального кодекса РФ шестой раздел, содержавший формы всех процессуальных документов. Эта опередившая время задумка разработчиков Уголовно-процессуального кодекса РФ в связи с цифровизацией становится актуальной.

В немалой степени проблема «уголовного дела» связана с неправомерным отождествлением в Уголовно-процессуальном кодексе РФ понятий «уголовный процесс» и «уголовное судопроизводство». Фактически речь идет о законодательном соединении двух принципиально различных видов деятельности: досудебном предварительном расследовании, имеющем правоохранительную сущность, и судебном производстве, обеспечивающем

¹⁴ Макарова О. В. Совершенствование судопроизводства путем внедрения электронной формы уголовного дела // Журнал рос. права. 2019. № 2 (266). С. 159–168.

¹⁵ См.: Далгалы Т. А. К вопросу о системе электронных уголовных дел: опыт зарубежных стран // Вестник РНУ. Сер. «Человек и общество». 2020. № 2. С. 152–155.

¹⁶ См.: Зуев С. В., Никитин Е. В. Информационные технологии в решении уголовно-процессуальных проблем // Всеросс. криминологический журнал. 2017. Т. 11. № 3. С. 41–52; Цоколова О. И., Безруков С. С., Куприянов Е. И. Актуальные проблемы восстановления утраченных уголовных дел // Росс. юстиция. 2018. № 5. С. 24–30.

¹⁷ См.: Концепция построения уголовного судопроизводства, обеспечивающего доступ к правосудию в условиях развития цифровых технологий (ГАС «Доступ к правосудию») / отв. ред. Л. Н. Масленникова. С. 185 и сл.

правозащитную функцию уголовного процесса. Юридическое, организационное и техническое разделение досудебного и судебного производства в рамках уголовного процесса — есть залог достижения целей правосудия.

Судебное производство. Наиболее готовыми к переходу на более высокий технологичный уровень взаимодействия между участниками представляются судебные стадии уголовного процесса, которые направлены главным образом на проверку законности и обоснованности обвинения, выдвинутого и сформулированного в ходе досудебного производства. Объектом судебных стадий являются не обстоятельства преступления, а фактические основания обвинения, исследование которых осуществляется судом с участием обеих сторон. Цифровизация уголовно-процессуальной деятельности в судебных стадиях уголовного процесса имеет два основных направления: электронный документооборот и дистанционное участие в судебных процедурах. Исходя из предмета и содержания судебной части российского уголовного процесса (судопроизводства), применение цифровых технологий целесообразно начать с введения судебного документооборота (судебного дела); получения и передачи процессуальной информации; фиксации хода судебного заседания.

Если уголовное дело, сформированное в ходе досудебного производства (в нашей логике, это следственное дело), останется в ведении органа предварительного расследования, а в суд будет направляться утвержденный прокурором обвинительный акт (постановление, заключение), то вполне ожидаемо создание судебной АИС уже в ближайшем будущем. Суд должен самостоятельно формировать свое (судебное) дело, начиная с обвинительного акта (заключения, постановления), как повода к началу судебной деятельности, независимо от технологии документооборота — бумажной или электронной. В последнем случае — при введении электронного документооборота, судебные процедуры станут более доступными для участников уголовного судопроизводства. Полезным здесь может оказаться опыт гражданского судопроизводства.

Новые технологии должны позитивно сказаться на реализации требования об осуществлении уголовного судопроизводства в разумный срок, поскольку позволят обеспечить быстрое получение, фиксацию и передачу процессуальной информации (ознакомление с протоколом судебного заседания, представленными жалобами, ходатайствами и прочими документами) и оперативно на них реагировать. Такие технологии призваны заменить рутинную работу и сделать процесс упорядоченным и прозрачным. Можно ожидать также повышение значения требования о непосредственности исследования доказательств, в особенности показаний,

как гарантии независимости суда от результатов предварительного расследования.

Примерно по такому пути идет и мировая практика. За последние 15–20 лет во многих государствах начался, а в некоторых уже завершен процесс перевода документооборота судов на электронные платформы. Успешно проходит процесс цифровизации в Турции, которая в 2012 г. получила премию ООН в области государственной службы за создание национальной электронной судебной системы UYAP, связавшей все судебные учреждения и обеспечившей электронный документооборот судебных процессов. По заявлению руководителя отдела информационных технологий Министерства юстиции Турции Сервет Гюль, с введением электронных технологий «судебная служба стала более быстрой, прозрачной и экономически эффективной»¹⁸. Дальнейшее совершенствование электронного правосудия Турция связывает с разработкой зарегистрированной электронной почты, портала правоохранительных органов, банка судебных данных, электронного залога и портала электронных продаж. В Италии процесс цифровизации начался с гражданского судопроизводства. Получив положительные результаты в виде ежегодной экономии судебных расходов в размере 55 млн евро при увеличении исковых обращений в суд на 25%, Министерство юстиции Италии продолжило работу по расширению системы электронного правосудия на уголовные дела¹⁹. В Мексике цифровизация судопроизводства началась в 2002 г. с введением «виртуального трибунала» по гражданским делам. Это электронная система, предоставляющая в любой точке мира доступ к любому судебному делу через специальное приложение. Раскрывая достоинства данной системы, Хуан Пабло Райгос, член судебного совета штата Гуэво-Леон в Мексике, подчеркнул, что «виртуальный трибунал сводит к минимуму вероятность коррупции, ускоряет судопроизводство и позволяет рассматривать большее число дел с меньшим числом сотрудников»²⁰.

¹⁸ Online justice: why courts should explore emerging digital possibilities (Онлайн-правосудие: почему суды должны изучать новые цифровые возможности). URL: <https://www.theguardian.com/public-leaders-network/2017/jan/16/online-justice-courts-explore-digital-possibilities>

¹⁹ См.: Law Ministry in process of digitising 14,000 courts for fast tracking of pending cases (Министерство юстиции в процессе оцифровки 14 000 судов для быстрого отслеживания незавершенных дел). URL: <https://www.opindia.com/2018/04/law-ministry-in-process-of-digitising-14000-courts-for-fast-tracking-of-pending-cases/>

²⁰ Panel discussion on “E-justice: sharing national experiences in enhancing transparency, effectiveness and access to justice” in New York on 1 June 2016 (Материалы дискуссионного форума на тему «Электронное правосудие: повышение прозрачности, эффективности и доступа к правосудию». Нью-Йорк, 1 июня 2016 г.). URL: <https://www.un.org/ruleoflaw/blog/2016/06/e-justice-sharing-national-experiences-in-enhancing-transparency-effectiveness-and-access-to-justice/>

Возвращаясь к российскому судопроизводству, следует отметить, что в сложной системе судебной деятельности можно выделить те ее формы, осуществление которых с удаленным участием сторон, активно внедряемым в мировую практику судопроизводства, не отразится негативно на качестве судебной деятельности. Таковыми являются кассационное и надзорное производства, а также процедура возобновления дела ввиду новых и вновь открывшихся обстоятельств. Именно для этих производств технологии удаленного доступа особенно актуальны ввиду удаленности кассационных и надзорной инстанций от мест нахождения осужденных как факторов, обуславливающих их высокую стоимостную и временную затратность.

Легкость решения о проведении заседания кассационного или надзорного суда с использованием ВКС обеспечивается также особенностью его процедуры: требование обязательного участия только прокурора, допуск осужденного, оправданного и защитника лишь при условии заявления соответствующего ходатайства. Добавим, что именно это обстоятельство, позволяющее обоснованно критиковать положения ч. 2 ст. 401¹³ УПК РФ за ограничение принципа состязательности, в том числе и в тех случаях, когда рассматривается вопрос об изменении приговора к худшему, преодолимо именно с помощью видеотехнологий, которые обеспечивают реализацию права стороны защиты быть выслушанной судом, принимающим решение, выслушать и оспорить аргументы прокурора.

Еще одним фактором в пользу судебных заседаний с удаленным участием является отсутствие необходимости непосредственного исследования доказательств. Например, проведение заседаний в форме предварительного слушания. Формально в предварительном слушании, проводимом в связи с ходатайством об исключении недопустимых доказательств, в качестве свидетелей могут быть допрошены лица, которым что-либо известно об обстоятельствах производства следственных действий или изъятия и приобщения к делу документов (ч. 8 ст. 234 УПК РФ), однако даже если такая практика где-то имеет место, количественно она явно незначительна (нам о таких случаях неизвестно). Суды, как правило, и не без оснований, оставляют такие ходатайства без рассмотрения до судебного разбирательства, поскольку для их объективного разрешения зачастую требуется всестороннее исследование не одного, а ряда доказательств, связанных с тем, об исключении которого заявлено ходатайство. Можно ожидать, что это положение ст. 234 УПК РФ рано или поздно постигнет судьба ее же ч. 6, которая предусматривала возможность допроса свидетеля по вопросу об алиби и была исключена еще в 2006 г.

Режим видеоконференцсвязи в состоянии обеспечить эффективное рассмотрение уголовного дела в особом порядке (гл. 40, 40¹, 23¹ УПК РФ) ввиду отсутствия судебного следствия. По тем же причинам к полному переходу на дистанционное взаимодействие с участниками уголовного процесса готовы судебные процедуры, проводимые в соответствии со ст. 108, 125 и 165 УПК РФ. При этом те участники, идентификация которых не требуется или не вызывает затруднений, могут с успехом использовать и личные средства web-связи. Впрочем, механизм удаленного взаимодействия с судами органов расследования и адвокатских образований, а значит, и взаимодействующих с ними физических лиц, может и, очевидно, должен решаться иначе.

Развитие технологий видеоконференции требует обновления правового регулирования. Обеспечивая доступность правосудия, они также способствуют активной реализации участниками уголовного процесса правовых возможностей, что может привести к переосмыслению некоторых процессуальных институтов. В частности, может утратить или снизить актуальность т.н. заочное судебное производство, поскольку возможность дистанционного участия лица, обвиняемого в преступлении небольшой и средней тяжести (ч. 4 ст. 247 УПК РФ), да и пребывающего за пределами Российской Федерации (ч. 5 ст. 247 УПК РФ), если он не скрывается от правосудия, нивелирует сложности личной явки. В полной мере на видеоконференцпроцедуры может перейти судебная деятельность по решению вопросов, связанных с исполнением приговора.

Названные выше виды судебной деятельности отличаются от собственно судебного разбирательства значительно более формализованной сущностью. Они не только не требуют, но и не допускают непосредственного допроса свидетелей, потерпевших, обвиняемых, экспертов, поскольку в них решается вопрос о наличии формальных оснований для принятия правоприменительного решения, сведения о которых представлены суду в письменном виде, а доступ к ним должен быть обеспечен всем участникам процедуры. И даже в случаях, предусмотренных гл. 32¹, 40 и 40¹ УПК РФ, суд, постановляя обвинительный приговор, решает, строго говоря, вопрос о доказанности обвинения, доверяясь позиции прокурора, утвердившего итоговый обвинительный документ, и заявлению обвиняемого, который обвинение не оспаривает.

Главный объект проверки и оценки в таких процедурах — соблюдение соответствующих требований уголовно-процессуального закона, чем и объясняется допустимость различных форм дистанционного участия заинтересованных лиц, которое вполне обеспечивает реализацию права каждого из них довести до сведения суда свою позицию

по рассматриваемому вопросу, изложить свои аргументы.

Не исключаем применение режима удаленного доступа и к общему порядку судебного разбирательства, обеспеченного ввиду значимости и последствий принимаемого решения (приговора) технической возможностью видеозаписи судебного заседания. Это как минимум снижает риск искажения записи показаний допрашиваемых лиц в протоколе и обеспечивает возможность непосредственного исследования апелляционным судом доказательств без повторного допроса, если, разумеется, видеозапись не свидетельствует о нарушении процедуры. Основное внимание при переходе на такой режим работы приходится на соблюдение гарантий прав соответствующих участников уголовного процесса и аутентификации личности на основе известных и апробированных технологий. Считаем, что дальнейшее изучение этой тематики приведет к пересмотру существующего порядка судебного рассмотрения преступлений небольшой или средней тяжести, по которым отсутствует спор по вопросу о вине. Для данной категории уголовных дел вполне уместно использование т.н. онлайн-заседаний, позволяющих минимизировать судебные расходы при соблюдении гарантированных законом прав и свобод участников.

Последнее направление цифровизации судопроизводства самое экзотическое, так как связано с использованием искусственного интеллекта при рассмотрении уголовных дел. Сможет ли машина заменить человека в принятии решения по уголовному делу и требуется ли такая замена? С технической стороны никаких проблем нет. Составить программу, способную учитывать различные аспекты и факторы в поведении человека, сопоставить их с юридической квалификацией деяния и подвести к определенному решению о виновности или невиновности лица, гипотетически и даже практически возможно. Уже в полную меру действуют такие программы в административной практике, в части привлечения к административной ответственности за совершение правонарушения, зафиксированного видеокамерой. Но насколько эта технология применима в уголовном судопроизводстве?

Л.А. Воскобитова, рассматривая проблемы совместимости уголовного судопроизводства и цифровых технологий, справедливо отмечает, что риск судебных и следственных ошибок значительно вырастает, если процессуальные решения и действия будут осуществляться машиной, запрограммированной и действующей на принципах предельного упрощения и формализации информации²¹. Полагаем, что такой вопрос вообще не должен ставиться,

когда речь идет о преступлениях и наказании. Учитывая тяжесть обвинения и суровость уголовной ответственности, только человек должен решать вопрос о виновности другого лица в совершении преступления.

Заключение

Представляется очевидным, что цифровизация должна превратить уголовный процесс в более технологичный, четко структурированный, алгоритмичный, в идеале — более рациональный, желательное, еще и более эффективный вид государственной деятельности. Цифровые онлайн-платформы, обеспечивающие электронный документооборот отдельно в досудебной и судебной частях процесса, а также электронное взаимодействие множества участников уголовного процесса, способны значительно уменьшить субъективный элемент в процессуальной деятельности и ту часть ошибок, которые порождаются недостатками знаний, опыта и профессиональной деформацией, поскольку необходимая информация будет «подказана» соответствующими модулями, предоставляющими пользователю целесообразный выбор решения.

Цифровые платформы, обеспечивающие электронный документооборот, позволят в режиме реального времени осуществлять контрольные и надзорные полномочия, быстро согласовывать и утверждать процессуальные решения, исправлять в них ошибки без возвращения составителю, доводить принятые решения до сведения соответствующих участников уголовного процесса. Применение цифровых технологий, как справедливо отметил Л.В. Головкин, является «локальной оптимизацией уголовного процесса»²², потребует внесения существенных, в том числе концептуальных, изменений в Уголовно-процессуальный кодекс РФ. Правовое регулирование уголовно-процессуальной деятельности в итоге должно стать более строгим, не допускающим разночтений в истолковании терминов. Это значит, что при переходе уголовного процесса на более технологичный уровень следует решить некоторые давно назревшие проблемы правового регулирования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреева О.И. К вопросу о перспективах развития уголовного процесса в условиях цифровизации общественных отношений // В сб.: Судебная реформа в современной России: результаты, проблемы и перспективы: материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 100-летию Кубанского государственного университета / отв. ред. В.А. Семенов. Краснодар, 2020. С. 11–18.
2. Андреева О.И., Зайцев О.А. Электронный формат уголовного судопроизводства в Республике Казахстан // Юри-

²¹ См.: Воскобитова Л.А. Указ. соч. С. 94.

²² Головкин Л.В. Указ. соч. С. 15–25.

- дический вестник Кубанского гос. ун-та. 2019. № 1. С. 34–40.
3. Белоносов В.О. Об уголовно-процессуальном законодательстве в современных условиях // Юридический вестник Самарского ун-та. 2020. Т. 6. № 4. С. 67–71.
 4. Белоносов В.О. Правовые проблемы уголовно-процессуального законодательства на современном этапе // Правовые проблемы укрепления российской государственности: сб. ст. Томск, 25–27 января 2018 года / науч. ред. О.И. Андреева, Т.В. Трубникова. Томск, 2018. С. 27–34.
 5. Воскобитова Л.А. Уголовное судопроизводство и цифровые технологии: проблемы совместимости // Lex russica (Русский закон). 2019. № 5 (150). С. 91–104.
 6. Гладышева О.В. Цифровизация уголовного судопроизводства и проблемы обеспечения прав его участников // Юридический вестник Кубанского гос. ун-та. 2019. № 1. С. 31–34.
 7. Головкин Л.В. Цифровизация в уголовном процессе: локальная оптимизация или глобальная революция // Вестник экономической безопасности. 2019. № 1. С. 15–25.
 8. Гришин Д.А. Совершенствование применения информационных технологий в досудебных стадиях уголовного судопроизводства // Вестник Московского ун-та МВД России. 2019. № 3. С. 119–122.
 9. Далгалы Т.А. К вопросу о системе электронных уголовных дел: опыт зарубежных стран // Вестник РНУ. Сер. «Человек и общество». 2020. № 2. С. 152–155.
 10. Загвоздкин Н.Н. Автоматизированное рабочее место следователя: проблемы разработки и внедрения в практику // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2016. № 1 (9). С. 82.
 11. Зайцев О.А. Основные направления развития уголовно-процессуального законодательства в условиях цифровизации // Вестник Московского ун-та МВД России. 2020. № 3. С. 18–20.
 12. Зуев С.В., Никитин Е.В. Информационные технологии в решении уголовно-процессуальных проблем // Всероссийский криминологический журнал. 2017. Т. 11. № 3. С. 41–52.
 13. Концепция построения уголовного судопроизводства, обеспечивающего доступ к правосудию в условиях развития цифровых технологий (ГАС «Доступ к правосудию») / отв. ред. Л.Н. Масленникова. М., 2022. С. 185, 212–217.
 14. Макарова О.В. Совершенствование судопроизводства путем внедрения электронной формы уголовного дела // Журнал рос. права. 2019. № 2 (266). С. 159–168.
 15. Малышева О.А. О необходимости отказа от дознания как процессуальной формы расследования // Актуальные проблемы рос. права. 2020. Т. 15. № 9 (118). С. 80–92.
 16. Масленникова Л.Н. К вопросу о политическом значении цифровизации досудебного производства в уголовном процессе // Вестник Московского ун-та МВД России. 2020. № 3. С. 34–36.
 17. Масленникова Л.Н. Трансформация досудебного производства в начальный этап уголовного судопроизводства, обеспечивающий доступ к правосудию в эру Industry 4.0 // Актуальные проблемы рос. права. 2019. № 6 (103). С. 137–146.
 18. Махов В.Н. Заменить стадию возбуждения уголовного дела на стадию полицейского дознания // Закон и право. 2016. № 2. С. 27–29.
 19. Мешков М.В., Гончар В.В. Уголовно-процессуальная деятельность в стадии возбуждения уголовного дела: проблемы правового регулирования // Мировой судья. 2015. № 4. С. 14–18.
 20. Разумовская Е.А. Назначение и возможности программного комплекса «автоматизированное рабочее место следователя» // Криминалист. 2008. № 1. С. 63–65.
 21. Сержантова Л.А. Электронное судопроизводство как ответная мера на пандемию в 2020 году // Судебная власть и уголовный процесс. 2021. № 1. С. 126–130.
 22. Цоколова О.И., Безруков С.С., Куприянов Е.И. Актуальные проблемы восстановления утраченных уголовных дел // Росс. юстиция. 2018. № 5. С. 24–30.
 23. Юркевич М.А. Применение судом видеотехнологий в уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021.
 24. Юркевич М.А. Цифровое уголовное судопроизводство: какой процесс нас ждёт в ближайшем будущем, и о чем нельзя забывать в погоне за всеобщей диджитализацией // Вопросы рос. и междунар. права. 2020. Т. 10. № 5-1. С. 54–56.
 25. Online justice: why courts should explore emerging digital possibilities. URL: <https://www.theguardian.com/public-leaders-network/2017/jan/16/online-justice-courts-explore-digital-possibilities>
 26. Panel discussion on “E-justice: sharing national experiences in enhancing transparency, effectiveness and access to justice” in New York on 1 June 2016. URL: <https://www.un.org/ruleof-law/blog/2016/06/e-justice-sharing-national-experiences-in-enhancing-transparency-effectiveness-and-access-to-justice/>

REFERENCES

1. Andreeva O.I. On the prospects for the development of the criminal process in the conditions of digitalization of public relations // In the collection: Judicial reform in modern Russia: results, problems and prospects: materials of the International Scientific and Practical Conference dedicated to the 100th anniversary of the Kuban State University / ed. by V.A. Sementsov. Krasnodar, 2020. P. 11–18 (in Russ.).
2. Andreeva O.I., Zaitsev O.A. Electronic format of criminal proceedings in the Republic of Kazakhstan // Legal Herald of the Kuban State University. 2019. No. 1. P. 34–40 (in Russ.).
3. Belonosov V.O. On criminal procedural lawmaking in modern conditions // Legal Herald of the Samara University. 2020. Vol. 6. No. 4. P. 67–71 (in Russ.).
4. Belonosov V.O. Legal problems of criminal procedural lawmaking at the present stage // Legal problems of strengthening Russian statehood: collection of Art. Tomsk, January 25–27, 2018 / scientific eds. O.I. Andreeva, T.V. Trubnikova. Tomsk, 2018. P. 27–34 (in Russ.).
5. Voskobitova L.A. Criminal proceedings and digital technologies: compatibility problems // Lex russica (Russian Law). 2019. No. 5 (150). P. 91–104 (in Russ.).
6. Gladysheva O.V. Digitalization of criminal proceedings and problems of ensuring the rights of its participants // Legal

- Herald of the Kuban State University. 2019. No. 1. P. 31–34 (in Russ.).
7. *Golovko L. V.* Digitalization in criminal proceedings: local optimization or global revolution // Bulletin of Economic Security. 2019. No. 1. P. 15–25 (in Russ.).
 8. *Grishin D. A.* Improving the use of information technologies in the pre-trial stages of criminal proceedings // Herald of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. No. 3. P. 119–122 (in Russ.).
 9. *Dalgaly T. A.* On the issue of the system of electronic criminal cases: the experience of foreign countries // Herald of the RNU. Ser. “Man and society”. 2020. No. 2. P. 152–155 (in Russ.).
 10. *Zagvozdkin N. N.* Automated workplace of the investigator: problems of development and implementation in practice // Siberian criminal procedural and criminalistic readings. 2016. No. 1 (9). P. 82 (in Russ.).
 11. *Zaitsev O. A.* Main directions of development of criminal procedure legislation in the conditions of digitalization // Herald of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. No. 3. P. 18–20 (in Russ.).
 12. *Zuev S. V., Nikitin E. V.* Information technologies in solving criminal procedural problems // All-Russian Criminological journal. 2017. Vol. 11. No. 3. P. 41–52 (in Russ.).
 13. The concept of building criminal proceedings that provide access to justice in the context of the development of digital technologies (GAS “Access to justice”) / res. ed. L. N. Maslennikova. M., 2022. P. 185, 212–217 (in Russ.).
 14. *Makarova O. V.* Improving judicial proceedings by introducing an electronic form of a criminal case // Journal of Russ. law. 2019. No. 2 (266). P. 159–168 (in Russ.).
 15. *Malysheva O. A.* On the need to abandon the inquiry as a procedural form of investigation // Actual problems of Russ. law. 2020. Vol. 15. No. 9 (118). P. 80–92 (in Russ.).
 16. *Maslennikova L. N.* On the question of the political significance of digitalization of pre-trial proceedings in criminal proceedings // Herald of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. No. 3. P. 34–36 (in Russ.).
 17. *Maslennikova L. N.* Transformation of pre-trial proceedings into the initial stage of criminal proceedings, providing access to justice in the era of Industry 4.0 // Actual problems of Russ. law. 2019. No. 6 (103). P. 137–146 (in Russ.).
 18. *Makhov V. N.* To replace the stage of initiation of a criminal case with the stage of a police inquiry // Law and law. 2016. No. 2. P. 27–29 (in Russ.).
 19. *Meshkov M. V., Gonchar V. V.* Criminal procedural activity at the stage of initiation of a criminal case: problems of legal regulation // Justice of the Peace. 2015. No. 4. P. 14–18 (in Russ.).
 20. *Razumovskaya E. A.* Purpose and capabilities of the software package “automated workplace of the investigator” // Criminalist. 2008. No. 1. P. 63–65 (in Russ.).
 21. *Sergeantova L. A.* Electronic legal proceedings as a response to the pandemic in 2020 // Judicial power and criminal procedure. 2021. No. 1. P. 126–130 (in Russ.).
 22. *Tsokolova O. I., Bezrukov S. S., Kupriyanov E. I.* Actual problems of restoration of lost criminal cases // Russ. Justice. 2018. No. 5. P. 24–30 (in Russ.).
 23. *Yurkevich M. A.* Application of video technologies by the court in criminal proceedings: dis. ... PhD in Law. M., 2021 (in Russ.).
 24. *Yurkevich M. A.* Digital criminal proceedings: what process awaits us in the near future, and what should not be forgotten in the pursuit of universal digitalization // Questions of Russ. and International Law. 2020. Vol. 10. No. 5–1. P. 54–56 (in Russ.).
 25. Online justice: why courts should explore emerging digital possibilities. URL: <https://www.theguardian.com/public-leaders-network/2017/jan/16/online-justice-courts-explore-digital-possibilities>
 26. Panel discussion on “E-justice: sharing national experiences in enhancing transparency, effectiveness and access to justice” in New York on 1 June 2016. URL: <https://www.un.org/ruleof-law/blog/2016/06/e-justice-sharing-national-experiences-in-enhancing-transparency-effectiveness-and-access-to-justice/>

Сведения об авторах

ВЕРШИНИНА Светлана Ивановна — доктор юридических наук, доцент, директор Института права Тольяттинского государственного университета; 445020 г. Тольятти, ул. Белорусская, д. 14
ORCID: 0000-0002-3501-3632

ЛАЗАРЕВА Валентина Александровна — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Самарского национального исследовательского университета им. акад. С. П. Королева; 443086 г. Самара, Московское шоссе, д. 34
ORCID: 0000-0003-2725-9517

Authors' information

VERSHININA Svetlana I. — Doctor of Law, Associate Professor, Director of the Institute of Law at Togliatti State University; 14 Belorusskaya str., 445020 Togliatti, Russia

LAZAREVA Valentina A. — Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics, Academician S. P. Korolev of Samara National Research University; 34 Moscovskoe Highway, 443086 Samara, Russia

КРИЗИСНЫЕ СИТУАЦИИ В ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ СИСТЕМЕ, РАЗМЫШЛЕНИЯ О ПОНЯТИИ И ФАКТОРАХ ВОЗНИКНОВЕНИЯ

© 2023 г. С. А. Хохрин

НИИ ФСИН России, г. Москва

E-mail: hohrinsa@yandex.ru

Поступила в редакцию 29.07.2022 г.

Аннотация. Статья посвящена исследованию факторов, в результате которых может возникнуть кризисная ситуация в пенитенциарных учреждениях, а также формирование понятия кризисной ситуации применительно к уголовно-исполнительной системе. Обнаруженные факторы предложено разделить на две группы. В первую входят природные и техногенные факторы, во вторую — факторы, относящиеся к пенитенциарной преступности.

Ключевые слова: кризисная ситуация, пожары, пенитенциарная преступность, осужденные, сотрудники, исправительные учреждения, подтопления, уровень преступности, угрозы, жизнь, здоровье.

Цитирование: Хохрин С.А. Кризисные ситуации в пенитенциарной системе, размышления о понятии и факторах возникновения // Государство и право. 2023. № 7. С. 111–119.

DOI: 10.31857/S102694520021306-7

CRISIS SITUATIONS IN THE PENITENTIARY SYSTEM, REFLECTIONS ON THE CONCEPT AND FACTORS OF APPEARANCE

© 2023 S. A. Khokhrin

Research Institute of the Federal Penitentiary Service, Moscow

E-mail: hohrinsa@yandex.ru

Received 22.07.2022

Abstract. The article is devoted to the study of factors as a result of which a crisis situation may arise in penitentiary institutions, as well as the formation of the concept of a crisis situation in relation to the penitentiary system. As part of the consideration of factors, it is proposed to divide into two groups. The first includes natural and man-made factors, the second includes factors related to penitentiary crime.

Key words: crisis situation, fires, penitentiary crime, convicts, employees, correctional institutions, flooding, crime rate, threats, life, health.

For citation: Khokhrin, S.A. (2023). Crisis situations in the penitentiary system, reflections on the concept and factors of appearance // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 7, pp. 111–119.

Постепенное развитие уголовного и уголовно-исполнительного законодательства обеспечивает формирование неаддитивного характера уголовно-исполнительной системы, которая в большей степени старается быть направлена на социализацию человека после отбывания наказания и принятие мер, обеспечивающих отсутствие рецидива.

В ст. 13 Закона РФ от 21 июля 1993 г. № 5473-І (с изм. и доп.) «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы»¹ перечислены обязанности и права пенитенциарных учреждений. На наш взгляд, наиболее значимой обязанностью, с учетом проводимого исследования, можно назвать «создание условий для обеспечения правопорядка и законности, безопасности осужденных, а также персонала и иных лиц». Права для такого обеспечения предоставлены достаточно широкие — от проведения оперативно-розыскной деятельности, организации и обеспечения режима содержания, трудоустройства осужденных с учетом их трудоспособности и по возможности специальности до перевода осужденных с целью безопасности в другие учреждения.

Поэтому возникновение кризисных ситуаций в деятельности территориального органа ФСИН России неизменно приведет к негативным последствиям в конкретных учреждениях и дополнительно окажет отрицательное отношение общества на функционирование уголовно-исполнительной системы (УИС) в целом.

Осложнение обстановки в учреждении уголовно-исполнительной системы (далее — УИС) принято характеризовать различными терминами, такими как «экстремальные ситуации», «чрезвычайные ситуации», «чрезвычайные обстоятельства», «чрезвычайное положение», которые неизменно характеризуются режимом особых условий. В зарубежной научной литературе и обиходной лексике в качестве синонима терминов «экстремальная ситуация» и «чрезвычайная ситуация» используется термин «кризис», или «кризисная ситуация»². Схожей позиции по данному вопросу придерживалась и О.Л. Дубовик, которая считала, что новые черты и тенденции, присущие экстремальным ситуациям, усматриваются в кризисе³.

Введение режима особых условий и установленных законодателем ограничений регламентируется

ст. 85 УИК РФ, вышеуказанным Законом РФ от 21 июля 1993 г. № 5473-І, а также ст. 8 Федерального закона от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений»⁴.

Введение режима особых условий в исправительном учреждении приводит к нарушению его нормального функционирования, изменяется режим работы сотрудников и ограничиваются права осужденных⁵.

Формируя понятие кризисной ситуации, необходимо учитывать: оценку произошедшего события; следствие события или совокупности событий; воздействие на событие преднамеренных, непреднамеренных и смешанных юридических фактов; последствия таких юридических фактов, которые всегда влекут за собой негативные изменения качества объекта воздействия, выражающиеся в чем-либо.

Значительное расхождение формулировок понятийного аппарата предполагает необходимость научной дискуссии.

Ключевым понятием, применяемым федеральными органами исполнительной власти при предупреждении природных и техногенных катастроф, является понятие чрезвычайной ситуации, которое было сформулировано впервые во Временном положении о Государственной общесоюзной системе по предупреждению и действиям в чрезвычайных ситуациях, введенном Постановлением Совета Министров СССР от 15 декабря 1990 г. № 1282⁶, — определенная обстановка на объекте или определенной части территории (акватории), сложившаяся в результате аварий, катастроф, стихийных и экологических бедствий, эпидемий, эпизоотии и эпифитотий, которая может привести или уже привела к значительному ущербу, человеческим жертвам и нарушению условий жизнедеятельности.

Мнения исследователей можно разделить на две группы: к первой отнесутся те, кто рассматривает рассматриваемое понятие через категорию «состояние»⁷, вторую группу объединяет описание

⁴ См.: СЗ РФ. 1995. № 29, ст. 2759.

⁵ Статьями 88–97 УИК РФ регламентируется, что на территории исправительных учреждений приостанавливаются проведение свиданий, получение посылок и передач осужденными, выезд осужденных за пределы учреждения, ограничена деятельность производственных, коммунально-бытовых, культурно-просветительных и иных служб. График несения службы сотрудников переводится на усиленный вариант несения службы.

⁶ В официальных источниках опубликовано не было.

⁷ Организация управления в уголовно-исполнительной системе: учеб.: в 3 т. Т. 3: Специальная часть / под общ. ред. В.У. Ялунина; науч. ред.: В.М. Анисимков, Б.Б. Казак, Н.П. Барабанов. Рязань, 2003. С. 405.

¹ См.: Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 33, ст. 1316; СЗ РФ. 2023. № 1 (ч. I), ст. 37.

² *Hohenemaer Gh., Kater R.W., Slovic P.* The nature of Technological Hazard // *Science*. 1983. April 22. No. 220. P. 379; *Kaplan S., Garrik B.J.* On the Quantitative Definition of Risk // *Journal Risk Analyze*. 1981. No. 12. P. 12.

³ См.: *Дубовик О.Л.* Механизм действия права в чрезвычайных ситуациях // Обеспечение безопасности населения и территорий (организационно-правовые вопросы). М., 1994. С. 4, 5.

чрезвычайной ситуации как особой обстановки с учетом определенной территории⁸. На наш взгляд, указанные подходы не исключают друг друга, поскольку позволяют взглянуть на одну и ту же проблему с разных позиций.

С точки зрения лексического значения в словарях понятие «чрезвычайный» характеризуется как «не предусмотренный обычным течением дел, вызванный исключительными обстоятельствами; экстренный», а понятие «ситуация» (франц. *situation* < ср.-лат. *situation* — положение) — как совокупность обстоятельств, положений, обстановки⁹. Трактовка термина «обстановка» подразумевает условия существования кого-нибудь, чего-нибудь. Следовательно, можно сформулировать вывод о том, что это синонимы.

Заметим, что и УИС в целом, и исправительные учреждения в частности выступают самостоятельными объектами охраны, которые согласно положениям науки уголовного права представляют собой публичные отношения, обуславливающие функционирование социальной общности людей, общества как такового и государства.

Термин «пенитенциарная преступность» активно применяется в работах по уголовно-правовым, криминологическим, психологическим, социологическим направлениям. Необходимо также отметить, что во многих учебниках по криминологии такой вид преступности либо не рассматривается, либо просто называется, а в нормах упоминание о пенитенциарной преступности отсутствует, хотя в юридической литературе указывалось на необходимость выделения отдельной группы пенитенциарных преступлений в действующем уголовном законодательстве¹⁰.

Для указанного вида преступности характерны определенные особенности: территориальные ограничения, так как они могут совершаться только в местах дислокации пенитенциарных учреждений, где установлены режимные требования, или в специальном транспорте при конвоировании осужденных или перевозке сотрудников; ограниченный круг преступлений, которые могут быть отнесены к категории пенитенциарных, характеризуются степенью повышенной опасности; совершаются специальными субъектами; совершению значительного количества преступлений

в пенитенциарных учреждениях способствует повышению психологической напряженности, агрессии, возникновению конфликтных ситуаций, у осужденных пропадает объективное состояние защищенности, нарушаются жизненно важные и иные интересы, происходит повышение криминогенных факторов мест лишения свободы.

Рассматривая непосредственно понятие «кризисная ситуация», необходимо отметить, что в толковых словарях русского языка разъяснений рассматриваемого термина не содержится. В некоторых словарях значение слова «кризисный (кризисная)» происходит от «понятия “кризис” и означает резкое изменение, крутой перелом в чем-нибудь, затруднительное, тяжелое положение, обострение политического положения (применительно к деятельности государства)»¹¹.

В процессе изучения термина «кризисная ситуация» в нормативных актах он встречался в ряде модельных законов, международных договорах, общегосударственных и ведомственных нормативных актах Российской Федерации. Так, например, в соглашении о взаимодействии пограничных войск государств — участников Содружества Независимых Государств при возникновении кризисных ситуаций на внешних границах (Москва, 17 мая 1996 г.) под «кризисной ситуацией» понимается совокупность военно-политических и социальных конфликтов, которые дестабилизируют положение на участках внешней границы и требуют коллективных мер по ее стабилизации»¹².

Понятие «кризисная ситуация» встречается и в других нормативных правовых актах. Все они характеризуются схожей позицией, что под кризисной ситуацией понимаются обстоятельства (обстановка), возникшие из-за нарушения нормального функционирования и создающие непосредственную угрозу жизни и безопасности людей. В проанализированных документах указывается, что возникновение кризисной ситуации в первую очередь приводит к нарушению нормального функционирования учреждения, ухудшению управленческих функций и неспособности сотрудников управлять происходящими процессами. В результате всего этого может возникнуть угроза безопасности населения.

Проведя анализ понятийного аппарата, применяемого в международных, общегосударственных и ведомственных нормативных актах Российской Федерации, применительно к рассматриваемому

⁸ См.: Василькевич Я. В. Чрезвычайные ситуации: определение и сущность // Проблемы безопасности при чрезвычайных ситуациях: реферативный сб. М., 1991. Вып. 9. С. 116.

⁹ См.: Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1993. С. 597.

¹⁰ См.: Казаков Ю. Н. Психолого-акмеологическая сущность экстремальных ситуаций в деятельности муниципальных служащих // Муниципальная служба: правовые вопросы. 2008. № 4. С. 5, 6.

¹¹ Организация управления в уголовно-исполнительной системе: учеб.: в 3 т. Т. 3: Специальная часть / под общ. ред. В. У. Ялунина; науч. ред.: В. М. Анисимков, Б. Б. Казак, Н. П. Барабанов. С. 405.

¹² См.: Росс. газ. 1996. 22 июня.

понятию необходимо выделить определенные закономерности.

К первой закономерности следует отнести ограниченную территорию происходящих событий. По масштабу отмечаются события локального характера, муниципального характера, межмуниципального характера, регионального характера, межрегионального характера, федерального характера. Например, в УИС это — пенитенциарное учреждение и прилегающая (режимная) территория.

Вторая закономерность — это перечень событий или источники, в результате которых могут возникать чрезвычайные или кризисные ситуации. Они могут быть природными, техногенными, социальными (криминальными) и смешанными.

Следовательно, под кризисной ситуацией в уголовно-исполнительной системе понимается обстановка на территории пенитенциарного учреждения, сложившаяся в результате природного явления, техногенной катастрофы, совершенного преступления, при которой возникают нарушения условий жизнедеятельности людей, человеческие жертвы, значительные материальные потери, требующая привлечения специальной объединенной группировки сил и средств федеральных органов исполнительной власти, действующих в рамках возложенных полномочий под единым руководством.

При рассмотрении вопросов, связанных с изучением причин возникновения кризисных ситуаций в деятельности учреждений УИС, необходимо уделить особое внимание факторам, в результате которых они возникают.

Под понятием фактора (от лат. *factor* — делающий, производящий) понимается «движущая сила какого-либо процесса или причина, определяющая его характер или отдельные его черты»¹³. В Словаре русского языка под «фактором понимается также момент, существенное обстоятельство в каком-нибудь процессе, явлении»¹⁴.

Следовательно, фактор — это явление, в результате которого возникает другое явление. Значение данных факторов определяется тем, что они часто есть первопричина их возникновения в указанной сфере, а также позволяют принять меры по их профилактике или нивелированию последствий на более ранней стадии — стадии предупреждения введения режима особых условий, в случае же наступления последних — применять

более эффективные меры по разрешению конфликтных ситуаций в рассматриваемой сфере. Результаты анализа ведомственных документов свидетельствуют, что в целом ряде случаев факторы возникновения кризисных ситуаций на территории пенитенциарных учреждений можно разделить на две группы: к первой относятся факторы природного и техногенного характера; вторая группа факторов — криминогенные ситуации, складывающиеся в местах лишения свободы.

Уделяя внимание факторам кризисной ситуации, возникающей в результате событий природного или техногенного характера, необходимо учитывать специфику и особенности функционирования исправительных учреждений. К указанным особенностям можно отнести: наличие на объектах режимных ограничений, в результате чего учреждения находятся под вооруженной охраной, а в отношении осужденных осуществляется надзор, активно используются ТСОИ; разделение внутренней территории объекта на локальные участки с целью обеспечения изоляции осужденных и недопущение их свободного перемещения; наличие вероятности осложнения оперативной обстановки и совершения дезорганизации деятельности исправительного учреждения со стороны осужденных, побега, массовых беспорядков и иных преступлений при возникновении чрезвычайной ситуации природного или техногенного характера; трудность проведения аварийно-спасательных работ в исправительных учреждениях силами, не входящими в систему ФСИН России; существование правовых и организационных сложностей при проведении эвакуации осужденных из исправительных учреждений в случае возникновения чрезвычайной ситуации; нежелание, а зачастую боязнь сотрудников взять ответственность за принимаемые действия, необходимость согласования своих действий с руководством территориальных органов ФСИН России.

Анализ информационных сообщений о происшествиях в учреждениях УИС позволяет сформулировать вывод, что среди факторов природного характера особо угрожающими для нормальной деятельности пенитенциарных учреждений являются шквалистые ветры (ураганы), наводнения (паводки) и пожары. Проведя анализ статистических данных и донесений по фактам их возникновения в период с 2015 по 2021 г., поступивших из территориальных органов ФСИН России, можно выделить количество указанных природных катаклизмов, в результате которых возникают чрезвычайные ситуации в УИС. В свою очередь, это позволит представить примерную картину динамических показателей зарегистрированных пожаров и причинение ущерба в результате стихийного бедствия за указанный период (*график 1*).

¹³ Сов. энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. 4-е изд., испр. и доп. М., 1989. С. 1412.

¹⁴ Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / под общ. ред. Л. И. Скворцова. 28-е изд., перераб. М., 2015. С. 736.

График 1

Анализируя приведенные показатели, необходимо отметить, что если статистические данные по фактам возникновения пожаров в территориальных органах ФСИН России ведутся и анализируются, то информацию о чрезвычайных ситуациях природного характера можно получить только в результате анализа донесений территориальных органов ФСИН России, в которых указывается факт причинения ущерба или перевода несения службы на усиленный вариант, так как официальная статистика по данному вопросу не ведется.

Проведенный нами опрос сотрудников учреждений УИС позволяет утверждать, что сотрудники ответственно относятся к чрезвычайным ситуациям природного характера и считают их угрозой для нормальной деятельности исправительных учреждений. При этом по степени угрозы сотрудники располагают в следующей последовательности: шквалистые ветры (ураганы) – 41.5%, наводнения (паводки) – 22.6%, пожары – 94.7%, техногенные ЧС (выбросы токсичных веществ, взрывы на предприятиях, газо- и нефтепроводах, обрушения конструкций) – 18.5%, иные природные ЧС – 32.7%. Показатели позволяют констатировать, что основной угрозой для деятельности исправительных учреждений сотрудники считают нарушение пожарной безопасности на территории учреждения.

Официально опубликованные данные позволяют констатировать, что в период с 2015 по 2021 г. пожары допущены в 80 территориальных органах ФСИН России и трех образовательных организациях ФСИН

России. При этом лидерами этой статистики являются территориальные органы ФСИН России по республикам Коми (13 случаев), Саха (Якутия) (11 случаев), Пермскому краю (20 случаев), Свердловской (15 случаев), Иркутской (13 случаев) областям.

Анализ донесений и обзоров, поступивших в территориальные органы ФСИН России в 2015–2021 гг., основные виды причин и условий возникновения пожаров на территории пенитенциарных учреждений можно разделить на группы.

К первой группе относится человеческий фактор. Его можно условно разделить на две подгруппы, первая связана с формализмом со стороны сотрудников УИС (видимости организации и проведения работы), в результате которого повышается вероятность возникновения пожаров. К этой подгруппе предлагаем отнести:

формальное выполнение приказа Федеральной службы исполнения наказаний от 30 марта 2005 г. № 214 «Об утверждении Правил пожарной безопасности на объектах учреждений и органов Федеральной службы исполнения наказаний»¹⁵ при проведении обследований объектов УИС по выполнению требований противопожарного режима сотрудниками пожарно-технических комиссий учреждений территориальных органов ФСИН России, соблюдение правил пожарной безопасности сотрудниками учреждений УИС;

¹⁵ См.: Ведомости УИС. 2008. № 1–3.

создание видимости организации работы по изучению сотрудниками учреждений УИС указаний, инструкций, рекомендаций по обеспечению противопожарной безопасности, даже теми лицами, для которых обеспечение данной безопасности является обязанностью;

неспособность получать информацию о негативных процессах в среде осужденных и желании спецконтингента совершить поджог, неудовлетворительная работа с осужденными, поставленными на профилактический учет;

несвоевременное направление руководством учреждений и территориальных органов ФСИН России на повышение квалификации работников, ответственных за обеспечение пожарной безопасности;

формальный подход к проведению практических занятий по обеспечению пожарной безопасности в учреждениях УИС, инструктажей по противопожарной безопасности с вновь прибывшими работниками или осужденными, к выполнению пунктов планов мероприятий обеспечения противопожарного режима учреждений УИС;

недостаточная работа со стороны руководства учреждений и территориальных органов ФСИН России по комплектованию ведомственной пожарной охраны.

К подгруппе человеческого фактора, связанного с действиями осужденных, включаются умышленные поджоги со стороны подозреваемых, обвиняемых и осужденных; нарушение правил пожарной безопасности со стороны подозреваемых, обвиняемых и осужденных.

Довольно крупной группой, в результате чего возникают пожары, является нарушение техники противопожарной безопасности со стороны как осужденных, так и сотрудников: нарушение правил проведения пожароопасных работ; нарушение правил хранения и использования горюче-смазочных материалов; нарушение правил курения в специально отведенных для этого местах; нарушение правил эксплуатации печного и электрооборудования, горючих материалов; неосторожное обращение с огнем.

Третья группа, в результате чего могут возникнуть возгорания, — технические причины пожаров, в которые предлагаем включить: неисправности или сбои в работе оборудования автоматической пожарной сигнализации; неисправность электронагревательных и электроосветительных приборов; износ проводной и кабельной продукции; самовоспламенение веществ и материалов.

Четвертая группа — возникновение пожаров от внешних источников, находящихся за пределами пенитенциарных учреждений, или благодаря стихийным причинам.

Перечень факторов, в результате которых может возникнуть пожар на территории пенитенциарного учреждения, не является исчерпывающим, в юридической литературе¹⁶ есть работы, позволяющие значительно расширить указанный перечень.

Рассматривая следующие факторы природного и техногенного характера, при которых возникают кризисные ситуации, необходимо отметить половодье, паводки и подтопление пенитенциарных учреждений.

«Половодье — это фаза водного режима реки, характеризующаяся наибольшей в году водностью, высоким и длительным подъемом уровня. Половодье повторяется ежегодно, в один и тот же сезон, с различной интенсивностью и продолжительностью.

Паводок — быстрый, сравнительно кратковременный подъем уровня воды в каком-либо фиксированном створе реки, завершающийся почти столь же быстрым спадом. В отличие от половодья паводки могут случаться в любое время года, возникают нерегулярно. Величина поднятия уровня воды при паводке в отдельных случаях может превышать уровень половодья.

Наводнение — затопление водой местности и населенных пунктов, расположенных выше ежегодно затапливаемой поймы, которое может произойти в результате подъема уровня воды в реке, озере или море»¹⁷.

В литературе основные причины наводнений и подтоплений перечислены в определении этого понятия, данном в Большом энциклопедическом словаре¹⁸. Так, указывается, что явления возникают от «обильного и сосредоточенного притока воды в результате снеготаяния, дождей или вследствие загромождения русла льдом (весной) или шугой (осенью), других прочих природных и техногенных факторов». Мы согласны с мнением А.Е. Асarina, который к причинам относил «халатность и ошибки при эксплуатации гидроузлов и разрушении (прорыве) напорного фронта гидротехнических сооружений, обрзающих водохранилище»¹⁹.

¹⁶ См.: *Смирнов А.М.* Причины и условия нарушения правил пожарной безопасности в учреждениях уголовно-исполнительной системы // *Дневник науки.* 2019. № 11 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <http://dnevniknauki.ru/images/publications/2019/11/law/Smirnov.pdf>

¹⁷ Методические рекомендации по планированию, подготовке и проведению эвакуации населения, материальных и культурных ценностей в безопасные районы (утв. МЧС России, 2005 г.). URL: <https://www.mchs.gov.ru/dokumenty/2143>

¹⁸ См.: БЭС. СПб., 1999.

¹⁹ *Асарин А.Е.* Речные наводнения: причины и последствия. Что можно и нужно сделать // *Инф. сб. ЦСИ ГЗ МЧС.* 2001. № 10. С. 416–427.

При наводнениях и подтоплениях в пенитенциарных учреждениях в первую очередь страдают инженерно-технические средства охраны (ИТСО). При наводнениях, затоплениях возможно возникновение вторичных факторов возникновения кризисных ситуаций: массовых беспорядков и дезорганизации деятельности исправительных учреждений со стороны осужденных, повышается вероятность совершения побега, ведь в эти периоды отключают ИТСО. Возрастает вероятность пожаров (вследствие обрывов и короткого замыкания электрических кабелей и проводов); обрушения жилых зданий, где проживают осужденные, могут возникнуть массовые заболевания осужденных.

Еще одна угроза, могущая создать кризисную ситуацию, — шквалистый ветер или ураганы, в результате которых разрушаются инженерные средства охраны, сносятся легкие строения, обрываются провода и валятся столбы ЛЭП и связи, повреждаются административные здания, пропадает связь с территориальным органом ФСИН России и пенитенциарным учреждением, ломаются и вырываются с корнями деревья, происходят аварии на коммунально-энергетических сетях в жилых зонах и на производстве.

Возникновение шквалистого ветра или урагана тесно связано с возможностью возникновения факторов криминального характера, в результате чего может возникнуть кризисная ситуация. Именно неудовлетворительное состояние инженерно-технических средств охраны и средств охранного телевидения

Факторы криминального характера, в результате которых возникает кризисная ситуация, в силу особенностей представляет собой сложный механизм, связанный с исполнением наказания в виде лишения свободы. Необходимо учитывать, что любое преступление, совершенное в пенитенциарном учреждении, оказывает негативное влияние на состояние работы и обстановки в учреждении и может привести к кризисной ситуации. В соответствии с официально опубликованными статистическими данными в 2021 г. количество осужденных в учреждениях за совершение особо тяжких преступлений выросло более чем на 15% и достигло показателей почти 50% осужденных, количество осужденных за тяжкие преступления превысило 40%, а например, доля впервые осужденных, попавших в учреждение в 2010 г., составляла 48.3%, доля лиц, имеющих три и более судимости, в это время составляла 27.1%, но уже в 2020 г. доля впервые осужденных составляла 38.0%, а доля лиц, имеющих три и более судимости, — 40.2%²⁰.

В то же время ситуация с преступностью в местах лишения свободы остается сложной. С одной стороны, наблюдается снижение общего количества выявленных преступлений в исправительных учреждениях в 2011 и 2014 гг., относительно стабильные показатели в периоды 2012–2013 и 2015–2017 гг., затем, начиная с 2017 г. происходит рост показателей зарегистрированных преступлений на территории учреждений УИС (график 2).

График 2

на объектах пенитенциарной системы не позволяет в полной мере контролировать обстановку на территории пенитенциарного учреждения.

²⁰ См.: Статистические данные ФСИН России. URL: <http://фсин.пф/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20harka%20UIS/> (дата обращения: 08.02.2020).

Отметим, что темпы уменьшения численности спецконтингента не влияют на количество совершаемых преступлений на территории исправительных учреждений, а наоборот, приводят к их увеличению: если за период 2010–2021 гг. общее количество осужденных сократилось на 44%, то число противоправных деяний, совершаемых осужденными, увеличилось на 24.3%.

Рассматривая структуру преступлений, совершаемых в пенитенциарных учреждениях, предлагаем разделить их на группы: к первой отнести традиционные пенитенциарные преступления; ко второй — преступления, посягающие на жизнь и здоровье, далее преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков, и иные составы преступлений.

Группа традиционных пенитенциарных преступлений представлена ст. 313, 321 и 314 УК РФ. В целях определения устойчивых тенденций нами был проведен ее обобщенный анализ за несколько лет. Как видно, в силу специфики условий отбывания наказаний осужденными среди совершаемых ими преступлений распространены такие общественно опасные деяния, как совершение побегов из мест лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи — ст. 313 УК РФ (13.1%), дезорганизация нормальной деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, — ст. 321 УК РФ (20.0%), уклонение от отбывания лишения свободы — ст. 314 УК РФ (1.7%).

В совокупности удельный вес числа зарегистрированных преступлений исследуемого вида составил 33% от общего количества совершаемых осужденными преступлений.

Группа преступлений, посягающих на жизнь и здоровье осужденных, совершенных на территории исправительных учреждения и следственных изоляторов, представлена ст. 105, 107–109, 111–114, 118 УК РФ. Самым распространенным преступлением является ст. 111 УК РФ — 4.2%, ст. 112 УК РФ — 2.6%, ст. 113 УК РФ не превышает 0.1%, по ст. 114 УК РФ — 0.1%, по ст. 118 УК РФ — 0.4%.

Группа преступлений, объединяющая незаконный оборот наркотических средств и иных составов преступлений осужденных, — 53.1% от общего количества.

* * *

Подводя итоги, можно сформулировать несколько выводов.

При изучении факторов кризисной ситуации, возникающей в результате событий природного или техногенного характера, необходимо учитывать специфику и особенности функционирования исправительных учреждений.

При общей тенденции снижения количества субъектов пенитенциарной преступности отмечается рост удельного веса совершаемых преступлений. Процессы криминализации осужденных негативно сказываются на нормальной деятельности пенитенциарных учреждений, и, как следствие, происходит увеличение вероятности возникновения кризисных ситуаций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Асарин А.Е.* Речные наводнения: причины и последствия. Что можно и нужно сделать // Инф. сб. ЦСИ ГЗ МЧС. 2001. № 10. С. 416–427.
2. БЭС. СПб., 1999.
3. *Василькевич Я.В.* Чрезвычайные ситуации: определение и сущность // Проблемы безопасности при чрезвычайных ситуациях: реферативный сб. М., 1991. Вып. 9. С. 116.
4. *Дубовик О.Л.* Механизм действия права в чрезвычайных ситуациях // Обеспечение безопасности населения и территорий (организационно-правовые вопросы). М., 1994. С. 4, 5.
5. *Казаков Ю.Н.* Психолого-акмеологическая сущность экстремальных ситуаций в деятельности муниципальных служащих // Муниципальная служба: правовые вопросы. 2008. № 4. С. 5, 6.
6. *Ожегов С.И.* Толковый словарь русского языка / под общ. ред. Л.И. Скворцова. 28-е изд., перераб. М., 2015. С. 736.
7. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 1993. С. 597.
8. Организация управления в уголовно-исполнительной системе: учеб.: в 3 т. Т. 3: Специальная часть / под общ. ред. В.У. Ялунина; науч. ред.: В.М. Анисимков, Б.Б. Казак, Н.П. Барабанов. Рязань, 2003. С. 405.
9. *Смирнов А.М.* Причины и условия нарушения правил пожарной безопасности в учреждениях уголовно-исполнительной системы // Дневник науки. 2019. № 11 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <http://dnevniknauki.ru/images/publications/2019/11/law/Smirnov.pdf>
10. Сов. энциклопедический словарь / гл. ред. А.М. Прохоров. 4-е изд., испр. и доп. М., 1989. С. 1412.
11. *Hohenemaer Gh., Kater R.W., Slovic P.* The nature of Technological Hazard // Science. 1983. April 22. No. 220. P. 379.
12. *Kaplan S., Garrik B.J.* On the Quantitative Definition of Risk // Journal Risk Analyze. 1981. No. 12. P. 12.

REFERENCES

1. *Asarin A.E.* River floods: causes and consequences. What can and should be done // Inf. sb. TSSI GZ MCHS. 2001. No. 10. P. 416–427 (in Russ.).
2. Large Encyclopedic Dictionary. SPb., 1999 (in Russ.).

3. *Vasilkevich Ya. V.* Emergency situations: definition and essence // Problems of safety in emergency situations: abstract collection. M., 1991. Issue 9. P. 116 (in Russ.).
4. *Dubovik O.L.* The mechanism of law in emergency situations // Ensuring the security of the population and territories (organizational and legal issues). M., 1994. P. 4, 5 (in Russ.).
5. *Kazakov Yu. N.* Psychological and acmeological essence of extreme situations in the activities of municipal employees // Municipal service: legal issues. 2008. No. 4. P. 5, 6 (in Russ.).
6. *Ozhegov S.I.* Explanatory dictionary of the Russian language / under the general ed. of L.I. Skvortsov. 28th ed., rev. M., 2015. P. 736 (in Russ.).
7. *Ozhegov S.I., Shvedova N. Yu.* Explanatory dictionary of the Russian language. M., 1993. P. 597 (in Russ.).
8. Organization of management in the penal system: textbook: in 3 vols. 3: Special part / under General ed. V.U. Yalunin; scientific ed.: V.M. Anisimkov, B.B. Kazak, N.P. Barabanov. Ryazan, 2003. P. 405 (in Russ.).
9. *Smirnov A.M.* Causes and conditions of violation of fire safety rules in institutions of the penal system // Diary of Science. 2019. No. 11 [Electronic resource]. – Access mode: URL: <http://dnevniknauki.ru/images/publications/2019/11/law/Smirnov.pdf> (in Russ.).
10. Soviet Encyclopedic dictionary / ch. ed. A.M. Prokhorov. 4th ed., corrected and add. M., 1989. P. 1412 (in Russ.).
11. *Hohenemaer Gh., Kater R.W., Slovic P.* The nature of Technological Hazard // Science. 1983. April 22. No. 220. P. 379.
12. *Kaplan S., Garrik B.J.* On the Quantitative Definition of Risk // Journal Risk Analyze. 1981. No. 12. P. 12.

Сведения об авторе

ХОХРИН Сергей Александрович — кандидат юридических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела изучения проблем управления и реформирования уголовно-исполнительной системы Центра изучения проблем управления и организации исполнения наказаний в уголовно-исполнительной системе НИИ ФСИН России; 125130 г. Москва, ул. Нарвская, д. 15а

Authors' information

KHOKHRIN Sergey A. — PhD in Law, Associate Professor, Senior Researcher of the Department for the Study of Problems of Management and Reform of the Penal System of the Center for the Study of Problems of Management and Organization of the Execution of Sentences in the Penal System of the Research Institute of the Federal Penitentiary Service; 15a Narvskaya str., 125130 Moscow, Russia

ПРАВОВАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ
И РЕЛИГИОЗНАЯ МЫСЛЬ

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ГОСУДАРСТВА В УЧЕНИИ П.А. КРОПОТКИНА

© 2023 г. А. Н. Тимонин

Уфимский университет науки и технологий

E-mail: tgp.bgu@mail.ru

Поступила в редакцию 08.11.2022 г.

Аннотация. Этактогенетические воззрения П.А. Кропоткина, пульсируя от фактора к фактору, не отличались четко выраженным монизмом. При всей волатильности состава факторов государствообразования приоритетными неизменно оставались элитарные потребности и цели, насильственная деятельность элитарных групп, прежде всего воинских, по отношению к городским и сельским общинам. В том же направлении, преследуя те же цели, что и воины, действовали судьи и легисты, использовавшие для обеспечения формирующегося политического господства элит римско-византийское право. Хотя идея о военном происхождении всех европейских государств эпохи модерна менее заметна в конструкции факторов государствообразования, нежели в концепте «военных государств», она, по сути, — убедительное свидетельство их насильственной природы. При такой трактовке процесса государствообразования этактогенетическая концепция П.А. Кропоткина представляет собой не судебную или же правовую концепцию происхождения государства, а особую версию теории насилия.

Ключевые слова: анархизм, насилие, государство, государство модерна, происхождение государства, происхождение государств модерна, военное происхождение государств модерна, этактогенетическая концепция, теория насилия, факторы государствообразования.

Цитирование: Тимонин А.Н. Происхождение государства в учении П.А. Кропоткина // Государство и право. 2023. № 7. С. 120–128.

DOI: 10.31857/S102694520025952-8

THE ORIGIN OF THE STATE IN THE STUDIES OF P.A. KROPOTKIN

© 2023 A. N. Timonin

Ufa University of Science and Technology

E-mail: tgp.bgu@mail.ru

Received 08.11.2022

Abstract. The etatogenetic views of P.A. Kropotkin, pulsating from factor to factor, did not differ in clearly expressed monism. Despite the volatility of the composition of the factors of state formation, elite needs and goals, violent activity of elite groups, primarily military, in relation to urban and rural communities, have always remained a priority. In the same direction, pursuing the same goals as the soldiers, judges and legists acted, using Roman-Byzantine law to ensure the emerging political domination of the elites. Although the idea of the military origin of all European states of the modern era is less noticeable in the construction of factors of state formation than in the concept of “military states”, it is, in essence, a convincing evidence of their violent nature. With this interpretation of the process of state formation, P.A. Kropotkin’s etatogenetic concept is not a judicial or legal concept of the origin of the state, but a special version of the theory of violence.

Key words: anarchism, violence, the state, the modern state, the origin of the state, the origin of the modern states, the military origin of modern states, etatogenetic concept, the theory of violence, factors of state formation.

For citation: Timonin, A.N. (2023). The origin of the state in the studies of P.A. Kropotkin // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 7, pp. 120–128.

Несмотря на бесспорные успехи, достигнутые в процессе изучения этатогенетических воззрений русского анархиста, в трудах ученых-юристов до сих пор встречаются отдельные неточности, пробелы, неадекватные интерпретационные модели. П.А. Кропоткин в них выглядит основоположником теории судейского и даже правового происхождения государства¹. Не претендуя на полное устранение отмеченных недостатков, считаем необходимым заново рассмотреть указанную проблематику, подвергнув её комплексному анализу.

П.А. Кропоткин сделал многое для того, чтобы сформировать подлинно научную основу анархизма. При этом он стремился показать широкой общественности, что взаимопомощь и добровольная кооперация столь же значимы для прогрессирующего развития человечества, как и агрессивность, стремление к господству и прочие негативные свойства человеческой природы, о которых так много писали Т. Гоббс, социал-дарвинисты и другие исследователи. По глубине и широте охвата объектов исследования творчество П.А. Кропоткина не знало себе равных в тогдашней анархистской среде. Не потеряли своего научного значения и результаты его личных путешествий по Восточной Сибири и Северной Маньчжурии, в ходе которых ему удалось познать не только животный мир каждого края, но и реальную жизнь коренных народов и русского крестьянства, специфику их взаимодействия друг с другом. Все это до сей поры остается недоступным любому кабинетному мыслителю.

Желание упорядочить терминологию приводит П.А. Кропоткина в абстрактную сферу, представленную такими парными понятиями, как «государство» и «общество», «государство» и «правительство». Уточняя соотношение первой категориальной пары, он напоминает широкой научной общественности о том, что общество гораздо старше государства, напоминает о первобытном образе жизни тех людей, которые тысячелетиями обходились без какого-либо государства. Поэтому всякое стремление к отождествлению указанных понятий в высшей степени ошибочно. Столь же ошибочно, по его мнению, смешение между собой понятий, составляющих вторую категориальную пару. Государство уже только тем отличается от правительства, что представляет собой такую территориальную организацию, которая немыслима без концентрации большинства или даже всех функций жизни общества в руках немногих. Впрочем, и подобное уточнение показалось П.А. Кропоткину недостаточным. Поэтому он особо подчеркивает мысль

о том, что «это характерное различие, ускользающее на первый взгляд, ясно выступает при изучении происхождения государства»². Но вместо того, чтобы освещать процесс возникновения исторически первых государств, появившихся на Древнем Востоке, он сконцентрировался на проблеме образования современных ему европейских государств.

П.А. Кропоткин предпосылает их появлению три догосударственных этапа. От дикого племени к сельской общине и, наконец, к вольному городу продвигалось человечество, добиваясь заветной цели — вершины своего цивилизационного развития. С её достижением на заключительном этапе догосударственного развития средневековой Европы здесь появляется цивилизация, заметно превосходящая цивилизацию, современную Кропоткину. Крушение блестящей цивилизации, созданной вольными городами, произошло, с его точки зрения, в результате войн, развязанных против вольных городов только что появившимися государствами. Хотя П.А. Кропоткин специально не останавливается на причинах столь позднего возникновения европейских государств, начало этого процесса он относит к XVI столетию, но все же дает понять, что своим появлением они обязаны союзу трех политических сил: военачальников, судей и священников. Соединенными усилиями «новые варвары» разрушили прежний миропорядок, созданный вольными городами, крушение которых означает, что вся Европа вступает в новый исторический период своего развития — в «государственный период». По этой же схеме П.А. Кропоткин в самом общем виде излагает политическую историю Древнего мира — всюду, будь то Египет, Азия, Греция или Рим, на смену вольным городам приходят империи, среди которых им особо выделяется Римская империя с её централизацией, романизацией, римским правом. Именно эта империя рассматривалась им в качестве подлинного государства.

Налицо гигантский хронологический разрыв между Римской империей и государствами раннего модерна, неизбежно возникающий в схеме классика анархизма. Он позволяет думать, что П.А. Кропоткин наряду с первичным возникновением государства выделял и «возрождение» государственности³. Правда, сам анархист предпочел оставить в стороне становление первичных государств и стал уделять основное внимание именно «возрождению» европейской государственности,

¹ См.: Ударцев С. Ф. Политическая и правовая теория анархизма в России: история и современность. Алматы, 1994. С. 167; Самигуллин В. К. Государство (общетеоретические очерки). Уфа, 2012. С. 24.

² Кропоткин П. А. Государство, его роль в истории / [Соч.] Петра Кропоткина; пер. под ред. авт. Женева, 1904. С. 4–6.

³ См.: Ударцев С. Ф. Кропоткин / отв. ред. Л. С. Мамут. М., 1989. С. 43.

полагая, что в этом случае «сущность государства станет нам совершенно ясной»⁴.

Помимо древнейших государств Востока, которых с легкой руки Мортон Фрида принято обозначать в качестве государств первичных, в современной науке вслед за тем же Фридом принято выделять и государства вторичные⁵, к которым могут быть отнесены и варварские королевства Европы, включая державу Рюриковичей. Но все без исключения политики раннего европейского средневековья русский анархист к государствам «в точном смысле слова» никогда не причислял. С учетом данного обстоятельства трудно признать обоснованным вывод, принадлежащий С.Ф. Ударцеву: «правовой элемент в объяснении происхождения государства у Кропоткина несколько превалирует». Столь же необоснованна его интерпретация точки зрения русского анархиста на «происхождение Древнерусского государства», которая представлена С.Ф. Ударцевым как «своеобразная правовая (или судебная) концепция происхождения государства»⁶. Последний вывод выглядит особенно странным потому, что, по Кропоткину, все варварские королевства Европы, застрявшие на стадии общинного быта, настоящими государствами так и не стали. Процесс их перерастания в деспотии, подобные государствам Востока, повсеместно был прерван «революцией XII века», в результате которой по всей Европе, включая и Русь, на смену одной догосударственной стадии пришла другая догосударственная стадия, представленная вольными городами⁷.

При таком подходе, когда термин «государство» выглядит явно избыточным применительно к любому варварскому королевству, включая Русь IX–XI вв., государству Древнерусскому и терминологически, и в содержательном отношении в концепции Кропоткина попросту не нашлось места. Поскольку проблема происхождения средневекового европейского государства вообще и Древнерусского в частности П.А. Кропоткиным никогда не ставилась и не разрешалась, все рассуждения обратного характера приводят только к искажению его этактогенетической концепции. Перед классиком анархизма, отрицавшим по определению любую средневековую европейскую государственность, стояла иная задача — продемонстрировать широкой общественности все преимущества догосударственного общинного строя, включая правовую жизнь эпохи раннего и зрелого Средневековья.

С этой целью обратившись к истории Руси, Кропоткин не мог обойти вниманием известную легенду о «призвании варягов». В одной из своих работ чисто в гипотетическом плане он предложил собственную интерпретацию хорошо известной летописной формулы: «Да поидѣте княжить и володѣти нами»⁸. Первая часть этой формулы, представленная словом «княжить», сводится у него к значению «быть военачальниками», вторую же — «володѣти» он счел искаженным вариантом датско-норвежского аналога “lovidati”, т.е. «давать закон» (love — закон)⁹, указывать закон, приложимый к данному случаю⁹. Но для того, чтобы словесный портрет Рюрика полностью соответствовал бы образу князя-мироотворца, сложившемуся в сознании классика анархизма, ему пришлось внести в собственную картину дополнительный штрих. Им стало логическое допущение столь же гипотетического свойства, как только что приведенная «догадка». В самой категоричной форме Кропоткин призывал своего читателя рассматривать предводителя воинственных норманнов, призванного новгородцами, в качестве лучшего знатока славянского обычного права. И это требование он распространял на всю «норманнскую семью». В результате подобной логической реконструкции статуса князя, призванного новгородцами, из его состава совершенно исчезли правительственные полномочия — их место было занято полномочиями судебного характера, а о судьбе функции военного предводительства Кропоткин предпочел умолчать. При таком подходе, когда вопреки летописным известиям и сообщениям восточных источников, прямо или косвенно повествующим об активизации военно-грабительской деятельности на Северо-Западе Руси, возглавленной Рюриком, значение одной из княжеских функций непомерно преувеличивается в ущерб другим, классик анархизма пришлось совершенно пренебречь фактической стороной дела. Например, сообщением Новгородской четвертой летописи: «И пришедь старѣшиною Рюрикъ сѣде въ Новѣгородѣ, а Сѣнеоусъ, братъ Рюриковъ, на Бѣлиозерѣ, а Труворъ вы Изборьсцѣ; и начаша воевати всюды»¹⁰.

С очередной странностью мы сталкиваемся и тогда, когда таким эрудированным автором, каким был П.А. Кропоткин, была проигнорирована

⁴ Кропоткин П.А. Указ. соч. С. 7.

⁵ См.: Fried M.H. The evolution of political society: An essay in political anthropology. New York, 1967. P. xi, 231, 235, 236, 240, 242 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://ru.b-ok.xyz/book/1237034/cc24a8> (дата обращения: 06.10.2022).

⁶ Ударцев С.Ф. Кропоткин / отв. ред. Л.С. Мамут. С. 47.

⁷ См.: Кропоткин П.А. Указ. соч. С. 22, 23.

⁸ Повесть временных лет / подгот. текста, пер., ст. и коммент. Д.С. Лихачева; под ред. В.П. Адриановой-Перетц; [Доп. М.Б. Свердлова]. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1996. С. 13.

⁹ См.: Кропоткин П.А. Взаимная помощь среди животных и людей как двигатель прогресса / пер. с англ. В.П. Батурина; под ред. авт. Вновь пересмотр. и доп. и с предисл. авт. к этому изд. Пб.; М., 1922. С. 159.

¹⁰ Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Археографическою комиссиею. Т. IV. Ч. I. Новгородская четвертая летопись. Пг., 1915. Вып. 1. С. 11.

этничность обычного права. Он совершенно пренебрег многочисленными свидетельствами о том, что наилучшими знатоками обычного права повсюду считались вовсе не чужеземцы, а свои собственные сородичи и соплеменники, принадлежавшие к старшему поколению. Учитывая изложенное, приходится признать, что мысль о норманнском превосходстве над славянами как в правопонимании, так и в применении славянского обычного права могла родиться только в голове ультранорманиста.

Конечно же, архаичная летописная лексика и столь же архаичная правовая терминология не раз попадали в поле зрения и других отечественных исследователей, среди которых всегда было немало норманистов. Не претендуя на полноту картины, ограничимся отдельными примерами. Так, давние сторонники пресловутой норманнской теории Е.А. Мельникова и В.Я. Петрухин в одной из своих статей приводят внушительный перечень древнейших славянских правовых терминов и формулировок. Среди них летописные формулировки: «володеть и рядить по ряду, по праву», «княжить и володеть» фигурируют без тех изменений, которые могли бы быть внесены в них в соответствии с «догадкой» П.А. Кропоткина¹¹.

В одной из монографий В.Я. Петрухин вновь подверг анализу лексику «варяжской легенды». В ней он пришел к выводу о том, что славянское право довольно активно воспринималось именно скандинавами¹². Следовательно, в работе В.Я. Петрухина ничто не указывает на превосходство скандинавов над славянами в познании славянского обычного права.

Историки-норманисты и русский анархист решали разные задачи: первые освещали процесс возникновения Древнерусского государства, второй же, используя контрастирующие сравнения, стремился продемонстрировать все преимущества «мирного» образа жизни варварских народов Европы, куда он включал и население Древней Руси. Решению этой задачи Кропоткин подчинил всё, включая источниковый материал. Именно этой установкой руководствовался он, осуществляя произвольные перестановки в летописных формулировках и выдвигая сугубо умозрительные гипотезы. Одним из результатов его произвольного конструирования стала гипотеза о судейском происхождении власти древнерусских князей и правителей варварских политий раннесредневековой Европы.

Такие политии в глазах П.А. Кропоткина выгодно отличались от всячески порицаемых им государств модерна уже тем, что государственным характером не обладали. Каким бы длительным ни был процесс государствообразования, как долго бы не эволюционировала власть правителей варварских королевств, прямая преемственность между ними и государствами эпохи модерна была невозможна уже потому, что они, по мысли Кропоткина, разнились между собой не только стадийно, но и типологически. Всей логикой своего повествования он подводит читателя к мысли о наличии полной цезуры — глубочайшего разрыва между двумя разнovidностями политий, отделенных друг от друга «полосой вольных городов». И эта мысль лишней раз свидетельствует в пользу того, что события и процессы эпохи раннего Средневековья в сознании классика анархизма напрямую не связывались с происхождением современных европейских государств. Не является исключением в этом плане и Древняя Русь, из всей первоначальной политической истории которой Кропоткиным особое внимание уделяется утверждению в её северо-западных пределах «миролюбивых» законодателей и судей, возглавивших точно такое же варварское политическое образование, какие существовали тогда по всей Европе.

Кстати, об этом совершенно недвусмысленно поведал сам П.А. Кропоткин, когда писал о том, что «государство есть форма общественной жизни, которая развилась только в XVI столетии». Поясняя свою мысль, он со всей определенностью отмечал: «Если же оно существует, несмотря на все, в учебниках истории, то это — продукт воображения историков, которые желали проследить родословное дерево французских королей до Меровингов, русских царей до Рюрика и т.д. При свете истинной истории оказывается, что современное государство образовалось только на развалинах средневековых городов»¹³. И это не случайная оговорка. Ибо он, порицая Герберта Спенсера, обозначавшего термином «государство» как раз те политии, которые в синхронно-стадийном отношении были близки Древней Руси и в которых еще не сформировались ни иерархическая организация власти, ни централизованная система управления, одновременно упрекал и тех ученых, кто относил к государствам «Галлию времен Меровингов», империю Чингисхана и вольные средневековые города, в том, что подобный подход «ведёт к совершенно неверным представлениям о жизни того времени»¹⁴.

¹¹ См.: Мельникова Е.А., Петрухин В.Я. «Ряд» легенды о призвании варягов в контексте раннесредневековой дипломатии // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исслед. 1990 г. М., 1991. С. 224.

¹² См.: Петрухин В.Я. Русь в IX–X веках. От призвания варягов до выбора веры. 2-е изд., испр. и доп. М., 2014. С. 165.

¹³ Кропоткин П.А. Современная наука и анархия / пер. с франц. под ред. авт. Пб.; М., 1920. С. 99.

¹⁴ Кропоткин П.А. Этика: избр. труды. М., 1991. С. 243 (Библиотека этической мысли).

Не менее важно помнить и о том, что, освещая движущие силы, породившие государство «в истинном смысле слова», П.А. Кропоткин вовсе не сводил их к одним лишь судьям. С его точки зрения, они входили в «тройственный союз», сложившийся «между военным вождем, судьей (наследником римских традиций) и священником», которые объединились «ради взаимного обеспечения своего господства». Именно им, как подчеркивает русский анархист, удалось создать «единую власть, которая стала повелевать обществом во имя интересов общества и в конце концов раздавила его»¹⁵. Легко заметить, что проблему возникновения государства, государства модерна, он решал с позиций теории насилия, которая совершенно несовместима с представлениями о мирном образовании государств, возникших в результате миротворческой деятельности судей. Неудивительно, что прямым результатом такого процесса (набегов и войн), по его мнению, стала трансформация свободных городских общин в государства военного типа. Их появление означало, что вся Европа вступила в новый исторический период — «в период военных государств, которые стремились “объединить”, т.е. подчинить все другие города одному королевскому или великокняжескому городу»¹⁶.

Само собой разумеется, что в таких условиях ни обычное право, ни судьи, его толковавшие и применявшие, не могли предотвратить заката и гибели некогда свободных городских общин. Так стоит ли вслед за С.Ф. Ударцевым и В.К. Самигуллиным обвинять русского анархиста в том, что он преувеличивал роль правового и судебного начал в процессе происхождения государства?

Гораздо ближе к истине С.Ф. Ударцев тогда, когда рассматривает взгляды П.А. Кропоткина на роль другого фактора государствообразования — солидарности, взаимопомощи, в их соотношении с солидаристским подходом, свойственным М.М. Ковалевскому. Исследователь русского анархизма, несомненно, прав, когда констатирует различие в трактовках исторической судьбы этого фактора на финальном этапе государствогенеза. В трактовке М.М. Ковалевского образование государства выглядело ярким воплощением эволюции солидарности, а для П.А. Кропоткина сам факт появления государства означал крушение былой взаимопомощи и солидарности некогда свободных людей и столь же свободных людских установлений.

Несомненной заслугой С.Ф. Ударцева является вовлечение в научный оборот архивного материала,

опираясь на который, он приводит весьма ценную цитату. Она открывается примечательной фразой: «Масса факторов способствовали появлению государства». Уже одна только эта фраза — свидетельство против монокаузальной трактовки государствогенеза. В перечне факторов фигурируют: «желание меньшинства воинов, законовладельцев, ученых и священников, которые хотели господствовать над массами», «необходимость обезопасить себя против нашествия чужестранцев». Замыкающим оказалось «римское право, т.е. византийское право, которое, в свою очередь, происходит от восточных деспотий», а предшествует ему «церковь, которая требовала повиновения власти»¹⁷.

Как видно, государство, по мысли Кропоткина, было порождено потребностями элитарных групп, среди которых судьи даже не упомянуты, зато на переднем плане фигурируют воины. С воинами, военным фактором у него связана и другая потребность — потребность в обеспечении безопасности населения от внешних угроз. Это обстоятельство объяснимо тем, что «весь XVI век» в глазах классика анархизма — «век резни и войн»¹⁸. Замыкающие перечень римское право и византийское право, объединенные в один фактор, — третьестепенны, подчинены реализации указанных потребностей. Поскольку в иерархии факторов, выстроенной самим Кропоткиным, правовому началу в его римско-византийском варианте уготовано самое последнее место, то, оставаясь в рамках данной иерархии, не может быть и речи о преувеличении им роли этого начала в процессе происхождения государства. Зато мысль о деспотических истоках византийского права, якобы восходящего своими историческими корнями только к государствам Востока, в свете современного знания выглядит явной карикатурой на правовую систему державы ромеев¹⁹.

Могут возразить, что в работе «Современная наука и анархия» можно обнаружить и несколько другую коалицию элитарных групп, представленную П.А. Кропоткиным в качестве союза, «заключенного между землевладельцем, воином, судьей и священником»²⁰. Видоизмененный состав правящих и господствующих групп приводится им и в другом месте: «Законодатель, поп, помещик и солдат, сомкнувшись в дружный союз вокруг трона, могли теперь снова продолжать свою гибельную

¹⁷ Ударцев С.Ф. Кропоткин / отв. ред. Л.С. Мамут. С. 49.

¹⁸ Кропоткин П.А. Хлеб и воля. Современная наука и анархия / вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. С.А. Мндоянца; предисл. Э. Реклю. С. 433.

¹⁹ См., напр.: Медведев И.П. Правовая культура Византийской империи. СПб., 2001.

²⁰ Кропоткин П.А. Современная наука и анархия / пер. с франц. под ред. авт. С. 99, 184.

¹⁵ Кропоткин П.А. Хлеб и воля. Современная наука и анархия / вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. С.А. Мндоянца; предисл. Э. Реклю. М., 1990. С. 423.

¹⁶ Там же. С. 429.

работу»²¹. Поскольку перечень «групп эксплуататоров», олицетворяющих самые разные «учреждения», варьируется на протяжении одной и той же работы, налицо незавершенность соответствующей каузальной схемы. Ей явно недостает стабильности, четкости и определенности. Показательно, что к числу «учреждений» П.А. Кропоткин относил не только суд и церковь, не только «военную власть», но и «капитализм». Постулируя между ними и государством «связь причины и следствия», он не раскрывал ни содержания понятия «капитализм», ни роли и места этого феномена в процессе государствообразования²².

Заметно обедняет концептуальные построения П.А. Кропоткина, лишает их возможности отражения вариативности общественно-политического развития европейских стран отсутствие их классификации. Трудami отечественных и зарубежных медиевистов тезис о многоплановости такого развития ныне получил признание широкой научной общественности. Примером тому может служить статья Т.Н. Таценко. Исследовательница проследила процесс трансформации германских территориальных княжеств в институционные государства, по мере прогресса которого в них возникали новые государственные органы: княжеский совет, казна и верховный суд. Датируя их появление первым десятилетием XVI в., она подчеркивает мысль о том, что «повсюду на главные роли выдвинулись компетентные служащие бюргерского происхождения». Это обстоятельство объясняется ею тем, что по всей Германии новым, специализированным государственным структурам были остро необходимы новые люди, обладающие новыми управленческими навыками, неведомыми немецкому дворянству. Помимо купцов, которых особенно много было в финансовых органах, где они абсолютно доминировали со второй половины XV в., формирующиеся институционные государства нуждались в услугах опытных юристов — знатоков римского права. Самые видные из них привлекались в качестве княжеских советников, иные становились судьями. В заключительной части рассматриваемой статьи помимо вывода о наметившейся уже в середине XVI в. интеграции «крупных чиновников бюргерского происхождения в среду дворянства» содержится позитивная оценка процесса региональной централизации в Германии. Важно и то, что автором проводится прямая аналогия с такого же рода процессами,

но происходящими на общегосударственном уровне, в Англии и во Франции²³.

Как видно, Германия, которая обычно тесно сопягается с понятием «вольный город», продемонстрировала миру пример успешного развития другой политической структуры — «территориального государства». Что же касается «вольных городов», то, несмотря на все первоначальные успехи, их дальнейшая эволюция не возымела в этой стране позитивной перспективы. Еще более показательна судьба итальянских городов, которые столетиями во многих отношениях опережали все остальные города Европы. Но история распорядилась так, что за былой прогресс городов-государств децентрализованной Италии пришлось заплатить высокую цену — веками мириться с вторжениями соседних держав и утратой былого лидерства.

В XX столетии к проблеме исторического генезиса европейских государств обращались многие исследователи, среди которых оказался и Чарльз Тилли. Уже из названия одной из его книг — «Принуждение, капитал и европейские государства, 990—1992 гг.», переведенной на русский язык, можно сделать вывод, что рассматриваемый им процесс не сводится к одному лишь военному фактору. Но на с. 121 этой книги читаем: «Война была пряхой, из рук которой вышел клубок европейских национальных государств, а их внутренняя структура сложилась в результате подготовки к войне. Решающими для этого процесса стали 1500-е гг.»²⁴. Та же самая картина обнаруживает себя в более ранних эссе Ч. Тилли, опубликованных им в составе коллективных монографий. В них автором освещается внушительный перечень факторов, повлиявших на возникновение государств модерна. Так, в заключительном эссе к одной из таких монографий им приводится десять подобных факторов, но комментируя характерное мнение Эккехарта Кrippендорфа, Тилли отмечает: «Как и большинство авторов этой книги, он рассматривает создание армий как причину создания государства, а не как простой симптом его возникновения». Какова же собственная точка зрения Ч. Тилли? Ответ им дается во вводимом эссе: «На международном уровне войны и военные поселения были великими созидателями европейской государственной системы в целом»²⁵.

²³ См.: Таценко Т.Н. Укрепление территориальной власти и развитие централизованного государственного управления в курфюршестве Саксонском во второй половине XV — первой половине XVI в. // Политические структуры эпохи феодализма в Западной Европе (VI—XVII вв.). Л., 1990. С. 112, 113, 117, 129.

²⁴ Тилли Чарльз. Принуждение, капитал и европейские государства, 990—1992 гг. / пер. с англ. Т.Б. Менской. М., 2009. С. 121.

²⁵ Tilly Charles. Western State-Making and Theories of Political Transformation; Reflections on the History of European State-Making // The Formation of National States in Western Europe /

²¹ Кропоткин П.А. Хлеб и воля. Современная наука и анархия / вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. С.А. Мндоянца; предисл. Э. Реклю. С. 431.

²² См.: Кропоткин П.А. Современная наука и анархия / пер. с франц. под ред. авт. С. 99.

Если бы не крайне негативная характеристика строителей государств модерна, которую Ч. Тилли обнаружил на страницах монографии «Возвращение государства», то можно было бы констатировать полную неизменность его позиции спустя и 10 лет. В статье, вошедшей во вторую часть этой монографии, он проводил прямую аналогию между преступной деятельностью криминальных организаций, вымогающих у собственников денежные средства в обмен на свою «защиту», и правительствами западноевропейских стран, облагающими население все новыми налогами и поборами. Раскрывая финансовый аспект проблемы формирования государств модерна, он учитывает и способность организаторов европейских государств убеждать владельцев крупных капиталов финансировать их военную деятельность. Проводя столь нелестную аналогию между государственным строительством и организованной преступностью, исследователь совершенно недвусмысленно давал понять, что европейские государственные деятели и генералы той эпохи запятнали себя неблагоприятными деяниями, но не пожелал заклеить их всех позором, определить их как «убийц или воров». Тем не менее Ч. Тилли расценивал такую аналогию как весьма ценную. Ибо она в отличие от альтернативных версий, базирующихся на теориях общественного договора и открытого рынка, «имеет гораздо большее сходство с фактами». Поэтому и в этой публикации Ч. Тилли с подчеркнутым вниманием констатирует «взаимозависимость ведения войны и создания государства» и настаивает на том, что именно «война создает государства»²⁶.

Картина, представленная американским социологом, гораздо сложнее и более продвинута, нежели концептуальные построения П.А. Кропоткина. В её основе геополитический, миросистемный и прочие современные подходы. Широко используя исторические данные по европейскому средневековью, Европе Нового времени, Ч. Тилли констатирует на этом континенте наличие множества самых разных средневековых государственных форм, непосредственно предшествующих государствам национальным, и выделяет несколько путей их формирования.

Для Ч. Тилли было важно показать, как при ведущей роли прямого и косвенного насилия на

политической карте Европы появились те государства, которые сегодня у всех на слуху. В отличие от П.А. Кропоткина он не позволял себе замыкаться на таких сугубо локальных явлениях, как сельская или городская община, и проводил свои исследования преимущественно на страновом уровне. Использование им довольно широкого набора факторов государствообразования — свидетельство в пользу осознания им преимуществ полифакторного подхода, но попытки его осуществления всякий раз осложнялись совместной реализацией двух насильственных начал — собственно «принуждения» и «военной доминанты», выраженной в тезисе о военном происхождении государств модерна. Их комбинация с другими факторами государствообразования и между собой могла меняться от страны к стране, но главным вектором по-прежнему оставалось насилие. При всей схожести позиций П.А. Кропоткина и Ч. Тилли, тяготеющих к теории факторов, но сохраняющих приверженность теории насилия, между ними обнаруживается существенное различие — американский социолог не был анархистом.

* * *

П.А. Кропоткину был присущ нескрываемый антиэтатизм, которому он подчинил все, включая свою периодизацию всемирной истории, согласно которой человечество практически на всем протяжении своей добуржуазной истории развивалось от общины к общине, прекрасно обходясь без государства. За пределами этой схемы оказались многие государства, в том числе Русь и королевство Меровингов, которые служат образцами тупикового развития, так и не достигшего стадии государства, а не примерами, подтверждающими правоту судебской (правовой) концепции происхождения государства. Поскольку в его творчестве периодически обнаруживает себя идея военного происхождения государства, постольку классик русского анархизма с теорией насилия никогда не порывал. Анализ показал, что данная идея с особой силой проявила себя в феномене «военных государств» и менее заметна в конструкции факторов государствообразования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Кропоткин П.А.* Взаимная помощь среди животных и людей как двигатель прогресса / пер. с англ. В.П. Батурицкого; под ред. авт. Вновь пересмотр. и доп. и с предисл. авт. к этому изд. Пб.; М., 1922. С. 159.
2. *Кропоткин П.А.* Государство, его роль в истории / [Соч.] Петра Кропоткина; пер. под ред. авт. Женева, 1904. С. 4–7, 22, 23.

by Charles Tilly. Princeton, New Jersey, 1975. P. 74, 622, 631, 632 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <http://book-szlibb74ugqojhzhg2a63w5i2atv5bqarulgcawnbmsb6s6qead.onion/book/948193/9e910f> (дата обращения: 13.09.2022).

²⁶ *Tilly Charles.* War Making and State Making as Organized Crime // *Bringing the State Back In* / ed. by Peter B. Evans, Dietrich Rueschemeyer, Theda Skocpol. New York, 1985. P. 169, 170 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <http://book-szlibb74ugqojhzhg2a63w5i2atv5bqarulgcawnbmsb6s6qead.onion/book/817236/a0814e>, 12.09.2022.

3. *Кропоткин П.А.* Современная наука и анархия / пер. с франц. под ред. авт. Пб.; М., 1920. С. 99, 184.
4. *Кропоткин П.А.* Хлеб и воля. Современная наука и анархия / вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. С.А. Мндоянца; предисл. Э. Реклю. М., 1990. С. 423, 429, 431, 433.
5. *Кропоткин П.А.* Этика: избр. труды. М., 1991. С. 243 (Библиотека этической мысли).
6. *Медведев И.П.* Правовая культура Византийской империи. СПб., 2001.
7. *Мельникова Е.А., Петрухин В.Я.* «Ряд» легенды о призвании варягов в контексте раннесредневековой дипломатии // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исслед. 1990 г. М., 1991. С. 224.
8. *Петрухин В.Я.* Русь в IX–X веках. От призвания варягов до выбора веры. 2-е изд., испр. и доп. М., 2014. С. 165.
9. Повесть временных лет / подгот. текста, пер., ст. и коммент. Д.С. Лихачева; под ред. В.П. Адриановой-Перетц; [Доп. М.Б. Свердлова]. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1996. С. 13.
10. Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Археологической комиссии. Т. IV. Ч. I. Новгородская четвертая летопись. Пг., 1915. Вып. I. С. 11.
11. *Самигуллин В.К.* Государство (общетеоретические очерки). Уфа, 2012. С. 24.
12. *Таценко Т.Н.* Укрепление территориальной власти и развитие централизованного государственного управления в курфюршестве Саксонском во второй половине XV – первой половине XVI в. // Политические структуры эпохи феодализма в Западной Европе (VI–XVII вв.). Л., 1990. С. 112, 113, 117, 129.
13. *Tilly Charles.* Принуждение, капитал и европейские государства, 990–1992 гг. / пер. с англ. Т.Б. Менской. М., 2009. С. 121.
14. *Ударцев С.Ф.* Кропоткин / отв. ред. Л.С. Мамут. М., 1989. С. 43, 47, 49.
15. *Ударцев С.Ф.* Политическая и правовая теория анархизма в России: история и современность. Алматы, 1994. С. 167.
16. *Fried M.H.* The evolution of political society: An essay in political anthropology. New York, 1967. P. xi, 231, 235, 236, 240, 242 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://ru.b-ok.xyz/book/1237034/cc24a8> (дата обращения: 06.10.2022).
17. *Tilly Charles.* War Making and State Making as Organized Crime // Bringing the State Back In / ed. by Peter B. Evans, Dietrich Rueschmeyer, Theda Skocpol. New York, 1985. P. 169, 170 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://bookszlibb74ugqojhzhg2a63w5i2atv5bqarulgczawnbmsb6s6qead.onion/book/817236/a0814e>, 12.09.2022.
18. *Tilly Charles.* Western State-Making and Theories of Political Transformation; Reflections on the History of European State-Making // The Formation of National States in Western Europe / by Charles Tilly. Princeton, New Jersey, 1975. P. 74, 622, 631, 632 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://bookszlibb74ugqojhzhg2a63w5i2atv5bqarulgczawnbmsb6s6qead.onion/book/948193/9e910f> (дата обращения: 13.09.2022).

REFERENCES

1. *Kropotkin P.A.* Mutual assistance among animals and people as an engine of progress / transl. from the English by V.P. Baturinsky; ed. by auth. Again rev. and add. and with the preface of the author to this ed. Petersburg; M., 1922. P. 159 (in Russ.).
2. *Kropotkin P.A.* The state, its role in history / [Essay] Peter Kropotkin; transl. ed. author. Geneva, 1904. P. 4–7, 22, 23 (in Russ.).
3. *Kropotkin P.A.* Modern science and anarchy / transl. from the French ed. author. Petersburg; M., 1920. P. 99, 184 (in Russ.).
4. *Kropotkin P.A.* Bread and freedom. Modern science and anarchy / introductory article, comp., text preparation and notes by SA. Mndoyants; preface by E. Reclu. M., 1990. P. 423, 429, 431, 433 (in Russ.).
5. *Kropotkin P.A.* Ethics: selected works. M., 1991. P. 243 (Library of Ethical Thought) (in Russ.).
6. *Medvedev I.P.* The legal culture of the Byzantine Empire. SPb., 2001 (in Russ.).
7. *Melnikova E.A., Petrukhin V. Ya.* “Row” legends about the vocation of the Varangians in the context of early Medieval diplomacy // The oldest states on the territory of the USSR. Materials and research. 1990. M., 1991. P. 224 (in Russ.).
8. *Petrukhin V. Ya.* Rus in the IX–X centuries. From the vocation of the Varangians to the choice of faith. 2nd ed., corrected and add. M., 2014. P. 165 (in Russ.).
9. The Tale of bygone years / text preparation, transl., art. and commentary by D.S. Likhachev; ed. by V.P. Adrianova-Peretz; [Additional by M.B. Sverdlov]. 2nd ed., corrected and expanded. SPb., 1996. P. 13 (in Russ.).
10. The Complete Collection of Russian Chronicles, published by the highest command of the Archeographic Commission. Vol. IV. Part I. Novgorod Fourth Chronicle. Pg., 1915. Issue 1. P. 11 (in Russ.).
11. *Samigullin V.K.* The State (general theoretical essays). Ufa, 2012. P. 24 (in Russ.).
12. *Tatsenko T.N.* Strengthening of territorial power and development of centralized state administration in the Electorate of Saxony in the second half of the XV – first half of the XVI century // Political structures of the feudal era in Western Europe (VI–XVII centuries.). L., 1990. P. 112, 113, 117, 129 (in Russ.).
13. *Tilly Charles.* Coercion, capital and European states, 990–1992 / transl. from English by T.B. Menskoi. M., 2009. P. 121 (in Russ.).
14. *Udartsev S.F.* Kropotkin / ed. by L.S. Mamut. M., 1989. P. 43, 47, 49 (in Russ.).
15. *Udartsev S.F.* Political and legal theory of anarchism in Russia: history and modernity. Almaty, 1994. P. 167 (in Russ.).
16. *Fried M.H.* The evolution of political society: An essay in political anthropology. New York, 1967. P. xi, 231, 235, 236, 240, 242 [Electronic resource]. – Access mode: URL: <https://ru.b-ok.xyz/book/1237034/cc24a8> (accessed: 06.10.2022).
17. *Tilly Charles.* War Making and State Making as Organized Crime // Bringing the State Back In / ed. by Peter B. Evans, Dietrich Rueschmeyer, Theda Skocpol. New York, 1985.

- P. 169, 170 [Electronic resource]. — Access mode: URL: <http://bookszlibb74ugqojhzhg2a63w5i2atv5bqarulgczawnbmsb6s6qead.onion/book/817236/a0814e>, 12.09.2022.
18. *Tilly Charles*. Western State-Making and Theories of Political Transformation; Reflections on the History of European State-Making // The Formation of National States in Western Europe / by Charles Tilly. Princeton, New Jersey, 1975. P. 74, 622, 631, 632 [Electronic resource]. — Access mode: URL: <http://bookszlibb74ugqojhzhg2a63w5i2atv5bqarulgczawnbmsb6s6qead.onion/book/948193/9e910f> (accessed: 13.09.2022).

Сведения об авторе

ТИМОНИН Анатолий Николаевич — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории государства и права Института права Уфимского университета науки и технологий; 450005 Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Достоевского, д. 131

Authors' information

TIMONIN Anatoly N. — Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Theory of State and Law of the Institute of Law, Ufa University of Science and Technology; 131 Dostoevskogo str., 450005 Republic of Bashkortostan, Ufa, Russia

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО
И ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

**БОЛЬШИЕ ДАННЫЕ И ПРАВА ЧЕЛОВЕКА:
НА ПУТИ К ПРАВОВОМУ РЕГУЛИРОВАНИЮ**

© 2023 г. Э. В. Талапина

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: talapina@mail.ru

Поступила в редакцию 09.01.2023 г.

Аннотация. В отсутствие общепризнанного определения больших данных их признаки описаны в современной литературе. Обработка больших данных пока находится вне зоны действия законодательства, поэтому наиболее значимую юридическую проблему представляет «соприкосновение» с персональными данными, в отношении которых правила уже установлены. Любые нарушения в этой сфере напрямую затрагивают права человека, особенно право на частную жизнь. Применительно к большим данным конфиденциальность (частная жизнь) все чаще рассматривается как экономическое право, а персональные данные — как имеющие экономическую ценность. Необходимость соблюдения права на конфиденциальность ставит субъекта данных в центр правовой конструкции законного доступа к персональным данным, который должен выразить информированное согласие на операции с персональными данными.

В условиях оборота больших данных необходимо подобрать более подходящую и динамичную модель информированного согласия. Хотя данные как таковые вряд ли могут быть собственностью, это не означает, что они не должны защищаться с помощью других механизмов, например, направленных на обеспечение подконтрольности и подотчетности. Именно развитие механизмов подконтрольности становится одним из главных направлений в регулировании больших данных.

Ключевые слова: конфиденциальность, информированное согласие, персональные данные, большие данные, цифровизация, алгоритм, искусственный интеллект.

Цитирование: Талапина Э. В. Большие данные и права человека: на пути к правовому регулированию // Государство и право. 2023. № 7. С. 129–138.

DOI: 10.31857/S102694520026812-4

BIG DATA AND HUMAN RIGHTS: TOWARD LEGAL REGULATION

© 2023 E. V. Talapina

*Institute of the State and Law of the Russian Academy of Science, Moscow**E-mail: talapina@mail.ru*

Received 09.01.2023

Abstract. In the absence of a universally accepted definition of Big Data, its attributes are described in the current literature. The Big Data processing is still outside the legal frameworks, so the most significant legal problem is the “contact” with personal data, for which rules have already been established. Any violations in this area directly affect Human Rights, especially the right to privacy. In the case of Big Data, privacy is increasingly seen as an economic right and personal data as having economic value. The need to respect the right to privacy puts the data subject at the center of the legal construction of legal access to personal data who expresses informed consent to operations with his personal data.

In the context of Big Data processing, it is necessary to select a more appropriate and dynamic model of informed consent. Although data as such is unlikely to be a right of property object, it should be protected through other mechanisms, such as those aimed at ensuring accountability. It is the development of accountability mechanisms that is becoming one of the main directions in the Big Data regulation.

Key words: privacy, informed consent, personal data, Big Data, digitalization, algorithm, artificial intelligence.

For citation: Talapina, E.V. (2023). Big Data and human rights: toward legal regulation // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 7, pp. 129–138.

Природа больших данных

Хотя точного определения больших данных не существует, их признаки хорошо описаны в современной литературе. Они заключаются в значительном увеличении объема данных, которые можно генерировать и хранить, в скорости, с которой данные могут быть предоставлены для принятия решений в режиме реального времени, в разнообразии форматов, в которых данные могут быть приняты. Исходя из этого, изначально преобладал подход, определяющий три ключевые характеристики больших данных (получивший наименование три “V”): большой объем (Volume), разнообразие данных (Variety), высокая скорость их изменения (Velocity). Затем выделили 4 “V” (Value – ценность данных) и 5 “V” (Veracity – достоверность данных): достоверность данных, связанная с определенными типами данных, а также возможность извлечения ценности путем определения того, что является ценным, а затем преобразования и извлечения для анализа. Соответственно, термин «большие данные» стал определяться через пять атрибутов, а именно: объем, скорость, разнообразие, достоверность и ценность.

Но удивительным образом дальнейшая практика и изучение больших данных открывают все новые характеристики, число которых теперь доводится до семи и даже восьми (Validation – проверка

данных)¹, изменчивость (Variability) и визуализация (Visualization)², возможно, это еще не предел. Такая динамика свидетельствует о громадном неизученном потенциале технологий, которые кумулируют как потенциальные выгоды для человечества, так и большие риски.

Большие данные далеко не однородны. Они собираются из разных источников, таких как открытые данные, социальные сети, интернет вещей, персональные данные, коммерческие транзакции и пр.³ Разнообразие больших данных не может не обострить потребность в их классификации. Причем в данном случае смысл такой классификации далеко не только теоретический, но и сугубо практический, поскольку позволяет выстроить в будущем системное регулирование в области использования больших данных. Интересную попытку систематизации содержит

¹ См.: Bagnoli V. Competition for the Effectiveness of Big Data Benefits // IIC – International Review of Intellectual Property and Competition Law. 2015. Vol. 46. P. 629–631; Fredriksson C., Mubarak F., Tuohimaa M., Zhan M. Big Data in the Public Sector: A Systematic Literature Review // Scandinavian Journal of Public Administration. 2017. Vol. 21(3). P. 39–61.

² См.: Rijmenam M. Why the 3V's Are Not Sufficient To Describe Big Data // Datafloq. URL: <https://datafloq.com/read/3vs-sufficient-describe-big-data/166> (дата обращения: 04.01.2023).

³ См.: Шаталова В.В., Лихачевский Д.В., Казак Т.В. Большие данные: как технологии BIG DATA меняют нашу жизнь // Big Data and Advanced Analytics. 2021. № 7-1. С. 189.

исследовательский отчет Управления Великобритании по конкуренции и рынкам о коммерческом использовании потребительских данных (2015)⁴. Несмотря на то что он касается отдельных секторов экономики (автострахование, розничная торговля и игровые приложения), в отчете была предпринята попытка дать представление о потребительских данных в качестве персональных и неперсональных данных, псевдонимных и агрегированных. В нем также рассматривались способы, с помощью которых собираются потребительские данные, — выводятся ли они, заявляются явным образом или собираются путем наблюдения за взаимодействиями пользователей.

Этот посыл весьма важен, поскольку показывает, насколько много граней у персональных данных и как легко эти грани преступить. Поведенческие данные, данные об использовании и содержании, данные об опыте, технические данные и данные о местоположении — все это подкатегории персональных данных, хотя и косвенные, по сравнению с более прямыми, или очень чувствительными, персональными данными. Агрегированные данные относятся к категории данных, вытекающих из любой из вышеперечисленных категорий⁵.

С юридической точки зрения необходимо отметить, что из всего перечисленного многообразия лишь персональные данные регулируются законодательством. Большие данные, которые не содержат непосредственно идентифицируемых персональных данных или данных, которые могут быть объединены с другими данными для идентификации личности, не подпадают под законодательство о защите данных. В итоге создается ситуация неурегулированности использования больших данных. Поэтому в принципе большие данные могут бесконтрольно использоваться в деятельности коммерческих и государственных организаций, что и происходит. Помимо сомнительной законности обогащения риски коммерческого использования персональных данных включают в себя профилирование и ограниченный доступ к продуктам и услугам в связи с соответствующим профилированием. В качестве некоего ограничителя могут выступать этические требования, существующие в некоторых отраслях, но это, во-первых, не обязывает юридически, а во-вторых, распространяется на весьма ограниченные сферы.

Таким образом, наиболее заметные юридические проблемы лежат в плоскости «соприкосновения» персональных данных, обращение с которыми уже длительное время хорошо отрегулировано, и больших данных, оборот которых находится вне зоны действия законодательства.

Кроме того, зачастую сложность представляет сама **квалификация данных в качестве персональных**. Иногда неличные, казалось бы, данные (переменные данные, не являющиеся персональными, — данные о местоположении (геолокация) или метаданные, основанные на использовании телефонных услуг) могут быть использованы для извлечения персональных данных.

В некоторых случаях квалификация данных в качестве персональных зависит от цели использования, которую непросто доказать. Например, европейское Руководство по обработке персональных данных посредством видеоаппаратуры от 29 января 2020 г.⁶ устанавливает, что лицо, использующее персональное устройство или экшн-камеру, прикрепленную к спортивному снаряжению, для записи действий во время отпуска, может быть защищено в рамках исключений из Общего регламента по защите данных Европейского Союза (далее — GDPR), касающихся домашних хозяйств (ст. 2(2)(с)), даже если на заднем плане ведется запись третьих лиц. Однако существует особый акцент на том, что исключение применяется только к случаям, когда запись показывается друзьям и членам семьи. Руководство ссылается на решение суда Европейского Союза 2003 г., в котором говорится, что загрузка видео в Интернет и предоставление доступа к данным неопределенному кругу лиц не подпадает под действие освобождения от уплаты налогов на домашнее хозяйство.

В то же время симметрично жесткие рамки установлены и для видеонаблюдения в целях безопасности. Само по себе «videонаблюдение в целях безопасности» не будет рассматриваться как достаточно конкретная цель.

Эти нюансы, проработанные в европейском регулировании, могут быть полезны для России. Известно, насколько «неаккуратно» в нашей стране используются видеоустройства, с многочисленными нарушениями прав третьих лиц на их персональные данные (записи с видеорегистраторов в автомобилях, видеосъемка в общественных местах, видео с камер наблюдения практически беспрепятственно попадают в Сеть и распространяются). Самое печальное, что основная масса людей

⁴ См.: DotEcon & Analysys Mason (2015), The Commercial Use of Consumer Data A research report for the CMA. URL: <https://www.gov.uk/cma-cases/commercial-use-of-consumer-data> (дата обращения: 04.01.2023).

⁵ См.: Chirita A.D. The Rise of Big Data and the Loss of Privacy // Personal Data in Competition, Consumer Protection and Intellectual Property Law / ed. by M. Bakhom et al. Springer, 2018. P. 175.

⁶ См.: Guidelines 3/2019 on processing of personal data through video devices, 29 January 2020. URL: https://edpb.europa.eu/sites/default/files/files/file1/edpb_guidelines_201903_video_devices.pdf (дата обращения: 04.01.2023).

в таких ситуациях даже не подозревает о том, что при этом нарушаются их права.

Право на частную жизнь и персональные данные

Одним из главных «страдающих» прав человека в условиях применения цифровых технологий является право на частную жизнь. Существует два способа, которыми раскрытие частной информации может нанести вред субъекту этой информации. Первый — это уменьшение свободы: оно способно привести к вмешательству других людей или к формированию у них желания вмешаться. Вмешательство в частную жизнь может не создавать полных препятствий, а уменьшать свободу действий (фокус на внешних препятствиях для будущих действий). Второй способ, которым раскрытие частной информации может нанести вред субъекту, заключается в уменьшении известной свободы: убеждения человека о его свободе и несвободе ухудшаются⁷. Таким образом, вторжение в частную жизнь может уменьшить свободу человека или же его знания о свободе, и оба эти фактора наносят ущерб интересам свободы: раскрытие частной информации приводит к изменениям в негативной свободе человека, а также к изменениям в знаниях, которые человек имеет относительно степени своей негативной свободы⁸.

Цифровые технологии несколько поколебали эту классическую конструкцию. С одной стороны, вмешательств в частную жизнь и утечек персональных данных стало так много, что позволяет некоторым утверждать об исчезновении приватности как социальной нормы. С другой стороны, рост подобных утечек не позволяет оставить людей вовсе без защиты, и фокус науки и практики смещается на возмещение причиненного ущерба.

Вопросы расчета и возмещения ущерба справедливо адресуются судам. Как констатируют исследователи, суды придерживаются мнения, что риск будущей кражи личных данных не представляет собой «фактический» ущерб⁹. При этом зависимость судов от принципа «не навреди» в недавних делах о нарушении данных¹⁰ должна быть пересмотрена, иначе дело не сдвинется с мертвой точки. Кроме того, формируется опасная тенденция — вместо того чтобы присуждать убытки в делах, связанных с утечкой данных, становится достаточно лишь проверить соблюдение требования об уведомлении клиентов об утечке данных.

⁷ См.: *De Bruin B.* The liberal value of privacy // *Law and Philosophy*. 2010. Vol. 29. P. 532.

⁸ См.: *ibid.* P. 511.

⁹ См.: *ibid.* P. 532.

¹⁰ См.: *ibid.* P. 533.

На этом фоне российские законодательные инициативы выглядят несколько старомодно, преследуя цель стимулирования бизнеса посредством ужесточения ответственности за утечки, — установление крупных штрафов призвано повысить уровень обеспечения безопасности обработки персональных данных, как считает Минцифры, разработавшее соответствующий законопроект¹¹.

В основе рассуждений об ответственности за утрату данных лежит признание *экономической ценности персональных данных*. Действительно, применительно к большим данным конфиденциальность (частная жизнь) все чаще рассматривается как основополагающее экономическое право¹². А неприкосновенность частной жизни как экономическое право нуждается в нормативном обрамлении, причем не только в законодательстве о защите данных, но и в законодательстве о защите потребителей и др.

На практике частная жизнь действует как щит, который ограничивает сбор или использование персональных данных о человеке. Исключительные требования ст. 8 Хартии ЕС, а именно справедливость и законность обработки данных для определенной цели, прозрачность (включая право на доступ к данным) следует рассматривать как конституционное измерение неприкосновенности частной жизни. В европейском законодательстве введен ряд прав, гарантирующих сохранение определенного контроля субъектов данных над своими персональными данными. Так, европейский GDPR предусматривает права на доступ, исправление, стирание и переносимость данных. Многие аналогичные нормы есть в России. Все это ставит субъекта данных в центр правовой конструкции законного доступа к персональным данным, который выражает информированное согласие на операции с персональными данными.

Информированное согласие субъектов данных

Предусмотренное законодательством о персональных данных информированное согласие имеет исторические корни. Например, информированное согласие существует в медицине и означает практику информирования пациентов об их здоровье и медицинских условиях, а также предоставление им возможности выбора между различными терапевтическими альтернативами. Изначально в корпусе Гиппократов не было обязательства говорить правду: пациент не нуждается в информировании. Более того, часто информация должна быть скрыта, чтобы не напугать пациента. И даже нет никакого упоминания о возможности выбора у пациента: врач является обладателем медицинских

¹¹ См.: URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5747151> (дата обращения: 04.01.2023).

¹² См.: *Chirita A.D.* Op. cit. P. 159.

знаний и поэтому знает, что лучше для пациента. Однако со временем эта конструкция пошатнулась; первые критики традиционной концепции Гиппократовы появились в середине XIX в. в США, а самые ранние судебные иски были поданы во втором десятилетии XX в.¹³ До Европы эта тенденция дошла гораздо позднее — к примеру в Италии внедрение информированного согласия было медленным и постепенным (90-е годы XX в.) и названо «тихой революцией».

Для темы нашего исследования главный вывод из истории информированного согласия в том, что для его дачи пациент должен быть «компетентным». С одной стороны, это требует создания целой системы доступного информирования по специфическим вопросам, в которых человек не является специалистом. С другой стороны, это исключает для определенных категорий лиц возможность дать действительное информированное согласие (например, младенцы или люди с деменцией). И здесь снова с моральной точки зрения понятие «человек» становится основополагающим для полноценного понимания информированного согласия. Информированное согласие (как и заблаговременное распоряжение о нем) позволяет человеку выразить свою индивидуальность и, следовательно, свое равенство в глазах закона.

Применительно к персональным данным получение согласия субъектов данных обеспечивает сохранение их самостоятельности и возможности вмешиваться в процесс принятия решений относительно использования их данных. Но, как неоднократно отмечалось, и нами в том числе, конструкция согласия рассчитана на линейные отношения, когда субъект данных сам предоставляет свои данные обработчику, обозначая цель (например, в административных отношениях, заполняя заявления и прочие формы). Использование больших данных, в которых могут содержаться неанонимизированные персональные данные, и даже персональные данные, выведенные путем сопоставления ряда других (агрегированные), принципиально меняет условия игры. О таких использованиях человек может попросту не знать, не догадываться, не прогнозировать и пр.

Получается, что, учитывая разнообразные источники больших данных и тот факт, что будущая полезность больших данных обычно не определена на момент получения информированного согласия, согласие не может быть действительно информированным из-за трудности прогнозирования и информирования субъектов данных о будущем использовании, равно как о последствиях

использования данных в будущем¹⁴. Таким образом, необходимо подобрать более подходящую и *динамичную модель информированного согласия*.

Неплохой пример можно найти в литературе применительно к использованию больших данных в научных медицинских целях, где описаны три модели согласия — широкое согласие, согласие с отказом и динамическое согласие.

При широком согласии субъекты данных акцептуют ряд возможных исследований, которые могут быть проведены с использованием их данных в отношении конкретной области или направления исследований. Для того чтобы широкое согласие было действительным, в качестве гарантии должны существовать соответствующие комитеты по проверке, которые обеспечат защиту прав субъектов данных. Модель отказа от использования предполагает, что данные могут быть использованы, если субъект данных явно от этого не отказался. Проблема этой модели заключается в том, что субъекты данных могут быть недостаточно информированы об условиях использования, особенно в коммерческих базах данных или социальных сетях. Динамическая модель позволяет субъектам данных обновлять свое согласие на постоянной основе. Хотя эта модель в основном применяется в биобанкинге, она также может быть использована в обстоятельствах, которые влекут за собой многократное и разнообразное использование данных (большие данные), где могут потребоваться различные виды согласия с течением времени. Последняя модель обеспечивает открытую коммуникацию с субъектами данных.

Право «собственности» на данные

В XX в. человек и его персональные данные, использовавшиеся в основном для административных целей, не вызывали вопросов о собственности. Скорее наоборот, данные, поступившие в органы государственной власти, рассматривались в качестве некоего общественного ресурса (зачастую неофициально). Хотя в России, к примеру, в первом Законе об информации признавалось право собственности на информационные ресурсы, причем во всех формах¹⁵, но эти нормы было трудно применять на практике. Другой показательный пример неудачного законодательного подхода — это проблемы, с которыми столкнулась Исландия в 1998 г. Там в связи с объявлением медицинских карт, включающих медицинские, генетические и генеалогические данные, в качестве

¹⁴ См.: Mittelstadt D.B., Floridi L. The ethics of big data: current and foreseeable issues in biomedical contexts // Sci Eng Ethics. 2016. Vol. 22. P. 312.

¹⁵ См.: Федеральный закон от 20.02.1995 г. № 24-ФЗ «Об информации, информатизации и защите информации» // СЗ РФ. 1995. № 8, ст. 609. Утратил силу.

¹³ См.: Schloendorf v. Society of New York Hospital. 1914. 105 N.E. 92, NY; Salgo v. Leland Stanford, Jr. University Board of Trustees. 1957. 154 Cal. App. 2d 560 317 P. 2d 170.

национального ресурса, который принадлежит исландскому правительству и может быть доступен частной промышленности без согласия отдельных лиц, возникла национальная и международная оппозиция против такого неподобающего способа, которым правительство Исландии решало вопрос о праве собственности на данные. В результате проект потерпел крах в 2003 г.

Как видим, несмотря на неоднократные попытки, право собственности в информационной сфере с трудом поддается традиционному урегулированию. Экономический контекст, а именно возможность использования данных коммерческими организациями для извлечения прибыли, только обостряет проблему. С распространением технологий больших данных вопросы собственности на данные кажутся еще более запутанными. С одной стороны, очевидна экономическая стоимость персональных данных, с другой — до сих пор непонятно, каким образом направить отношения их обладателя с заинтересованными лицами в юридическое русло. Отправной точкой для поиска можно считать замечание ЮНЕСКО о том, что концепция собственности больше не является адекватной нормативной базой в эпоху больших данных¹⁶. Все большую популярность набирает мнение, что право собственности — это концепция, которая плохо подходит для регулирования конкурирующих прав в больших данных¹⁷. Так, авторское право распространяется только на обработанные данные, а необработанные данные не являются оригинальным творением¹⁸.

Немаловажное значение для ответа на поставленный вопрос имеет и преследуемая цель — собираемся ли мы ускорить развитие экономики данных за счет их повышенной конвертации или уделить внимание защите прав обладателей данных? Хотя эти цели несколько разнонаправлены, хотелось бы найти усредненный путь: стремление использовать весь потенциал больших данных должно в то же время сопровождаться уважением прав других пользователей на доступ к информации.

Одним из оригинальных предложений представляется отход от риторики собственности вообще. С учетом того, что права собственности на данные еще больше затрудняют обмен данными (а это приведет к тому, что все заинтересованные стороны будут предъявлять претензии на данные), в науке

предлагается кардинально сменить парадигму от владения к опеке (Paradigm Shift from Ownership to Custodianship). Соответствующая опека над большими данными необходима для обеспечения того, чтобы субъекты данных сохраняли определенный контроль над доступом и будущим использованием своих данных, при этом делегируя принятие решений по некоторым вопросам хранителям данных. Такое делегированное принятие решений порождает права опеки, а не права собственности на данные¹⁹.

Подобное предложение сформулировано применительно к использованию персональных данных в целях медицинских исследований, поскольку ни правовая концепция собственности, ни даже использование договорных условий не решили проблем в исследованиях в области здравоохранения с использованием больших данных. Автор мотивирует свое предложение тем, что опека гораздо шире, чем юридическая концепция собственности, и используется для обеспечения того, чтобы все заинтересованные стороны признавали и выполняли свои этические обязательства служить наилучшим интересам биомедицинских исследований.

Система этических рамок опекунов подразумевает признание данных в качестве дара от субъектов данных, которые будут использоваться с их согласия для развития науки на благо общества и не являться собственностью исследователей, принимающих институтов или финансирующих организаций. Исследователи, получившие данные, считаются хранителями этих данных. Обязанности хранителя подразумевают соблюдение строгих этических и нормативных требований, таких как предоставление точных и своевременных данных и обеспечение неприкосновенности частной жизни и конфиденциальности субъектов данных.

Это — аргумент в пользу вывода о том, что *данные как таковые вряд ли могут быть собственностью*. Однако это не означает, что они не должны защищаться с помощью других механизмов, например, направленных на обеспечение подотчетности, вместо предоставления прав собственности. Именно развитие механизмов подконтрольности, подотчетности становится одним из главных направлений в регулировании больших данных.

Подконтрольность как способ соблюдения прав человека при обработке больших данных

Проблема обеспечения подконтрольности в использовании технологий обретает особое значение. В условиях обрывочного правового регулирования (а в отношении больших данных, напомним, его практически нет) объяснение сути происходящего — почти единственно верный путь, позволяющий защищать права человека. Среди многих

¹⁶ См.: UNESCO (2017) Report of the International Bioethics Committee of UNESCO (IBC) on big data and health. Paris, UNESCO. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000248724> (дата обращения: 04.01.2023).

¹⁷ См.: Andanda P. Towards a Paradigm Shift in Governing Data Access and Related Intellectual Property Rights in Big Data and Health-Related Research // IIC. 2019. Vol. 50. P. 1072.

¹⁸ См.: Froehlich A., Tăiatu C.M. Space in Support of Human Rights. Cham, 2020. P. 36.

¹⁹ См.: Andanda P. Op. cit. P. 1075.

недостатков и рисков больших данных (нарушение конфиденциальности, предвзятость и дискриминация, ошибочность данных и пр.) масштабное воздействие на поведение людей становится ключевым, поскольку целится в самое главное — автономию человека.

Как справедливо отмечают исследователи, первоначально наблюдался этап энтузиазма в отношении больших данных, которые предполагались объективными и достоверными²⁰. Однако со временем концепция объективности больших данных подверглась критике. Действительно, осмысление данных всегда предполагает человеческие предубеждения, поскольку осуществляется с использованием определенной (выбранной человеком) оптики, которая влияет на интерпретацию данных²¹. О необъективности алгоритмов, которые отражают ценности разработчиков и в результате могут быть дискриминационными, уже немало написано²². В Европейском Союзе GDPR частично решает эту проблему, так как физические лица имеют право возражать против автоматизированных решений и требовать человеческого вмешательства для пересмотра решения. Аналогичная норма существует в российском законодательстве.

Говоря о воздействии алгоритмов на поведение людей, необходимо изучить и понять любую роль, которую алгоритмы и технологические платформы играют в усилении социальной фрагментации, — например, подавая исключительно консервативные новости для консервативных пользователей и либеральные новости для либеральных пользователей. Весьма показателен здесь американский опыт. В 2019 г. в США был разработан закон о прозрачности пузырей фильтров (Filter Bubble Transparency Act), специально для потребителей социальных сетей и политических новостей (отдельно от закона о подотчетности алгоритмов). Данный закон имеет заявленную цель гарантировать американцам право на взаимодействие с (медиа) платформой, не подвергаясь манипулированию алгоритмами, управляемыми данными конкретного пользователя.

В своих попытках законодательно закрепить использование персональных данных интернет-платформами авторы законопроекта проводят различие между двумя типами «пользовательских» данных: те, которые были «явно предоставлены пользователем платформе» для целей алгоритмической

системы ранжирования, и те, которые не были предоставлены. Законопроект уточняет, что платформам для определения контента разрешено использовать список аккаунтов, на которые человек подписан в социальных сетях. Однако любая фильтрация, упорядочивание или ранжирование контента (за исключением хронологического упорядочивания) требуют, чтобы платформы показывали соответствующий значок рядом с лентой контента. Этот значок будет служить двум основным целям: 1) информировать пользователей о том, что их лента фильтруется на основе поведенческих данных конкретного пользователя и 2) позволит пользователям выбирать между алгоритмически ранжированной лентой и хронологической лентой.

Требование прозрачности, предложенное в законопроекте FBTA, подразумевает, что поведение людей, использующих социальные медиа и контент-платформы, будет иным, если они будут обладать большей информацией. Информирование пользователей о том, что их ленты подвергаются алгоритмической фильтрации, могло бы заставить их более внимательно относиться к тому, на какую информацию они «кликают», что им нравится, на что они реагируют, либо сделать выбор в пользу другого (возможно, чисто хронологического) типа фильтрации контента.

Оценивая законопроект, исследователи отмечают, что поведенческие вмешательства, специально разработанные для смягчения эффекта «пузыря фильтров», имеют ограниченное действие, а компонент прозрачности в предложении FBTA будет иметь незначительный эффект в отношении изменения поведения потребителей на платформах цифрового контента²³.

Наблюдение об очевидной неоднородности алгоритмических эффектов говорит о том, что обсуждение пузырей цифровых фильтров без систематических и контекстуальных нюансов может привести нас к упрощенным выводам. На самом деле между факторами в алгоритмической социальной системе могут существовать сложные взаимодействия. Это было показано путем симулятивного анализа. Как и в случае с алгоритмами рекомендаций в реальной жизни, на рекомендации, которые получает пользователь в этой симуляции, влияют также рекомендации других пользователей платформы. Это привносит сложный набор динамики, который затрудняет априорное предсказание того, как один алгоритм повлияет на результаты работы системы по сравнению с другим.

²⁰ См.: Интерпретация и применение больших данных в юриспруденции и юридической практике / науч. ред. Ю.А. Тихомиров. М., 2021. С. 20.

²¹ См.: там же. С. 31.

²² См., напр.: Талапина Э.В. Обработка данных при помощи искусственного интеллекта и риски дискриминации // Право. Журнал ВШЭ. 2022. № 1. С. 4–27.

²³ См.: Hosanagar K., Miller A.P. Who Do We Blame for the Filter Bubble? On the Roles of Math, Data, and People in Algorithmic Social Systems // After the Digital Tornado: networks, algorithms, humanity / ed. by K. Werbach. Cambridge University Press, 2020. P. 111.

В реальном мире алгоритмы еще более непрозрачны, данные более массивны, а пользователи демонстрируют более сложное поведение. Все эти факторы только увеличивают сложность социальной системы и указывают на необходимость более глубокого понимания и учета тонкостей, связанных с взаимодействием всех вовлеченных факторов. К примеру, опытным путем было установлено, что один и тот же алгоритм может иметь кардинально разные эффекты в зависимости от контекста, в котором он применяется, а одни и те же входные данные могут иметь различные результаты в зависимости от алгоритма, который действует на эти данные. Таким образом, если мы хотим успешно достигать при помощи алгоритмических систем социально полезных результатов, важно оценить сложность этих систем и не допустить упрощенных обобщений относительно происходящей в них динамики²⁴.

Во многих научных исследованиях применительно к владельцу больших данных используется термин «власть». Владение и контроль над большими данными, а также решение о том, кто еще их получит, автоматически означает власть для тех, кто контролирует данные²⁵. Естественно, что любая власть нуждается в сдерживании и ограничении. Пока же в отношении больших данных действуют лишь этические ограничители, довольно бессильные перед лицом коммерческих притязаний и жажды прибыли. Кроме того, даже в случае запуска механизма ответственности за этическое управление большими данными субъекта такой ответственности трудно определить из-за сложности и интеграции последних.

Вместо обобщения: некоторые подходы к регулированию больших данных

Цифровой мир, в котором используются данные, создает угрозу того, что субъекты данных могут потерять контроль над своими данными. На настоящий момент использование больших данных не регулируется; как частные субъекты, так и государство могут использовать их для принятия решений (в отношении о своей деятельности или людей в самых разных статусах — клиентов, граждан, работников). По сути, единственным ограничителем подобной практики служат этические нормы, не обязательные к применению. Ситуация неурегулированности сама по себе провоцирует риски для прав и свобод человека. При этом наибольшую угрозу неприкосновенности частной жизни и защите данных представляет «связка»

между технологиями искусственного интеллекта и больших данных, поскольку обе эти технологии используются для профилирования граждан. Кроме того, незнание граждан о том, что их персональные данные обрабатываются в составе больших, фактически блокирует любую защиту прав и свобод, которые могут быть при этом нарушены.

Как представляется, есть как минимум три проблемы, связанные с использованием больших данных. К ним относятся: доступ к данным, согласие субъектов данных на обработку данных, а также претензии на право «собственности», которые могут препятствовать обмену данными. Это тесно связано с контролем субъектов данных над тем, кто может получить доступ, использовать и делиться информацией. Вокруг решения перечисленных проблем и должно выстраиваться будущее правовое регулирование.

Для организации регулирования необходимо прежде всего определить базовые понятия. Юридическая наука и тем более практика нуждаются в четкости определений. Только так можно рассчитывать на справедливое правоприменение и судопроизводство. Выход видится в детальной дифференциации и категоризации данных. Применительно к большим данным особенно актуально определить правовые режимы агрегированных данных, а также персональных данных в составе больших данных.

Эпоха больших данных затрудняет субъектам данных возможность предвидеть конкретные будущие виды использования, в основном из-за сложной взаимосвязи между многочисленными и меняющимися источниками данных. Поэтому, хотя согласие может в некоторой степени решить проблемы, связанные с характером использования больших данных, оно не решает в достаточной степени проблему вторичного использования данных. Стоит также выйти за рамки согласия и перейти к более широкой системе подконтрольности, которая учитывает такие вопросы, как вред и оценка риска.

Как мы установили, законодательство о защите данных сосредоточено на персональных данных, но большие данные обычно не включают в себя непосредственно идентифицирующую личность информацию. Соответственно, на данный момент большие данные не попадают под действие законодательства. На них не распространяется защита данных, так как объектом являются группы, а не идентифицируемый индивид. Это представляет собой значимую юридическую проблему, поскольку актуальное законодательство не обеспечивает должный нормативный надзор, необходимый для использования больших данных.

Сегодня понятие «этика алгоритмов» (которые обычно используют большие данные для формирования предположений о людях) уже достаточно устоялось и реализуется на практике. Однако уровня этического сдерживания явно не хватает.

²⁴ См.: *Hosanagar K., Miller A.P.* Op. cit. P. 117, 118.

²⁵ См.: *Roche J., Jamal A.* A Systematic Literature Review of the Role of Ethics in Big Data // *Cybersecurity, Privacy and Freedom Protection in the Connected World. Proceedings of the 13th International Conference on Global Security, Safety and Sustainability.* London, January 2021 / ed. by H. Jahankhani, A. Jamal, S. Lawson. Cham, 2021. P. 337.

Одним из выходов из ситуации неурегулированности больших данных может стать применение т.н. принципа субсидиарности — путем дополнения этики больших данных системой управления данными, когда подотчетные должностные лица наделяются ответственностью за конкретные наборы данных, чтобы обеспечить их надлежащее управление. Эти обязанности могут быть расширены за счет добавления этических соображений в отношении сбора и обработки набора данных. В литературе рекомендуется, чтобы разработчики политики и руководители высшего звена приняли этот подход в качестве временной меры до того, как будет разработано более общее законодательство²⁶. Другой вариант субсидиарности, на наш взгляд, — дополнить этику больших данных полноценным информационным самоопределением граждан; здесь центр тяжести будет не столько на ответственном обработчике персональных данных, сколько (упреждающе) на самом их обладателе. Возможен и третий вариант («тройственный союз») — распределение ответственности между обработчиком персональных данных, их обладателем и обработчиком больших данных, что потребует более филигранной нормативной детализации и точной реализации на практике.

Каким образом все это может быть оформлено законодательством? Пока ясно то, что оно должно учитывать нюансы разных уровней, поскольку изначально комплексно. Для иллюстрации сложности проблемы Буртшер и Фритц сравнили большие данные с глыбой мрамора, над которой работают несколько резчиков, так что различные правовые концепции, включая конфиденциальность данных, права на базы данных, права интеллектуальной собственности, антимонопольное законодательство, а также основные гражданские права собственности и владения играют определенную роль при работе с юридически чуждыми большими данными, при этом каждая из них затрагивает лишь отдельные части этих данных²⁷. Создать комплексное законодательство — перспективная задача для юристов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Интерпретация и применение больших данных в юриспруденции и юридической практике / науч. ред. Ю.А. Тихомиров. М., 2021. С. 20, 31.
2. Талапина Э.В. Обработка данных при помощи искусственного интеллекта и риски дискриминации // Право. Журнал ВШЭ. 2022. № 1. С. 4–27.

²⁶ См.: Roche J., Jamal A. Op. cit. P. 340.

²⁷ См.: Burtcher B., Fritz G. (2015) Big data: who owns and who may use and exploit big data? URL: <https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=77ab3ffb-8f25-469c-ad80-d14bbcee9551> (дата обращения: 04.01.2023).

3. Шаталова В.В., Лихачевский Д.В., Казак Т.В. Большие данные: как технологии BIG DATA меняют нашу жизнь // Big Data and Advanced Analytics. 2021. № 7-1. С. 189.
4. Andanda P. Towards a Paradigm Shift in Governing Data Access and Related Intellectual Property Rights in Big Data and Health-Related Research // ИИ. 2019. Vol. 50. P. 1072, 1075.
5. Bagnoli V. Competition for the Effectiveness of Big Data Benefits // ИИ — International Review of Intellectual Property and Competition Law. 2015. Vol. 46. P. 629–631.
6. Burtcher B., Fritz G. (2015) Big data: who owns and who may use and exploit big data? URL: <https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=77ab3ffb-8f25-469c-ad80-d14bbcee9551> (дата обращения: 04.01.2023).
7. Chirita A.D. The Rise of Big Data and the Loss of Privacy // Personal Data in Competition, Consumer Protection and Intellectual Property Law / ed. by M. Bakhoun et al. Springer, 2018. P. 159, 175.
8. De Bruin B. The liberal value of privacy // Law and Philosophy. 2010. Vol. 29. P. 511, 532, 533.
9. DotEcon & Analysys Mason (2015), The Commercial Use of Consumer Data A research report for the CMA. URL: <https://www.gov.uk/cma-cases/commercial-use-of-consumer-data> (дата обращения: 04.01.2023).
10. Fredriksson C., Mubarak F., Tuohimaa M., Zhan M. Big Data in the Public Sector: A Systematic Literature Review // Scandinavian Journal of Public Administration. 2017. Vol. 21(3). P. 39–61.
11. Froehlich A., Täiata C.M. Space in Support of Human Rights. Cham, 2020. P. 36.
12. Hosanagar K., Miller A.P. Who Do We Blame for the Filter Bubble? On the Roles of Math, Data, and People in Algorithmic Social Systems // After the Digital Tornado: networks, algorithms, humanity / ed. by K. Werbach. Cambridge University Press, 2020. P. 111, 117, 118.
13. Mittelstadt D.B., Floridi L. The ethics of big data: current and foreseeable issues in biomedical contexts // Sci Eng Ethics. 2016. Vol. 22. P. 312.
14. Rijmenam M. Why the 3V's Are Not Sufficient To Describe Big Data // Datafloq. URL: <https://datafloq.com/read/3vs-sufficient-describe-big-data/166> (дата обращения: 04.01.2023).
15. Roche J., Jamal A. A Systematic Literature Review of the Role of Ethics in Big Data // Cybersecurity, Privacy and Freedom Protection in the Connected World. Proceedings of the 13th International Conference on Global Security, Safety and Sustainability. London, January 2021 / ed. by H. Jahankhani, A. Jamal, S. Lawson. Cham, 2021. P. 337, 340.

REFERENCES

1. Interpretation and application of Big Data in jurisprudence and legal practice / scientific ed. Yu. A. Tikhomirov. M., 2021. P. 20, 31 (in Russ.).
2. Talapina E.V. Data processing using artificial intelligence and the risks of discrimination // Law. HSE Journal. 2022. No. 1. P. 4–27 (in Russ.).
3. Shatalova V.V., Likhachevsky D.V., Kazak T.V. Big Data: how BIG DATA technologies are changing our lives // Big Data and Advanced Analytics. 2021. No. 7-1. P. 189 (in Russ.).

4. *Andanda P.* Towards a Paradigm Shift in Governing Data Access and Related Intellectual Property Rights in Big Data and Health-Related Research // ИС. 2019. Vol. 50. P. 1072, 1075.
5. *Bagnoli V.* Competition for the Effectiveness of Big Data Benefits // ИС – International Review of Intellectual Property and Competition Law. 2015. Vol. 46. P. 629–631.
6. *Burtscher B., Fritz G.* (2015) Big data: who owns and who may use and exploit big data? URL: <https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=77ab3ffb-8f25-469c-ad80-d14bbcee9551> (accessed: 04.01.2023).
7. *Chirita A.D.* The Rise of Big Data and the Loss of Privacy // Personal Data in Competition, Consumer Protection and Intellectual Property Law / ed. by M. Bakhoun et al. Springer, 2018. P. 159, 175.
8. *De Bruin B.* The liberal value of privacy // Law and Philosophy. 2010. Vol. 29. P. 511, 532, 533.
9. DotEcon & Analysys Mason (2015), The Commercial Use of Consumer Data A research report for the CMA. URL: <https://www.gov.uk/cma-cases/commercial-use-of-consumer-data> (accessed: 04.01.2023).
10. *Fredriksson C., Mubarak F., Tuohimaa M., Zhan M.* Big Data in the Public Sector: A Systematic Literature Review // Scandinavian Journal of Public Administration. 2017. Vol. 21(3). P. 39–61.
11. *Froehlich A., Täiatsu C.M.* Space in Support of Human Rights. Cham, 2020. P. 36.
12. *Hosanagar K., Miller A.P.* Who Do We Blame for the Filter Bubble? On the Roles of Math, Data, and People in Algorithmic Social Systems // After the Digital Tornado: networks, algorithms, humanity / ed. by K. Werbach. Cambridge University Press, 2020. P. 111, 117, 118.
13. *Mittelstadt D.B., Floridi L.* The ethics of big data: current and foreseeable issues in biomedical contexts // Sci Eng Ethics. 2016. Vol. 22. P. 312.
14. *Rijmenam M.* Why the 3V's Are Not Sufficient To Describe Big Data // Datafloq. URL: <https://datafloq.com/read/3vs-sufficient-describe-big-data/166> (accessed: 04.01.2023).
15. *Roche J., Jamal A.* A Systematic Literature Review of the Role of Ethics in Big Data // Cybersecurity, Privacy and Freedom Protection in the Connected World. Proceedings of the 13th International Conference on Global Security, Safety and Sustainability. London, January 2021 / ed. by H. Jahan-khani, A. Jamal, S. Lawson. Cham, 2021. P. 337, 340.

Сведения об авторе

ТАЛАПИНА Эльвира Владимировна —
доктор юридических наук,
главный научный сотрудник Института
государства и права Российской академии наук;
119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

TALAPINA Elvira V. —
Doctor of Law,
Chief Researcher,
Institute of the State and Law
of the Russian Academy of Science;
10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ СТАТУТ В МЕЖДУНАРОДНОМ ЧАСТНОМ ПРАВЕ

© 2023 г. В. Н. Лисица

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: lissitsa@mail.ru

Поступила в редакцию: 12.09.2022 г.

Аннотация. В статье представлен сравнительный анализ коллизионного регулирования интеллектуальных прав в международном, европейском и российском праве. Делается вывод о том, что *lex loci protectionis* как основная коллизионная привязка в данной сфере не имеет однозначного толкования, не может сводиться лишь к *lex fori* — праву страны суда, а должна пониматься по общему правилу как право страны, где действует правовая охрана соответствующего объекта интеллектуальной собственности. Кроме того, в ряде случаев представляется обоснованным применять *lex loci originis*, *lex loci actus* и *lex loci delicti*, а также к договорным отношениям — *lex voluntatis* и *lex loci solutionis*. В случае внедоговорного нарушения интеллектуальных прав, признаваемых на территории нескольких государств, в том числе в сети Интернет, ключевым видится вопрос об установлении наиболее тесной связи возникшего гражданского правоотношения с тем или иным государством с учетом различных факторов (место происхождения или регистрации объекта интеллектуальной собственности, место совершения правонарушения, место наступления неблагоприятных последствий для правообладателя, ориентация веб-сайта на конкретное государство, место нахождения компетентного суда и др.). Обосновывается необходимость законодательного закрепления интеллектуального статута в разделе VI «Международное частное право» Гражданского кодекса РФ, включив в сферу его действия такие вопросы, как: а) авторство; б) виды охраняемых объектов интеллектуальной собственности; в) требования к правовой охране объектов интеллектуальной собственности, включая вопросы регистрации и другие формальности, которые необходимо выполнить; г) виды, содержание и действие интеллектуальных прав, возникающих в отношении объектов интеллектуальной собственности, включая предусмотренные законом ограничения и срок действия правовой охраны; д) возникновение, осуществление и прекращение интеллектуальных прав, включая допустимые способы распоряжения ими; е) внедоговорная защита интеллектуальных прав.

Ключевые слова: международное частное право, коллизионное право, интеллектуальный статут, применимое право, интеллектуальная собственность, интеллектуальные права.

Цитирование: Лисица В. Н. Интеллектуальный статут в международном частном праве // Государство и право. 2023. № 7. С. 139–146.

DOI: 10.31857/S102694520026811-3

INTELLECTUAL PROPERTY STATUTE IN PRIVATE INTERNATIONAL LAW

© 2023 V. N. Lisitsa

Institute of the State and Law of the Russian Academy of Science, Moscow

E-mail: lisitsa@mail.ru

Received 12.09.2022

Abstract. The article highlights the comparative analysis of the conflict-of-laws regulation of intellectual property rights in international, European and Russian law. It is concluded that *lex loci protectionis* as the main conflict-of-laws rule in this area has an ambiguous interpretation, cannot be recognized as *lex fori* – the law of the country where the competent court is seated, but should be generally understood as the law of the country where the legal protection of the relevant intellectual property object is provided. In addition, in some cases it seems reasonable to apply *lex loci originis*, *lex loci actus* and *lex loci delicti*, as well as *lex voluntatis* and *lex loci solutionis* – to contractual relations. In the case of non-contractual infringement of intellectual property rights granted and protected on the territory of several states, including on the Internet, the key issue is to establish the closest connection of the civil legal relationship with a particular state, taking into account various factors (the place of origin or registration of an intellectual property object, the place of committing infringement, the place of occurrence of negative consequences for the intellectual right holder, the orientation of a website to a specific state, the location of a competent court, etc.).

It is also argued to enshrine the provisions on the intellectual property statute in Section VI “Private International Law” of the Civil Code of the Russian Federation, including the following issues of its scope: a) authorship; b) types of protected intellectual property objects; c) requirements for the legal protection of intellectual property objects, including registration issues and other formalities to be executed; d) the types, content and effect of intellectual rights arising in relation to intellectual property objects, including the restrictions provided by law and the duration of legal protection; e) the emergence, exercise and termination of intellectual rights, including permissible ways of disposing of them; f) non-contractual protection of intellectual rights.

Key words: Private International Law, intellectual property statute, conflict-of-laws, applicable law, intellectual property, intellectual rights.

For citation: Lisitsa, V.N. (2023). Intellectual property statute in Private International Law // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 7, pp. 139–146.

Интеллектуальная собственность, включающая в себя результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации юридических лиц, товаров, работ, услуг и предприятий (п. 1 ст. 1225 ГК РФ¹), является самостоятельным объектом гражданских прав наряду с вещами и иным имуществом, результатами работ и оказанием услуг, нематериальными благами (ст. 128 ГК РФ²). В отношении таких объектов признаются специфические гражданские права – интеллектуальные права (исключительное право, личные неимущественные права и иные права), которые отличаются от вещных, корпоративных, обязательственных и иных гражданских прав³. В частности, в соответствии со ст. 1227 ГК РФ интеллектуальные

права не зависят от права собственности и иных вещных прав на материальный носитель (вещь), в котором выражены соответствующие результаты интеллектуальной деятельности или средство индивидуализации; переход права собственности на такую вещь, как правило, не влечет переход или предоставление интеллектуальных прав; к интеллектуальным правам обычно не применяются положения Гражданского кодекса РФ о праве собственности и других вещных правах. Напротив, интеллектуальные права имеют существенные особенности в порядке возникновения, осуществления и защиты, что обусловило выделение норм о праве интеллектуальной собственности в Части четвертой ГК РФ⁴.

Система международного частного права, формируемая на основе системы гражданского права

¹ См.: СЗ РФ. 2006. № 52 (ч. I), ст. 5496.

² См.: СЗ РФ. 1994. № 32, ст. 3301.

³ См.: Право интеллектуальной собственности / под ред. Л.А. Новоселовой. М., 2022. С. 24–29.

⁴ См.: Маковский А.Л. О кодификации законодательства об интеллектуальной собственности // Закон. 2007. № 10. С. 5–12.

с учетом специфики иностранного элемента, требует специального коллизионного урегулирования интеллектуальных прав⁵. Но, к сожалению, следует признать значительное упущение законодателя в данной сфере. Часть третья ГК РФ в разд. VI «Международное частное право» до сих пор не содержит отдельных коллизионных норм о применении права к интеллектуальным правам. В то же время не вызывает сомнения важность выделения и нормативного закрепления отдельного статута — интеллектуального статута наряду с личным, вещным, обязательственным, наследственным и иными статутами в международном частном праве.

В современной науке международного частного права традиционно делается акцент на территориальном характере интеллектуальных прав⁶, которые действуют лишь в пределах территории того государства, где им предоставляется правовая охрана. В определенной мере данное положение получило законодательное закрепление в п. 1 ст. 1231 ГК РФ, согласно которому на территории Российской Федерации действуют исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности и на средства индивидуализации, установленные международными договорами Российской Федерации и Гражданским кодексом РФ. Иными словами, если интеллектуальные права возникли и охраняются в соответствии с правом иностранного государства, то при отсутствии международного договора Российской Федерации с таким иностранным государством они не признаются и, как следствие, не подлежат правовой охране на территории Российской Федерации.

Территориальный подход в определении применимого права к интеллектуальным правам нашел отражение в известной коллизионной привязке — *lex loci protectionis*, которая считается основной в коллизионном регулировании интеллектуальных прав⁷. Однако, как справедливо отмечается в литературе⁸, данная коллизионная привязка не имеет однозначного толкования и может означать: право государства, где испрашивается правовая защита; право государства, в отношении которого испрашивается правовая защита; право государства,

в котором требуется правовая защита; право государства, на территории которого действует правовая охрана интеллектуальной собственности; право государства, в котором право интеллектуальной собственности существует; право государства, на территории которого зарегистрировано право на интеллектуальную собственность, и т.д.

Рассматриваемый коллизионный принцип *lex loci protectionis* получил широкое распространение и закреплен в ряде универсальных конвенций в сфере интеллектуальной собственности. Среди них — Бернская конвенция об охране литературных и художественных произведений 1886 г.⁹, устанавливающая национальный режим авторам в отношении произведений, которым предоставляется охрана в странах Бернского союза, кроме страны происхождения произведения. Иными словами, такие лица пользуются правами, которые предоставляются в настоящее время или могут быть предоставлены в дальнейшем соответствующими законами этих государств своим гражданам, а также правами, особо предоставляемыми Бернской конвенцией (ст. 5 (1)). При этом «объем охраны, равно как и средства защиты, представляемые автору для охраны его прав, регулируются исключительно законодательством страны, в которой истребуется охрана» (ст. 5 (2)). В теории данное положение зачастую рассматривается как право страны, в которой был подан иск о защите нарушенного интеллектуального права, что неизбежно ведет к понятию *lex loci protectionis* в качестве права страны суда, который рассматривает дело, — *lex fori*¹⁰ и тем самым исключает применение иностранного права к интеллектуальным правам в целом.

Аналогичные положения можно также найти в других конвенциях. В частности, Международная конвенция об охране прав исполнителей, производителей фонограмм и организаций эфирного вещания 1961 г.¹¹ предусматривает для данных лиц национальный режим, который означает «режим, предоставляемый внутренним законодательством Договаривающегося Государства, в котором испрашивается охрана» (ст. 2(1)). Всемирная конвенция

⁵ См.: Шахназаров Б.А. Общая характеристика системы коллизионно-правового регулирования объектов промышленной собственности // Актуальные проблемы рос. права. 2019. № 2 (99). С. 153.

⁶ См.: Канашевский В.А. Международное частное право. М., 2019. С. 752–755.

⁷ См.: Луткова О.В. Специальные коллизионно-правовые принципы регулирования трансграничных авторских отношений // Lex russica. 2018. № 2 (135). С. 131.

⁸ См.: Крюко С.И. Модификации и толкование коллизионных факторов, основанных на коллизионном принципе *lex loci protectionis*: сравнительно-правовой аспект // Труды ИГП РАН. 2020. Т. 15. № 5. С. 79–82.

⁹ См.: Бернская конвенция по охране литературных и художественных произведений от 09.09.1886 г. (с изм. на 28.09.1979 г.) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://docs.cntd.ru/document/1900493?ysclid=l60d4ed-mal179717306> (дата обращения: 24.07.2022).

¹⁰ См.: Гетьман-Павлова И.В. Коллизионное регулирование в праве интеллектуальной собственности // Вестник МГПУ. Сер.: Юридические науки. 2008. № 2 (2). С. 96.

¹¹ См.: Международная конвенция об охране прав исполнителей, изготовителей фонограмм и вещательных организаций (заключена в г. Риме 26.10.1961 г.) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://docs.cntd.ru/document/58804834?ysclid=l60dmaa9jj898901934> (дата обращения: 24.07.2022).

об авторском праве 1952 г.¹² предоставляет выпущенным в свет произведениям граждан любого Договаривающегося Государства, равно как произведениям, впервые выпущенным в свет на территории такого Государства, в каждом другом Договаривающемся Государстве охрану, которую такое Государство представляет произведениям своих граждан, впервые выпущенным в свет на его собственной территории (ст. II(1)). Кроме того, «срок охраны произведения определяется законом Договаривающегося Государства, в котором предъявляется требование об охране...» (ст. IV(1)).

В Регламенте Европейского Союза о праве, применимом к внедоговорным обязательствам (Римский Регламент II)¹³, рассматриваемая коллизонная привязка предусматривается в качестве основной применительно к интеллектуальным правам, но в отличие от вышеназванных конвенций ей придается иное понимание. Так, согласно ст. 8 Римского Регламента II правом, применимым к внедоговорному обязательству, возникающему в результате нарушения права интеллектуальной собственности, является право страны, для которой истребуется защита. Как неоднократно отмечалось в юридической литературе¹⁴, использование слова «для» (“for”) вместо «где» (“where”) уже может относиться к иностранному государству, отличному от государства суда, который разрешает гражданское дело в области интеллектуальной собственности. Как следствие, интеллектуальный статут не всегда должен совпадать с *lex fori*.

Представляется, что основная проблема в толковании *lex loci protectionis* видится в не совсем удачном использовании слов «испрашивается или истребуется защита», которые тесно связаны с процессуальными вопросами — подачей иска в суд определенного государства, что затрудняет понимание рассматриваемой коллизонной привязки и ее отграничение от *lex fori*. Как известно, применимое право к существу отношения и компетентный суд не всегда должны относиться к одному государству; их выбор определяется независимо с использованием разных коллизонных норм.

¹² См.: Всемирная конвенция об авторском праве 1952 г. (подписана в г. Женеве 06.09.1952 г.) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://docs.cntd.ru/document/1900510?ysclid=17nd77rbvi215029546> (дата обращения: 24.07.2022).

¹³ См.: Regulation (EC) No. 864/2007 of the European Parliament and of the Council of 11 July 2007 on the law applicable to non-contractual obligations (Rome II) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32007R0864&qid=1662612567663> (дата обращения: 24.07.2022).

¹⁴ См.: *Leanovich E.B.* Intellectual property rights in the Internet: extraterritorial recognition or new conflict of law rules // *Journal of the Belarusian State University. International Relations*. 2017. No. 1. P. 81.

В этой связи с учетом вышеназванного принципа территориальности, отражающего специфику интеллектуальных прав, применимым правом к определению действительности, содержания, защиты и решения других вопросов интеллектуального статута следует признавать право страны, где действует (предоставляется) правовая охрана тем или иным объектам интеллектуальной собственности. В этой связи нельзя не согласиться и следует поддержать правовую позицию Пленума Верховного Суда РФ, который указал, что содержание и ограничения исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации, срок их действия, допустимые способы распоряжения и необходимость государственной регистрации договоров либо отчуждения, залога, перехода, ограничения или прекращения исключительного права, предоставления права использования в любом случае определяются на основании права соответствующих стран, на территории которых действует правовая охрана такого результата интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации¹⁵.

Не вызывает сомнения, что изначально правовая охрана возникает в стране происхождения объекта интеллектуальной собственности. Особенно это хорошо видно, если данный объект подлежит государственной регистрации. Если обратиться к Парижской конвенции по охране промышленной собственности 1883 г.¹⁶, то она предоставляет национальный режим иностранным лицам, который при этом определяется без указания на право страны, в которой испрашивается правовая защита: «В отношении охраны промышленной собственности граждане каждой страны Союза пользуются во всех других странах Союза теми же преимуществами, которые предоставляются в настоящее время или будут предоставлены впоследствии соответствующими законами собственным гражданам, не ущемляя при этом прав, специально предусмотренных настоящей Конвенцией. Исходя из этого, их права будут охраняться так же, как и права граждан данной страны, и они будут пользоваться теми же законными средствами защиты от всякого посягательства на их права, если при этом соблюдаются условия и формальности, предписываемые собственным гражданам» (ст. 2(1)). Кроме того, в Парижской конвенции устанавливается независимость

¹⁵ См.: пункт 35 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2019 г. № 24 «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации» // *Росс. газ.* 2019. 17 июля.

¹⁶ См.: Парижская конвенция по охране промышленной собственности от 20.03.1883 г. (с изм. на 02.10.1979 г.) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://docs.cntd.ru/document/1900359?ysclid=l60e1fdxbf770896621> (дата обращения: 24.07.2022).

патентов, полученных на одно и то же изобретение в различных странах. При этом данное положение следует рассматривать без каких-либо ограничений, а именно в том смысле, что патенты, заявки на которые поданы в течение срока приоритета, являются независимыми как с точки зрения оснований признания их недействительными и прекращения действия прав, так и с точки зрения определения срока их действия (ст. 4 bis (1, 2)).

В то же самое время правовая охрана объектов интеллектуальной собственности, включая признание и защиту интеллектуальных прав на такие объекты, может одновременно действовать в различных странах, в том числе в силу заключаемых между государствами международных договоров. Особенно это характерно для объектов интеллектуальной собственности, не подлежащих государственной регистрации и выполнению иных формальных процедур. В этом случае возникает вопрос о выборе правопорядка, который имеет тесную связь с возникшим гражданским правоотношением. Это может быть право страны места совершения гражданского правонарушения или места наступления неблагоприятных последствий для правообладателя, или даже место нахождения суда, рассматривающего соответствующее гражданское дело. Последняя коллизионная привязка, сформулированная, однако, в одностороннем порядке и предусматривающая применение национального права в случае защиты интеллектуальных прав, нашла отражение в Гражданском кодексе РФ. Так, согласно п. 2 ст. 1231 ГК РФ при признании исключительного права в соответствии с международным договором Российской Федерации содержание такого права, его действие, ограничения, порядок его осуществления и защиты определяются Гражданским кодексом РФ независимо от положений законодательства страны возникновения исключительного права, если таким международным договором или Гражданским кодексом РФ не предусмотрено иное.

Помимо *lex loci protectionis* возможны также другие коллизионные привязки в сфере интеллектуальных прав. К примеру, Бернская конвенция предусматривает право страны места происхождения (*lex loci originis*) в отношении срока правовой охраны. Несмотря на то что данный срок по общему правилу определяется законом страны, в которой истребуется охрана, он не может превышать срок, установленный в стране происхождения произведения, если законодательством этой страны не предусмотрено иное (ст. 7(8)). Данная конвенционная норма нашла отражение и в Гражданском кодексе РФ. Согласно п. 4 ст. 1256 ГК РФ предоставление на территории Российской Федерации охраны произведениям в соответствии с международными договорами Российской Федерации осуществляется в отношении произведений, не

перешедших в общественное достояние в стране происхождения произведения вследствие истечения установленного в такой стране срока действия исключительного права на эти произведения и не перешедших в общественное достояние в Российской Федерации вследствие истечения предусмотренного Гражданским кодексом РФ срока действия исключительного права на них. При предоставлении охраны произведениям в соответствии с международными договорами Российской Федерации срок действия исключительного права на эти произведения на территории Российской Федерации не может превышать срок действия исключительного права, установленного в стране происхождения произведения.

В Гражданском кодексе РФ можно встретить и другую коллизионную привязку — *lex loci actus*. Так, согласно п. 3 ст. 1256 ГК РФ при предоставлении на территории Российской Федерации охраны произведению в соответствии с международными договорами Российской Федерации автор произведения или иной первоначальный правообладатель определяется по закону государства, на территории которого имел место юридический факт, послуживший основанием для приобретения авторских прав.

При установлении применимого права к договорному обязательству, предусматривающему передачу или предоставление интеллектуальных прав, традиционно применяется договорный статут, определяемый по другим правилам (в первую очередь на основе автономии воли сторон — *lex voluntatis*). К примеру, в соответствии с Регламентом Европейского Союза о праве, применимом к договорным обязательствам (Римский Регламент I)¹⁷, договорные обязательства могут регулироваться: правом, избранным сторонами (ст. 3); правом страны, в которой сторона, осуществляющая характерное исполнение договора, имеет свое обычное место жительства (ст. 4(2)); правом страны, с которой договорное отношение наиболее тесно связано (ст. 4(4)).

Следует при этом отметить, что Римский Регламент I четко не определяет, какое право должно применяться к договору об отчуждении исключительного права или лицензионному договору. Вопрос должен разрешаться исходя из вышеуказанных коллизионных привязок общего характера, и это может быть право страны, в которой находится правообладатель исключительного права или лицензиар, или право страны, где действует соответствующее исключительное право или разрешается

¹⁷ См.: Regulation (EC) No. 593/2008 of the European Parliament and of the Council of 17 June 2008 on the law applicable to contractual obligations (Rome I) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=celex%3A32008R0593> (дата обращения: 24.07.2022).

использование результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации.

Гражданский кодекс РФ также закрепляет принцип автономии воли сторон, предусматривающий возможность выбрать по соглашению между собой право, которое подлежит применению к их правам и обязанностям по такому договору (ст. 1210). Однако в отличие от Римского Регламента I Гражданский кодекс РФ однозначно определяет применимое право к отдельным договорам, опосредующим оборот интеллектуальных прав. Так, согласно п. 6–8 ст. 1211 ГК РФ в случае отсутствия соглашения сторон договора о применимом праве применяется: в отношении договора коммерческой концессии — право страны, на территории которой пользователю разрешается использование комплекса принадлежащих правообладателю исключительных прав, либо, если данное использование разрешается на территориях одновременно нескольких стран, право страны, где находится место жительства или основное место деятельности правообладателя; в отношении договора об отчуждении исключительного права на результат интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации — право страны, на территории которой действует передаваемое приобретателю исключительное право, а если оно действует на территориях одновременно нескольких стран, право страны, где находится место жительства или основное место деятельности правообладателя; в отношении лицензионного договора — применяется право страны, на территории которой лицензиату разрешается использование результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации, а если такое использование разрешается на территориях одновременно нескольких стран, право страны, где находится место жительства или основное место деятельности лицензиара.

Рассмотренные коллизионные нормы обычно предлагается применять во многих рекомендациях в области интеллектуальной собственности. В частности, одним из таких документов являются Принципы юрисдикции, признания судебных решений и применимого права в транснациональных гражданских спорах в области интеллектуальной собственности, принятые Американским юридическим институтом в 2007 г. (Принципы АЮИ)¹⁸. Согласно статье § 301 (1) данных Принципов право, применимое для определения существования, действительности, продолжительности, особенностей и нарушения прав интеллектуальной

собственности и средств правовой защиты в случае их нарушения, может быть разным и зависит от того, зарегистрировано интеллектуальное право или нет, а именно: для зарегистрированных прав — право каждого государства регистрации; в отношении других прав интеллектуальной собственности — право каждого государства, для которого испрашивается охрана.

Кроме того, Принципы АЮИ содержат ряд положений о нарушении прав интеллектуальной собственности в сети Интернет. В частности, согласно ст. § 321 (1) Принципов АЮИ суд может принять решение обратиться при решении вопросов существования, действительности, продолжительности, особенностей и нарушения прав интеллектуальной собственности и средств правовой защиты от их нарушения к закону государства или государств, имеющих тесную связь со спором, о чем могут свидетельствовать обстоятельства, например: где проживают стороны; где отношения сторон, если таковые имеются, в основном находятся (сосредоточены); масштабы деятельности и инвестиции сторон; основные рынки, на которые стороны направили свою деятельность.

В 2011 г. Европейская группа Макса Планка по коллизионному праву в области интеллектуальной собственности подготовила Принципы коллизионного права в области интеллектуальной собственности (Европейские принципы Макса Планка)¹⁹. В качестве основных коллизионных привязок в ст. 3:101–103 были названы: *lex fori* — право, которое применяется к процедурным вопросам, включая сбор доказательств; *lex protectionis* — право, которое применяется к существованию, действительности, регистрации, объему и продолжительности права интеллектуальной собственности и ко всем другим вопросам, касающимся права как такового; свобода выбора, в соответствии с которой стороны могут выбирать применимое право для передачи, лицензионных соглашений и других контрактов, касающихся права интеллектуальной собственности.

Что касается споров, связанных с нарушением, осуществляемым через средства массовой информации, такие как сеть Интернет, то Европейские принципы Макса Планка в ст. 3:603 предусматривают, что суд может применить закон государства, имеющего наиболее тесную связь с нарушением, если нарушение имеет место в каждом государстве, в котором сигналы могут быть получены. При этом принимаются во внимание следующие

¹⁸ См.: Intellectual Property: Principles Governing Jurisdiction, Choice of Law and Judgments in Transnational Disputes / prepared by the American Law Institute. 2007 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <http://www.wipo.int/wipolex/en/details.jsp?id=7687> (дата обращения: 24.07.2022).

¹⁹ См.: Principles on Conflict of Laws in Intellectual Property / prepared by the European Max Planck Group on Conflict of Laws in Intellectual Property. 2011 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: https://www.ip.mpg.de/fileadmin/ipmpg/content/clip/Final_Text_1_December_2011.pdf (дата обращения: 24.07.2022).

обстоятельства: обычное место жительства нарушителя; основное коммерческое предприятие нарушителя; место, где были осуществлены существенные действия, способствующие совершению нарушения во всей его полноте; место, где ущерб, причиненный нарушением, является существенным по отношению к нарушению в целом.

В Гражданском кодексе РФ отсутствуют нормы, определяющие порядок определения применимого права к интеллектуальным правам, нарушенным в сети Интернет. Представляется, что он должен быть единым — по общему правилу *lex loci protectionis*, т.е. по праву страны, где действует правовая охрана соответствующего объекта интеллектуальной собственности. Поскольку при использовании такого объекта в сети Интернет довольно сложно установить место совершения гражданского правонарушения и другие обстоятельства по делу, в данном случае интеллектуальный статут должен уточняться с учетом различных факторов, указывающих на наиболее тесную связь возникшего гражданского правоотношения с тем или иным государством. Определенную помощь в решении данного вопроса могут дать правила международной подсудности, предусмотренные в Гражданском процессуальном кодексе РФ²⁰ и Арбитражном процессуальном кодексе РФ²¹. В частности, к компетенции российских судов относятся гражданские дела при наличии тесной связи спорного правоотношения с территорией Российской Федерации, к примеру, когда: 1) спор возник из отношений, связанных с государственной регистрацией имен и других объектов и оказанием услуг в международной ассоциации информационно-телекоммуникационных сетей Интернет на территории Российской Федерации (п. 9 ч. 1 ст. 247 АПК РФ); 2) ответчик распространяет рекламу в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, направленную на привлечение внимания потребителей, находящихся на территории Российской Федерации (п. 2 ч. 3 ст. 402 ГПК РФ); 3) истец имеет место жительства в Российской Федерации по делу о прекращении выдачи оператором поисковой системы ссылок, позволяющих получить доступ к информации в информационно-телекоммуникационной сети Интернет (п. 11 ч. 3 ст. 402 ГПК РФ).

Кроме того, в 2017 г. Пленум Верховного Суда РФ в своем постановлении от 27 июня 2017 г. № 23 «О рассмотрении арбитражными судами дел по экономическим спорам, возникающим из отношений, осложненных иностранным элементом»²² (п. 15, 16) дал ряд разъяснений, указав, какие

доказательства могут служить подтверждением наличия тесной связи спорного правоотношения с территорией Российской Федерации. В частности, это может быть, когда сайт с доменным именем, в отношении которого возник спор (за исключением доменных имен в российской доменной зоне), ориентирован в первую очередь на российскую аудиторию, информация о деятельности иностранного лица представлена на сайте, зарегистрированном в российской доменной зоне (например, “.RU”, “.SU” и «.РФ») на русском языке.

* * *

Таким образом, подводя итог, следует заключить, что в сфере интеллектуальной собственности в международном, европейском и российском праве предусмотрены различные коллизионные привязки. Главная из них — *lex loci protectionis*, которая должна определяться как право страны, где действует правовая охрана соответствующего объекта интеллектуальной собственности. В случае его правовой охраны на территории нескольких государств вопрос должен решаться с учетом различных обстоятельств (место происхождения или регистрации объекта интеллектуальной собственности, место совершения гражданского правонарушения, место наступления неблагоприятных последствий для правообладателя, место нахождения компетентного суда и др.) на основе принципа наиболее тесной связи (*lex connectionis fermitatis*).

В то же самое время *lex loci protectionis* не может признаваться единственной в коллизионном регулировании интеллектуальных прав. В частности, *lex voluntatis* или *lex contractus* подлежат применению к договорным отношениям (договору об отчуждении исключительного права, лицензионному договору и т.д.). В случае отсутствия выбора сторонами договора применимого права *lex contractus* может быть определен с использованием нескольких правил, которые развивают общий принцип наиболее тесной связи в международном частном праве (*lex connectionis fermitatis*), а именно: право страны, в которой действует исключительное право; право страны, на территории которой разрешается использование результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации и, как следствие, где исполняется существо лицензионного договора (*lex loci solutionis*); право страны места жительства или основного места деятельности стороны договора, которая осуществляет исполнение, имеющее решающее значение для содержания договора — правообладателя или лицензиара, если исключительное право действует или использование разрешается одновременно на территории нескольких стран.

²⁰ См.: СЗ РФ. 2002. № 46, ст. 4532.

²¹ См.: СЗ РФ. 2002. № 30, ст. 3012.

²² См.: Росс. газ. 2017. 4 июля.

Ряд вопросов в сфере интеллектуальных прав, такие как авторство, предельный срок действия, должны определяться в соответствии с *lex loci originis* как законом страны происхождения соответствующего объекта интеллектуальной собственности, особенно когда для возникновения правовой охраны требуется регистрация или выполнение какой-либо иной формальности. Кроме того, особое внимание необходимо уделять нарушениям интеллектуальных прав в сети Интернет путем установления дополнительных коллизионных норм с использованием такого связующего фактора, как ориентация веб-сайта на конкретное государство (совпадение языка страны и веб-сайта, использование кода страны в доменном имени и т.д.).

Не вызывает сомнения, что вышеназванные коллизионные привязки должны использоваться при определении отдельного статута — интеллектуального статута, определяющего применимое право к интеллектуальным правам, который подлежит обязательному закреплению в разд. VI «Международное частное право» ГК РФ. При этом к сфере действия такого статута следует отнести: авторство; виды охраняемых объектов интеллектуальной собственности; требования к правовой охране объектов интеллектуальной собственности, включая вопросы регистрации и другие формальности, которые необходимо выполнить; виды, содержание и действие интеллектуальных прав, возникающих в отношении объектов интеллектуальной собственности, включая предусмотренные законом ограничения и срок действия правовой охраны; возникновение, осуществление и прекращение интеллектуальных прав, включая допустимые способы распоряжения ими; внедоговорная защита интеллектуальных прав.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гетьман-Павлова И.В. Коллизионное регулирование в праве интеллектуальной собственности // Вестник МГПУ. Сер.: Юридические науки. 2008. № 2 (2). С. 96.
2. Канашевский В.А. Международное частное право. М., 2019. С. 752–755.
3. Крупко С.И. Модификации и толкование коллизионных факторов, основанных на коллизионном прин-

ципе *lex loci protectionis*: сравнительно-правовой аспект // Труды ИГП РАН. 2020. Т. 15. № 5. С. 79–82.

4. Луткова О.В. Специальные коллизионно-правовые принципы регулирования трансграничных авторских отношений // Lex russica. 2018. № 2 (135). С. 131.
5. Маковский А.Л. О кодификации законодательства об интеллектуальной собственности // Закон. 2007. № 10. С. 5–12.
6. Право интеллектуальной собственности / под ред. Л.А. Новоселовой. М., 2022. С. 24–29.
7. Шахназаров Б.А. Общая характеристика системы коллизионно-правового регулирования объектов промышленной собственности // Актуальные проблемы рос. права. 2019. № 2 (99). С. 153.
8. Leanovich E.B. Intellectual property rights in the Internet: extraterritorial recognition or new conflict of law rules // Journal of the Belarusian State University. International Relations. 2017. No. 1. P. 81.

REFERENCES

1. Getman-Pavlova I.V. Conflict-of-laws regulation in Intellectual Property Law // Herald of the Moscow State Pedagogical University. Series: Legal Sciences. 2008. No. 2 (2). P. 96 (in Russ.).
2. Kanashevskiy V.A. Private International Private Law. M., 2019. P. 752–755 (in Russ.).
3. Krupko S.I. Modifications and interpretation of connecting factors based on the *lex loci protectionis* conflict-of-law rule: comparative legal analysis // Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS. 2020. No. 15 (5). P. 79–82 (in Russ.).
4. Lutkova O.V. Special conflict-of-laws principles of regulation of cross-border copyright relations // Lex russica. 2018. No. 2 (135). P. 131 (in Russ.).
5. Makovskiy A.L. On codification of legislation on intellectual property // Law. 2007. No. 10. P. 5–12 (in Russ.).
6. Intellectual Property Law / ed. by L.A. Novoselova. M., 2022. P. 24–29 (in Russ.).
7. Shakhnazarov B.A. General characteristics of the system of conflict-of-laws regulation of industrial property objects // Actual problems of Russian law. 2019. No. 2 (99). P. 153 (in Russ.).
8. Leanovich E.B. Intellectual property rights in the Internet: extraterritorial recognition or new conflict of law rules // Journal of the Belarusian State University. International Relations. 2017. No. 1. P. 81.

Сведения об авторе

ЛИСИЦА Валерий Николаевич — доктор юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник сектора гражданского и предпринимательского права Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Author's information

LISITSA Valeriy N. — Doctor of Law, Associate Professor, Leading Researcher of the Civil and Entrepreneurial Law Sector, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

СООТНОШЕНИЕ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ИСЛАМА В АРАБСКИХ СТРАНАХ

© 2023 г. К. В. Карпенко

Московский государственный институт международных отношений (МГИМО) МИД России

E-mail: kvk_1973@mail.ru

Поступила в редакцию 10.01.2022 г.

Аннотация. В статье сопоставлены Мединское соглашение 622 г. н.э. и современные арабские конституции в свете проблемы прав человека. Известно, что Мединское соглашение не оказало существенного влияния на последующее конституционное развитие в арабском мире, однако, как показывает автор, вопросы правового статуса личности возникают в исламе сразу после хиджры. Мухаммед стремился примирить между собой представителей разных исповеданий (мусульман, христиан и иудеев), населявших в то время Медину, и основать государство на твердом фундаменте истинной веры. Схожая проблема существует в арабских странах и сегодня, когда, с одной стороны, ислам объявляется государственной религией, а с другой — декларируется свобода совести, при условии уважения закона, нравов и обычаев отдельно взятого государства.

Ключевые слова: права человека, Мединское соглашение, ислам, шариат, конституция, свобода совести, «арабская весна».

Цитирование: Карпенко К.В. Соотношение прав и свобод человека и ислама в арабских странах // Государство и право. 2023. № 7. С. 147–155.

DOI: 10.31857/S102694520018174-2

RELATIONSHIP BETWEEN HUMAN RIGHTS AND FREEDOMS AND ISLAM IN ARAB COUNTRIES

© 2023 K. V. Karpenko

Moscow State Institute of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (MGIMO)

E-mail: kvk_1973@mail.ru

Received 10.01.2022

Abstract. The article compares the Medina Agreement of 622 A.D. and modern Arab constitutions in the light of human rights issues. The Medina Agreement did not have a significant impact on the subsequent constitutional development in the Arab world, however, as the author shows, questions of the legal status of a person arise in Islam immediately after the Hegira. Muhammad strove to reconcile among themselves the representatives of different confessions (Muslims, Christians and Jews) who inhabited Medina at that time, and to establish the state on a solid foundation of true faith. A similar problem exists in Arab countries today, when, on the one hand, Islam is declared the state religion, and on the other, freedom of conscience is declared, subject to respect for the laws, morals and customs of a particular state.

Key words: human rights, Medina Agreement, Islam, Sharia, constitution, freedom of faith, “Arab Spring”, constitution.

For citation: Karpenko, K.V. (2023). Relationship between human rights and freedoms and Islam in Arab countries // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 7, pp. 147–155.

Введение

Арабские страны являют собой широкое поле для историко-правовых исследований. Мусульманская религия, образующая их самобытность, не утратила своей актуальности. В подавляющем большинстве арабских государств ислам признается государственной религией на конституционном уровне. Исключения составляют лишь Сирия и Ливан. В Сирии Конституция 2012 г. (как и предыдущая 1973 г.) требует мусульманского исповедания от главы государства (ст. 3). А вопросы личного статуса рассматриваются там шариатскими судами. При умолчании в законе им предписано руководствоваться положениями фикха ханифитского толка¹. В Ливане многоконфессиональный состав населения стал причиной мозаичного правового регулирования в области личного статуса. Вместе с тем, например, обязательственное право построено по образцу Французского гражданского кодекса (Кодекс Наполеона) 1804 г.², что, разумеется, не исключает и национальной специфики.

Но мусульманский мир не существует отдельно от остального человечества. Наряду с исламом современные арабские государства признают многие образцы европейских, «западных» правовых институтов, хотя их рецепция отличается своеобразием как в области их закрепления в конституционных текстах, так и в области применения. Например, конституционный контроль присутствует в большинстве арабских государств, причем построен он преимущественно по кельзеновской модели специализированных судебных учреждений³. Эволюция конституционной юстиции свидетельствует о постепенном, хотя и медленном, усилении ее позиций. Конституционные советы в Марокко и Тунисе преобразованы в конституционные суды (в 2011 и 2014 гг. соответственно); в Алжире, Мавритании и Ливане они сохраняют прежнее наименование, но являются полноценными судебными органами⁴. Европейские образцы оказывают немалое влияние и на правовой статус личности. Сегодня арабские страны, по нашему мнению, демонстрируют любопытную конституционную динамику, сохраняя историческую приверженность исламу и адаптируясь в то же время к западным либеральным ценностям. В этой связи представляется полезным

изучить своеобразие природы прав и свобод человека в мусульманском мире (I) с тем, чтобы далее проследить их текущее конституционное регулирование (II).

I. Религиозно-юридическая природа прав и свобод человека в исламе

Ислам, как известно, исходит из безусловной преданности человека Богу⁵. Но подобное «предание себя» необязательно проистекает из слепой и пассивной веры. Оно скорее указывает на целостность мироощущения. Арабское слово «мусульманин» означает одновременно и «покорный» и «целостный», «неделимый». Правовой подчиняется Аллаху как единое целое, а Бог управляет всеми поступками и помыслами человека. В семантическом отношении слово «мусульманин» аналогично принятому в европейской конституционной традиции обозначению человека как индивида. Последний термин, пришедший из латыни (*individuum*), также означает «неразделенный», «нерасщепленный», что подчеркивает комплексность принадлежащих человеку свойств, включая права и свободы. Представляется уместным заметить, что субъектность личности одинаково признается как в исламском мировоззрении, так и в «западном», европейском. Добавим также, что самоназвание религии — «ислам» — происходит от глагола “*aslama*”, буквально означающего «готовность бросить вызов смерти», «самопожертвование»⁶. Едва ли такой поступок может быть совершен неосознанно. Правовой индивид, выбирая модель поведения, не утрачивает своей цельности и не теряет свою волю.

Семантика корня “*slm*” вышеназванных слов (ислам, мусульманин) не ограничивается лишь указанными значениями. Их можно дополнить понятиями «безопасность» и «благополучие», которые в арабском языке обозначаются как “*salām*”. Едва ли сильно ошибемся, если скажем, что с точки зрения исламской религии принятие Бога является залогом мирного, спокойного существования. В этом заключается кораническое значение Алест Безми — договора между Богом и человеком⁷. Права и свободы тогда в полной мере оказываются обусловлены верой (1), что и проявилось уже в первых попытках установления публичного правопорядка (т.е. государства) в исламе (2).

1. Исламское происхождение прав и свобод

Принятие человеком ислама предполагает, что религия охватывает всю полноту жизни правоверного.

⁵ См.: Гольдцигер И. Лекции об исламе. СПб., 1912. С. 4.

⁶ Bravmann M. M. The spiritual background of early Islam: studies in ancient Arab concepts. Leiden, 1972. P. 8, 9.

⁷ См.: Коран, 2:25 (27) / пер. И.Ю. Крачковского. Ростов н/Д., 1998.

¹ См.: Carlisle J. La charia et la loi dans le contexte de la Syrie laïque et socialiste // La charia aujourd'hui. Usages de la référence au droit islamique; sous dir. B. Dupret. Paris, 2012. P. 129.

² См.: Al-Dabbagh H. Le droit comparé comme instrument de modernisation: l'exemple des codifications civiles des États arabes du Moyen-Orient // Revue de droit Université de Sherbrook. 2013. Vol. 43. No. 1–2. P. 398, 399.

³ Кроме Ирака и ОАЭ, где конституционный контроль осуществляют суды общей юрисдикции.

⁴ См.: Youssef N. Le Liban: la transition inachevée vers l'Etat de droit // Revue française de droit constitutionnel. 2013. No. 95. P. 743.

Любые события и явления окружающего мира воспринимаются как составные части божественного замысла. Индивидуальные права и свободы включаются в целостную картину мира религии, и предстают как чистый дар Бога⁸. Такая постановка вопроса исключает проблему их естественности. Поскольку права и свободы предоставлены свыше, они обусловлены религией и существуют в ее рамках. Это означает, что ислам определяет не только их форму, но и содержание.

Права и свободы личности всегда реализуются в повседневной жизни, в разнообразных взаимных правоотношениях⁹. Очевидно, что права и свободы испытывают на себе влияние той общественной среды, в которой они находятся. Они меняются вместе с ней, приобретая порой новое смысловое наполнение. Применительно к исламу октроированный характер прав и свобод накладывает на них известные ограничения. Будучи результатом воли Аллаха, они совершенны уже в самом источнике, их содержание изначально является полным и неизменным. В противном случае пришлось бы усомниться во всезнании Бога, что логически невозможно в рамках религиозной парадигмы. Поскольку совершенство прав и свобод не оспаривается, правоверному остается лишь пользоваться ими, приспособляя их к потребностям повседневного юридического быта. Приспособление осуществляется с опорой на священные тексты Корана и Сунны Пророка, а выявлением их смысла занимается, как известно, специальная наука — *аль-фикх*, — которая формулирует шариатские правила поведения¹⁰.

Отсутствие естественности у прав и свобод порождает у человека необходимость их «заслужить», показать, что он достоин пользоваться ими. Для этого требуются некоторые активные действия, демонстрирующие намерения. Принятие ислама или признание власти *уммы* в действительности служили такими юридическими фактами, порождавшими правоотношения внутри общины. Соответственно, последующий отказ от выраженных намерений отменяет все порожденные ими последствия, например, лица, признавшие власть Пророка, а позже отказавшиеся подчиняться, утрачивают свои права. Пользование правами, таким образом, носит не абстрактный, а конкретный характер, зависящий от воли человека.

Таким образом, в исламе права и свободы исторически не существуют отдельно от предписаний

религии. Последняя обуславливает их содержание, придавая им порой весьма специфический смысл. Они являются частью религиозного мировоззрения и, как следствие, подчиняются религиозным требованиям. Иерархия мусульманских ценностей, в которой религия занимает высшее положение, предстает тогда вполне оправданной. Поэтому конституции современных арабских государств признают и защищают права и свободы человека преимущественно в рамках ислама¹¹.

2. Принципы правового статуса личности в умме

Правовая доктрина, изучающая арабский конституционализм, долгое время придерживалась мнения, что ислам несовместим с индивидуальными правами и свободами¹². Однако внимательный взгляд на историю становления этой религии убеждает нас в необходимости более взвешенной позиции. Первым документом государственно-правового значения в истории ислама является т.н. Мединская конституция, или Мединское соглашение. Как известно, Мухаммед, перебравшись со своими сторонниками из Мекки в Медину летом 622 г. (по христианскому летоисчислению), оказался в центре довольно сложной социальной обстановки. Принявшие его жители Медины в этническом отношении составляли на тот момент два племена южно-арабского корня, находившиеся в давней взаимной вражде: авсы и хазраджы. Кроме того, в Йасрибе (доисламское название Медины известное с середины первого тысячелетия до н.э.) помимо арабов проживало тогда немало иудеев. Мухаммед и как Пророк, и как глава некоторой группы людей, взялся примирить первых и привлечь в качестве союзников вторых. С этой целью, как показал в свое время Р.Б. Сёрджант, Мухаммед заключил в общей сложности восемь соглашений в период с 622 по 628 г.¹³ Компиляция этих документов и получила в науке наименование «Мединская конституция»¹⁴. К сожалению, их подлинники утрачены, однако же и сомнения в их оригинальности, вроде бы, не подтверждаются. Поэтому полагаем уместным опираться на их положения в том виде, в котором они нам известны из позднейших

¹¹ Например, конституции Бахрейна (ст. 22), Катара (ст. 50), Кувейта (ст. 35), Омана (ст. 28).

¹² См.: Heydemann S. La question de la démocratie dans les travaux sur le monde arabe // Critique internationale. 2002. No. 17. P. 54–62.

¹³ См.: Serjeant R. B. The “Sunnah Jāmi’ah”, pacts with the Yathrib Jews, and the “Tahrīm” of Yathrib: analysis and translation of the documents comprised in the so-called “Constitution of Medina” // Bulletin of the school of Oriental and African studies. 1978. Vol. 41. No. 1. P. 8.

¹⁴ Галиуллина С.Д., Нуриев Б.Д. Мединское соглашение (622 г.) как один из важнейших нормативных документов мусульманского права // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2015. № 6. С. 186.

⁸ См.: Mawdudi A. Human rights in Islam. Leicester, 1976. P. 15.

⁹ См.: Трубецкой Е.Н. Энциклопедия права. СПб., 1999. С. 16.

¹⁰ См.: Сюкияйнен Л.Р. Общие принципы фикха как отражение юридических особенностей исламского права // Право. Журнал ВШЭ. 2018. № 3. С. 55, 56.

исторических сообщений. И в первую очередь нас интересуют два наиболее ранних текста, т.н. списки «А» и «В», датируемые 622 г. н.э.

В отношении прав и свобод Мединское соглашение весьма показательно. Между арабами, как *мухаджирами* (пришедшими с Пророком из Мекки), так и *ансарам* (жителями Медины, ранее принявшими ислам), устанавливались отношения побратимства¹⁵. Благодаря этому Мухаммед преодолевал племенной партикуляризм и поднимал своих последователей на более высокий уровень общности. Отныне мусульмане становились единым народом, соединенным единой верой, перед которой меркли прошлые племенные разногласия. А единый народ, как известно, всегда становится политическим субъектом, способным создать государство¹⁶. Мединское соглашение, таким образом, положило основание будущему государственному правопорядку правоверных. Учитывая этот практический результат, мы готовы согласиться с тем, что данный документ допустимо называть «конституцией», как делает ряд ученых¹⁷. Но оговоримся, что под конституцией в данном контексте мы разумеем ее узкое понимание, т.е. формальную основу нарождающегося государства. Совершенно очевидно, что «Мединская конституция» Мухаммеда весьма далека от современного понимания ее как нормативного правового акта, ограничивающего власть и провозглашающего принципы правового статуса личности.

Заключенный Пророком документ касался и иногородцев Медины — иудеев. Для них была установлена свобода вероисповедания, равно как и гарантия имущественной неприкосновенности. Эти два принципа вполне допустимо квалифицировать как конституционные, коль скоро они регулировали правоотношения между несколькими разными группами лиц в пределах единого правопорядка. Однако применение этих принципов было обусловлено признанием со стороны иудеев власти мусульманского государства над собой. Это объясняется тем, что религиозное равенство, провозглашенное Пророком, распространялось лишь на мусульман, т.е. люди равны между собой в мире ислама потому, что они принадлежат к одной вере. За пределами же религиозных переживаний, в частности в гражданских и политических отношениях, равенство может быть только вторичным, «дозволенным» религией. Неверные изначально исключаются из религиозно-правовой системы ислама, и признаются в дальнейшем в ней лишь как

исключение. Предоставление им прав есть уступка¹⁸. Отсюда ясно, что принятие ислама, т.е. признание первичного равенства в Боге, автоматически означает и наделение всеми прочими правами: из первого вытекает второе. Как легко предположить, иудеи не спешили отказаться от веры своих предков. Следовательно, Мухаммеду пришлось выработать юридическую формулу совместного с ними проживания. Они должны были признать его власть (как отмечено выше) и уплатить подушную подать (*джизья*). Эти действия были условиями пользования гражданскими правами.

Согласно наиболее ранней редакции «Мединского соглашения» (список «А») иудейские жители города включались в состав *уммы* наравне с правоверными¹⁹. Пророк подтвердил не только их право на собственную веру (ст. 27) и имущество, но и обещал им помощь и поддержку. Он также обязался не оказывать содействие их врагам. Со стороны иудеев же требовалось, как сказано в ст. 17, присоединение к мусульманам. Таковое, очевидно, предполагало признание авторитета Мухаммеда. Подчеркнем, что данное правило составлено по синаллагматической (взаимообязывающей) формуле, характерной для отношений между равными сторонами. Обычно таким способом заключаются частноправовые договоры, но в нашем случае мы видим применение этой формулы к отношениям публичного права. Принцип взаимности сам по себе является наиболее полным выражением справедливости, которая, в свою очередь, составляет нравственную сущность права: *ius est ars boni et aequi*. По всей видимости, уровень правосознания в Мединской общине был достаточно высок.

Ранняя редакция Мединского соглашения создавала прообраз политической общности, когда единственным критерием принадлежности к ней становится подчинение высшей власти. Характерно, что в изучаемом документе мы обнаруживаем однозначное указание на такую власть. По всей видимости, Мухаммед уже приобрел достаточный авторитет, чтобы заставить население подчиняться себе. В ст. 39 списка «А» и ст. 30 списка «В» говорится о необходимости получить разрешение Пророка на выезд из города. Исследователи расходятся во мнении, на кого именно распространялось данное положение: на всех жителей города или только на иудеев. Поскольку обеим статьям предшествуют положения, посвященные иудеям, можно предположить, что данное требование адресуется им же. Однако это верно лишь в том случае, если

¹⁵ См.: Крымский А.Е. История мусульманства. М., 1904. С. 51.

¹⁶ См.: Мюллер А. История ислама. СПб., 1895. Т. 1. С. 106, 107.

¹⁷ См.: Hamidullah M. The first written constitution in the world: an important document of the time of the Holy Prophet. Lahore, 1975.

¹⁸ См.: Капустин М.Н. История права. Курс лекций // Временник Демидовского юридического лицея. 1872. Кн. 3. С. 233.

¹⁹ См.: Bellahcene Y. Le Pacte de Médine (VIIe siècle): une relecture critique. Paris, 2017. P. 27–35. URL: <https://tel.archives-ouvertes.fr/tel-02079610/document> (дата обращения: 18.10.2021).

мы уверены, что Соглашение было составлено одновременно и не подвергалось последующей правке. А в этом как раз есть сомнения. Но данная проблема относится уже к области источниковедения и выходит за рамки нашего изложения. Для наших же целей важно отметить, что в любом случае разрешение Пророка требовалось для выезда из города, к кому бы оно ни относилось. Это однозначно подтверждает обладание им некоторым весьма значительным объемом полномочий. Мухаммед после хиджры, оставаясь религиозным лидером, превращался также в светского правителя, на которого ложились обязанности управления известной территорией, т.е. городом Мединой. Территориальный масштаб власти, таким образом, создавал материальный фундамент будущего политического объединения. Права же и свободы жителей (всех или части) становились, следовательно, объектом правового регулирования, а это и придает им юридическое значение.

Текст Мединского соглашения дает еще один любопытный пример роста светской власти Пророка. Согласно ст. 25 и 51 списка «А» и ст. 22 и 34 списка «В» Мухаммед приобретал полномочия по разрешению споров между жителями города. Представляется допустимым говорить здесь о начале судебной власти. «Мединская конституция», следовательно, не только закрепляет за жителями города некоторые права, но и предоставляет им путь их защиты. Не вызывает сомнений тот факт, что Мухаммед стремился таким способом установить ясный и предсказуемый порядок урегулирования конфликтов. В то же время рассматриваемый документ (оба списка) упоминает о кровной мести и о принципе талиона, что можно объяснить переходным характером социальных отношений в Медине, жители которого еще не изжили своих старинных обычаев.

Мединское соглашение, без сомнения, регулировало определенные аспекты правового статуса личности. Оно признавало за человеком некоторые права и свободы, устанавливая, в то же время, порядок пользования ими, равно как и их ограничения. Длительное применение на практике этого документа, очевидно, могло бы служить образцом мирного и взаимовыгодного религиозно-политического сосуществования лиц разных исповеданий и происхождения. Досадно, что этого не произошло. Как известно, через несколько лет после хиджры, но еще при жизни Пророка иудеи были исключены из состава *уммы*, а частью подверглись истреблению²⁰.

Таким образом, мы склонны сформулировать вывод, что права и свободы в исламе изначально

существуют по воле Бога, а не человека. Они не являются естественными в «западном» смысле этого слова, а их содержание зависит от религиозных догматов. Для пользования ими необходимо совершить юридически значимые действия, а именно принять мусульманскую веру или признать власть мусульманской общины.

II. Конституционализация прав и свобод человека в исламе

Арабский мир познакомился с понятием конституции и конституционализма достаточно поздно, по сравнению с европейскими государствами. Напомним, что первая арабская конституция появилась в Тунисе в 1861 г. на французском языке. Повсеместное распространение конституций в арабском мире приходится уже на вторую половину XX в. Арабские страны демонстрируют удивительное сочетание религии и прав человека в конституционном регулировании (1), что с неизбежностью накладывает отпечаток и на их реализацию (2).

1. Ислам и права человека в арабских конституциях

Все ныне действующие арабские конституции закрепляют исламскую религию в качестве государственной²¹. Но степень ее проникновения в право различна в разных странах. В арабских государствах Машрика²² наряду с господствующим положением ислама нередко шариат объявляется источником или основой законодательства²³. Ясно, что это требование относится к парламенту, именно он должен следить за тем, что принимаемые им законы не нарушают предписаний Корана и Сунны Пророка²⁴. Суды со своей стороны обладают известной долей усмотрения и не вправе отказать в применении закона, который не соответствует религиозным предписаниям.

Закрепление ислама и шариата в качестве ведущих конституционных принципов не препятствует

²¹ Конституции Марокко (ст. 3), Алжира (ст. 2), Туниса (ст. 1), Египта (ст. 2), Мавритании (ст. 5), Кувейта (ст. 2), Катара (ст. 1), Омана (ст. 2), Ирака (ст. 2), Иордании (ст. 2), Основы правления Саудовской Аравии (ст. 1).

²² Машрик (*араб.* Восход) — исторический регион, находящийся к востоку и северо-востоку от колыбели мусульманской цивилизации — Мекки и Медины. Вопрос о том, какие государства входят в него, остается в современном исламоведении дискуссионным. Наиболее узкое прочтение включает в Машрик такие страны, как Кувейт, Ирак, Сирия, Иордания, Палестина. Данная позиция нам ближе. В широком понимании Машрик включает в себя еще Египет и Судан. Регион к западу от Аравии называется Магриб (*араб.* Закат). К нему относятся Марокко, Мавританию, Алжир, Тунис, Ливию, а некоторые авторы и Египет.

²³ Конституции Йемена (ст. 3), Кувейта (ст. 2), Омана (ст. 2), Бахрейна (ст. 2), Катара (ст. 1), Египта (ст. 2).

²⁴ См.: Сюкияйнен Л. Р. Конституционный статус шариата как источника законодательства в арабских странах // Право. Журнал ВШЭ. 2016. № 4. С. 208–210.

²⁰ См.: *Djaït H.* La Grande Discorde. Religion et politique dans l'Islam des origines. Paris, 2008. P. 47–49.

арабским государствам признавать в таком же ключе и индивидуальные права и свободы. В действующих конституциях им отводится важное место, вполне сопоставимое с европейской традицией. Получается, что религиозные предписания не противоречат личной свободе, хотя стереотипному представлению об исламе это трудно принять. На самом деле этому не стоит удивляться, коль скоро история становления ислама дает наглядный пример, что религиозное сознание отнюдь не чуждо ни свободе, ни равенству, ни демократической системе управления²⁵. Позволим себе высказать тезис, что историческое наследие эпохи Пророка способно объяснить нынешнее соединение в арабских странах ислама и шариата, с одной стороны, и прав человека — с другой.

Конституционная динамика арабского мира последних десятилетий свидетельствует о неуклонном расширении пространства прав и свобод личности. Вместе с тем приверженность общества исламу также не ослабевает. Политические протесты в арабских государствах не направлены против религии как таковой, они скорее указывают на имеющиеся отступления от «истинной» исламской традиции. Даже масштабные события «арабской весны» 2011–2013 гг. не привели к отказу от фундаментальной роли ислама и шариата в конституционном регулировании. Как отмечают исследователи, в арабских странах сегодня требование большей свободы часто означает и больше ислама²⁶.

Сочетание ислама и прав человека в современных конституционных текстах арабских государств обусловлено тем общеизвестным фактом, что религия возникает раньше государственности. Первичность ее происхождения превращает ее в фундамент публичного правопорядка. Образующееся в дальнейшем государство опирается на догматы веры и в соответствии с ними формулирует свою политику. Отсюда появляется убеждение, что ислам способен ограничить земную власть. Поэтому в арабском мире сопротивление авторитаризму не ведет к отрицанию религии. Как раз наоборот, авторитарная власть воспринимается как отклонившаяся от истинных целей ислама. Нормы религии, таким образом, становятся эталоном государственной (светской) политики.

Права и свободы, со своей стороны, обуславливают поведение человека не только в обществе себе подобных, но и в государстве. Объем прав и свобод

показывает уровень участия личности в политических отношениях. Соответственно, если ислам способен ограничить земную власть правителя, то он же может и расширить возможности самореализации человека. Иными словами, сокращение полномочий власти всегда влечет за собой увеличение индивидуальной свободы. Власть и население в этом смысле напоминают сообщающиеся сосуды. Это, по всей видимости, верно для любого государства, но применительно к арабским странам, подчеркнем, что наполняемость этих «сосудов» определяется религией: представления об «истинных» мусульманских ценностях требуют уменьшения властных полномочий, ограничения авторитаризма, и они же (ценности) означают расширение прав и свобод личности. Ислам, следовательно, в арабских государствах выступает общим фундаментом для власти и общества, и в этом качестве он способен обеспечить приемлемый уровень стабильности²⁷. Такова, как представляется, главная особенность конституционного статуса личности в арабских странах.

Содержание отдельных прав и свобод мало чем отличается от того, которое нам известно по европейскому конституционному праву. Все арабские конституции говорят о безусловном равенстве граждан перед законом, о запрете дискриминации, о свободе слова, мысли, печати, неприкосновенности личности и жилища, о презумпции невиновности и запрете пыток и проч. В ряде государств теперь конституционно закрепляется право на жизнь (Марокко, ст. 20; Тунис, ст. 22). В Египте свобода даже названа естественным правом (ст. 54). Политические права, равно как и социально-экономические, также закреплены весьма широко и, если судить только по тексту конституций, осуществляются вполне свободно.

Однако же и особенности в содержании прав и свобод тоже присутствуют. Так, после «арабской весны» во многих конституционных текстах появились специальные положения, посвященные женщинам. Не секрет, что их правовое положение с точки зрения международных стандартов всегда выглядело ущемленным по сравнению с мужчинами. Пожалуй, наиболее защищенным следует признать правовое положение женщин в Тунисе, где они уравниваются с мужчинами, например, в семейных отношениях, включая развод и опеку. В прочих арабских конституциях государство обязуется отныне обеспечивать равный доступ мужчин и женщин на рынок труда, равно как и к должностям государственной службы (Алжир, ст. 36; Марокко, ст. 19; Сирия, ст. 23). Государство способствует росту политического представительства

²⁵ См.: *Rabbath E.* La théorie des droits de l'homme dans le droit musulman // *Revue internationale de droit comparé.* 1959. No. 11–4. P. 677.

²⁶ См.: *Ahmed D., Ginsburg T.* Constitutional islamization and human rights: the surprising origin and spread of Islamic supremacy in constitutions // *Virginia journal of Constitutional Law.* 2014. No. 54. P. 619.

²⁷ См.: *Сапронова М.А.* Конституционная регламентация ислама в арабских странах // *Россия и мусульманский мир.* 2006. № 9. С. 182.

женщин в органах власти и защищает их от домашнего насилия (Египет, ст. 11; Тунис, ст. 34, 46; Ирак, ст. 20, 49). В конституциях эмиратов Персидского залива правовое положение женщин специально не оговаривается, но за ними нередко закрепляется известное количество мест в представительных учреждениях. Так, квотирование состава парламента по половому признаку применяется в Бахрейне и Омане. Из стран Машрика схожая ситуация наблюдается в Иордании и Ираке (15 мест в Собрании депутатов и 25% мест в нижней палате парламента соответственно).

Еще одной особенностью статуса личности в арабских конституциях следует назвать свободу совести. Она повсеместно декларируется, однако ее понимание несколько отличается от европейского. Дело в том, что в арабских странах не признается право на смену религии, так как она со времен Пророка служит основанием гражданского состояния. Отказываясь от религии, человек разрушает единство *уммы*, ставит под угрозу правопорядок. Не случайно уголовное наказание за вероотступничество обосновывается необходимостью защитить безопасность, здоровье и нравственные устои общества, т.е. в целом публичный интерес. Важно отметить, что в 1966 г. текст Международного пакта о гражданских и политических правах был составлен с учетом требований арабских государств. Из него изъяли право на смену религии (ст. 18) и право вступать в брак независимо от религиозной принадлежности (ст. 23). В действующей редакции Пакта говорится лишь о праве исповедовать и принимать религию, но не изменять ее²⁸.

Таким образом, конституции арабских государств в целом удовлетворяют формальным мировым стандартам признания прав и свобод человека. Некоторые особенности их формулировки объясняются мировоззренческими и историческими установками, а ислам как государственная религия способствует более широкому конституционному регулированию прав и свобод. При этом практическая реализация индивидуальных свобод во многом остается проблематичной.

2. Специфика осуществления прав и свобод в арабских странах

В современных арабских странах формальная закреплённость прав и свобод в конституциях нередко уживается с ограничениями при их реализации. Так, в Конституции Бахрейна (ст. 22) абсолютная свобода совести обусловлена соблюдением обычаев страны. В Катаре (ст. 50), Омане (ст. 28), Иордании (ст. 14) отправление религиозных культов гарантировано всем и каждому, но при условии соблюдения

общественного порядка и требований нравственности. Подобные формулировки содержат немалый потенциал для злоупотреблений. Ведь нормы обычного права нигде не записаны, а требования нравственности могут толковаться весьма широко. Органы исполнительной власти и даже суд обладают в этом случае широким пространством для усмотрения при регулировании прав и свобод.

В арабских государствах существуют и создаются различные ассоциации, не связанные напрямую с государством, которые занимаются мониторингом соблюдения и реализации прав и свобод. Однако их деятельность часто затруднена пропорционально их вмешательству в политический процесс. Деятельность организаций, направленная на расширение социально-экономических прав, встречает благосклонное отношение власти, поскольку это способствует улучшению жизни граждан, привлекает капиталовложения и не угрожает непосредственно имеющемуся режиму. Напротив, ассоциации, активно вмешивающиеся в процедуру защиты прав и свобод, особенно политических, вызывают ответную реакцию государства. Последнее отказывает им в регистрации, создает параллельные структуры, играющие роль симулякров активности гражданского общества. Наконец, государство может прибегать и к прямым репрессиям против членов таких организаций²⁹. Таким образом, общественный контроль за соблюдением прав и свобод в арабском мире нуждается в совершенствовании.

Вместе с тем судебная практика в некоторых арабских странах показывает высокую результативность в деле защиты индивидуальных прав и свобод. Так, Верховный конституционный суд Египта может служить в известном смысле примером успешного развития конституционной юстиции в мире ислама. Еще в 1987 и 1990 гг. Суд объявил неконституционными два закона о выборах в парламент на том основании, что они ущемляли избирательные права независимых кандидатов. Результатом этих решений стал роспуск Народного собрания. В 1995 г. Суд признал противоречащим Конституции положение закона, запрещавшего государственным служащим вступать в брак с иностранками. При этом Суд опирался на нормы шариата, которые защищают частную жизнь и поощряют создание семьи. С 1980 г., как известно, принципы шариата являются по Конституции Египта главным источником законодательства (ст. 2). Это означает, что любой закон, изданный после этой даты, должен им соответствовать.

Существующий с 2011 г. в Марокко Конституционный суд (ранее Конституционный совет) показал

²⁸ См.: *Tavernier P.* Les Etats arabes, l'ONU et les droits de l'homme. La Déclaration universelle des droits de l'homme et les Pactes de 1966 // *Islam et droits de l'homme*. Paris, 1994. P. 64, 65.

²⁹ См.: *Lavorel S.* Les constitutions arabes et l'Islam. Sainte-Foy, 2005. P. 153.

себя активным защитником прав и свобод, продолжая свою же традицию, начатую еще в 1992 г. Немалое количество рассматриваемых им дел касается нарушений законодательства о выборах. Это может быть неправомерная агитация, использование запрещенной символики³⁰, отсутствие у кандидата избирательных прав³¹ или осуществление давления на избирателей. В то же время некоторые его толкования кажутся неправомерными. Так, в 2001 г. Суд признал конституционным новый Закон, освобождавший Вооруженные Силы Марокко от уплаты налогов на импорт мясных продуктов. Это освобождение устанавливалось с 1996 г., т.е. обладало обратной силой, тогда как Конституция этого не допускает. Но Конституционный суд посчитал, что принцип запрета обратной силы закона не обладает абсолютным значением.

Весьма специфическая ситуация сложилась в Саудовской Аравии, где женщины, пожалуй, являются наиболее бесправными. Юридически они всецело зависят от своих ближайших родственников-мужчин (отцов, мужей, братьев) и без их согласия не могут даже покидать жилище. Сомневаемся, что это соответствует истинным предписаниям ислама, но консервативные круги саудитов неохотно соглашаются на какие-либо послабления. Тем не менее в 2011 г. король объявил о предоставлении саудовским женщинам активного и пассивного избирательного права. Первые выборы с их участием состоялись в 2015 г. Результат оказался более чем скромным, слишком мало женщин воспользовалось своим правом голосовать и еще меньше реализовало свое право быть избранной. Но это были лишь первые такие выборы. В 2018 г. новый Закон разрешил саудовским женщинам водить автомобиль, как-то право можно смело назвать социально-экономическим, так как его отсутствие вынуждало их прибегать к услугам частных водителей или такси, что сильно увеличивает расходы семейного бюджета. Новое субъективное право породило и новые возможности для женщин, поскольку обучать их вождению и знанию ПДД могут только женщины. Продажа автомобилей женщинам осуществляется также женщинами, что способствует увеличению в целом их занятости на рынке труда. Всё вместе ведет к постепенному росту самостоятельности и независимости женщин в саудовском обществе.

* * *

Подводя итог исследованию, необходимо отметить, что права человека в арабском мире не являются чуждым элементом, так как потребность в них возникает уже на раннем этапе становления *уммы*.

³⁰ См.: Décision No. 87/19 CE du 8.01.2019. URL: <https://www.cour-constitutionnelle.ma> (дата обращения: 10.11.2021).

³¹ См.: Décision No. 19/100 OB du 18.12.2019. URL: <https://www.cour-constitutionnelle.ma> (дата обращения: 10.11.2021).

Религиозное происхождение прав и свобод придает им специфическое содержание, раскрытие которого возможно лишь в рамках ислама. Нередко встречающиеся в арабских странах нарушения прав человека объясняются, как нам кажется, не всегда обоснованным стремлением изъять их из области религиозного и превратить их в орудие борьбы светской личности с государством. Но для правоверных такая борьба не представляется актуальной.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Галиуллина С.Д., Нуриев Б.Д. Мединское соглашение (622 г.) как один из важнейших нормативных документов мусульманского права // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2015. № 6. С. 186.
2. Гольдцигер И. Лекции об исламе. СПб., 1912. С. 4.
3. Капустин М.Н. История права. Курс лекций // Временник Демидовского юридического лица. 1872. Кн. 3. С. 233.
4. Коран, 2:25 (27) / пер. И.Ю. Крачковского. Ростов н/Д., 1998.
5. Крымский А.Е. История мусульманства. М., 1904. С. 51.
6. Мюллер А. История ислама. СПб., 1895. Т. 1. С. 106, 107.
7. Сапронова М.А. Конституционная регламентация ислама в арабских странах // Россия и мусульманский мир. 2006. № 9. С. 182.
8. Сюкияйнен Л.Р. Конституционный статус шариата как источника законодательства в арабских странах // Право. Журнал ВШЭ. 2016. № 4. С. 208–210.
9. Сюкияйнен Л.Р. Общие принципы фикха как отражение юридических особенностей исламского права // Право. Журнал ВШЭ. 2018. № 3. С. 55, 56.
10. Трубецкой Е.Н. Энциклопедия права. СПб., 1999. С. 16.
11. Ahmed D., Ginsburg T. Constitutional islamization and human rights: the surprising origin and spread of Islamic supremacy in constitutions // Virginia journal of Constitutional Law. 2014. No. 54. P. 619.
12. Al-Dabbagh H. Le droit comparé comme instrument de modernisation: l'exemple des codifications civiles des États arabes du Moyen-Orient // Revue de droit Université de Sherbrook. 2013. Vol. 43. No. 1–2. P. 398, 399.
13. Bellahcene Y. Le Pacte de Médine (VIIe siècle): une relecture critique. Paris, 2017. P. 27–35. URL: <https://tel.archives-ouvertes.fr/tel-02079610/document> (дата обращения: 18.10.2021).
14. Bravmann M.M. The spiritual background of early Islam: studies in ancient Arab concepts. Leiden, 1972. P. 8, 9.
15. Carlisle J. La charia et la loi dans le contexte de la Syrie laïque et socialiste // La charia aujourd'hui. Usages de la référence au droit islamique; sous dir. B. Dupret. Paris, 2012. P. 129.
16. Djaït H. La Grande Discorde. Religion et politique dans l'Islam des origines. Paris, 2008. P. 47–49.
17. Hamidullah M. The first written constitution in the world: an important document of the time of the Holy Prophet. Lahore, 1975.

18. Heydemann S. La question de la démocratie dans les travaux sur le monde arabe // Critique internationale. 2002. No. 17. P. 54–62.
19. Lavorel S. Les constitutions arabes et l’Islam. Sainte-Foy, 2005. P. 153.
20. Mawdudi A. Human rights in Islam. Leicester, 1976. P. 15.
21. Rabbath E. La théorie des droits de l’homme dans le droit musulman // Revue internationale de droit comparé. 1959. No. 11–4. P. 677.
22. Serjeant R.B. The “Sunnah Jāmi’ah”, pacts with the Yathrib Jews, and the “Tahrim” of Yathrib: analysis and translation of the documents comprised in the so-called “Constitution of Medina” // Bulletin of the school of Oriental and African studies. 1978. Vol. 41. No. 1. P. 8.
23. Tavernier P. Les Etats arabes, l’ONU et les droits de l’homme. La Déclaration universelle des droits de l’homme et les Pactes de 1966 // Islam et droits de l’homme. Paris, 1994. P. 64, 65.
24. Youssef N. Le Liban: la transition inachevée vers l’Etat de droit // Revue française de droit constitutionnel. 2013. No. 95. P. 743.
9. Syukiyainen L.R. General principles of Fiqh as a reflection of the legal features of Islamic law // Law. HSE Journal. 2018. No. 3. P. 55, 56 (in Russ.).
10. Trubetskoy E.N. Encyclopedia of Law. SPb., 1999. P. 16 (in Russ.).
11. Ahmed D., Ginsburg T. Constitutional islamization and human rights: the surprising origin and spread of Islamic supremacy in constitutions // Virginia journal of Constitutional Law. 2014. No. 54. P. 619.
12. Al-Dabbagh H. Le droit comparé comme instrument de modernisation: l’exemple des codifications civiles des États arabes du Moyen-Orient // Revue de droit Université de Sherbrook. 2013. Vol. 43. No. 1–2. P. 398, 399.
13. Bellahcene Y. Le Pacte de Médine (VIIe siècle): une relecture critique. Paris, 2017. P. 27–35. URL: <https://tel.archives-ouvertes.fr/tel-02079610/document> (accessed: 18.10.2021).
14. Bravmann M.M. The spiritual background of early Islam: studies in ancient Arab concepts. Leiden, 1972. P. 8, 9.
15. Carlisle J. La charia et la loi dans le contexte de la Syrie laïque et socialiste // La charia aujourd’hui. Usages de la référence au droit islamique; sous dir. B. Dupret. Paris, 2012. P. 129.
16. Djait H. La Grande Discorde. Religion et politique dans l’Islam des origines. Paris, 2008. P. 47–49.
17. Hamidullah M. The first written constitution in the world: an important document of the time of the Holy Prophet. Lahore, 1975.
18. Heydemann S. La question de la démocratie dans les travaux sur le monde arabe // Critique internationale. 2002. No. 17. P. 54–62.
19. Lavorel S. Les constitutions arabes et l’Islam. Sainte-Foy, 2005. P. 153.
20. Mawdudi A. Human rights in Islam. Leicester, 1976. P. 15.
21. Rabbath E. La théorie des droits de l’homme dans le droit musulman // Revue internationale de droit comparé. 1959. No. 11–4. P. 677.
22. Serjeant R.B. The “Sunnah Jāmi’ah”, pacts with the Yathrib Jews, and the “Tahrim” of Yathrib: analysis and translation of the documents comprised in the so-called “Constitution of Medina” // Bulletin of the school of Oriental and African studies. 1978. Vol. 41. No. 1. P. 8.
23. Tavernier P. Les Etats arabes, l’ONU et les droits de l’homme. La Déclaration universelle des droits de l’homme et les Pactes de 1966 // Islam et droits de l’homme. Paris, 1994. P. 64, 65.
24. Youssef N. Le Liban: la transition inachevée vers l’Etat de droit // Revue française de droit constitutionnel. 2013. No. 95. P. 743.

REFERENCES

1. Galiullina S.D., Nuriev B.D. The Medina Agreement (622) as one of the most important normative documents of Muslim law // Herald of Nekrasov KSU. 2015. No. 6. P. 186 (in Russ.).
2. Goldziger I. Lectures on Islam. St. Petersburg, 1912. P. 4 (in Russ.).
3. Kapustin M.N. History of Law. The course of lectures // The temporary of the Demidovsky legal lyceum. 1872. Book 3. P. 233 (in Russ.).
4. The Koran, 2:25 (27) / transl. I. Yu. Krachkovsky. Rostov-on-Don, 1998 (in Russ.).
5. Krymsky A.E. The History of Islam. M., 1904. P. 51 (in Russ.).
6. Muller A. The history of Islam. St. Petersburg, 1895. Vol. 1. P. 106, 107 (in Russ.).
7. Sapronova M.A. Constitutional regulation of Islam in Arab countries // Russia and the Muslim world. 2006. No. 9. P. 182 (in Russ.).
8. Syukiyainen L.R. The constitutional status of Sharia as a source of legislation in Arab countries // Law. HSE Journal. 2016. No. 4. P. 208–210 (in Russ.).
9. Syukiyainen L.R. General principles of Fiqh as a reflection of the legal features of Islamic law // Law. HSE Journal. 2018. No. 3. P. 55, 56 (in Russ.).
10. Trubetskoy E.N. Encyclopedia of Law. SPb., 1999. P. 16 (in Russ.).
11. Ahmed D., Ginsburg T. Constitutional islamization and human rights: the surprising origin and spread of Islamic supremacy in constitutions // Virginia journal of Constitutional Law. 2014. No. 54. P. 619.
12. Al-Dabbagh H. Le droit comparé comme instrument de modernisation: l’exemple des codifications civiles des États arabes du Moyen-Orient // Revue de droit Université de Sherbrook. 2013. Vol. 43. No. 1–2. P. 398, 399.
13. Bellahcene Y. Le Pacte de Médine (VIIe siècle): une relecture critique. Paris, 2017. P. 27–35. URL: <https://tel.archives-ouvertes.fr/tel-02079610/document> (accessed: 18.10.2021).
14. Bravmann M.M. The spiritual background of early Islam: studies in ancient Arab concepts. Leiden, 1972. P. 8, 9.
15. Carlisle J. La charia et la loi dans le contexte de la Syrie laïque et socialiste // La charia aujourd’hui. Usages de la référence au droit islamique; sous dir. B. Dupret. Paris, 2012. P. 129.
16. Djait H. La Grande Discorde. Religion et politique dans l’Islam des origines. Paris, 2008. P. 47–49.
17. Hamidullah M. The first written constitution in the world: an important document of the time of the Holy Prophet. Lahore, 1975.
18. Heydemann S. La question de la démocratie dans les travaux sur le monde arabe // Critique internationale. 2002. No. 17. P. 54–62.
19. Lavorel S. Les constitutions arabes et l’Islam. Sainte-Foy, 2005. P. 153.
20. Mawdudi A. Human rights in Islam. Leicester, 1976. P. 15.
21. Rabbath E. La théorie des droits de l’homme dans le droit musulman // Revue internationale de droit comparé. 1959. No. 11–4. P. 677.
22. Serjeant R.B. The “Sunnah Jāmi’ah”, pacts with the Yathrib Jews, and the “Tahrim” of Yathrib: analysis and translation of the documents comprised in the so-called “Constitution of Medina” // Bulletin of the school of Oriental and African studies. 1978. Vol. 41. No. 1. P. 8.
23. Tavernier P. Les Etats arabes, l’ONU et les droits de l’homme. La Déclaration universelle des droits de l’homme et les Pactes de 1966 // Islam et droits de l’homme. Paris, 1994. P. 64, 65.
24. Youssef N. Le Liban: la transition inachevée vers l’Etat de droit // Revue française de droit constitutionnel. 2013. No. 95. P. 743.

Сведения об авторе

КАРПЕНКО Константин Викторович — кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного права Московского государственного института международных отношений (МГИМО) МИД России; 119454 г. Москва, проспект Вернадского, д. 76
ORCID: 0000-0001-8852-181X

Authors’ information

KARPENKO Konstantin V. — PhD in Law, Associate Professor of the Constitutional Law Department of Moscow State Institute of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (MGIMO); 76 Vernadskogo Ave., 119454 Moscow, Russia

СОВЕТСКО-ПОЛЬСКИЙ ВООРУЖЕННЫЙ КОНФЛИКТ 1918–1921 гг. В КОНТЕКСТЕ ПРОЦЕССА СТАНОВЛЕНИЯ ВЕРСАЛЬСКОЙ СИСТЕМЫ. ПРИМЕР СТОЛКНОВЕНИЯ РАЗНЫХ ПРИНЦИПОВ ПОЛИТИКО-ПРАВОВОГО КОНСТИТУИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВ В НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ

© 2023 г. Д. Н. Ермаков^{1, 2, 3, *}, Г. Г. Попов^{2, 4, **}, С. Г. Павликов^{5, ***}

¹Институт Китая и современной Азии Российской академии наук, г. Москва

²Московский государственный университет технологий и управления им. К.Г. Разумовского
(Первый казачий университет), г. Москва

³Российский университет дружбы народов, г. Москва

⁴РАНХиГС, г. Москва

⁵Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва

*E-mail: dermakow@mail.ru

**E-mail: GGPopov2009@mail.ru

***E-mail: SPavlikov@fa.ru

Поступила в редакцию 08.11.2022 г.

Аннотация. В статье авторы стремятся ответить на вопрос, как Версальская система повлияла на развитие советско-польского конфликта как фактора, конституировавшего процесс государственного строительства в ряде западных регионов бывшей Российской Империи. Авторы приходят к выводу, что Версальская система не только не решила проблемы размежевания границ в Восточной Европе, но и усилила противостояние Польши и РСФСР. Одна из главных проблем — проблема государственности Украины — так и не была решена в рамках Версальской системы, это стало во многом результатом жесткой пропольской позиции Франции. Авторы показывают, что в рамках западных территорий бывшей Российской Империи произошло столкновение разных доктрин строительства государства в условиях уже Новейшего времени. Эти доктрины отражали национализм восточноевропейских народов, концепцию марксистского пролетарского государства и концепцию экспортированной из США и Великобритании западной демократии.

Ключевые слова: внешняя политика Советской России, большевизм, Версальская система, Брестский мир, советско-польский вооруженный конфликт, юридические основания территориальных претензий, Первая мировая война, режим Ю. Пилсудского, право наций на самоопределение.

Цитирование: Ермаков Д. Н., Попов Г. Г., Павликов С. Г. Советско-польский вооруженный конфликт 1918–1921 гг. в контексте процесса становления Версальской системы. Пример столкновения разных принципов политико-правового конституирования государств в Новейшей истории // Государство и право. 2023. № 7. С. 156–165.

Публикация выполнена при поддержке Программы стратегического академического лидерства РУДН.

DOI: 10.31857/S102694520026813-5

THE SOVIET-POLISH ARMED CONFLICT OF 1918–1921 IN THE CONTEXT OF THE PROCESS OF FORMATION OF THE VERSAILLES SYSTEM. AN EXAMPLE OF THE CLASH OF DIFFERENT PRINCIPLES OF THE POLITICAL AND LEGAL CONSTITUTION OF STATES IN RECENT HISTORY

© 2023 D. N. Ermakov^{1, 2, 3, *}, G. G. Popov^{2, 4, **}, S. G. Pavlikov^{5, ***}

¹*Institute of China and Modern Asia of the Russian Academy of Sciences, Moscow*

²*Razumovsky Moscow State University of Technology and Management
(First Cossack University), Moscow*

³*Peoples' Friendship University of Russia, Moscow*

⁴*RANEPA, Moscow*

⁵*Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow*

*E-mail: dermakow@mail.ru

**E-mail: GGPopov2009@mail.ru

***E-mail: SPavlikov@fa.ru

Received 08.11.2022

Abstract. In the article, the authors seek to answer the question of how the Versailles system influenced the development of the Soviet-Polish conflict as a factor that constituted the process of state-building in a number of western regions of the former Russian Empire. The authors conclude that the Versailles system not only did not solve the problem of dividing borders in Eastern Europe, but also intensified the confrontation between Poland and the RSFSR. One of the main problems – the problem of Ukraine's statehood – has not been solved within the framework of the Versailles system, this was largely the result of France's tough pro-Polish position. The authors show that within the western territories of the former Russian Empire, there was a clash of different doctrines of state-building in the conditions of Modern times. These doctrines reflected the nationalism of Eastern European peoples, the concept of a Marxist proletarian state and the concept of Western democracy exported from the United States and Great Britain.

Key words: foreign policy of Soviet Russia, Bolshevism, the Versailles system, the Brest Peace, the Soviet-Polish armed conflict, legal grounds for territorial claims, the First World War, the regime of Yu. Pilsudsky, the right of nations to self-determination.

For citation: Ermakov, D.N., Popov, G.G., Pavlikov, S.G. (2023). The Soviet-Polish armed conflict of 1918–1921 in the context of the process of formation of the Versailles system. An example of the clash of different principles of the political and legal constitution of states in Recent history // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 7, pp. 156–165.

This paper has been supported by the RUDN University Strategic Academic Leadership Program.

Введение

2021 и 2022 гг. наполнены юбилейными датами, одной из которых является образование СССР. 2018 г. – столетие фактического окончания Первой мировой войны и начала Гражданской войны – остался мало замеченным, несмотря на то что 1918 г. стал «весной» народов Восточной Европы и «победного шествия» советской власти, когда сложилась РСФСР. Буквально за несколько месяцев, а в некоторых случаях и недель десятки миллионов людей становились гражданами других государств.

В 2019 г. состоялась другая юбилейная дата – Версальский мирный договор, это событие также

осталось не столь ярко отраженным в СМИ и литературе. В России Версальскую систему называют еще Версальско-Вашингтонской, но мы считаем, что это не совсем верно, так как ключевую роль в ее генезисе сыграла Франция и командующий ее армией маршал Фердинанд Фош, о чем ниже. Вторым важным вопросом после наказания Германии был в Версале польский вопрос, связанный с проблемой борьбы с большевизмом для ярых антикоммунистов, к таковым относился Ф. Фош, и с проблемой установления мира в России, за что выступали президент США В. Вильсон и премьер-министр Великобритании Ллойд Джордж. Запад в лице Антанты

не выработал тогда единой позиции по отношению к РСФСР, что ярко выразилось в дискуссиях о советско-польской границе и о правах Польши на Западную Украину. И здесь произошло столкновение разных принципов правовых основ государства, принципов западных демократий, экспортировавших свои институты в Восточную Европу, и российских большевиков, фактически занимавшихся тем же самым, только с Востока.

В российской историографии вопросы конституционного строительства новых государственных образований на территории бывшей Российской Империи стали прорабатываться недавно и недостаточно глубоко¹. К тому же данный круг вопросов привлек внимание больше непосредственно историков, нежели исследователей истории правовых институтов и специалистов в области истории конституционного права.

Актуальность настоящей статьи обусловлена продолжением в Восточной Европе процессов трансформации государств, протекающих в ключе как столкновений внутривнутриполитических интересов, так и нового соперничества России и США. Имеет место столкновение политико-правовых принципов западной демократии и российской модели суверенной демократии. Во многом все это

напоминает ситуацию 1918–1921 гг. на территории бывшей Российской Империи.

В ноябре 1918 г. РСФСР аннулировала положения Брестского мира, что означало автоматическое непризнание новых границ в формате бывшей Российской Империи. Началось движение РККА², а также ее союзника Латармии на Запад, что стало одной из главных причин развития Советско-польского вооруженного конфликта в фазу полномасштабной межгосударственной войны³. Международная правовая ситуация в связи с этим конфликтом в то время и в течение последующих двух лет была такова, что Антанта не могла выработать на базе принципа самоопределения наций (принцип, выдвинутый В. Вильсоном) единую концепцию по поводу новых границ в Восточной Европе. Поддерживавшийся США институт плебисцита явно не устраивал Францию, в итоге в украинском вопросе (проблема Восточной Галиции) американская дипломатия отказалась от идеи реализации данного института.

Большевики признавали право наций на самоопределение, но в их политической практике и самом видении справедливого, по их мнению, конституционного устройства государства на первом месте находилась воля пролетариата, которая при революционной ситуации должна была выразиться в установлении диктатуры пролетариата.

Начавшееся после аннулирования РСФСР положений Брестского мира (они были объявлены навязанными народам России) движение Красной армии на Запад подразумевало создание пролетарских государств, которые предстояло занять красными силами. На Восток шла польская волна экспансии, имевшая в своей основе праворадикальную концепцию восстановления Речи Посполитой в границах 1772 г. В самой Польше и тем более в государствах Антанты далеко не все разделяли данный принцип. К концу 1920 г. он был заменен похожим принципом, выраженным Ю. Пилсудским, он гласил, что польская государственность должна быть там, где массово компактно проживают поляки. Данное положение, высказанное Ю. Пилсудским, очевидно, уже сформировалось в сознании значительной части польской элиты до 1920 г.

Цель настоящей статьи — отследить в хронологическом порядке, как принципы ранней Версальской системы и дискуссия о будущем устройстве

¹ См.: Сидоров А. Революции 1917 г. в России и Версальско-Вашингтонская система: противоречия и альтернативы // *Международная жизнь*. 2018. № 11. С. 113–131; Мотылев В. В. Программы президентов США. Вудро Вильсон // *Экономический журнал*. 2014. № 1 (33). С. 26–35; Портнягин Д. И. Британская дипломатия на Парижской мирной конференции 1919 г. // *Вестник СПбУ. Сер. 6. Политология. Международные отношения*. 2009. Вып. 3. С. 162–169; Нам И. В., Наумова Н. И. Карпато-русская проблема на Парижской мирной конференции (1919 г.) // *Русин*. 2018. № 3 (53). С. 172–192; Глушков Д. А. История решения германского вопроса // *SCIENCE TIME*. 2016. № 7 (31). С. 50–56; Светлов В. А. Версальская система международных отношений как исходная причина Второй мировой войны (структурный анализ) // *Научные труды SWORLD*. 2015. № 1. С. 31–34; Бутырская И. Г. Версальско-Вашингтонская система международных отношений // *Национальная безопасность и стратегическое планирование*. 2014. № 4. С. 96–103; Шацко В. К. Версаль и Германия: цена поражения // *Великая война 1914–1918: Альманах Российской ассоциации историков Первой мировой войны*. М., 2013. С. 92–97; Уткин А. И. Версальский мир и Россия // *Свободная мысль*. 2009. № 4. С. 113–124; Бахмурина А. Ю. Национальные правительства в России и «русский вопрос» на Парижской мирной конференции 1919 г. // *Первая мировая война, Версальская система и современность: сб. ст. / отв. ред. И. Н. Новикова, А. Ю. Павлов, А. В. Бодров, А. А. Малыгина*. СПб., 2017. Вып. 4. С. 323–337; Яшкова Т. А. Возрождение «Санитарного кордона» // *Universum: общественные науки*. 2014. № 7 (8). С. 1–7; Зайнутдинов Д. Р. «Положение о временном устройстве государственной власти» от 18 ноября 1918 г. как часть неписаной конституции Белой России // *Сибирский юридический вестник*. 2020. № 2 (89). С. 3–9; Васильева Е. В. По пути демократизации: проект кадет Г. К. Гинса по реформированию системы власти в Сибири в правление А. В. Колчака // *Genesis: исторические исследования*. 2019. № 9. С. 24–31. DOI: 10.25136/2409-868X.2019.9.29081

² См.: Описание послевоенных боев германских войск и фрайкоров. Вывод войск с Востока / пер. с нем. и комм. Л. В. Ланника. М., 2014. С. 176–178; Шишкин В. А. (ред.) *Интервенция на Северо-Западе России (1917–1920 гг.)*. СПб., 1995. С. 129.

³ См.: White J. D. *National Communism and World Revolution: The Political Consequences of German Military Withdrawal from the Baltic Area in 1918–19* // *Europe-Asia Studies*. 1994. Vol. 46. No. 8. *Soviet and East European History*. P. 1359–1367.

Восточной Европы в ходе ее генезиса повлияли на формирование восточных границ Польши и западных — РСФСР в контекстах развития советско-польского вооруженного конфликта и неудачных попыток реализации западных принципов нового государственного устройства на базе демократического самоопределения наций.

Из цели работы вытекают следующие задачи: выявить позиции держав Антанты по польскому и украинскому вопросам, выявить, почему принцип самоопределения наций, выдвинутый американским президентом В. Вильсоном, оказался бездейственным в украинском вопросе, выделить в хронологическом порядке советские и западные инициативы по вопросу территориального размежевания РСФСР и Польши, определить влияние антикоммунистических радикалов на Западе на развитие советско-польского вооруженного конфликта.

Польский и украинский вопросы в конце Первой мировой войны

Президент США первым выступил с призывом признать независимость Польши после победы над государствами Центра. 22 января 1917 г. Вудро Вильсон сделал заявление о независимой, единой и самостоятельной Польше⁴. Обратим внимание на дату, в Российской Империи еще не произошла Февральская революция, и послевоенный статус Польши не был окончательно решен. Но В. Вильсон уже требует создания единого Польского государства, именно единого, что подразумевает включение в его состав всех территорий, где преимущественно проживали поляки. В чем смысл такого поведения, когда США еще не вступили в войну?

У западных союзников были вполне обоснованные сомнения по поводу способности России провести новое генеральное наступление. Но поляки не имели ни армии, ни государства, и в составе армий Германии и Австро-Венгрии сражались целые польские дивизии, а Ю. Пилсудский являлся в 1917 г. австрийским полковником.

Германо-польские отношения стали ухудшаться в конце 1916 г. И многое на Восточном фронте стало зависеть от того, куда качнется масса более 20 млн поляков — в сторону поддержки протектората под началом Германии или же национальной революции, которой последуют чехи и словаки, чтобы не отстать от поляков, и в таком случае дни Австро-Венгерской империи были бы сочтены, с чем было связано крушение Итальянского и Балканского фронтов, поражение Турции, а затем и Германии.

Призыв В. Вильсона остался замеченным в основном польской диаспорой в США и Канаде, что должно было ускорить формирование Польского легиона для отправки во Францию. Но в начале 1917 г. многие польские интеллигенты и шляхта склонялись к союзу с Германией даже ценой отказа от значительной части суверенитета.

18 декабря 1917 г. Польский совет обратился к государствам Центра с запросом на участие в Брест-Литовских переговорах в качестве полноправного участника, что автоматически означало признание Польши в качестве суверенного государства и союзника держав Центра, но Берлин и Вена отвергли эту инициативу⁵. Польское государство в форме регентства было сформировано немцами в сентябре-октябре 1917 г. и имело форму протектората без определенных границ.

Причиной обращения Польского совета к Центру был факт приглашения Германией украинской делегации на переговоры в Брест. Получилась сложная ситуация, благодаря Э. Людендорфу Украина оказалась в составе государств Центра, а иначе нельзя было объяснить ее участие на мирной конференции, режим Рады считал себя в состоянии войны с Советской Россией. Однако польские правители опасались за территории в Галиции, на которые претендовало Украинское государство, но за которые легионеры Ю. Пилсудского сражались уже почти три с половиной года, считая их польскими.

8 января 1918 г. В. Вильсон выступил за суверенитет Польши, но без возражений против ее вхождения в состав Австро-Венгрии⁶, которая виделась как демократическая федерация. Из данного заявления следовало, что США готовы были побороться дипломатическими методами за сохранение империи Габсбургов, что было обусловлено новой политической ситуацией — Россия вышла из войны, и теперь ее большевистскому режиму надо было противопоставить дополнительные силы в Восточной Европе. Таким образом, В. Вильсон доверял судьбу Польши в руки министра иностранных дел Австрии графа Чернина, в этой связи среди польской аристократии возникает идея за неимением ничего лучшего строить свою государственность за счет расширения польского суверенитета на губернии бывшей Российской Империи, в первую очередь имелись в виду западные украинские территории, но никаких обещаний насчет Галиции поляки от графа Чернина не получили⁷. Германская сторона настаивала на независимой Украине с включением в ее состав Галиции. Канцлер Хофман и министр иностранных дел Германии фон

⁴ См.: Wargelin C.F. A High Price for Bread: The First Treaty of Brest-Litovsk and the Break-up of Austria-Hungary, 1917–1918 // The International History Review. 1997. Vol. 19. No. 4. P. 761.

⁵ См.: ibid. P. 766.

⁶ См.: ibid. P. 775.

⁷ См.: ibid. P. 775.

Кюльман решили провести 13 января 1918 г. переговоры в Бресте с украинской делегацией, даже не пригласив графа Чернина, который надеялся на решение вопроса с Холмской областью в пользу Австро-Венгрии, т.е. поляков. Такое решение вытекало из твердой убежденности Хофмана, что создание Польского государства «есть утопия»⁸. Украинская сторона на возражения австрийцев по поводу территорий в Галиции потребовала проведения референдума в Холмской области.

Германия и Украина отказывались признавать польско-австрийские претензии на Холм и другие земли⁹. При этом украинцы и австрийцы спорили насчет того, кто, украинцы или поляки, составляют большинство в Холмской области. Украинская сторона отталкивалась в юридическом смысле в своих территориальных претензиях к полякам от того, что в 1912 г. российский император Николай II отделил от Царства Польского Холмский регион, сделав его чисто имперской территорией¹⁰. Аргумент достаточно сомнительный, так как Украина в лице режима Рады никак не могла выступать правопреемником Российской Империи, а само решение Николая II принималось без консультаций с представителями населения Холмского края.

Не имевшая фактически армии и государственного бюджета Украина продиктовала свои условия Австро-Венгрии, графу Чернину ничего не оставалось, как признать всю Восточную Галицию украинской, в Австрии, и в Вене в частности, начался голод, поэтому двуединой монархии срочно требовался украинский хлеб¹¹. Режим Рады имел за спиной сильного союзника — Германию.

Польский и украинский вопросы в контексте генезиса Версальской системы

По мнению Ллойда Джорджа и специально созданного им экспертного совета, поляки не имели прав на Восточную Галицию, поэтому военная помощь Польше со стороны Антанты нарушала один из 14 знаменитых пунктов Вильсона о самоопределении наций¹². Вмешался командующий французской армией маршал Фердинанд Фош. Он проявил жесткость в вопросе с Галицией и 17 марта 1919 г. обратился к Совету Антанты с настоятельной рекомендацией оказать военную помощь Польше именно в связи с конфликтом по поводу Лемберга (Львова)¹³. При этом поляки в Гали-

ции, как и в других регионах, были политически разобщены (часть националистов не поддерживала Ю. Пилсудского) и плохо вооружены. Украинские националисты возлагали надежды на специальную комиссию Антанты в решении дипломатическим путем галицийского и холмского вопросов в пользу Украины. Однако Совет Антанты во многом под нажимом французского правительства стал действовать больше в пользу поляков. Во многом это стало следствием кризиса самого украинского националистического движения, который начался зимой 1918—1919 гг.

Ллойд Джордж потерпел дипломатическое поражение, когда Совет Антанты под влиянием Парижа в середине марта 1919 г. настоял на передаче порта Данциг Польше, при этом начался процесс отделения от Германии территории, населенной почти 2 млн 132 тыс. этнических немцев¹⁴. Польская сторона юридически обосновывала свои претензии на Данциг и Западную Пруссию тем, что до разделов Речи Посполитой в конце XVIII в. эта территория юридически относилась к последней и была населена преимущественно поляками (по аналогии со Львовом). Фердинанд Фош исходил из прагматических соображений: Антанте требовались порт Данциг и «Коридор» (Западная Пруссия) для переброски из Западной Европы польских легионеров и вооружений, чтобы Польша могла успешно воевать с РСФСР. К тому же Ф. Фош выражал мнение очень многих французов, что немцы должны быть наказаны.

Ллойд Джордж сделал заявление 26 марта 1919 г. в документе, получившем название «Меморандум в Фонтенбло», что расширение Польши за счет включения в ее состав чужих территорий провоцирует в дальнейшем новую войну в Восточной Европе, призвав западные державы отказаться от мести и объективно оценивать польский вопрос¹⁵. Но в то же время Ллойд Джордж призвал западные демократии всячески помогать Польше бороться с большевизмом, это подразумевало уступки польской дипломатии в территориальном вопросе. Результатом этого противоречия в польском векторе политики Вашингтона стало требование Совета четырех к режиму Ю. Пилсудского, предписывавшее польской стороне уладить конфликт в Восточной Галиции дипломатическими методами. Это обращение осталось без ответа. За Варшавой стояла Франция, которая в лице Ф. Фоша считала, что Восточная Галиция должна отойти к Польше, так как 39% ее населения составляли поляки¹⁶.

Совет четырех пошел на компромисс с Ллойд Джорджем, галицийский вопрос было решено

⁸ Wargelin C.F. Op. cit. P. 776.

⁹ См.: ibid.

¹⁰ См.: ibid. P. 778.

¹¹ См.: ibid.

¹² См.: Elcock H.J. Britain and the Russo-Polish Frontier, 1919—1921 // Historical Journal. 1969. Vol. 12. No. 1. P. 138.

¹³ См.: ibid.

¹⁴ См.: ibid. P. 137.

¹⁵ См.: ibid. P. 139.

¹⁶ См.: ibid.

уладить посредством референдума уже после окончания войны, что было зафиксировано в Бельфорсовском меморандуме во время встречи министров иностранных дел 17 июня 1919 г. 23 сентября 1919 г. министр иностранных дел Польши Падеревский сделал заявление, из которого следовало, что плебисцита в Восточной Галиции не будет, так как такие действия угрожают самому существованию Польши как бастиону в борьбе с большевизмом. Великобритания вынуждена была согласиться с правом Польши на 25-летнюю оккупацию Восточной Галиции с дальнейшим правом ее населения на референдум о самоопределении¹⁷. Но Варшава оставила это заявление английской дипломатии без внимания.

20 ноября 1919 г. польская делегация в Париже выдвинула к Антанте требование полного признания прав Польши на Восточную Галицию, объяснив это тем, что польские солдаты не будут сражаться с большевиками за территорию, которая принадлежит им лишь временно¹⁸. Ллойд Джордж предложил передать решение вопроса Восточной Галиции в Лигу Наций через 25 лет, но с этим предложением поляки и президент Франции Клемансо не согласились. В итоге было выработано решение Антанты выдать Польше мандат на 25 лет на Восточную Галицию с правом его пересмотра по истечении этого срока¹⁹. Такое решение, означавшее оккупацию Восточной Галиции польскими войсками, не могло состояться без поддержки со стороны США²⁰.

«Линия Керзона» и развитие советско-польского конфликта

2 декабря 1919 г. Высший совет Антанты принял «линию Керзона» в качестве будущей границы между Польшей и РСФСР, но фактически в условиях продолжавшейся войны это решение не имело силы, оно, правда, окончательно подвело черту под юридическими основаниями формирования Украинского государства — таковых не стало в формате уже сложившейся к декабрю 1919 г. Версальско-Вашингтонской системы международных отношений, поскольку регион, который в то время должен был стать базисом для украинской государственности, признавался Антантой польским.

Окончательную точку в вопросе формирования восточных границ Польши должна была поставить Красная армия: при успешном развитии ее контрнаступательных операций на Западном и Юго-Западном фронтах Восточная Галиция, как и многие другие признанные за Польшей территории,

могли отойти к РСФСР. Британское и американское правительства сворачивали интервенцию в России и стремились способствовать прекращению вооруженных конфликтов на территории бывшей Российской Империи, поэтому 26 января 1920 г. Ллойд Джордж объяснил новому польскому премьеру М. Патеку, что полякам надо садиться за стол переговоров с большевиками, что подразумевало территориальные уступки в пользу РСФСР²¹. Но М. Патеку настаивал на «справедливом мире». В ответ Ллойд Джордж посоветовал М. Патеку отказаться от идеи оккупации бесспорно русских территорий (населенных украинцами и белорусами, которых американцы не особо сильно отличали в то время от русских), в противном случае Британии будет невозможно более оказывать поддержку Польше, так как британский Кабинет обязан согласовывать свои действия с общественным мнением. 29 января 1920 г. Кабинет министров Британии объявил о прекращении оказания помощи Польше, мотивировав это стремлением официальной Варшавы к территориальной экспансии. Поэтому впредь Великобритания брала на себя обязательство оказывать помощь только тем государствам, которые вели исключительно оборонительную войну²².

28 января 1920 г. Советская Россия обратилась к Польше с мирным предложением, Кремль был даже готов предоставить Польше некоторые территории, которые лежали к востоку от линии Керзона²³, но такие переговоры не состоялись, так как Франция выступила против них, заверив официальную Варшаву, что окажет польской стороне военную помощь. В феврале 1920 г. Ллойд Джордж из-за отказа Польши принять советские мирные инициативы подтвердил, что Англия выходит из режима оказания военной поддержки официальной Варшаве. 14 марта 1920 г. Польша потребовала от РСФСР вернуться к схеме восстановления границ 1772 г. 8 мая 1920 г. польская кавалерия во главе с генералом Рыдз-Смиглы захватила Киев. В конце мая 1920 г. Ллойд Джордж гарантировал РСФСР, что Великобритания не окажет помощи полякам, но в то же время предостерег РСФСР от вторжения на земли, которые были населены в основном поляками. Несмотря на поражения польских войск в Киеве и к западу от него, польское правительство в июне 1920 г. отказалось от мирных переговоров, сочтя их унижительными для поляков²⁴.

6 июля 1920 г. началась международная конференция по польскому вопросу. Ллойд Джордж

¹⁷ См.: Elcock H.J. Op. cit. P. 140.

¹⁸ См.: ibid.

¹⁹ См.: ibid. P. 141.

²⁰ См.: ibid. P. 139.

²¹ См.: ibid. P. 143.

²² См.: ibid.

²³ См.: ibid. P. 144.

²⁴ См.: ibid. P. 144–146.

придерживался, как и ранее, прохладной к Польше позиции, требуя отказаться от всех территориальных претензий к Литве, Чехословакии, Германии и, кроме того, пересмотреть позицию по вопросу о Восточной Галиции в пользу украинцев²⁵. Однако в Польше имелись надежды на военную победу над Красной армией. Однако была и антивоенная партия во главе с новым премьер-министром Польши Грабским, который готов был признать границу по линии Керзона.

По отношению к Польше правительство РСФСР имело стратегию — выторговать себе побольше в переговорах с Антантой. Правда, в российской историографии до сих пор бытует мнение, что вина в развитии вооруженного конфликта лежит на Польше. Например, известный российский историк А.С. Пученков пишет: «В 1920 г. Польша сыграла огромную роль в продолжающейся русской гражданской войне. Речь идет о советско-польской войне 1920 г., инициатором которой выступила именно Польша, а большевики, по словам Л.Д. Троцкого, “всеми силами хотели избежать этой войны”»²⁶. В июле 1920 г. руководство Красной армии имело намерение занять всю Польшу²⁷. Но правительство РСФСР опасалось военного столкновения с Антантой. На то, что планы Кремля были далеки от реализации идеи мировой революции в те июльские дни 1920 г., указывает один документ: послание В.И. Ленина к Уншлихту в Смоленск, где указано, что правительство Советской России намеревалось сделать уступку на предстоявших мирных переговорах в виде установления границы с Польшей восточнее линии Керзона²⁸. Но далее в этом документе говорится, что Красная армия все-таки должна будет занять всю территорию Польши на короткий срок, чтобы удалить из этой страны Ю. Пилсудского и вооружить польских рабочих.

16 июля 1920 г. Ленин в специальных кратких тезисах по польскому вопросу высказался, что дальнейшие гарантии Польше будут зависеть от поведения польского народа в данном конфликте²⁹. Но более интересен другой пункт тезисов, Ленин считал, что действия Ю. Пилсудского и П. Врангеля носят согласованный характер, за обоими стоит Англия. Таким образом, операции в Крыму и Польше рассматривались Лениным в качестве одного большого конфликта.

Со слов В.И. Ленина, Советской России требовалось отстоять Крым, на территории которого англичане создали абсолютно послушный им режим П. Врангеля, которого Ленин рассматривал как обычного британского наемника³⁰. Лондон тогда выставил правительству РСФСР условие — признать Крым отдельным государством, как следует из рассуждений Ленина. Соответственно, вся эта история с походом Ю. Пилсудского на Украину и дипломатической шумихой вокруг линии Керзона рассматривалась В.И. Лениным как часть плана отторжения Крыма от России и создания на его территории британского протектората. Переговоры о польских границах и дальнейшей судьбе Польши ставились в прямую зависимость от позиции англичан по Крыму, Ленин требовал немедленной очистки полуострова от созданной Антантой армии П. Врангеля, режим последнего глава Советского государства не считал тогда самостоятельной политической силой.

10 августа М. Каменев передал в Лондоне лорду Керзону условия мира. От Польши требовалось провести демобилизацию, разрешить России пользоваться ее сетью железных дорог, выделить семьям погибших в войне (надо понимать, красным полякам) земельные участки, только в таком случае Красная армия отводилась за линию Керзона. Ллойд Джордж признал эти требования справедливыми. В ответ Франция выразила протест по поводу советских претензий к Польше, признав в дополнение к нему правительство Врангеля в Крыму³¹. Это могло означать крах Польши как буржуазной демократии и ее превращение в просоветский протекторат, но произошло «чудо на Висле», когда Красная армия была разбита у стен Варшавы и отброшена далеко на Восток.

Ллойд Джордж потребовал от Советского правительства немедленного пересмотра условий мира, выдвинутых польской стороне в Минске, в противном случае он пригрозил правительству РСФСР прямой военной интервенцией, т.е. войной³². Фактически Англия не спешила воевать с Россией. Керзон требовал в начале сентября 1920 г. от Польши в связи с возобновившимися в Минске переговорами отказаться от каких-либо территориальных претензий, лежащих к востоку от обозначенной им линии. Ю. Пилсудский оставил в начале октября 1920 г. польские войска далеко за линией Керзона, объяснив это тем, что не может допустить, чтобы миллион поляков оказались бы под властью русских³³.

²⁵ См.: *Elcock H.J.* Op. cit. P. 146.

²⁶ Пученков А.С. «Даешь Варшаву!»: из истории советско-польской войны 1920 г. // Новейшая история России // *Modern history of Russia*. 2012. № 2. С. 24.

²⁷ См.: Троцкий Л.Д. Моя жизнь. М., 2014. С. 444.

²⁸ См.: ГАРФ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 15843.

²⁹ См.: там же.

³⁰ См.: там же. Д. 14706.

³¹ См.: *Elcock H.J.* Op. cit. P. 150, 151.

³² См.: *ibid.* P. 152.

³³ См.: *ibid.*

Ллойд Джордж был против превращения поляков в крупную имперскую нацию, он хотел видеть Польшу демократическим государством. Ллойд Джордж планировал установить хорошие отношения с Россией, в своей знаменитой «гайдхоллской» речи он определенно заявил о намерении Великобритании восстановить торговые отношения с Россией³⁴.

В Ирландии начиналась гражданская война за независимость. В Индии развивался сепаратизм. К тому же в 1919 г. Англия сделала много финансовых затрат на помощь генералу А.И. Деникину (эти затраты оказались напрасными), что вылилось в официальный мотив передачи инициативы в борьбе Польши с Советской Россией в пользу Франции. Польша в этой связи становилась стратегическим партнером Великобритании для оттягивания сил Советской России от Востока и Индии³⁵. В этой связи проблема линии Керзона заняла второстепенное значение.

Заключение

Включение в состав РСФСР, а затем СССР бывших западных губерний Российской Империи было сложным процессом, связанным с двумя центральными событиями той эпохи — Брестским миром и Версальским миром. В обоих случаях сражавшиеся в Первую мировую войну державы стремились на базе собственных представлений о международном праве и исторической справедливости создать свои системы государственного устройства в Восточной Европе.

В.И. Ленин и правительство большевиков своим аннулированием в конце 1918 г. положений Брестского мира продемонстрировали отношение Советского государства к международным договорам, которые были навязаны силой. Таким образом, правительство РСФСР ввело в практику международного права принцип ничтожности мирного договора, если он являлся несправедливым и навязанным народу как субъекту международных отношений силой. В этой связи и Версальская система должна была рассматриваться как юридически мало значимая, что и выразилось затем в Рапальском договоре 1922 г.

Никакой украинской государственности не могло состояться в рамках Версальской системы, Польша заняла в ней приоритетное место в силу более высокого уровня своего человеческого капитала и более высокой эффективности в противостоянии РККА. Неудачи украинских националистов в борьбе с РСФСР во многом объяснимы тем, что они утратили Восточную Галицию, которая являлась

базисом для формирования украинской государственности в конце Первой мировой войны.

Режим большевиков в России действовал исходя из рациональных соображений, июльские тезисы В.И. Ленина от 1920 г. были ответом на концепцию восстановления Речи Посполитой в границах 1772 г. Это означает, что правительство РСФСР рассматривало и альтернативные экспорту диктатуры пролетариата варианты внешнеполитической стратегии. Тем не менее начиная с конца 1918 г. произошло столкновение принципов государственного строительства в Восточной Европе в связи с попытками РСФСР вернуть наследие Российской Империи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахтурина А.Ю. Национальные правительства в России и «русский вопрос» на Парижской мирной конференции 1919 г. // Первая мировая война, Версальская система и современность: сб. ст. / отв. ред. И.Н. Новикова, А.Ю. Павлов, А.В. Бодров, А.А. Малыгина. СПб., 2017. Вып. 4. С. 323–337.
2. Бутырская И.Г. Версальско-Вашингтонская система международных отношений // Национальная безопасность и стратегическое планирование. 2014. № 4. С. 96–103.
3. Васильева Е.В. По пути демократизации: проект кадеты Г.К. Гинса по реформированию системы власти в Сибири в правление А.В. Колчака // Genesis: исторические исследования. 2019. № 9. С. 24–31. DOI: 10.25136/2409-868X.2019.9.29081
4. Глушков Д.А. История решения германского вопроса // SCIENCE TIME. 2016. № 7 (31). С. 50–56.
5. Зайнутдинов Д.Р. «Положение о временном устройстве государственной власти» от 18 ноября 1918 г. как часть неписаной конституции Белой России // Сибирский юридический вестник. 2020. № 2 (89). С. 3–9.
6. Мотылев В.В. Программы президентов США. Вудро Вильсон // Экономический журнал. 2014. № 1 (33). С. 26–35.
7. Нам И.В., Наумова Н.И. Карпато-русская проблема на Парижской мирной конференции (1919 г.) // Русин. 2018. № 3 (53). С. 172–192.
8. Описание послевоенных боев германских войск и фрайкоров. Вывод войск с Востока / пер. с нем. и комм. Л.В. Ланника. М., 2014. С. 176–178.
9. Портнягин Д.И. Британская дипломатия на Парижской мирной конференции 1919 г. // Вестник СПбУ. Сер. 6. Политология. Международные отношения. 2009. Вып. 3. С. 162–169.
10. Пученков А.С. «Даеть Варшаву!»: из истории советско-польской войны 1920 г. // Новейшая история России // Modern history of Russia. 2012. № 2. С. 24.
11. Светлов В.А. Версальская система международных отношений как исходная причина Второй мировой войны (структурный анализ) // Научные труды SWORLD. 2015. № 1. С. 31–34.

³⁴ См.: Norman D. Lloyd George and Poland, 1919–20 // Journal of Contemporary History. 1971. Vol. 6. No. 3. P. 134, 135.

³⁵ См.: ibid. P. 136, 137.

12. Сидоров А. Революции 1917 г. в России и Версальско-Вашингтонская система: противоречия и альтернативы // *Международная жизнь*. 2018. № 11. С. 113–131.
13. Троцкий Л.Д. *Моя жизнь*. М., 2014. С. 444.
14. Уткин А.И. Версальский мир и Россия // *Свободная мысль*. 2009. № 4. С. 113–124.
15. Шаццло В.К. Версаль и Германия: цена поражения // *Великая война 1914–1918: Альманах Российской ассоциации историков Первой мировой войны*. М., 2013. С. 92–97.
16. Шишкин В.А. (ред.) *Интервенция на Северо-Западе России (1917–1920 гг.)*. СПб., 1995. С. 129.
17. Яшкова Т.А. Возрождение «Санитарного кордона» // *Univsum: общественные науки*. 2014. № 7 (8). С. 1–7.
18. Elcock H.J. Britain and the Russo-Polish Frontier, 1919–1921 // *Historical Journal*. 1969. Vol. 12. No. 1. P. 137–141, 143–146, 150–152.
19. Norman D. Lloyd George and Poland, 1919–20 // *Journal of Contemporary History*. 1971. Vol. 6. No. 3. P. 134–137.
20. Wargelin C.F. A High Price for Bread: The First Treaty of Brest-Litovsk and the Break-up of Austria-Hungary, 1917–1918 // *The International History Review*. 1997. Vol. 19. No. 4. P. 761, 766, 775, 776, 778.
21. White J.D. National Communism and World Revolution: The Political Consequences of German Military Withdrawal from the Baltic Area in 1918–19 // *Europe-Asia Studies*. 1994. Vol. 46. No. 8. Soviet and East European History. P. 1359–1367.
6. Motylev V.V. Programs of the presidents of the USA. Woodrow Wilson // *Economic Journal*. 2014. No. 1 (33). P. 26–35 (in Russ.).
7. Nam I.V., Naumova N.I. The Carpathian-Russian problem at the Paris Peace Conference (1919) // *Rusin*. 2018. No. 3 (53). P. 172–192 (in Russ.).
8. Description of the post-war battles of German troops and Freikorps. Withdrawal of troops from the East / transl. from German and comm. L.V. Lannik. M., 2014. P. 176–178 (in Russ.).
9. Portnyagin D.I. British diplomacy at the Paris Peace Conference of 1919 // *Herald of SPbU. Ser. 6. Political Science. International relations*. 2009. Issue 3. P. 162–169 (in Russ.).
10. Puchenkov A.S. “You give Warsaw!”: from the history of the Soviet-Polish war of 1920 // *Modern history of Russia // Modern history of Russia*. 2012. No. 2. P. 24 (in Russ.).
11. Svetlov V.A. Versailles system of international relations as the initial cause of the Second World War (structural analysis) // *Scientific papers SWORLD*. 2015. No. 1. P. 31–34 (in Russ.).
12. Sidorov A. Revolutions of 1917 in Russia and the Versailles-Washington system: Contradictions and Alternatives // *International life*. 2018. No. 11. P. 113–131 (in Russ.).
13. Trotsky L.D. *My Life*. M., 2014. P. 444 (in Russ.).
14. Utkin A.I. The Versailles world and Russia // *Free thought*. 2009. No. 4. P. 113–124 (in Russ.).
15. Chatzillo V.K. Versailles and Germany: the price of defeat // *The Great War of 1914–1918: Almanac of the Russian Association of Historians of the First World War*. M., 2013. P. 92–97 (in Russ.).
16. Shishkin V.A. (ed.) *Intervention in the North-West of Russia (1917–1920)*. SPb., 1995. P. 129 (in Russ.).
17. Yashkova T.A. Revival of the “Sanitary Cordon” // *Univsum: Social Sciences*. 2014. No. 7 (8). P. 1–7 (in Russ.).
18. Elcock H.J. Britain and the Russo-Polish Frontier, 1919–1921 // *Historical Journal*. 1969. Vol. 12. No. 1. P. 137–141, 143–146, 150–152.
19. Norman D. Lloyd George and Poland, 1919–20 // *Journal of Contemporary History*. 1971. Vol. 6. No. 3. P. 134–137.
20. Wargelin C.F. A High Price for Bread: The First Treaty of Brest-Litovsk and the Break-up of Austria-Hungary, 1917–1918 // *The International History Review*. 1997. Vol. 19. No. 4. P. 761, 766, 775, 776, 778.
21. White J.D. National Communism and World Revolution: The Political Consequences of German Military Withdrawal from the Baltic Area in 1918–19 // *Europe-Asia Studies*. 1994. Vol. 46. No. 8. Soviet and East European History. P. 1359–1367.

REFERENCES

1. Bakhturina A. Yu. National governments in Russia and the “Russian question” at the Paris Peace Conference of 1919 // *World War I, the Versailles system and modernity: collection of articles / ed. by I.N. Novikov, A. Yu. Pavlov, A.V. Bodrov, A.A. Malygina*. SPb., 2017. Issue 4. P. 323–337 (in Russ.).
2. Butyrskaya I.G. The Versailles-Washington system of international relations // *National security and strategic planning*. 2014. No. 4. P. 96–103 (in Russ.).
3. Vasilyeva E.V. On the path of democratization: the project of cadet G.K. Gins on reforming the system of power in Siberia during the reign of A.V. Kolchak // *Genesis: historical studies*. 2019. No. 9. P. 24–31. DOI: 10.25136/2409-868X.2019.9.29081 (in Russ.).
4. Glushkov D.A. The history of the solution of the German question // *SCIENCE TIME*. 2016. No. 7 (31). P. 50–56 (in Russ.).
5. Zaynutdinov D.R. “Regulations on the temporary structure of state power” dated November 18, 1918 as part of the unwritten Constitution of White Russia // *Siberian Legal Bulletin*. 2020. No. 2 (89). P. 3–9 (in Russ.).
6. Motylev V.V. Programs of the presidents of the USA. Woodrow Wilson // *Economic Journal*. 2014. No. 1 (33). P. 26–35 (in Russ.).
7. Nam I.V., Naumova N.I. The Carpathian-Russian problem at the Paris Peace Conference (1919) // *Rusin*. 2018. No. 3 (53). P. 172–192 (in Russ.).
8. Description of the post-war battles of German troops and Freikorps. Withdrawal of troops from the East / transl. from German and comm. L.V. Lannik. M., 2014. P. 176–178 (in Russ.).
9. Portnyagin D.I. British diplomacy at the Paris Peace Conference of 1919 // *Herald of SPbU. Ser. 6. Political Science. International relations*. 2009. Issue 3. P. 162–169 (in Russ.).
10. Puchenkov A.S. “You give Warsaw!”: from the history of the Soviet-Polish war of 1920 // *Modern history of Russia // Modern history of Russia*. 2012. No. 2. P. 24 (in Russ.).
11. Svetlov V.A. Versailles system of international relations as the initial cause of the Second World War (structural analysis) // *Scientific papers SWORLD*. 2015. No. 1. P. 31–34 (in Russ.).
12. Sidorov A. Revolutions of 1917 in Russia and the Versailles-Washington system: Contradictions and Alternatives // *International life*. 2018. No. 11. P. 113–131 (in Russ.).
13. Trotsky L.D. *My Life*. M., 2014. P. 444 (in Russ.).
14. Utkin A.I. The Versailles world and Russia // *Free thought*. 2009. No. 4. P. 113–124 (in Russ.).
15. Chatzillo V.K. Versailles and Germany: the price of defeat // *The Great War of 1914–1918: Almanac of the Russian Association of Historians of the First World War*. M., 2013. P. 92–97 (in Russ.).
16. Shishkin V.A. (ed.) *Intervention in the North-West of Russia (1917–1920)*. SPb., 1995. P. 129 (in Russ.).
17. Yashkova T.A. Revival of the “Sanitary Cordon” // *Univsum: Social Sciences*. 2014. No. 7 (8). P. 1–7 (in Russ.).
18. Elcock H.J. Britain and the Russo-Polish Frontier, 1919–1921 // *Historical Journal*. 1969. Vol. 12. No. 1. P. 137–141, 143–146, 150–152.
19. Norman D. Lloyd George and Poland, 1919–20 // *Journal of Contemporary History*. 1971. Vol. 6. No. 3. P. 134–137.
20. Wargelin C.F. A High Price for Bread: The First Treaty of Brest-Litovsk and the Break-up of Austria-Hungary, 1917–1918 // *The International History Review*. 1997. Vol. 19. No. 4. P. 761, 766, 775, 776, 778.
21. White J.D. National Communism and World Revolution: The Political Consequences of German Military Withdrawal from the Baltic Area in 1918–19 // *Europe-Asia Studies*. 1994. Vol. 46. No. 8. Soviet and East European History. P. 1359–1367.

Сведения об авторах

ЕРМАКОВ Дмитрий Николаевич — доктор политических наук, доктор экономических наук, кандидат исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра мировой политики и стратегического анализа Института Китая и современной Азии Российской академии наук: 117218 г. Москва, Нахимовский проспект, д. 32; ведущий научный сотрудник Управления по научно-исследовательской деятельности Московского государственного университета технологий и управления им. К.Г. Разумовского (Первый казачий университет); 109004 г. Москва, Земляной вал, д. 73; профессор Департамента инновационного менеджмента в отраслях промышленности Инженерной академии Российского университета дружбы народов; 117198 г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6
Researcher ID: AAS-7807-2020
Scopus Author ID: 56610014800
РИНЦ ID: 319114
ORCID: 0000-0002-0811-0058

ПОПОВ Григорий Германович — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Центра изучения военной экономики Школы актуальных гуманитарных исследований РАНХиГС; 119571 г. Москва, проспект Вернадского, д. 82, стр. 1; старший научный сотрудник Управления по научно-исследовательской деятельности Московского государственного университета технологий и управления им. К.Г. Разумовского (Первый казачий университет); 109004 г. Москва, Земляной вал, д. 73
ORCID: 0000-0002-3060-5030

ПАВЛИКОВ Сергей Герасимович — доктор юридических наук, профессор, руководитель Департамента правового регулирования экономической деятельности Финансового университета при Правительстве Российской Федерации; 125993 г. Москва, Ленинградский проспект, д. 49
ORCID: 0000-0001-9385-8548

Authors' information

ERMAKOV Dmitry N. — Doctor of Political Sciences, Doctor of Economics, Candidate of Historical Sciences, Professor, Chief Researcher of the Center for World Politics and Strategic Analysis of the Institute of China and Modern Asia of the Russian Academy of Sciences: 32 Nakhimovsky Ave., 117218 Moscow, Russia; Leading Researcher of the Department for Research Activities of Razumovsky Moscow State University of Technology and Management (First Cossack University); 73 Zemlyanoy Val, 109004 Moscow, Russia; Professor of the Department of Innovation Management in Industries of the Engineering Academy of the Peoples' Friendship University of Russia; 6 Miklukho-Maklaya str., 117198 Moscow, Russia

POPOV Grigory G. — Candidate of Economic Sciences, Senior Researcher at the Center for the Study of Military Economics of the School of Actual Humanitarian Studies of the RANEPa; 82, bld. 1 Vernadskogo Ave., 119571 Moscow, Russia; Senior Researcher of the Department for Research Activities of Razumovsky Moscow State University of Technology and Management (First Cossack University); 73 Zemlyanoy Val, 109004 Moscow, Russia

PAVLIKOV Sergey G. — Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Legal Regulation of Economic Activity of the Financial University under the Government of the Russian Federation; 49 Leningradsky Ave., 125993 Moscow, Russia

ПРУССКАЯ КОДИФИКАЦИЯ 1794 г. КАК ПАМЯТНИК ПРАВА И ОБЪЕКТ ИЗУЧЕНИЯ¹

© 2023 г. В. В. Кизяковский

Акционерное общество «ЦДТ на Ленинском», г. Москва

E-mail: ak169mrka@rambler.ru

Поступила в редакцию 10.08.2022 г.

Аннотация. Статья посвящена общему анализу Ландрехта 1794 г. — памятника права, неосновательно, по мнению автора, обойденного вниманием историков-правоведов. Ландрехт уникален по многим характеристикам: беспрецедентному объему, количеству включенных отраслей права, использованным правовым источникам, детальному методу изложения норм, юридической технике и языку, истории создания, ориентированности на применение в судебной практике, малой «жизнестойкости» и др. Объяснить, почему законодательный акт имеет такие характеристики, — задача историка права. Изучение реалий, связанных с этой кодификацией, анализ структуры, институтов и юридической терминологии, наконец, перевод и издание на русском языке восполнят пробел в историко-правовой науке и помогут в решении важнейших для современной правоприменительной практики вопросов, как то: критерии оценки нормативного правового акта (понятность, доступность, применимость, оптимальное сочетание объема, структуры и содержания, соответствие идеологической программе государственной власти, преемственность правовых норм и институтов и др.) и использование правового опыта прошлого в современном законодательном процессе и правоприменении.

Ключевые слова: кодификация, Ландрехт, реформаторы, сословие юристов, судебная практика, Королевство Пруссия, абсолютизм, Просвещение, школа естественного права, единообразное регулирование, казуистический метод, злоупотребление правом.

Цитирование: Кизяковский В. В. Прусская кодификация 1794 г. как памятник права и объект изучения // Государство и право. 2023. № 7. С. 166–173.

DOI: 10.31857/S102694520026687-6

PRUSSIAN CODIFICATION OF 1794 AS A MONUMENT OF LAW AND AN OBJECT OF STUDY²

© 2023 V. V. Kizyakovsky

Joint-stock company “CDT on Leninsky”, Moscow

E-mail: ak169mrka@rambler.ru

Received 10.08.2022

¹ Первое издание было осуществлено после утверждения королем в 1794 г.: Allgemeines Landrecht für die preußischen Staaten von 1794. 2 Teile und Register in 3 Bänden. Berlin, 1794; переиздания в измененных и дополненных редакциях в 1796, 1799, 1803, 1816 гг. Для настоящей статьи и перевода фрагментов акта использован текст современного издания: Allgemeines Landrecht für die Preuschen Staaten von 1794. Textausgabe mit einer Einführung von Hans Hattenhauer. Frankfurt am Main — Berlin, 1970; далее при цитировании этого издания используется сокр.: “Allgemeines Landrecht”. Ландрехт с трехтомным приложением переиздавался в 1996 г.: Allgemeines Landrecht für die preußischen Staaten. Von 1794 [2 Auflage. Decker, Berlin, 1794, 2 Teile und Register in 3 Bänden]. Mit einer Einführung von Hans Hattenhauer und einer Bibliographie von Günther Bernert. 3, erweiterte Auflage. Luchterhand — Neuwied u.a. 1996.

В российской юридической историографии “Allgemeines Landrecht für die Preuschen Staaten von 1794” традиционно именовался «Прусское земское уложение», «Всеобщее земское право». Такие наименования представляются русифицированными: «Ландрехт» — это «право земли», «право провинции»; акт предполагался как субсидиарный к законодательству провинций, хотя он по своему назначению замыслился как единообразный регулятор отношений на всей территории королевства. Точность перевода — в компетенции историков-языковедов. В статье используется наименование «Ландрехт». — *Прим. авт.*

² The first edition was carried out after the approval of the King in 1794: Allgemeines Landrecht für die preußischen Staaten von 1794. 2 Teile und Register in 3 Bänden. Berlin, 1794; reprints in modified and supplemented editions in 1796, 1799, 1803, 1816. For this article

Abstract. The article is devoted to the general analysis of Landrecht of 1794 — a monument of law, which, according to the author, is unfounded, ignored by legal historians. Landrecht is unique in many ways: an unprecedented scope, the number of branches of law included, the legal sources used, the detailed method of presenting the rules, legal technique and language, the history of creation, focus on application in judicial practice, low “viability”, etc. Explain why the legislative act has such characteristics — the task of the historian of law. The study of the realities associated with this codification, the analysis of the structure, institutions and legal terminology, and finally, the translation and publication into Russian will fill the gap in historical and legal science and help in solving the most important issues for modern law enforcement practice, such as: assessment criteria legal act (understandability, accessibility, applicability, optimal combination of volume, structure and content, compliance with the ideological program of state power, continuity of legal norms and institutions, and many others) and the use of the legal experience of the past in the modern legislative process and law enforcement.

Key words: codification, Landrecht, reformers, jurists, jurisprudence, Kingdom of Prussia, absolutism, Enlightenment, school of natural law, uniform regulation, casuistic method, abuse of law.

For citation: Kizyakovskiy, V.V. (2023). Prussian codification of 1794 as a monument of law and an object of study // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 7, pp. 166–173.

«Кодекс не может быть разработан таким образом, чтобы он оставался неизменным даже в течение жизни одного поколения».

Э.Ф. Клейн

Знаковые во всемирной правовой истории явления (правовые памятники, учения, факты правоприменения) общеизвестны, от фрагментов Ветхого Завета и Законов Хаммурапи до Приговора Нюрнбергского Трибунала и Устава ООН. Каждому из них посвящены сотни научных исторических и историко-правовых исследований, обязательные разделы в учебниках и в учебных программах профильных учебных заведений.

К сожалению, к таким памятникам не отнесен Ландрект 1794 г., во многом уникальный законодательный акт. Выдающаяся кодификация на базе римского права, воплотившая немецкий правовой опыт предшествующих столетий, беспричинно, по нашему убеждению, обойдена вниманием в отечественной историко-правовой науке

and the translation of the fragments of the act, the text of the modern edition is used: Allgemeines Landrecht für die Preuschen Staaten von 1794. Textausgabe mit einer Einführung von Hans Hattenhauer. Frankfurt am Main — Berlin, 1970; further, when quoting this publication, the abbreviation is used: “Allgemeines Landrecht”. Landrecht with a three-volume appendix was reprinted in 1996: Allgemeines Landrecht für die preußischen Staaten. Von 1794 [2 Auflage. Decker, Berlin, 1794, 2 Teile und Register in 3 Bänden]. Mit einer Einführung von Hans Hattenhauer und einer Bibliographie von Günther Bernert. 3. erweiterte Auflage. Luchterhand — Neuwied u.a. 1996.

In Russian legal historiography, “Allgemeines Landrecht für die Preuschen Staaten von 1794” was traditionally referred to as “Prussian Zemstvo Code”, “Universal Zemstvo Law”. Such names appear to be Russified: “Landrecht” is “the right of the land”, “the right of the province”; the act was supposed to be subsidiary to the legislation of the provinces, although it was intended for its purpose as a uniform regulator of relations throughout the kingdom. The accuracy of translation is in the competence of historians and linguists. The article uses the name “Landrecht”. — *Author’s note.*

и, соответственно, в учебных программах юридических вузов и факультетов.

Историография исследований, посвященных Ландрехту, обширна и представлена в основном работами немецких правоведов³. Их изначальный апологетический настрой понятен и объясним: кодификация 1794 г. — предмет национальной юридической гордости.

В российской историографии со времен СССР утвердилась оценка «реакционности» этого акта. Полярность оценок вообще свойственна марксистской исторической науке, базирующейся на «классовом подходе» (т.е. выявление «прогрессивности» или «реакционности» рассматриваемого явления с позиций эксплуатируемых трудящихся). «Реакционность» Ландрехта раз и навсегда установил классик марксизма Ф. Энгельс в «Анти-Дюринге» (1877 г.). Это сочинение считалось в советской историко-правовой науке одним из программных трудов диалектического материализма. Энгельс высказался безапелляционно и категорично, как революционер, радикал, бескомпромиссный избличитель феодальных и буржуазных порядков, борец за интересы трудящихся (категоричность свойственна и «классикам», и марксистам вообще), и о проф. К. Дюринге, и о Ландреhte: «Юридические познания г-на Дюринга ограничиваются единственно и исключительно прусским правом, этим кодексом просвещенного патриархального деспотизма, написанным таким языком, словно по этой книге г-н Дюринг учился грамоте, — кодексом, который со своими нравоучительными замечаниями, своей юридической неопределенностью и шаткостью, своими мерами пытки и наказания,

³ См. библиографию работ немецких авторов: Allgemeines Landrecht. S. 41–50.

в виде палочных ударов, **принадлежит еще всецело к дореволюционному времени**⁴.

Поэтому, вероятно, изучение этой кодификации советские и российские правоведы долгие годы интуитивно относили к разряду исследований, которые акад. В.Н. Кудрявцев метко определял как «инициативные разработки с неясными перспективами»⁵. И поэтому, вероятно, не издан относительно объемный перевод, а в современной российской юридической науке нет комплексного исследования этого памятника права, а есть лишь работы об отдельных категориях и институтах, например «злоупотребление правом» (С.И. Денисов⁶, С.Ю. Усольцев⁷ и др.), «договор» (Д.Ю. Полдников⁸), а также краткие «общие характеристики» Ландрехта «по Энгельсу» в учебниках юридических вузов.

Между тем в интересах российской юридической науки исследовать в отношении Ландрехта историю его создания, ввода в действие, правоприменения, структуру и основные институты, наконец, юридический язык и терминологию, сделать их объектами комплексного изучения.

Кодификации права всегда и везде расценивались властью как необходимый стабилизатор общественных порядков и управления в государстве. В Пруссии, государстве, существенно влиявшем на европейскую политику, попытки кодификации предпринимались с начала XVIII в., но успешной стал 1794 г.

В правление Фридриха II Великого (1740–1786) был подготовлен «Проект кодекса законов Фридриха» (*Corpus juris Fridericianum*), или «проект Кокцеи 1751 г.» на основе предписания короля унифицировать законодательство, обеспечить единообразное правосудие; «право должно быть рациональным и понятным по форме и содержанию»⁹, но проект не был введен в действие.

Под влиянием Монтескье Фридрих II в 1749 г. написал «Трактат о причинах введения или отмены законов», в котором, по мнению историков, превратил постулаты философа в законодательную программу королевства: «Совершенный кодекс

(“ein vollkommenes Gesetzbuch”) станет венцом человеческого разума **в сфере искусства управления..., формулировки (должны быть) настолько ясными и точными, чтобы исключить любые споры по поводу толкования...**¹⁰.

Кодификационные работы активизировались лишь спустя почти три десятилетия. «Раздражителем» стало знаменитое «дело мельника Арнольда (1779–1780 гг.)», вызвавшее, по мнению историков, «кризис доверия» между королем и судебной властью: в споре мельника-арендатора и дворянина-землевладельца суды принимали решения в пользу второго, хотя, по мнению короля, эти решения были очевидно несправедливы. Фридрих II обжаловал судебные решения. Судьи отказались удовлетворить жалобы. По результату: король-абсолют сам написал судебное решение в пользу мельника — «в соответствии с прусским конституционным законом» распорядился отстранить от должности и взять под стражу нескольких высокопоставленных судей, да еще и отправил в отставку главу правительства; на место канцлера был назначен министр юстиции Силезии И. фон Кармер. Ему, его помощнику, советнику правительства К.Г. Сварцу и выдающемуся юристу Э.Ф. Клейну Фридрих II поручил в 1780 г. составление проекта «Общего кодекса»; немецкие историки права именуют их «дети Просвещения» (*Kinder der Aufklärung*) и «великие реформаторы» (*Die grossen Reformer*).

Программу кодификации формулировало распоряжение правительства Пруссии (*Kabinettsordre*) от 14 апреля 1780 г. (подготовлено Сварцем, согласовано Фридрихом II, подписано Кармером). Новый акт предполагался как **«вспомогательный кодекс»** (*subsidiarisches Gesetzbuch*), приоритетное значение перед которым имели законы провинций; распоряжение предписывало **одновременную кодификацию законов провинций (земель)**¹¹. На деле реформаторы работали исключительно над **все-прусским кодексом**, будучи убежденными, что он после введения в действие унифицирует законодательство на всем пространстве королевства, получит верховенство над традиционным, «исторически легитимированным» законодательством земель (провинций).

Условно разработку собственно кодификации, которая войдет в историю права как Ландрехт 1794 г., обоснованно разделить **на два периода: «дядин» и «племянника»**. Судьба акта целиком зависела от воли царствующего монарха, поэтому работа над проектом на этапах существенно отличалась, хотя в оба периода реформаторы не имели «социальной

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 114, 115.

⁵ Кудрявцев В.Н. Свобода научного творчества // Государство и право. 2022. № 2. С. 33.

⁶ См.: Денисов С.И. Становление и эволюция категории «злоупотребления правом» в зарубежном законодательстве // Экономика. Социология. Право. 2017. № 2 (16). С. 90–96.

⁷ См.: Усольцев Е.Ю. Злоупотребление правом: историко-теоретическое исследование // Идеи и идеалы. 2021. Т. 13. № 1, ч. 1. С. 112–129.

⁸ См.: Полдников Д.Ю. Институт договора в правовой науке Западной Европы XI – XVIII веков. М., 2013.

⁹ Цит. по: Hattenhauer H. Einfuhrung in die Geschichte des Preussischen Allgemeines Landrechts // Allgemeines Landrecht. S. 11.

¹⁰ Цит. по: Werke Friedrichs der Grossen. Berlin, 1913. Bd. 8. S. 32.

¹¹ Фрагменты распоряжения от 14 апреля 1780 г. цит. по: Hattenhauer H. Op. cit. S. 19–22.

поддержки» и испытывали негативное отношение к реформе со стороны высшего чиновничества и элиты дворянства.

В 1780–1786 гг. (при «инициаторе» Фридрихе II Великом) положение реформаторов было прочным, перспективным; в основе концепции лежали идеи Просвещения; «социальный негатив», а именно противодействие элиты рабочая группа «компенсировала» единством взглядов, работоспособностью и главное — регулярным полемическим общением с монархом. В начале первого этапа (1780–1782 гг.) был издан приведенный «в соответствие с требованиями времени» проект Кокцеи 1751 г., систематизированы законы и судебные решения прусских провинций.

Фридрих II, которому части проекта представлялись на рассмотрение до опубликования, регулярно высказывал свои мнения; так, в марте 1785 г. он сделал знаменитую ремарку (на проекте раздела об имущественных правах): **«Слишком много, законы должны быть краткими, а не обширными»** (*“Es ist aber Sehr Dicke und gesetze müssen kurz und nicht Weitläufig seindt”*). Король выразил мнение, которое являлось определяющим для реформаторов права всех времен: кодификация должна быть небольшого объема.

Смерть Фридриха II стала для прусской элиты спасением от жесткого правления. «Племянник», Фридрих Вильгельм II, по мнению историков, «никогда не понимал дядю», а покойный был невысокого мнения о племяннике. Преемник — немедленно реабилитация судей, попавших в немилость в связи с «делом мельника Арнольда», с материальной компенсацией «пострадавшим».

В 1786–1797 гг. (в правление «племянника», который относился к идее и судьбе кодификации, мягко говоря, «нейтрально») положение реформаторов изменилось из-за «поворота» к сословной идеологии: преемник постановил, что представители сословий тоже должны участвовать в разработке нового свода законов (до этого участие сословной знати в законодательстве ограничивалось работой над провинциальными законами). Для дворянства Пруссии противодействие реформе было фактически борьбой за сохранение привилегий, защитой экономических интересов, тем более на «фоне» французских событий. На втором этапе рабочая группа была лишена прямого контакта с королем.

Тем не менее при «племяннике» был создан и опубликован по частям «Всеобщий кодекс для прусских государств» (*“Das Allgemeine Gesetzbuch für die Preussischen Staaten”*, далее — AGB).

Образцом для AGB стала признанная, традиционно действующая на немецких территориях, «исторически узаконенная» кодификация римского права, соответственно, с учетом «спорных моментов»

и потребностей регулирования тогдашних проблем. Э.Ф. Клейн писал в автобиографии: «Законодательная работа началась всерьез, в соответствии с планом, одобренным великим Фридрихом»¹².

Проект AGB по завершении каждого раздела по частям печатался. При дальнейшем редактировании учитывалось возможно большее количество экспертных заключений и мнений «со стороны». Позднее К.Г. Сварец обоснованно отмечал, что в проекте нет ни одной нормы, которая не подверглась бы неоднократной экспертизе нескольких знающих специалистов с многолетним практическим опытом.

Отзывы на проект поступали различными способами: **как ответы на прямые именные запросы к конкретным экспертам** — известным ученым, судьям, государственным чиновникам; были и отрицательные отзывы (например, прусский государственный деятель доктор юриспруденции И.Г. Шлоссер вообще отрицал возможность полной кодификации и категорически осуждал эту попытку короля)¹³ и **через «конкурс предложений»**, поступающих от правоведов и практикующих юристов. Относительно объема проекта: Сварец в начале кодификационных работ тоже считал краткость основным требованием, однако позже признал — из-за объема поставленных задач — невозможность сокращенного варианта, с чем согласился и Фридрих II. Практические потребности регулирования оказались сильнее мнений короля и стремлений проектантов: слишком велик был перечень отношений, которые подлежали детальному нормативному разрешению в правоприменении, прежде всего в судопроизводстве.

В 1789–1791 гг. реформаторы (в сотрудничестве с юридической комиссией и другими государственными органами) подвели итоги дискуссии и воплотили их в тексте; **AGB был опубликован: патент (разрешение) на публикацию от 20 марта 1791 г. Фридриха Вильгельма II вводил в действие «Всеобщий кодекс для Прусских государств» с 1 июня 1792 г.**

Но король (распоряжением кабинета министров от 18 апреля 1792 г., по ходатайству министра юстиции Силезии) приостановил на неопределенный срок введение AGB в силу. Причина указывалась явно надуманная: якобы «общественность не успела ознакомиться с новым кодексом».

Кодификаторы посчитали это катастрофой, провалом реформы. Судьба кодификации стала зависеть от того, насколько проект представлялся

¹² Klein E. F. Selbstbiographie, hrsg. (herausgegeben) von Max Ludwig Lowe. Berlin, 1810. S. 47.

¹³ См.: Schlosser J. G. Briefe über die gesetzgebung überhaupt und den Entwurf des preussischen gesetzbuchs insbesondere. Frankfurt, 1789.

«безобидным» для традиционного сословного прусского общества. Идеологи кодификации, троица авторов проекта AGB трезво оценивали соотношение сил, реалии существующей в королевстве социальной структуры и в соответствии с ними определяли границы «допустимого» и потому «возможного»; результатом могло быть нечто среднее между революционным и консервативным вариантами текста. В проекте не могло быть неких фундаментальных нововведений, но и не могло быть простого дублирования существовавших законодательных норм.

В «период приостановки» в 1793 г. К.Г. Сварец (в соавторстве с Х. Госслером) издал книгу «Обучение законам для жителей Пруссских государств» с отрывками из проекта — для разъяснения взглядов и намерений группы реформаторов¹⁴. Книга стала своеобразной инструкцией и для профессионалов, и для «населения страны» (*Landesbevölkerung*), «граждан без академического образования»¹⁵.

Кодификация была «спасена» внешнеполитическим фактором: в 1793 г. Пруссия (в результате второго раздела Польши) «получила» огромные территории, которые следовало быстро «пруссифицировать», эффективный механизм — распространение прусского законодательства и основанных на нем судебной и управленческой (полицейской) практики. Для единообразного правоприменения нужен был некий «общепрусский» законодательный акт (парадоксально, но практики-судьи начали повсеместно ссылаться на «приостановленный» AGB). Еще до введения в действие он стал единым общепрусским законодательным актом.

Король принял решение — после «окончательной ревизии» ввести AGB в силу на всей территории королевства.

Задачи «редактирования», которого требовал Фридрих Вильгельм II от реформаторов и на которое отводился срок **шесть недель**, включали два требования: **акт не должен содержать «ничего о политическом устройстве страны»** (решение этих вопросов не относилось к компетенции судов) и **«никаких новых учреждений»**.

Бремя редактирования легло на Сварца; он, за исключением неизбежных поправок, ограничился минимальными изменениями: формулированием общего принципа (Einl.6), статей об «общем благе», о возможности несоблюдения королевских распоряжений, о разрешении споров главы государства и подданных и др. (Einl.77-80).

¹⁴ См.: Svarez C. G., Gossler Chr. Unterricht über die Gesetze für die Einwohner der Preussischen Staaten von zwei Preussischen Rechtsgelehrten. Berlin, 1793.

¹⁵ Цит. по: Hattenhauer H. Op. cit. S. 27, 28.

Реформаторам не удалось отстоять название акта; это был не филологический спор о терминах: для авторов проекта «кодекс» (*Gesetzbuch*) понимался как акт законодателя-короля, обращенный к каждому подданному с повелениями и запретами; напротив, «земское право» (*Landrecht*) было ориентировано на юристов-профессионалов в провинциях, прежде всего на судей и судейских чиновников. Для оправдания нового названия было заявлено, что «Всеобщее земское право» (*Allgemeines Landrecht*) — традиционное, немецкое, а традиционность и нововведения «не дружат», и акт — «ни в коем случае не кодекс для простого человека» (*“keinesfalls ein Gesetzbuch für den gemeinen Mann”*).

«Ревизия» была завершена Сварцом с задержкой в две недели, 4 февраля 1794 г. На следующий день король дал разрешение (подписал патент) на публикацию. **1 июня 1794 г. Ландрехт вступил в силу.**

В окончательной редакции он обоснованно характеризовался историками права как «кодекс компромиссов» (*das Gesetzbuch der Kompromisse*), идеологий Просвещения и сословной.

«Архитектура» кодификации: Ландрехт состоит из **«Введения» (108 статей)**, части первой (**“Erster Theil”**) — **8278 статей**, части второй (**“Zweiter Theil”**) — **10921 статья**; каждая часть подразделяется на **титулы (“Titel”)**, первая — на **23**, вторая — на **20**; некоторые титулы подразделяются (при большом объеме и количестве институтов) на **разделы (“Abschnitt”)**, каждый — с отдельным подзаголовком. **«Введение» и каждый из 43 титулов имеют отдельную нумерацию параграфов-статей, которых всего 19307.**

Принятый **порядок цитирования**: «Введение» — «Einl.» и номер статьи, например «Einl.50»; основной текст: сначала — «часть» (римские цифры I или II), затем «титул» (арабские цифры), «раздел» (при наличии, арабские цифры) и «статья» (арабские цифры), например «II.20.3.100-148» («часть вторая, титул двадцатый («О преступлениях и наказаниях»), раздел третий «Преступления против внешней безопасности государства», статьи 100-148»).

«Введение» (“Einleitung”) составлено из двух подразделов: **«О законах в общем»** (Einl.1-72) и **«Общие принципы права»** (Einl.72-108).

Часть первая Ландрехта по содержанию — моно-отраслевая: статьи каждого из 23 титулов беспрецедентно детально регулируют **гражданско-правовые отношения** в составе основных институтов, а именно: «лица»; «вещи»; «действия»; «волеизъявление»; различные виды договоров; «запрещенные действия» и «ущерб»; «собственность» («приобретение», «владение», «хранение»); «клад» и «брошенные и потерянные вещи»; «звероловство»; «рыболовство»; право собственности на «прирост»

и «приплод»; «опосредованное приобретение имущества»; «правовые основания приобретения имущества», сделки между живущими¹⁶ и «вследствие смерти» («завещания», «кодициллы», «договоры наследования»); приобретение собственности через третьих лиц; «доверенности»; «полезное использование»; «управление чужими вещами и имуществом»; «арест имущества» и опротестование; «предъявление иска на имущество» и «мировое соглашение»; «способы прекращения прав или обязательств»; способы исполнения обязательств; «аннулирование прав и обязательств», «общая собственность» («возникновение», «разделение», «межевание»); «феоды» и «чиншевое право»; «вещные и личные права на чужую собственность» («залог», «удержание», «эмфитевзис», «ограниченные права пользования чужим имуществом»); «разрешение споров между владельцами (земельных) наделов»; «принудительное правосудие» (*“Von Zwangs- und Banngerechtigkeiten”*, I, 23, 1-95) и др.

В соответствии с современной классификацией к гражданскому праву следует отнести и **некоторые фрагменты второй части Ландрехта**: «Об обществах в целом и об объединениях и общинах в частности» (II.6.1-202); семь разделов из титула «О бюргерском сословии» (II.8.8-14.476-2464): «О векселях», «О торговых билетах и ассигнациях», «О посредниках», «О судовладельцах, моряках и фрахтователях», «Об авариях и убытках при морских перевозках», «О страховании», «О ссуде под залог судна».

Часть вторая Ландрехта (в отличие от первой) — комплексная, включает нормы следующих отраслей права (если использовать современную классификацию):

1) **брачно-семейное**, включая регулирование брака (II.1.1-11.1-1131), обоюдные права и обязанности стариков и детей (II.2.1-12.1-773) и «остальных членов семьи» (II.3.1-53), «общие семейные права» (II.4.1-6);

2) **право социального обеспечения** («Об опеке и попечителях», II.18.1-9.1-1007; «О приютах для бедных и других благотворительных обществах», II.19.1-89);

3) **уголовное право** («О преступлениях и наказаниях», II.20.1-16.1-1577);

4) **налоговое право** («О государственных доходах и налоговых правах», II.14.1-85).

Значительное количество норм **части второй** регулируют также **правовое положение религиозных организаций** («О правах и обязанностях церквей и духовных обществ», II.11.1-20.1-1232); **правовое положение сословий и отдельных социальных групп** («О

правах и обязанностях господ и слуг», II.5. 1-208; «О крестьянском сословии», II.7.1-8.1-548; «О сословии городских жителей», II.8.1-15.1-2464; «О правах и обязанностях дворянства», II.9.1-100; «О правах и обязанностях государственных служащих», II.10.1-145; «О правах и обязанностях церквей и духовных обществ», II.11.1-20.1-1232); а также **определяют некоторые государственные функции** («О начальных и высших школах», II.12.1-129; «О правах и обязанностях государства в общем», II.13.1-18; «О правах и прерогативах государства в отношении дорог, рек, портов и морских берегов», II.15.1-5.1-247; «О правах государства на бесхозное имущество и вещи», II.16.1-4.1-480; «О правах и обязанностях государства по особой защите подданных», 17.1-2.1-183).

Структура Ландрехта свидетельствует: в содержании реализована **главная цель короля Фридриха II — унифицировать регулирование всех непубличных отношений через единообразное правоприменение, прежде всего в управлении и в правосудии** (хотя в Ландрехт все же вошли нормы, регулирующие некоторые отношения с участием субъекта — государства).

«Судебной ориентированностью» объясняется многое — и способ подробного формулирования статей (как следствие — огромный объем Ландрехта), и детальное формулирование **принципа обязательности законов** государства (для «всех членов государства независимо от сословия, ранга или пола») и **принципа судопроизводства** (с лишением судей права толкования закона (Einl.22; Einl.46-58) и ориентированностью на мировые соглашения). Насколько успешно Ландрехт соответствовал задачам, которые ему отводились, может дать ответ только анализ прусской судебной практики конца XVIII в.

Принципы права, положенные в основу Ландрехта, каждая из отраслей, в него включенных, каждый институт и даже отдельные нормы заслуживают изучения и разностороннего профессионального анализа — лингвистического, историко-правового, понятийного (например, «злоупотребление правом»), системного — относительно тогдашней прусской структуры действовавшего права.

В Пруссии конца XVIII в. исторически сложившаяся сословная иерархия воспринималась как незыблемый, традиционный, «священный порядок» отношений «господин» — «подданный». Поэтому в окончательном тексте Ландрехта воплотились противоречивые нормы, в которых соседствовали «гражданское общество» и «сословия», «мирно сосуществуют» принципы и нормы несовместимых общественных систем: сословной и буржуазной.

Ландрехт быстро из субсидиарного регулятора превратился в основной. Более того, вступивший (ноябрь 1797 г.) на прусский трон воспитанник

¹⁶ Самый многочисленный по количеству норм институт Ландрехта, I.11.1-9.1-1177. — *Прим. авт.*

К.Г. Свареца Фридрих Вильгельм III приказом от 22 августа 1798 г. запретил дворянам инициировать местные кодификации и препятствовать повсеместному действию Ландрехта, за что удостоился определения «друг кодекса» (*ein Freund des Gesetzbuches*).

Кодификаторам была успешно решена сложная технико-правовая задача языка: Ландрехт — первая кодификация, базирующаяся на римском праве в переводе на немецкий язык. Отказ от «латинизмов» заставил реформаторов формулировать и вводить в текст новые немецкоязычные юридические термины, а поскольку немецкий юридический язык не был достаточно разработан и признан, «адаптация» римских правовых дефиниций на немецкий язык оценивалась правоведами-современниками как выдающееся лингвистическое достижение (например, в ходатайстве перед монархом о приеме Свареца в Прусскую академию наук основным аргументом были его «заслуги перед немецким языком»).

Ландрехт, как и любой законодательный акт, — продукт конкретных обстоятельств определенного исторического момента.

Общераспространенной «претензией» к Ландрехту является «казуистичность», а именно стремление точно урегулировать каждую мыслимую ситуацию (случай). Это стремление породило впечатляющую, уникальную в истории права **детальную разработку норм** (например, договорных форм сделок). Стремление реформаторов сформулировать в тексте варианты разрешения максимального количества ситуаций привело к появлению самой объемной и сложной в применении кодификации права на немецком языке в истории.

В нормах «Введения» провозглашалось **преобладание** — для «достижения общего блага» (*zur Beforderung des gemeinschaftlichen Wohls*) — **интересов государства над интересами личными** в случае возникновения между ними коллизий.

Ландрехт 1794 г. — первый и единственный случай в истории права Нового времени реализованного замысла законодателя — «всеобщая кодификация» (степень успешности — отдельный, оценочный вопрос), объединение **в одном законодательном акте** норм всех отраслей действующего в государстве права — и публичного (с «полицейским»), и частного, включая семейное и наследственное.

Поскольку объект регулирования «необъятен», Ландрехт 1794 г. достался потомкам — практикам и историкам права как реализованный в тексте образец неудачной (но только по критерию «всеобъятности») попытки. Разнообразие и количество жизненных ситуаций неисчислимы, поэтому попытка охватить и урегулировать все случаи (казусы) и варианты общественных отношений

при помощи права не имела перспективы в конце XVIII в. (и что, к слову, стало реальностью через три столетия, в XXI в., при помощи компьютерных «инструментов» и возможностей). Исторический опыт правового регулирования отношений в человеческих обществах позволил изобрести и использовать на практике два основных способа решения проблемы ситуационной множественности — нормативно-правовой и прецедентный.

Относительно оценок кодификации — наряду с негативной наличествуют и положительные: прусского дворянина начала XIX в. («**даже прусский фермер... перестал считать правовую систему таинственным и непонятным заклинанием духов и игрой на везение и стал рассматривать прусское право как надежное, честное и очень достойное.** <...> **С юридической точки зрения Ландрехт был так же важен для нашего народа, как перевод Библии Лютера, на самом деле люди не читают ни Библию, ни кодекс, но ориентируются на обе книги, каждый может к ней обратиться, и такая ситуация желательна для остальной Германии...**»¹⁷) и профессора права, современного издателя Ландрехта: «Высокая степень наглядности имела, кроме всего прочего, и судебно-политический аспект. Кодекс должен был решить проблему переполнения вторичной юридической литературой... Затяжные процессы объяснялись, среди прочего, наличием неурегулированных юридических вопросов. Реформаторы хотели упразднить все эти “детали”, заполнив в процессе как можно больше пробелов...»

Реформаторы понимали, что полного свода законов быть не может. В этом конфликте между требованием постоянных изменений в законах и ограничением полномочий судьи, применяющего закон, было принято следующее решение: учреждение правовой комиссии»¹⁸.

* * *

Представляется, что споры вокруг Ландрехта (о принадлежности к эпохе, виде систематизации и др.), как, впрочем, и в отношении других памятников права, неизбежно возникают из различия оценок объекта «сейчас» и «тогда», взгляда «отсюда» «туда», из современности — на события конца XVIII в. потому, что оценка проводится по критериям, вошедшим в научно-правовой инструментарий значительно позже. С позиций объективности такой оценочный подход не годится: нельзя создателям чего-либо предъявлять претензии, что они не учитывали (не учли) опыт будущего. У кодификатора-законодателя были (в его время) другие

¹⁷ Журнал истории права фонда Савиньи. 1892. № 13. С. 228, 229; пер. по: Allgemeines Landrecht. S. 39.

¹⁸ Hattenhauer H. Op. cit. S. 36.

задачи, и пребывал он (они) в единственном, весьма специфическом, ограниченном многочисленными факторами положении.

Вопрос, важный и для законодателя, и для ученого-правоведа, — **о критериях оценки качества нормативно-правового акта при историко-правовом изучении** — не разработан и вообще крайне деликатен. На примере Ландрехта становится ясно, насколько эта проблема многослойна, сложна, политизирована. Правовой акт как объект для «оценки качества» своеобразен, поэтому методику оценки необходимо применять специфическую.

Любой законодательный акт является неким «средним арифметическим» результатом, «равнодействующей» всех имевшихся на момент его издания факторов. След Ландрехта в истории оказался менее заметным, чем он того заслуживал: его «судьба» была предопределена воплощением «стремительно устаревающих идей» (сословность, вотчинная юрисдикция, преимущество государственных интересов над частными и др.). Эпоха торжествующей буржуазии не терпела Ландрехт, воплотивший идею авторитарного просвещенного абсолютизма.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Денисов С.И. Становление и эволюция категории «злоупотребления правом» в зарубежном законодательстве // Экономика. Социология. Право. 2017. № 2 (16). С. 90–96.
2. Журнал истории права фонда Савиньи. 1892. № 13. С. 228, 229.
3. Кудрявцев В.Н. Свобода научного творчества // Государство и право. 2022. № 2. С. 33.
4. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 114, 115.
5. Полдников Д.Ю. Институт договора в правовой науке Западной Европы XI–XVIII веков. М., 2013.
6. Усольцев Е.Ю. Злоупотребление правом: историко-теоретическое исследование // Идеи и идеалы. 2021. Т. 13. № 1, ч. 1. С. 112–129.
7. Allgemeines Landrecht für die Preussischen Staaten von 1794. Textausgabe mit einer Einführung von Hans Hattenhauer. Frankfurt am Main – Berlin, 1970. S. 39, 41–50.

8. Hattenhauer H. Einführung in die Geschichte des Preussischen Allgemeines Landrechts // Allgemeines Landrecht. S. 11, 19–22, 27, 28, 36.
9. Klein E.F. Selbstbiographie, hrsg. (herausgegeben) von Max Ludwig Lowe. Berlin, 1810. S. 47.
10. Schlosser J.G. Briefe über die gesetzgebung überhaupt und den Entwurf des preussischen gesetzbuchs insbesondere. Frankfurt, 1789.
11. Svarez C.G., Gossler Chr. Unterricht über die Gesetze für die Einwohner der Preussischen Staaten von zwei Preussischen Rechtsgelehrten. Berlin, 1793.
12. Werke Friedrichs der Grossen. Berlin, 1913. Bd. 8. S. 32.

REFERENCES

1. Denisov S.I. Formation and evolution of the category of “abuse of law” in foreign legislation // Economy. Sociology. Law. 2017. No. 2 (16). P. 90–96 (in Russ.).
2. Journal of the History of Law of the Savigny Foundation. 1892. No. 13. P. 228, 229 (in Russ.).
3. Kudryavtsev V.N. Freedom of scientific creativity // State and Law. 2022. No. 2. P. 33 (in Russ.).
4. Marx K., Engels F. Essays. Vol. 20. P. 114, 115 (in Russ.).
5. Poldnikov D. Yu. Institute of Contract in the legal science of Western Europe XI–XVIII centuries. M., 2013 (in Russ.).
6. Usoltsev E. Yu. Abuse of law: historical and theoretical research // Ideas and ideals. 2021. Vol. 13. No. 1, part 1. P. 112–129 (in Russ.).
7. Allgemeines Landrecht für die Preussischen Staaten von 1794. Textausgabe mit einer Einführung von Hans Hattenhauer. Frankfurt am Main – Berlin, 1970. S. 39, 41–50.
8. Hattenhauer H. Einführung in die Geschichte des Preussischen Allgemeines Landrechts // Allgemeines Landrecht. S. 11, 19–22, 27, 28, 36.
9. Klein E.F. Selbstbiographie, hrsg. (herausgegeben) von Max Ludwig Lowe. Berlin, 1810. S. 47.
10. Schlosser J.G. Briefe über die gesetzgebung überhaupt und den Entwurf des preussischen gesetzbuchs insbesondere. Frankfurt, 1789.
11. Svarez C.G., Gossler Chr. Unterricht über die Gesetze für die Einwohner der Preussischen Staaten von zwei Preussischen Rechtsgelehrten. Berlin, 1793.
12. Werke Friedrichs der Grossen. Berlin, 1913. Bd. 8. S. 32.

Сведения об авторе

КИЗЯКОВСКИЙ Владимир Васильевич — кандидат юридических наук, почетный адвокат России, референт акционерного общества «ЦДТ на Ленинском»; 119526 г. Москва, Ленинский проспект, д. 146

Authors' information

KIZYAKOVSKY Vladimir V. — PhD in Law, Honorary Lawyer of Russia, Referent of the Joint-Stock Company “CDT on Leninsky”; 146 Leninsky Ave., 119526 Moscow, Russia

РУКОВОДСТВО КАК НОВЫЙ ВИД НОРМАТИВНОГО АКТА

© 2023 г. Г. П. Ивлиев^{1, *}, Ж. И. Шевырева^{2, **}

¹Евразийское патентное ведомство, г. Москва

²Роспатент, г. Москва

*E-mail: law.digitaleconomy@gmail.com

**E-mail: rospat145@rupto.ru

Поступила в редакцию 27.01.2023 г.

Аннотация. По мнению авторов статьи, в сфере интеллектуальной собственности представляется целесообразным использовать термин «руководство» как более устоявшийся в отечественной и мировой практике. Подобный термин будет наиболее понятным для заявителей, что важно в условиях современных интеграционных процессов и сохраняющегося на высоком уровне количества подаваемых иностранными лицами заявок.

Ключевые слова: руководство, нормативный акт, интеллектуальная собственность.

Цитирование: Ивлиев Г.П., Шевырева Ж.И. Руководство как новый вид нормативного акта // Государство и право. 2023. № 7. С. 174–177.

DOI: 10.31857/S102694520026754-0

THE MANUAL AS A NEW TYPE OF REGULATORY ACT

© 2023 G. P. Ivliev^{1, *}, Zh. I. Shevyreva^{2, **}

¹Eurasian Patent Office, Moscow

²Rospatent, Moscow

*E-mail: law.digitaleconomy@gmail.com

**E-mail: rospat145@rupto.ru

Received 27.01.2023

Abstract. According to the authors of the article, in the field of intellectual property, it seems appropriate to use the term “management” as more established in domestic and world practice. Such a term will be the most understandable for applicants, which is important in the conditions of modern integration processes and the number of applications submitted by foreign persons remaining at a high level.

Key words: management, regulatory act, intellectual property.

For citation: Ivliev, G.P., Shevyreva, Zh. I. (2023). The manual as a new type of regulatory act // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 7, pp. 174–177.

Зачастую для единообразного применения законодательных актов требуется дополнительная информация. Участники правоотношений вынуждены прибегать к различным информационным материалам. Заявители, которые обращаются за государственными услугами, должны иметь возможность самостоятельно получить подробную информацию о порядке их предоставления.

Государственные услуги в сфере интеллектуальной собственности, в особенности те, которые связаны с государственной регистрацией результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации, отличаются сложностью. Это связано с тем, что по заявке проводится экспертиза и, в частности, оценка охраноспособности заявляемого объекта по различным критериям, в том числе

путем его сопоставления с объектами, имеющими приоритет. Все это обуславливает сложность административных процедур и использование определенных методик при проведении экспертизы по заявке.

На протяжении длительного времени формировалась практика разработки и утверждения Федеральной службой по интеллектуальной собственности (Роспатентом)¹ руководств и методических рекомендаций по вопросам, связанным с предоставлением государственных услуг. Такой подход в сфере интеллектуальной собственности не является исключительным и уникальным. Руководства (Guidelines) утверждаются международными организациями, осуществляющими регистрацию объектов интеллектуальной собственности.

Например, Всемирной организацией интеллектуальной собственности (ВОИС) утверждено Руководство по проведению международного поиска и предварительной экспертизы в соответствии с Договором о патентной кооперации от 19 июня 1970 г.² Ведомство Европейского Союза по интеллектуальной собственности издало Руководство по экспертизе товарных знаков ЕС и Руководство по экспертизе зарегистрированных промышленных образцов ЕС³. На сайте Европейского патентного ведомства размещено Руководство по экспертизе в Европейском патентном ведомстве⁴.

Ряд руководств и пособий, переведенных на английский язык, опубликованы патентными ведомствами Германии⁵ и Японии⁶. На сайте ВОИС приведен перечень⁷, включающий руководства и пособия (guidelines and manuals), изданные тремя международными и 45 национальными ведомствами по интеллектуальной собственности. В числе указанных ведомств Евразийское патентное ведомство, а также национальные ведомства Великобритании, Израиля, Индии, КНР, Кореи, США, Франции, Швейцарии и Швеции.

В США и ЕС руководства (guidelines) признаются обязательными актами в отличие от актов законодательства, которые обеспечиваются принудительной силой⁸. Они применяются не только в сфере интеллектуальной собственности, но и в других сферах. В качестве примера можно привести утвержденное Генеральным директором Европейской комиссии по вопросам здравоохранения и защиты интересов потребителей Руководство по лучшим практикам производства медицинских товаров для применения в здравоохранении и ветеринарии⁹, во введении

к которому отмечается, что оно регулярно редактируется для того, чтобы отразить лучшие практики, которые постоянно совершенствуются.

Можно также привести примеры руководств, принятых на национальном уровне: Административное руководство по трансфертному ценообразованию, принятое Министерством финансов Германии¹⁰, Руководство по содействию государственным и частным организациям в предотвращении и выявлении коррупции, лоббирования, вымогательства со стороны должностных лиц, незаконного проявления предпочтений, хищения государственных средств и фаворитизма, разработанное Антикоррупционным агентством Франции¹¹, Руководство по представлению документов в систему электронной подачи Верховного суда США¹². Все перечисленные акты не являются законодательными и носят рекомендательный характер.

В отличие от других нормативных актов, которые могут быть приняты только с соблюдением определенных процедур, руководства являются более гибким инструментом, поскольку могут регулярно обновляться и дополняться с учетом развития правоприменительной практики. Кроме того, руководства предполагают использование понятного для заявителя языка, а также могут содержать инфографику, в то время как к структуре и стилистике общепринятых нормативных актов применяются определенные требования, что лишает разработчика возможности упрощать лексические конструкции и использовать поясняющие графические материалы.

В зарубежной литературе руководства характеризуются как документы, которые принимаются во внимание постольку, поскольку они делают закон более доступным для понимания, подготовлены лицами, обладающими специальными знаниями, содержат результаты высококачественных исследований, а также предоставляют те пояснения, которые отсутствуют в обязательных для исполнения актах. При этом руководства могут не признаваться нормативными правовыми актами, но, поскольку они указывают на оптимальные решения, позволяют совершенствовать правоприменение и предостерегают от правовых ошибок, они играют важную роль¹³. Руководства позволяют применять нормы исходя из необходимости установления баланса интересов участников регулируемых отношений.

Практика принятия официальных разъяснений по вопросам применения законодательства распространена и в Российской Федерации. Еще в советской литературе отмечалось, что официальное разъяснение — это свойство процесса правового регулирования в целом¹⁴.

В настоящее время действует ряд приказов Минобороны России, утверждающих руководства. При этом одни из них прошли государственную регистрацию в Министерстве

¹ См.: Указ Президента РФ от 24.05.2011 г. № 673 «О Федеральной службе по интеллектуальной собственности» // СЗ РФ. 2011. № 22, ст. 3155; постановление Правительства РФ от 21.03.2012 г. № 218 «О Федеральной службе по интеллектуальной собственности» // СЗ РФ. 2012. № 14, ст. 1627.

² См.: URL: <https://www.wipo.int/export/sites/www/pct/en/texts/pdf/ispe.pdf>

³ См.: URL: <https://euipo.europa.eu/ohimportal/en/guidelines>

⁴ См.: URL: <https://www.epo.org/law-practice/legal-texts/guidelines.html>

⁵ См.: URL: https://www.dpma.de/english/our_office/law/index.html

⁶ https://www.jpo.go.jp/e/system/laws/rule/guideline/patent/tukujitu_kijun/index.html; https://www.jpo.go.jp/e/system/laws/rule/guideline/design/shinsa_kijun/index.html; <https://www.jpo.go.jp/e/system/laws/rule/guideline/trademark/kijun/index.html>

⁷ См.: URL: <https://www.wipo.int/patents/en/guidelines.html>

⁸ См.: *Bart Covert*. Laws, Regulations, Guidances, Guidelines and Best Practices. URL: <https://www.c3isolutions.com/blog/laws-regulations-guidances-guidelines-and-best-practices/>

⁹ См.: URL: https://ec.europa.eu/health/documents/eudralex/vol-4_en

¹⁰ См.: URL: <https://home.kpmg/us/en/home/insights/2021/08/tnf-germany-new-administrative-guidelines-for-transfer-pricing.html>

¹¹ См.: URL: https://www.agence-francaise-anticorruption.gouv.fr/files/2018-10/French_Anticorruption_Agency_Guidelines.pdf

¹² См.: URL: <https://www.supremecourt.gov/filingandrules/Electronic-FilingGuidelines.pdf>

¹³ См.: *Allan Norman*. When is guidance 'statutory' and does it matter? URL: <https://localgovernmentlawyer.co.uk/governance/314-governance-a-risk-articles/16316-when-is-guidance-statutory-and-does-it-matter>

¹⁴ См.: *Черданцев А. Ф.* Правовое регулирование и конкретизация права // Применение советского права. Свердловск, 1974. С. 15.

юстиции РФ¹⁵, в то время как государственная регистрация других подобных приказов не осуществлялась¹⁶. Наряду с руководствами федеральными органами исполнительной власти также утверждаются методические рекомендации, информационные письма и иные виды разъяснений. При этом так же, как и руководства, некоторые из них не проходили государственную регистрацию в Минюсте России¹⁷, в то время как другие прошли такую государственную регистрацию¹⁸.

Наличие действующих руководств и методических рекомендаций, не прошедших процедуру государственной регистрации, объясняется тем, что утверждающие их приказы не являются нормативными правовыми актами, соответственно, на них не распространяется установленный Правительством РФ порядок государственной регистрации¹⁹.

В советский период развития права интеллектуальной собственности (тогда изобретательского права) руководства разрабатывались Государственным комитетом СССР по делам изобретений и открытий. Одним из последних было Руководство по методике предварительной и государственной научно-технической экспертизы изобретений. Положения этого руководства формировали практику применения Положения об открытиях, изобретениях и рационализаторских предложениях, утвержденного постановлением Совета Министров СССР от 21 августа 1973 г.²⁰

Однако, несмотря на обширную практику разработки таких документов в СССР и принятия подобных приказов в Российской Федерации, в законодательстве отсутствуют положения, объясняющие их правовую природу.

В частности, к указанным выше приказам неприменимо понятие «актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами». Так, п. 2 ч. 5 ст. 195¹ АПК РФ и п. 1 ч. 5 ст. 217¹ Федерального закона «Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации» предусмотрено, что акт, обладающий нормативными свойствами, — это акт, который устанавливает не предусмотренные разъясняемыми нормативными положениями общеобязательные правила, распространяющиеся на неопределенный круг лиц и рассчитанные на неоднократное применение.

Поскольку, как было указано ранее, руководства и методические рекомендации не являются обязательными для неопределенного круга лиц, признать их актами, обладающими нормативными свойствами, не представляется

возможным. Как было отмечено Пленумом Верховного Суда РФ в одном из постановлений²¹, признаком нормативного правового акта является наличие в нем правовых норм (правил поведения), обязательных для неопределенного круга лиц, рассчитанных на неоднократное применение, направленных на урегулирование общественных отношений либо на изменение или прекращение существующих правоотношений. В доктрине под нормой права традиционно понимается общеобязательное, формально определенное правило поведения, установленное либо санкционированное государством и направленное на урегулирование общественных отношений²².

Руководства и методические рекомендации не содержат норм права, в силу чего их не представляется возможным рассматривать в качестве актов, обладающих нормативными свойствами. Это подтверждается судебной практикой. Так, в Апелляционном определении Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 12 мая 2016 г. № АПЛ16-124 указано, что нижестоящий суд верно отказал в удовлетворении иска об оспаривании акта Минфина России в части, поскольку «оспариваемое положение представляет собой разъяснение, фактически не имеющее нормативного содержания и не выходящее за рамки адекватной интерпретации положений налогового законодательства».

Таким образом, предполагается вывод о правомерности принятия федеральными органами исполнительной власти актов, содержащих необязательные разъяснения законодательства. Как отмечается в научной литературе, «в ситуациях действительных и мнимых пробелов в праве, неопределенности в нормативно-правовых актах право на издание “квазинормативных актов” не дает публичным органам больших полномочий, чем это предусмотрено Конституцией Российской Федерации и федеральным законодательством»²³. Акты, содержащие разъяснения законодательства, позволяют «применять действующие правовые нормы в соответствии с их содержанием и смыслом, приданным им законодателем»²⁴.

Вместе с тем приходится констатировать, что в действующем законодательстве Российской Федерации отсутствуют нормативные правовые акты, определяющие статус руководств и методических рекомендаций как рекомендательных актов, содержащих официальные разъяснения по вопросам применения законодательства для неопределенного круга лиц. Это порождает спорные ситуации. Так, на основании представления Минюста России Министром России был отменен приказ от 31 июля 2014 г. № 411/пр «Об утверждении примерных условий договора управления многоквартирным домом и методических рекомендаций по порядку организации и проведению общих собраний собственников помещений в многоквартирных домах». Предписание Минюста России основано на том, что

¹⁵ См., напр.: приказ Министра обороны РФ от 17.05.2007 г. № 185 «О мерах по выполнению в Вооруженных Силах Российской Федерации постановления Правительства Российской Федерации от 29 мая 2006 г. № 333», которым утверждено Руководство по организации проведения военных сборов в Вооруженных Силах Российской Федерации.

¹⁶ См., напр.: приказ Министра обороны РФ от 26.01.2000 г. № 50 «Об утверждении Руководства по профессиональному психологическому отбору в Вооруженных Силах Российской Федерации».

¹⁷ См., напр.: приказ Минфина России от 21.03.2000 г. № 29н «Об утверждении Методических рекомендаций по раскрытию информации о прибыли, приходящейся на одну акцию», Информационное письмо ФСТ от 13.05.2005 г. № СН-2410/14 «О порядке представления материалов для утверждения платы за присоединение».

¹⁸ См., напр.: приказ Федеральной антимонопольной службы от 29.08.2017 г. № 1135/17 «Об утверждении методических указаний по определению размера платы за технологическое присоединение к электрическим сетям».

¹⁹ См.: Правила подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации (утв. постановлением Правительства РФ от 13.08.1997 г. № 1009).

²⁰ См.: СП СССР. 1973. № 19, ст. 109.

²¹ См.: пункт 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 г. № 50 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами» // Росс. газ. 2019. 15 янв.

²² См.: Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права: учеб. М., 2004. С. 132.

²³ Селивановский И.С. Акты, обладающие нормативными свойствами: благо или ошибка правового регулирования (признание «квазинормативных» актов в правовой системе России) // Юридическая мысль. 2018. № 5 (109). С. 55–61.

²⁴ Толкачев Н.К. Судебное оспаривание актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами // Судья. 2018. № 1.

приказ принят Минюстом России за пределами компетенции и содержит нормативные предписания. Приказ об отмене указанного приказа оспорен гражданином Б. в судебном порядке. Решением Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 5 октября 2020 г. № АКПИ 20-510 в удовлетворении требования отказано, поскольку приказ об отмене приказа «не содержит положений, оказывающих общерегулирующее воздействие на отношения», «не вводит нового правового регулирования, не изменяет и не прекращает действия иных нормативных правовых актов». Представляется, что имеет место противоречие в квалификации актов Минюстра России, которое дано Минюстом России и судом. С точки зрения Минюста России приказ носил нормативный характер, поскольку содержал предписания. Придерживаясь данной позиции, следовало бы заключить, что и приказ об отмене приказа обладает нормативными свойствами, поскольку изменяет действие нормативного правового акта, тем самым изменяя ранее существовавшее регулирование общественных отношений. Однако в мотивировочной части решения Верховного Суда РФ содержится иная позиция.

Проблема разграничения нормативных правовых актов побуждает юристов поднимать вопрос о целесообразности совершенствования законодательства²⁵. Представляется, что в законодательстве целесообразно предусмотреть положения, которые разграничили бы нормативные правовые акты, с одной стороны, и рекомендации, с другой стороны, однозначно определили бы полномочия государственных органов принимать рекомендации и процедуру их принятия, а также указывали бы на правовую природу таких актов, как разъяснений, не относящихся к нормативным правовым актам.

* * *

Изложенное диктуется потребностью в содействии неопределенному кругу лиц в применении законодательства с тем, чтобы, в частности, снизить количество ошибок в документах, представляемых в органы, предоставляющие государственные услуги, и, соответственно, временные издержки. При этом, на наш взгляд, могут использоваться различные наименования разъяснений (рекомендации, методические рекомендации, информационные письма, руководства). В сфере интеллектуальной собственности представляется целесообразным использовать термин «руководство» как более устоявшийся в отечественной и мировой практике. Подобный термин будет наиболее понятным для заявителей, что важно в условиях современных интеграционных процессов и сохраняющегося на высоком уровне количества подаваемых иностранными лицами заявок.

Сведения об авторах

ИВЛИЕВ Григорий Петрович — кандидат юридических наук, президент Евразийского патентного ведомства; 109012 г. Москва, Малый Черкасский пер., д. 2

ШЕВЫРЕВА Жанна Игоревна — начальник отдела Роспатента; 125993 г. Москва, Бережковская наб., д. 30, корп. 1

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права: учеб. М., 2004. С. 132.
2. Петрова Т.Э., Беляева О.В. Проблемы дефектности правовых актов органов местного самоуправления // Государственная власть и местное самоуправление. 2019. № 6.
3. Селивановский И.С. Акты, обладающие нормативными свойствами: благо или ошибка правового регулирования (признание «квазинормативных» актов в правовой системе России) // Юридическая мысль. 2018. № 5 (109). С. 55–61.
4. Толкачев Н.К. Судебное оспаривание актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами // Судья. 2018. № 1.
5. Черданцев А.Ф. Правовое регулирование и конкретизация права // Применение советского права. Свердловск, 1974. С. 15.
6. Allan Norman. When is guidance 'statutory' and does it matter? URL: <https://localgovernmentlawyer.co.uk/governance/314-governance-a-risk-articles/16316-when-is-guidance-statutory-and-does-it-matter>
7. Bart Cobert. Laws, Regulations, Guidances, Guidelines and Best Practices. URL: <https://www.c3isolutions.com/blog/laws-regulations-guidances-guidelines-and-best-practices/>

REFERENCES

1. Matuzov N.I., Mal'ko A.V. Theory of state and law: textbook. M., 2004. P. 132 (in Russ.).
2. Petrova T.E., Belyaeva O.V. Problems of defectiveness of legal acts of local self-government bodies // State power and local self-government. 2019. No. 6 (in Russ.).
3. Selivanovsky I.S. Acts having normative properties: the benefit or error of legal regulation (recognition of "quasi-normative" acts in the legal system of Russia) // Legal Thought. 2018. No. 5 (109). P. 55–61 (in Russ.).
4. Tolkahev N.K. Judicial challenge of acts containing explanations of legislation and having normative properties // Judge. 2018. No. 1 (in Russ.).
5. Cherdantsev A.F. Legal regulation and concretization of law // Application of Soviet law. Sverdlovsk, 1974. P. 15 (in Russ.).
6. Allan Norman. When is guidance 'statutory' and does it matter? URL: <https://localgovernmentlawyer.co.uk/governance/314-governance-a-risk-articles/16316-when-is-guidance-statutory-and-does-it-matter>
7. Bart Cobert. Laws, Regulations, Guidances, Guidelines and Best Practices. URL: <https://www.c3isolutions.com/blog/laws-regulations-guidances-guidelines-and-best-practices/>

Authors' information

IVLIEV Grigory P. — PhD in Law, President of the Eurasian Patent Office; 2 Maly Cherkassky Lane, 109012 Moscow, Russia

SHEVYREVA Zhanna I. — Head of the Department of Rospatent; 30, bld. 1 Berezhkovskaya Embankment, 125993 Moscow, Russia

²⁵ См.: Петрова Т.Э., Беляева О.В. Проблемы дефектности правовых актов органов местного самоуправления // Государственная власть и местное самоуправление. 2019. № 6.

ВОЙНА КАК ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ КАТАСТРОФА: СТРАТЕГИИ МИНИМИЗАЦИИ

© 2023 г. С. Ф. Милуков^{1, *}, Н. И. Кузнецова^{2, **}

¹Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург

²Санкт-Петербургский университет МВД России

*E-mail: dikoepoleSF@gmail.com

**E-mail: natasha40480@mail.ru

Поступила в редакцию 22.08.2022 г.

Аннотация. В настоящей статье предпринята попытка оценки экологического вреда от военных конфликтов. Авторы отмечают, что военные действия наносят прямой и опосредованный вред всем экосистемам, для подготовки и ведения военных действий требуются колоссальные материальные ресурсы, получаемые путем хищнической эксплуатации народонаселения и природных богатств. Условно можно разделить влияние войны на окружающую среду на четыре этапа: подготовка к войне; содержание и эксплуатация военной техники и военных объектов; непосредственно военные действия; послевоенное восстановление.

Ключевые слова: вооруженный конфликт, военно-полевая криминология, вред природе, геноцид, экоцид, загрязнение окружающей среды, экологическое преступление, Военная доктрина Российской Федерации.

Цитирование: Милуков С. Ф., Кузнецова Н. И. Война как экологическая катастрофа: стратегии минимизации // Государство и право. 2023. № 7. С. 178–184.

DOI: 10.31857/S102694520021672-0

WAR AS AN ECOLOGICAL CATASTROPHE: MINIMIZATION STRATEGIES

© 2023 S. F. Milyukov^{1, *}, N. I. Kuznetsova^{2, **}

¹Herzen Russian State Pedagogical University, St. Petersburg

²St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

*E-mail: dikoepoleSF@gmail.com

**E-mail: natasha40480@mail.ru

Received 22.08.2022

Abstract. In this article, an attempt is made to assess the environmental harm from military conflicts. The authors note that military actions cause direct and indirect harm to all ecosystems, and the preparation and conduct of military operations require enormous material resources obtained through predatory exploitation of population and natural resources. Conditionally, the impact of war on the environment can be divided into four stages: preparation for war; maintenance and operation of military equipment and military facilities; direct military operations; postwar reconstruction.

Key words: armed conflict, military field criminology, harm to nature, genocide, ecocide, environmental pollution, environmental crime, Military doctrine of the Russian Federation.

For citation: Milyukov, S.F., Kuznetsova, N.I. (2023). War as an ecological catastrophe: minimization strategies // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 7, pp. 178–184.

Велико значение природной среды и её компонентов в назревании и непосредственном ходе вооруженных конфликтов. Во-первых, борьба за обладание природными ресурсами и материальными благами (землей, морями, реками, водой, животным и растительным миром, нефтью, газом, рудами и т.д.) является причиной значительной части вооруженных столкновений¹, что приводило и приводит к постоянному изменению государственных границ, исчезновению прежних и возникновению новых государственных образований. Во-вторых, для подготовки и ведения военных действий требуются колоссальные материальные ресурсы, получаемые путем хищнической эксплуатации народонаселения и природных богатств. В условиях нарастания военной угрозы перестают действовать законы, обеспечивающие функционирование «нормальной» экономики, происходит переток средств из сферы производства материальных благ, непосредственно нужных и полезных человеку, в сферу производства орудий уничтожения живой силы, боевой техники и разнородной инфраструктуры. Война обязательно сопровождается инфляцией, падением национальной валюты, миграцией населения, негативным образом сказывается на структуре и динамике преступности, ослаблении борьбы с ней, влечет за собой другие неблагоприятные социально-экономические последствия. Даже видимые внешне улучшения, вроде ликвидации безработицы в фашистской Германии накануне мировой войны, носят скорее временный эффект, не затрагивая глубинного содержания кризиса. Идут «под нож» непроизводительные траты, разного рода социальные программы, всё, что не завязано на нужды военно-промышленного комплекса². Очевидно, что в первых рядах сокращений следуют разного рода экологические программы, прежде всего затратные. В-третьих, военные действия наносят прямой и опосредованный вред всем экосистемам. В-четвертых, особенностью негативных экологических последствий вооруженных конфликтов является то, что они наступают как для непосредственных государств — участников боестолкновений, так и для других стран, не участвующих в конфликте, поскольку экологические проблемы выходят за рамки государственных границ. В-пятых, природные ресурсы выступают не только в качестве предмета преступления, а также могут быть использованы в качестве средства совершения преступления (например, умышленный разлив нефти и поджоги нефтяных и газовых скважин, разрушение плотин и резервуаров с химическими реагентами, заражение скота и птицы с целью вызвать эпидемии и т.п.).

Наиболее ярким примером катастрофического воздействия военных событий на окружающую среду является Индокитайский (Вьетнамский) конфликт 1965–1975 гг. В ходе боевых действий авиация США уже к концу 1971 г. сбросила на территорию Вьетнама 6 300 000 т авиационных бомб. Это привело к опасному загрязнению почвы. Наиболее пагубны были гигантские бомбы «Daisy Cutter» весом 7,5 т. Их взрыв приводил к «сбиванию» всей растительности и строений на площади, равной 10 футбольным полям³.

Кроме того, военными США с целью борьбы с партизанскими формированиями использовалось т.н. скальпирование

вьетнамских тропических лесов мощной наземной техникой. Применялось такое опасное химическое вещество, как дефолиант Agent Orange. Помимо огромного вреда для тропической природы Индокитая он нанес катастрофический урон здоровью американских военнослужащих, непосредственно контактирующих с ним. В частности, был отмечен рост онкологических и прочих заболеваний среди ветеранов войны во Вьетнаме. Доказано, что это вещество продолжает отравлять окружающую среду, пагубно влияя на здоровье людей⁴. Таким образом, военные США многократно совершали акты экоцида.

К напоминаниям об экологических последствиях вооруженных конфликтов также следует отнести более поздние события в Югославии. Территория Югославии подвергалась массированным бомбардировкам и ракетному обстрелу (всего было использовано около 30 000 т взрывчатых веществ, равных по тротиловому эквиваленту девяти ядерным бомбам, сброшенным на Хиросиму), в том числе с применением большого количества боеголовок, содержащих необогащенный уран. Так, с 24 марта по 5 июня 1999 г. НАТО разбомбило в общей сложности 105 промышленных объектов, что привело к утечке большого количества аммиака, жидкой пластмассы, искусственных удобрений, возникновению ядовитых облаков. Сгорело также 250 га лесов. Нефть из резервуаров разрушенного в городе Нови-Сад нефтеперерабатывающего завода попала в реку Дунай и образовала нефтяное пятно шириной 400 м и длиной около 15 км⁵.

Специалисты утверждают, что только одна 240-килограммовая авиабомба оставляет после взрыва кратер глубиной в четыре метра и площадью до 50 кв. м. Для восстановления плодородного грунта и естественного биохимического цикла в районах бомбардировок потребуется несколько тысяч лет, так как в естественных условиях для формирования двух сантиметров плодородного слоя требуется не менее ста лет. Разрушение верхнего плодородного слоя земли на месте кратера и вокруг него означает гибель флоры и фауны.

Попавшие в атмосферу в огромных количествах в результате бомбардировок промышленных объектов окислы азота, диоксид серы, монохлорид карбона привели к появлению дыр в озоновом слое над Европой⁶.

После войны в Ираке в 1991 г. экологи исследовали воды в Персидском заливе и исследовали последствия загрязнения вод в Бахрейне, Кувейте, Саудовской Аравии и Иране. Боестолкновения продолжались всего шесть недель. Однако за это время в Персидский залив попало, по разным оценкам, от 7 до 11 млн баррелей нефти, из которых удалось собрать только два миллиона. В Персидском заливе у берегов Кувейта и Саудовской Аравии появилось огромное нефтяное пятно. Его размеры составили 162,5 км в длину и 67,6 км в ширину. Таким образом, общая площадь пятна составляла около 11 тыс. кв. км. Примерно такую же площадь занимают две российские республики — Адыгея и Ингушетия, вместе взятые. Толщина нефтяного

¹ См.: Мамин Р.Г. Экология войны. М., 2007. С. 3.

² См.: Ведерникова О.Н. Взаимодействие международного уголовного права и международной криминологии в эпоху глобальных перемен // Уголовное право в системе межотраслевых связей: проблемы теории и правоприменения: материалы XIII Росс. конгресса уголовного права, состоявшегося 26–27 мая 2022 г. М., 2022. С. 343.

³ См.: Алимов А.А. Экологические последствия современного военного конфликта // Вестник СПбУ. 2005. Сер. 6. Вып. 2. С. 136, 137.

⁴ См.: Суворова К. Агент «Оранж» продолжает отравлять окружающую среду Вьетнама, влияя на людей даже спустя полвека после войны. URL: <https://hightech.fm/2019/03/01/agent-orange> (дата обращения: 01.06.2022).

⁵ См.: Новиков С.С. Экологические и правовые аспекты бомбардировок Югославии в 1999 г. // Вестник ИГЭУ. 2011. № 2. С. 3.

⁶ См.: Кукушкина А.В. Международно-правовая квалификация бомбардировок авиацией НАТО территории Югославии и их экологические последствия // Вестник Томского гос. ун-та. 2018. № 436. С. 237–242.

загрязнения в некоторых местах достигала 12,5 см⁷. В результате этого пострадало всё южное побережье Кувейта и 400 км побережья Саудовской Аравии. Вымерли 50–90% крабов, других ракообразных и моллюсков. Пострадали дельфины, дюгоны, морские выдры, морские змеи, креветки. Погибло более 15 тыс. птиц.

Напомним, что при отступлении из Кувейта с целью прикрытия своих войск дымовой завесой иракские военные подожгли 732 нефтяные скважины. Ежедневно сгорало 2–6 млн баррелей нефти, а в атмосферу попало огромное количество парниковых газов — 3% годового объёма от сжигания ископаемого топлива⁸.

Порою причины войны имеют самые благие цели (антиколониальные и другие освободительные). Однако для окружающей среды одинаковы последствия «добрых» или «злых», «благородных» или нет войн. От боевых действий природа страдает всегда.

Примером негативного воздействия вооруженных конфликтов на экосистемы являются последствия специальной военной операции на территории Украины, начавшейся 24 февраля 2022 г. Вооруженные Силы РФ и формирования ДНР и ЛНР столкнулись с ожесточенным сопротивлением пронацистских сил Украины, постоянно подпитываемых вооружением и боеприпасами государств — участников НАТО. Противник нанес удары по населенным пунктам Брянской, Белгородской, Воронежской, Курской и Ростовской областей. Причинами кровавых событий являются вековые геополитические и экономические притязания Запада на наши территории. Данные события актуализируют проблемы привлечения к уголовной ответственности лиц, виновных в преступлениях против мира и безопасности человечества, предусмотренные гл. 34 УК РФ.

В результате военных действий заражается воздух, вода, почвы, уничтожается флора и фауна. Появляются также и риски повреждения особо опасных объектов: предприятий химической промышленности, атомных, тепловых и гидроэлектростанций, нефтяных и газовых скважин и других сооружений, которые могут повлечь за собой массовое загрязнение значительных территорий⁹. Так, угроза экологической катастрофы нависла над г. Рубежный в Луганской области, где на одном из химзаводов была подорвана цистерна с азотной кислотой¹⁰. Из-за военных действий на территории металлургического комбината «Азовсталь» в г. Мариуполе возникла угроза критического отравления Азовского моря¹¹. 20 июня 2022 г. Вооруженные силы Украины обстреляли буровые платформы ГУП «Черноморнефтегаз» Одесского месторождения в Черном море, что

привело к крупному разливу нефти¹². Эксперты утверждают, что если ракетные удары не прекратятся, то устранить последствия катастрофы будет не менее сложно, чем после аварии на платформе Deepwater Horizon в Мексиканском заливе в 2010 г.¹³ Неправомерным следует назвать решение США о предоставлении Украине разнообразного оружия и тяжелой военной техники в т.н. ленд-лиз¹⁴.

Военные действия влекут и другие, порой замедленные опасности для природы. Так, 14 апреля 2022 г. в Черном море затонул ракетный крейсер «Москва»¹⁵. Его основное вооружение составляли 16 пусковых установок (ПУ) сверхзвуковых противокорабельных ракет (ПКР) П-1000 «Вулкан», 64 ПУ зенитных ракетных комплексов (ЗРК) С-300Ф «Форт» и четыре ПУ ЗРК «Оса-МА» и множество боеприпасов, а также топлива. Остается только предполагать, какой экологический вред наступит при длительном пребывании их на дне моря.

Угрозу экологии представляют промышленные и энергетические объекты, оказавшиеся в ходе военных действий либо вблизи от них, либо непосредственно на территории конфликта (например, атомные, гидро- и теплоэлектростанции, объекты химического и нефтехимического комплекса, хранилища опасных отходов). Последствия от радиационных аварий катастрофичны¹⁶. В зоне боевых притязаний оказались Чернобыльская и Запорожская АЭС. Последняя неоднократно обстреливалась¹⁷. Ситуация усугубляется тем, что некоторые политики с целью извлечения прямой или косвенной выгоды пытаются использовать подобные объекты в качестве предмета шантажа¹⁸. Военные эксперты утверждают, что конфликт на Украине может привести к ядерной войне в Европе¹⁹. Экологические угрозы усиливаются тем, что существенно изменился сам характер современных войн, их называют «новыми войнами»²⁰. В ходе них сторо-

⁷ См.: Алексеев А. Тактика выжженной нефти. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4664198> (дата обращения: 01.07.2022).

⁸ См.: Нефтяные разливы из-за вооруженных конфликтов. URL: <https://greenpeace.ru/blogs/2022/03/02/ekologicheskie-opasnosti-vooruzh-jonnyh-konfliktov/> (дата обращения: 01.07.2022).

⁹ См.: Белоусова Е. Загрязнение воды, воздух и радиация: как война влияет на окружающую среду. URL: <https://ecopolitic.com.ua/news/vijna-v-ukraini-mozhe-prizvesti-do-ekologichnoi-katastrofi-shho-zachepit-ievropu-ta-aziju-2/>

¹⁰ См.: Рубежному грозит экологическая катастрофа из-за взрыва цистерны. URL: <https://ren.tv/news/v-mire/961399-rubezhnomu-grozit-ekologicheskaia-katastrofa-iz-za-vzryva-tsisterny> (дата обращения: 29.06.2022).

¹¹ См.: Из-за бомбардировок «Азовстали» возникла угроза вымирания Азовского моря. URL: <https://usm.media/iz-za-bombardirovok-azovstali-voznikla-ugroza-vymiraniya-azovskogo-morya/> (дата обращения: 05.07.2022).

¹² См.: Украина нанесла удар по снабжающим Крым платформам «Черноморнефтегаза». URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2022/06/20/927592-ukraina-udar-chernomorneftegaza> (дата обращения: 23.06.2022).

¹³ См.: Эксперт предупредил о последствиях ударов по буровым вышкам в Черном море. URL: <https://radiosputnik.ria.ru/20220622/chernomorneftegaza-1797067714.html>

¹⁴ См.: Разъяснилась суть американского ленд-лиза для Украины: США рано или поздно потребуют от Киева компенсаций за военные поставки. URL: <https://www.mk.ru/politics/2022/04/07/razyasnilas-sut-amerikanskogo-lendliza-dlya-ukrainy.html> (дата обращения: 14.05.2022).

¹⁵ Раскрыта тайна гибели крейсера «Москва»: что произошло на самом деле (видео). URL: <https://www.sovsekretno.ru/news/raskryta-tayna-gibeli-kreysera-moskva-cto-proizoshlo-na-samom-dele-video/> (дата обращения: 29.05.2022).

¹⁶ См.: Экологические и медицинские последствия радиационной аварии 1957 года на ПО «Маяк» / под ред. А.В. Аклеева, М.Ф. Киселева. М., 2001.

¹⁷ См.: 11 сотрудников Запорожской АЭС ранены после атаки беспилотников ВСУ. URL: <https://www.vesti.ru/article/2853643> (дата обращения: 25.07.2022).

¹⁸ См.: Очередной фейк: Зеленский обвинил Россию в желании устроить «второй Чернобыль» на Запорожской АЭС. URL: <https://kub-news.ru/obshchestvo/2022/03/04/ocherednoy-feyk-zelenskiy-obvinil-rossiyu-v-zhelanii-ustroit-vtoroy-chernobyl-na-zaporozhskoy-aes/> (дата обращения: 10.07.2022).

¹⁹ См.: В Китае предупредили о риске ядерной войны в Европе из-за Украины. URL: https://lenta.ru/news/2022/07/07/expert/?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (дата обращения: 07.07.2022).

²⁰ Калдор М. Новые и старые войны: организованное насилие в глобальную эпоху / пер. с англ. А. Апполонова, М. Дондуковского; ред. пер. А. Смирнова, В. Сафронова. М., 2015.

ны стараются избегать непосредственного соприкосновения с противником, широко применяются дроны-убийцы, дальноточная артиллерия, авиация, ракетные системы, часто неизбирательного действия. Войны стали более разрушительными из-за увеличения поражающего эффекта и точности всех продуктов военной технологии. В ходе боевых действий вооружение непрерывно модернизируется с учетом выявляющихся недостатков и запросов воюющих.

Кроме того, боевые действия нередко ведутся не регулярными вооруженными силами, находящимися в правовом поле, чьи действия регламентированы законодательством, а различными «прокси-структурами» (наемники, ополченцы, ЧВК, коллаборанты из местного населения и т.д.). По данным Министерства обороны РФ, с 24 февраля 2022 г. на территорию Украины прибыло 6956 иностранных наёмников, из которых 1956 были уничтожены²¹.

События, начавшиеся 24 февраля 2022 г., несомненно, оказывают воздействие на криминологию, требуются новые знания о причинах возникновения вооруженных конфликтов, перспективах их эскалации, нужны рекомендации по устранению и предупреждению негативных последствий войны. В связи с этим один из авторов данной статьи призвал сформировать новую отрасль — военно-полевую криминологию²².

Катастрофические последствия как для человека, так и для окружающей его среды будут наступать в результате использования новых видов оружия, которое развивается в направлении воздействия на естественные природные процессы, такие как климат, озоновый слой, околоземное пространство. Речь идет о геофизическом, климатическом, радиологическом, пучковом²³, инфразвуковом и акустическом²⁴, генетическом²⁵, биологическом²⁶, электромагнитном²⁷, а также об использовании космического пространства для размещения ядерного оружия²⁸.

²¹ См.: *Абрамов Н.* Минобороны раскрыло численность иностранных наемников на Украине. URL: <https://lenta.ru/news/2022/06/17/naem/> (дата обращения: 25.07.2022).

²² См.: *Милуков С. Ф.* Военно-полевая криминология // Всероссий. науч.-практ. конф. «Новые, появляющиеся и видоизменяющиеся формы преступности: научные основы противодействия (Долговские чтения)», г. Москва, 24–25 марта 2022 г.

²³ См.: *Фейгин О. О.* Лучи смерти: из истории геофизического, пучкового, климатического и радиологического оружия. М., 2013.

²⁴ См.: *Физика будущих войн: от инфразвука до нейтрино.* URL: <https://naked-science.ru/article/top/fizika-budushchih-voyn-ot-infrazvuka> (дата обращения: 03.07.2022).

²⁵ См.: *Морозов А.* Мечты о генетическом оружии // Энергия: экономика, техника, экология. 2020. № 11. С. 43–47; *Лосева П.* Из пушки по генам: что не так с «этнически ориентированным» оружием. URL: <https://nplus1.ru/blog/2022/03/14/geneweap> (дата обращения: 03.07.2022).

²⁶ См.: *Холопова Е. Н., Масальская В. О.* Биологическое оружие как угроза национальной безопасности России // Правовое государство: теория и практика. 2020. № 2 (60). С. 112–122.

²⁷ См.: *Рустамов Н. Т., Шукенова Г. А., Жапаров Е.* Электромагнитное оружие // Молодой ученый. 2020. № 21 (311). С. 31–36; *Серякова И. Н., Сизов Д. О.* К вопросу о перспективах статуса электромагнитного оружия в российском уголовном праве // Актуальные вопросы деятельности уголовно-исполнительной системы на современном этапе: проблемы и перспективы. Вологда, 2019. С. 133–137.

²⁸ См.: В МИДе уточнили намерения США первыми разместить оружие в космосе. URL: <https://iz.ru/998620/2020-04-11/v-mide-utocnili-namereniia-ssha-pervymi-razmestit-oruzhie-v-kosmose> (дата обращения: 23.07.2022).

Важно отметить, что в уголовно-правовой науке вопрос об уголовной ответственности за разработку и использование указанного вида оружия практически не поднимался, а если и поднимался, то в контексте признания его предметом преступлений, предусмотренных ст. 222, 222¹, 223, 223¹ УК РФ. Полагаем, что в условиях уязвимости всех компонентов окружающей среды (и самого человека как биологического вида) следует ставить вопрос о полном запрете разработки и использования подобного оружия.

При подготовке к войне из окружающей среды интенсивно и зачастую хищнически изымаются природные ресурсы. Изготовление, содержание и использование военной техники требует значительных материальных ресурсов, металла, топлива. Например, новейший танк Т-14 весит 55 т²⁹, а среднестатистический танк расходует 240 л топлива на 100 км. Цена танка Т-14 с необитаемой башней на базе универсальной гусеничной платформы «Армата» в 2022 г. составила около **510–520 млн руб.** По данным открытых источников, количество танков различной модификации в ВС России варьируется от **12 000 до 13 500 единиц**³⁰. В условиях СВО число танков и иной бронетехники в противостоящих армиях будет наращиваться.

Гусеничная техника при движении буквально снимает верхнюю часть земли, вместе с растительностью и живыми организмами, уплотняет влажные почвы и разрыхляет песчаные. К примеру, при прохождении колонны из 10 танков по полю протяженностью 1 км происходит потрава примерно 4 тыс. кв. м почвы³¹. Для военных нужд из сельскохозяйственного фонда выводятся ценнейшие природные почвы. При этом земля является трудновозобновляемым ресурсом.

Вес такого самолета, как СУ-27, составляет 16 380 кг, в час он расходует в крейсерском режиме, без учёта маневрирования, 3750 л авиационного керосина.

Быстрое моральное старение систем оружия ведет ко все большему поглощению сырья. Используются все более редкие и дорогие виды сырья. Так, для бронетанковой техники и самолетостроения требуются в больших количествах марганец, никель, хром, молибден, вольфрам, алюминий, магний, титан и нефть³².

Оказывают негативные последствия для природы плановые мероприятия по повышению боевой подготовки. Только в 2019 г. ВС России проведено свыше 6,5 тыс. подобных мероприятий, в том числе 4,5 тыс. учений различного направления³³. Ясно, что в 2022 г. число таких учений, прежде всего в полевой обстановке, многократно возросло.

На вооружении стран мира состоит большое количество разнообразных видов оружия.

²⁹ См.: Вес танка и БМП на платформе «Армата» рассекретили на «Армии-2019». URL: <https://rg.ru/2019/06/28/ves-tanki-i-bmp-na-platforme-armata-rassekretili-na-armii-2019.html> (дата обращения: 03.07.2022).

³⁰ См.: Сколько танков на вооружении российской армии в 2022 году? URL: <https://militarist-info.ru/2022/05/21/tank-army-russia-2022-god/> (дата обращения: 25.07.2022).

³¹ См.: Война и экология: как на природу влияют вооруженные конфликты. URL: <https://ecosphere.press/2022/04/27/vojna-i-ekologiya-kak-na-prirodu-vliyayut-vooruzhennyye-konflikty/> (дата обращения: 23.06.2022).

³² См.: *Вавилов А. М.* Экологические последствия гонки вооружений. 2-е изд. М., 1988. С. 18.

³³ См.: Около 4,5 тыс. учений проведено в Вооруженных Силах России в 2019 году. URL: <https://tass.ru/armiya-i-opk/7388895> (дата обращения: 14.06.2022).

Источниками загрязнения в порядке убывания по степени негативного воздействия на окружающую среду являются: баллистические ракеты на твердом топливе; крылатые ракеты; зенитные ракетные комплексы, артиллерийские установки; баллистические ракеты на жидком топливе; торпедное, противолодочное и минное оружие³⁴. Все эти виды вооружения (за исключением пока торпед) интенсивно применяются на фронте длиной несколько тысяч километров, оставляя после себя отравленные почвы.

С прекращением боестолкновений их негативное воздействие на окружающую среду не заканчивается. Послевоенное восстановление также связано с огромным спросом на природные ресурсы. Для строительства разрушенных объектов требуется большое количество финансовых ресурсов, камень, металл, песок, цемент, дерево, вода и многое другое. Необходимо освоение новых земель. Не менее опасным является отложенный ущерб военных событий от неразорвавшихся мин, снарядов, затопленной и брошенной военной техники и амуниции, нахождения в земле осколков, гильз, химических и радиоактивных отходов, отравленных полей, рек, выгоревших лесов.

Таким образом, условно можно разделить влияние войны на окружающую среду на четыре этапа: *подготовка к войне; содержание и эксплуатация военной техники и военных объектов; непосредственно военные действия; послевоенное восстановление.*

Несмотря на то что войны ведутся постоянно и потери от них весьма велики, вне зоны пристального внимания криминологов остается экологический вред, наносимый военными действиями наступательного или оборонительного плана всем компонентам природной среды. Во время войны военные стратеги решают задачи политического характера, без учета экологических последствий применения огнестрельного оружия, взрывчатых и отравляющих веществ, разрушения техники, элементов инфраструктуры, строений, дорог, загрязнения атмосферы, почв, вод, уничтожения мест обитания, а также тотального истребления представителей флоры и фауны. Право человека на благоприятную окружающую среду незамедлительно приносится в жертву, как только этого требуют военные интересы. Кроме того, в период военных действий вред окружающей среде наносится интенсивнее и разрушительнее, чем в мирное время.

В Военной доктрине Союзного государства Республики Беларусь и Российской Федерации указано, что ядерное оружие Российской Федерации остается важным фактором предотвращения возникновения ядерных военных конфликтов и военных конфликтов с применением обычных средств поражения³⁵. В то же время в Доктрине отсутствует положение о том, что современные боевые действия предполагают прежде всего проведение маневренных операций с широким использованием мобильных подразделений. Такая современная война должна отличаться минимизацией потерь мирного населения и сопутствующего материального, в том числе экологического, ущерба территориям. Данные положения должны найти закрепление в Военной доктрине Союзного государства.

³⁴ См.: Байдук А. К., Летучий Ю. А., Лобынцев В. В. Экологическая безопасность военно-морской деятельности. СПб., 2020. С. 121.

³⁵ См.: Официальный сайт постоянного комитета Союзного государства // <https://www.postkomsg.com/documentation/document/1899/> (дата обращения: 26.07.2022).

* * *

Стратегия минимизации экологических потерь в период вооруженных конфликтов представляет собой прежде всего комплекс мероприятий, различающихся как масштабами, так и продолжительностью. Во-первых, полагаем необходимым закрепить в директивных документах Министерства обороны РФ и его Генерального штаба указания на недопустимость проведения без крайней необходимости инженерных работ в заповедниках, заказниках, зонах экологического бедствия, даже в условиях проведения военных действий. Запретить оборудование в этих местах огневых позиций, создание складов боеприпасов и ГСМ, прокладку дорог, сосредоточение живой силы и техники.

Во-вторых, в бюджете предусмотреть отдельную статью расходов на восстановление окружающей среды в районах, где шли интенсивные боевые действия.

В-третьих, Российской академии наук и учебно-научным учреждениям на территории вновь образованных субъектов Российской Федерации осуществить изучение экологических последствий боевых действий и выработать рекомендации по их минимизации.

В-четвертых, в учебных заведениях Министерства обороны РФ, Росгвардии, МЧС, МВД и ФСБ России ввести учебные курсы по минимизации экологического вреда при вооруженных конфликтах.

В-пятых, в подразделениях по работе с личным составом силовых ведомств следует постоянно разъяснять необходимость минимизации экологического вреда при выполнении служебно-боевых задач. Рассмотреть возможность учреждения государственной награды (медали) «За заслуги в сбережении природы при вооруженных конфликтах».

Условия вооруженных конфликтов не могут служить оправданием чрезмерного причинения экологического вреда. Вместе с тем даже экстремальные условия войны оставляют возможность поиска и реализации мер, позволяющих избежать экологической катастрофы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абрамов Н. Минобороны раскрыло численность иностранных наемников на Украине. URL: <https://lenta.ru/news/2022/06/17/naem/> (дата обращения: 25.07.2022).
2. Алексеев А. Тактика выжженной нефти. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4664198> (дата обращения: 01.07.2022).
3. Алимов А. А. Экологические последствия современного военного конфликта // Вестник СПбУ. 2005. Сер. 6. Вып. 2. С. 136, 137.
4. Байдук А. К., Летучий Ю. А., Лобынцев В. В. Экологическая безопасность военно-морской деятельности. СПб., 2020. С. 121.
5. Белоусова Е. Загрязнение воды, воздух и радиация: как война влияет на окружающую среду. URL: <https://ecopolitic.com.ua/news/vijna-v-ukraini-mozhe-prizvesti-do-ekologichnoi-katastrofi-shho-zachepit-ievropu-ta-aziju-2/>
6. Вавилов А. М. Экологические последствия гонки вооружений. 2-е изд. М., 1988. С. 18.
7. Ведерникова О. Н. Взаимодействие международного уголовного права и международной криминологии в эпоху

глобальных перемен // Уголовное право в системе межатрасловых связей: проблемы теории и правоприменения: материалы XIII Росс. конгресса уголовного права, состоявшегося 26–27 мая 2022 г. М., 2022. С. 343.

8. Война и экология: как на природу влияют вооруженные конфликты. URL: <https://ecosphere.press/2022/04/27/vojna-i-ekologiya-kak-na-prirodu-vliyayut-vooruzhennyye-konflikty/> (дата обращения: 23.06.2022).
9. Калдор М. Новые и старые войны: организованное насилие в глобальную эпоху / пер. с англ. А. Апполонова, М. Дондуковского; ред. пер. А. Смирнова, В. Сафронова. М., 2015.
10. Кукушкина А. В. Международно-правовая квалификация бомбардировок авиацией НАТО территории Югославии и их экологические последствия // Вестник Томского гос. ун-та. 2018. № 436. С. 237–242.
11. Лосева П. Из пушки по генам: что не так с «этнически ориентированным» оружием. URL: <https://nplus1.ru/blog/2022/03/14/geneweap> (дата обращения: 03.07.2022).
12. Мамин Р. Г. Экология войны. М., 2007. С. 3.
13. Милуков С. Ф. Военно-полевая криминология // Всероссий. науч.-практ. конф. «Новые, появляющиеся и видоизменяющиеся формы преступности: научные основы противодействия (Долговские чтения)», г. Москва, 24–25 марта 2022 г.
14. Морозов А. Мечты о генетическом оружии // Энергия: экономика, техника, экология. 2020. № 11. С. 43–47.
15. Новиков С. С. Экологические и правовые аспекты бомбардировок Югославии в 1999 г. // Вестник ИГЭУ. 2011. № 2. С. 3.
16. Рустамов Н. Т., Шукенова Г. А., Жапаров Е. Электромагнитное оружие // Молодой ученый. 2020. № 21 (311). С. 31–36.
17. Серакова И. Н., Сизов Д. О. К вопросу о перспективах статуса электромагнитного оружия в российском уголовном праве // Актуальные вопросы деятельности уголовно-исполнительной системы на современном этапе: проблемы и перспективы. Вологда, 2019. С. 133–137.
18. Суворова К. Агент «Оранжевый» продолжает отравлять окружающую среду Вьетнама, влияя на людей даже спустя полвека после войны. URL: <https://hightech.fm/2019/03/01/agent-orange> (дата обращения: 01.06.2022).
19. Фейгин О. О. Лучи смерти: из истории геофизического, пучкового, климатического и радиологического оружия. М., 2013.
20. Физика будущих войн: от инфразвука до нейтрино. URL: <https://naked-science.ru/article/top/fizika-budushchih-voyn-ot-infrazvuka> (дата обращения: 03.07.2022).
21. Холопова Е. Н., Масальская В. О. Биологическое оружие как угроза национальной безопасности России // Правовое государство: теория и практика. 2020. № 2 (60). С. 112–122.
22. Экологические и медицинские последствия радиационной аварии 1957 года на ПО «Маяк» / под ред. А. В. Аксеева, М. Ф. Киселева. М., 2001.

REFERENCES

1. Abramov N. The Ministry of Defense revealed the number of foreign mercenaries in Ukraine. URL: <https://lenta.ru/news/2022/06/17/naem/> (accessed: 25.07.2022) (in Russ.).
2. Alekseev A. Tactics of burnt oil. URL: <https://www.kommer-sant.ru/doc/4664198> (accessed: 01.07.2022) (in Russ.).
3. Alimov A. A. Environmental consequences of modern military conflict // Herald of SPbU. 2005. Ser. 6. Issue. 2. P. 136, 137 (in Russ.).
4. Baidukov A. K., Letuchy Yu. A., Lobyntsev V. V. Environmental safety of naval activities. SPb., 2020. P. 121 (in Russ.).
5. Belousova E. Water pollution, air and radiation: how war affects the environment. URL: <https://ecopolitic.com.ua/news/vijna-v-ukraini-mozhe-prizvesti-do-ekologichnoi-katastrofi-shho-zachepit-ievropu-ta-aziju-2/> (in Russ.).
6. Vavilov A. M. Environmental consequences of the arms race. 2nd ed. M., 1988. P. 18 (in Russ.).
7. Vedernikova O. N. Interaction of International Criminal Law and international criminology in the era of global changes // Criminal Law in the system of intersectoral relations: problems of theory and law enforcement: materials of the XIII Russ. Congress of Criminal Law, held May 26–27, 2022, Moscow. M., 2022. P. 343 (in Russ.).
8. War and Ecology: how armed conflicts affect nature. URL: <https://ecosphere.press/2022/04/27/vojna-i-ekologiya-kak-na-prirodu-vliyayut-vooruzhennyye-konflikty/> (accessed: 23.06.2022) (in Russ.).
9. Kaldor M. New and old wars: organized violence in the global era / transl. from English by A. Appolonov, M. Dondukovsky; ed. by A. Smirnova, V. Safronova. M., 2015 (in Russ.).
10. Kukushkina A. V. International legal qualification of NATO bombing of the territory of Yugoslavia and their environmental consequences // Herald of the Tomsk State University. 2018. No. 436. P. 237–242 (in Russ.).
11. Loseva P. From a cannon by genes: what is wrong with “ethnically oriented” weapons. URL: <https://nplus1.ru/blog/2022/03/14/geneweap> (accessed: 03.07.2022) (in Russ.).
12. Mamin R. G. Ecology of war. M., 2007. P. 3 (in Russ.).
13. Milyukov S. F. Military field criminology // All-Russian Scientific and Practical Conference “New, emerging and changing forms of crime: scientific foundations of counteraction (Dolgov readings)”, Moscow, March 24–25, 2022 (in Russ.).
14. Morozov A. Dreams of genetic weapons // Energy: economics, technology, ecology. 2020. No. 11. P. 43–47 (in Russ.).
15. Novikov S. S. Ecological and legal aspects of the bombing of Yugoslavia in 1999 // Vestnik IGEU. 2011. No. 2. P. 3 (in Russ.).
16. Rustamov N. T., Shukenova G. A., Zhaparov E. Electromagnetic weapons // Young scientist. 2020. No. 21 (311). P. 31–36 (in Russ.).
17. Seryakova I. N., Sizov D. O. On the issue of the prospects of the status of electromagnetic weapons in Russian criminal law // Actual issues of the activity of the penal system at the present stage: problems and prospects. Vologda, 2019. P. 133–137 (in Russ.).
18. Suvorova K. Agent “Orange” continues to poison the environment of Vietnam, affecting people even half a century after

- the war. URL: <https://hightech.fm/2019/03/01/agent-orange> (accessed: 01.06.2022) (in Russ.).
19. *Feygin O.O.* Death rays: from the History of geophysical, beam, climatic and radiological weapons. М., 2013 (in Russ.).
20. Physics of future wars: from infrasound to neutrinos. URL: <https://naked-science.ru/article/top/fizika-budushchih-voyn-ot-infrazvuka> (accessed: 03.07.2022) (in Russ.).
21. *Kholopova E.N., Masalskaya V.O.* Biological weapons as a threat to the national security of Russia // *The Rule of Law: theory and practice*. 2020. No. 2 (60). P. 112–122 (in Russ.).
22. Environmental and medical consequences of the 1957 radiation accident at the Mayak software / ed. by A.V. Akleev, M.F. Kiselev. М., 2001 (in Russ.).

Сведения об авторах

МИЛЮКОВ Сергей Фёдорович —
доктор юридических наук, профессор,
профессор РГПУ им. А.И. Герцена; 191186
г. Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48

КУЗНЕЦОВА Наталья Ивановна —
кандидат юридических наук, доцент,
Санкт-Петербургский университет МВД
России; 198206 г. Санкт-Петербург,
ул. Летчика Пилутова, д. 1

Authors' information

MILYUKOV Sergey F. —
Doctor of Law, Professor,
Professor of Herzen Russian State
Pedagogical University;
48 Moika River Embankment,
191186 St. Petersburg, Russia

KUZNETSOVA Natalia I. —
PhD in Law, Associate Professor,
St. Petersburg University of the Ministry of Internal
of Affairs of the Russian Federation;
1 Pilyutov Pilot str., 198206 St. Petersburg, Russia

**АГРАРНОЕ ПРАВО В XXI ВЕКЕ:
ТРАДИЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ
(Обзор выступлений участников Международной научно-практической
конференции – Вторые Козыревские чтения)**

© 2023 г. В. В. Устюкова*, Г. Л. Землякова**

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

**E-mail: ecolaw@igpran.ru*

***E-mail: landlaw@igpran.ru*

Поступила в редакцию 28.03.2023 г.

Аннотация. Статья представляет собой обзор выступлений участников Второй Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Аграрное право в XXI веке: традиции и перспективы развития (Козыревские чтения)». На конференции обсуждались актуальные проблемы правового регулирования аграрных отношений в условиях новых вызовов и угроз. В выступлениях многих участников отмечалось возрастание роли аграрно-правовой науки и аграрно-правового регулирования в современных условиях обеспечения продовольственной безопасности России. В числе наиболее актуальных звучали проблемы охраны окружающей среды в сфере ведения сельскохозяйственного производства, обеспечения безопасности сельскохозяйственной продукции (в том числе органической), государственной поддержки аграриев, рационального использования земельных участков сельскохозяйственного назначения, эффективного управления земельным фондом, развития агротуризма и сельских территорий и др.

Ключевые слова: продовольственная безопасность, государственная поддержка сельского хозяйства, безопасность сельскохозяйственной продукции, производство органической сельскохозяйственной продукции, управление земельными ресурсами, землеустройство и мониторинг земель, земельные участки для ведения крестьянского (фермерского) хозяйства, агротуризм, устойчивое развитие сельских территорий.

Цитирование: Устюкова В.В., Землякова Г.Л. Аграрное право в XXI веке: традиции и перспективы развития (Обзор выступлений участников Международной научно-практической конференции – Вторые Козыревские чтения) // Государство и право. 2023. № 7. С. 185–193.

DOI: 10.31857/S102694520026814-6

**AGRARIAN LAW IN THE 21st CENTURY:
TRADITIONS AND PROSPECTS OF DEVELOPMENT
(Review of the speeches of the participants of the International Scientific
and Practical Conference – The Second Kozyrev Readings)**

© 2023 V. V. Ustyukova*, G. L. Zemlyakova**

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

*E-mail: ecolaw@igpran.ru

**E-mail: landlaw@igpran.ru

Received 28.03.2023

Abstract. The article is a review of the speeches of the participants of the Second All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation “Agrarian Law in the 21st century: traditions and prospects of development (Kozyrev Readings)”. Topical issues of legal regulation of agrarian relations in the context of new challenges and threats were widely discussed at the Conference. In the speeches of many participants, the increasing role of agrarian and legal science and agrarian and legal regulation in modern conditions of ensuring food security in Russia was noted. Among the most pressing problems were the problems of environmental protection in the field of agricultural production, ensuring the safety of agricultural products (including organic), state support for farmers, rational use of agricultural land, effective management of the land fund, development of agrotourism and rural areas, and others.

Key words: food security, state support of agriculture, safety of agricultural products, production of organic agricultural products, land management, land management and land monitoring, land plots for farming, agrotourism, sustainable development of rural areas.

For citation: Ustyukova, V.V., Zemlyakova, G.L. (2023). Agrarian law in the 21st century: traditions and prospects of development (Review of the speeches of the participants of the International Scientific and Practical Conference – The Second Kozyrev Readings) // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 7, pp. 185–193.

1 декабря 2022 г. в Институте государства и права Российской академии наук (ИГП РАН) состоялась Вторая Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Аграрное право в XXI веке: традиции и перспективы развития (Козыревские чтения)», посвященная современным проблемам правового регулирования аграрных отношений. Первая подобная конференция, посвященная памяти одного из основоположников аграрного права доктора юридических наук, профессора Михаила Ивановича Козыря, долгие годы работавшего в ИГП РАН, прошла в декабре 2021 г.

В мероприятии приняли участие научные сотрудники и преподаватели ведущих научных и образовательных учреждений Российской Федерации, а также ученые из Белорусского государственного университета (г. Минск).

К участникам конференции обратился директор Института государства и права РАН, член-корр. РАН, д-р юрид. наук, проф., заслуженный юрист РФ А.Н. Савенков, который подчеркнул значение отрасли аграрного права для обеспечения продовольственной безопасности и развития экономики

страны в сложных современных условиях. А.Н. Савенков призвал участников конференции к активному сотрудничеству с уполномоченными органами государственной власти и специалистами профильных учебных заведений отрасли для выработки оптимальных путей развития сельского хозяйства и развития системы правового обеспечения его инновационных направлений. В качестве важной задачи названо привлечение молодых ученых к работе в сфере аграрного права.

В своем обращении к участникам конференции член-корр. РАН, д-р юрид. наук, заслуженный юрист РФ А.В. Габов (ИГП РАН), отметив комплексный характер аграрного права как отрасли, обратил внимание на тот факт, что в нормативных правовых актах, регулирующих общественные отношения в сфере сельхозпроизводства, не всегда оперативно учитываются изменения гражданского законодательства, в частности регулирующие статус субъектов правоотношений.

Научную дискуссию открыл д-р юрид. наук, проф., заслуженный деятель науки РФ С.А. Боголюбов (Институт законодательства и сравнительного

правоведения при Правительстве РФ (ИЗиСП)) докладом на тему *«Реализация идей М.И. Козыря через конституционное закрепление законодательства о сельском хозяйстве»*. Он констатировал, что труды и деятельность М.И. Козыря остаются актуальными и донныне. Коммуникабельность, общительность Михаила Ивановича сплачивали вокруг него коллег, создавали ауру доброжелательности, требовательности, взаимного уважения, мотивированной критики. М.И. Козырь разрабатывал подходы к обеспечению продовольственной безопасности страны, уточнению предмета, методов, повышению качества нормативных правовых актов, поискам сочетания норм гражданского, административного, земельного права в правовых институтах аграрного права.

В порядке обсуждения доклада значение научного наследия М.И. Козыря подчеркнули также **д-р юрид. наук, проф. В.В. Устюкова (ИГП РАН)** и ряд других участников конференции.

Дочь М.И. Козыря **канд. юрид. наук, доц. О.М. Козырь (юридический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова)** поблагодарила Институт государства и права РАН, а также учеников М.И. Козыря — Н.И. Краснова, О.С. Колбасова за внимание и развитие в своих трудах их идей, ведь без традиций нет развития. Свой научный доклад О.М. Козырь посвятила *правовым проблемам охраны окружающей среды в сельском хозяйстве*. Она отметила, что многие проблемы сельского хозяйства являются комплексными, многие из них связаны с использованием земельных ресурсов. Так, например, для того, чтобы земли сельскохозяйственного назначения не выводились из оборота, правовые механизмы существуют, но они не применяются. В частности, в Московской области работа по развитию сельского хозяйства практически не ведется, земли сельскохозяйственного назначения используются под строительство торговых комплексов, т.е. переводятся в земли других категорий. Для того чтобы страна развивалась, необходимо разрабатывать актуальные направления ведения аграрной деятельности (использование альтернативных источников энергии, побочных продуктов животноводства и т.п.) и обеспечивать их правовое регулирование с учетом сохранения окружающей среды.

Доклад **д-ра юрид. наук, проф. Е.В. Виноградовой (ИГП РАН)** раскрывал содержание документов стратегического планирования развития сельского хозяйства в условиях современных вызовов и угроз.

Сходная проблематика затрагивалась **д-ром юрид. наук, проф. Н.П. Ворониной (Университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА))**. В докладе на тему *«Трансформация стратегического планирования и правового обеспечения продовольственной безопасности на современном этапе»* было отмечено, что

современные геополитические и экономические вызовы и риски потребовали изменения правового регулирования развития АПК. В Стратегии развития агропромышленного и рыбохозяйственного комплексов Российской Федерации на период до 2030 года (утв. распоряжением Правительства РФ от 08.09.2022 г. № 2567-р) указано, что цель стратегического планирования в АПК — обеспечение долгосрочного и перспективного развития агропромышленного и рыбохозяйственного комплексов, импортозамещения критически важных видов продукции АПК, усиления продовольственной безопасности, развития новых направлений экспорта, эффективного управления землями сельскохозяйственного назначения, цифровой трансформации с учетом текущих внешнеполитических и экономических рисков. Стратегия направлена на поиск новых направлений экспорта сельскохозяйственной продукции, развитие и укрепление логистических систем в ЕАЭС, снижение зависимости от импортных семян, сельскохозяйственных машин и запчастей. Таким образом, санкционная политика обусловила изменения государственной аграрной политики Российской Федерации, уточнение целевых индикаторов обеспечения продовольственной безопасности, разработку мер государственной поддержки, адекватных сложившейся мировой экономической ситуации.

Продолжила обсуждение этих вопросов **канд. юрид. наук М.М. Мухлынина (ИГП РАН)**, подчеркнувшая в докладе *«Государственная политика в сфере развития сельского хозяйства: актуальные вопросы права и практики»* актуальность государственной поддержки развития аграрного сектора экономики, который, несмотря на ограничения со стороны некоторых иностранных государств, показывает позитивную динамику. Поддержка агропромышленного комплекса, отраслевой науки рассматривается государством как вопрос технологического, научного и продовольственного суверенитета страны, устойчивости и наполнения российского рынка качественными и доступными продуктами питания. В названной Стратегии развития агропромышленного и рыбохозяйственного комплекса на период до 2030 года обозначена необходимость внедрения новой модели экономического развития, что требует научного осмысления и совершенствования нормативного правового регулирования.

Несколько докладов было посвящено проблемам производства органической продукции. Так, **д-р юрид. наук, проф. В.В. Устюкова (ИГП РАН)** провела *сравнительно-правовое исследование содержания Федеральных законов «Об органической продукции...» и «О продукции с улучшенными характеристиками»* и пришла к выводу, что по многим позициям эти Федеральные законы совпадают.

В докладе подчеркнуто, что улучшенная продукция рассматривается как «зеленая», экологически чистая, т.е. как разновидность органической продукции, а раз это так, то необходимости в принятии Федерального закона об улучшенной продукции не было. Вместо этого можно было бы внести соответствующие изменения в Федеральный закон об органической продукции (например, ввести различные типы (категории) такой продукции «по степени ее органичности»). Но, предполагая, что вряд ли Федеральный закон об улучшенной продукции будет отменен, автором предложено четко обозначить круг отношений, регламентируемых каждым из рассматриваемых Федеральных законов, сделать более информативным понятие улучшенной продукции, уточнить, что отношения по производству улучшенной продукции регулируются не только на федеральном уровне и решить ряд иных вопросов.

Выступление д-ра юрид. наук, проф. И.А. Игнатевой (юридический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова) было посвящено исследованию *правового регулирования производства органической сельскохозяйственной продукции в субъектах Российской Федерации*. Отмечено, что принятые в некоторых субъектах Российской Федерации нормативные правовые акты об органической продукции преимущественно дублируют соответствующий федеральный закон, что, по ее мнению, не может характеризоваться как развитие законодательства субъектов Российской Федерации в данной сфере. В то же время в региональных законах об органической продукции выделяется несколько содержательно важных правовых норм, в ряду которых: введение понятия «параллельное производство», стимулирование страхования урожая при производстве органической сельскохозяйственной продукции и др. Наличие подобных правовых норм в законодательстве субъектов Российской Федерации свидетельствует о существовании реальной потребности в выработке действенных правовых подходов к развитию органического сельского хозяйства.

Проблемы *нормативно-правового регулирования органического сельского хозяйства в Российской Федерации* были затронуты В.М. Удалкиной (Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева (НИ МГУ им. Н.П. Огарева), г. Саранск).

Все большую популярность как в Российской Федерации, так и в других государствах приобретают вопросы, связанные с развитием агротуризма, которые нашли отражение в нескольких выступлениях. Так, в докладе канд. юрид. наук В.В. Саскевич (юридический факультет Белорусского государственного университета, г. Минск) на тему *«Агротуризм в Беларуси: тенденции правовой регламентации»* обращалось внимание на то, что с 1 января

2023 г. в Беларуси вводится разрешительный порядок деятельности по оказанию услуг в сфере агротуризма, подразумевающий необходимость получения соответствующего решения районных исполнительных комитетов (вместо уведомительного). В связи с этим высказано мнение о необходимости закрепить в законодательстве основания для отказа в принятии указанного решения. Показана тенденция увеличения налоговой нагрузки в отношении граждан как субъектов агротуризма с одновременным изменением режима налогообложения применительно к сельскохозяйственным организациям. Отмечено сохранение в целом благоприятных условий осуществления данной деятельности, учитывающих интересы как ее субъектов, в частности, при установлении содержания услуг, так и населения, проживающего в непосредственной близости к агроэкоусадбам.

Кандидат юрид. наук, доц. Д.В. Тропина (Российский государственный аграрный университет – МСХА им. К.А. Тимирязева (РГАУ – МСХА им. К.А. Тимирязева)) рассмотрела *проблемы правового регулирования сельского туризма в контексте устойчивого развития сельских территорий*. В частности, в докладе раскрыты основные положения программы предоставления государственной поддержки в сфере сельского туризма – гранта «Агротуризм» и указано, что некоторые сельхозтоваропроизводители лишены возможности быть заявителями по данному гранту по причине несоответствия правилам регистрации индивидуальных предпринимателей, занимающихся сельским хозяйством. Сформулирован вывод, что утвержденные на федеральном уровне требования к средствам размещения, используемым для осуществления деятельности по оказанию услуг в сфере сельского туризма в сельской местности, не учитывают специфики оказания услуг в сельской местности, исполнителями которых являются непрофессиональные участники туристской индустрии. Подчеркнуто значение поддержки органами государственной власти и органами местного самоуправления сельхозтоваропроизводителей, желающих развивать сельский туризм параллельно с осуществлением сельскохозяйственной деятельности. С докладом на аналогичную тему *«Проблемы правового регулирования развития аграрного туризма»* выступил также Р.А. Иксанов (Уфимский государственный авиационный технический университет).

В докладе канд. юрид. наук, доц. И.П. Кузьмич (юридический факультет Белорусского государственного университета, г. Минск) были раскрыты *организационно-правовые основы осуществления контрольной (надзорной) деятельности в сельском хозяйстве Республики Беларусь*. Ею выявлены ключевые тенденции развития системы контроля (надзора) в сельском хозяйстве Республики Беларусь:

множественность субъектов, реализующих функцию контроля (надзора) во главе с Министерством сельского хозяйства и продовольствия РБ; сохранение традиционных субъектов (многочисленных государственных инспекций) и появление новых (например, Департамента ветеринарного и продовольственного надзора РБ); наличие единой правовой основы осуществления контрольной (надзорной) деятельности, которая регламентирована Указом Президента РБ от 16 октября 2009 г. № 510 «О совершенствовании контрольной (надзорной) деятельности в Республике Беларусь».

Докладчик обозначила также ряд направлений совершенствования отношений в сфере контроля и надзора в сельском хозяйстве: обеспечение независимости и объективности субъектов контрольно-надзорной деятельности с учетом их ведомственной подчиненности; закрепление в законодательстве единообразного подхода при определении правового статуса государственных инспекций; оптимизация системы контролируемых (надзорных) органов в аграрной сфере.

Кандидат юрид. наук И.Н. Жочкина (НИ МГУ им. Н.П. Огарева, г. Саранск) коснулась проблем *правового регулирования отношений, возникающих в сфере обращения с отходами животноводства*. В частности, докладчик положительно оценила принятый в июле 2022 г. Федеральный закон «О побочных продуктах животноводства и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», который предусмотрел легальную возможность юридического лица самостоятельно осуществлять отнесение отходов животноводства к побочным продуктам независимо от включения их в Федеральный классификационный каталог отходов. Однако ряд проблем в данной сфере все еще остаются нерешенными.

Кандидат юрид. наук, доц. Е.В. Ельникова (Университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА)) обратила внимание на проблемы *исполнения условий предоставления субсидий (грантов) сельскохозяйственным товаропроизводителям*. Подчеркнув важное значение грантовой поддержки, она указала, что некоторые условия предоставления грантов изначально содержат существенные риски их неисполнения и, как следствие, наступления ответственности в виде обязанности возврата полученных денежных средств в полном объеме. В иных случаях нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации без должного обоснования расширяется перечень условий предоставления грантов в форме субсидий, что создаёт дополнительные проблемы в процессе их использования грантополучателями. По мнению докладчика, следует ограничивать условия предоставления грантов от условий их реализации (освоения) в целях

определения различных правовых последствий при их несоблюдении. При нарушении обязанностей, установленных в качестве условий реализации гранта в форме субсидии, наиболее эффективным является применение мер гражданско-правовой ответственности, в частности неустойки, а также процентов за пользование денежными средствами.

Кандидат юрид. наук Т.В. Редникова (ИГП РАН) в своем докладе осветила *зарубежный опыт правового регулирования коммерческого выращивания генетически модифицированных сельскохозяйственных культур*. Она отметила, что в отношении к коммерческому выращиванию генетически модифицированных организмов (ГМО) мир разделился на два лагеря. В одних государствах оно разрешено, в других, включая страны ЕС и Российскую Федерацию, запрещено законодательно. Подобные запреты основываются на принципе предосторожности в широком применении ГМО в силу недостаточной изученности последствий их применения. Одним из мировых лидеров по уровню внедрения ГМО является КНР, где с 2006 г. действует Закон о качестве и безопасности сельскохозяйственной продукции, регулирующей вопросы ее производства, а также осуществление государственного управления и надзора за ее качеством и безопасностью. Однако вопрос о безопасности ГМО-продукции в долгосрочной перспективе остается открытым. Поэтому следует изучать зарубежный опыт. При этом в целях недопущения отставания российских науки и технологий в рассматриваемой сфере необходимо продолжать исследование проблем в области генной инженерии при условии осуществления жесткого контроля со стороны государства за обеспечением безопасности таких исследований.

Кандидат юрид. наук, доц. В.И. Ивакин (Юридический институт Российского университета транспорта — МИИТ) выступил с докладом на тему «*Устойчивое развитие сельских территорий и цифровизация: правовой аспект*», в котором проанализировал содержание официальных сайтов некоторых сельских муниципальных образований и сформулировал вывод о необходимости отражения на таких сайтах проблем аграриев и актуальной правовой информации.

Доктор юрид. наук, проф. В.В. Никишин (г. Санкт-Петербург) поставил вопрос *о необходимости и достаточности эколого-правового инструментария устойчивого развития сельских территорий*. По его мнению, в современных условиях устойчивое развитие рассматривается как часть более широкого понятия «пространственное развитие», которое подразумевает интегрированный подход к социально-экономическому развитию территорий и дифференцированный подход к направлениям

и мерам государственной поддержки их развития с учетом специфических природных условий.

При этом экологическая емкость территории и задача снижения негативного воздействия на окружающую среду в концепции пространственного развития учитываются недостаточно. Докладчик считает, что необходимый эколого-правовой инструментарий определяется наличием общих и специальных экологических требований природоохранного и природоресурсного законодательства, достаточный — пространственными качественными и количественными характеристиками окружающей природной среды соответствующих территорий и системным применением правовых инструментов, опосредующих комплексное использование природных ресурсов в границах территорий их расположения.

Кандидат юрид. наук О.А. Самончик (ИГП РАН) коснулась в своем докладе *проблем агрострахования от природно-климатических рисков*. Поскольку сельское хозяйство является отраслью, в наибольшей степени зависимой от природно-климатических условий, агрострахование приобретает важнейшую роль в минимизации экономических потерь сельхозтоваропроизводителей от негативного воздействия изменений климата. При формировании законодательства, регулирующего отношения в этой области, важное значение имеет проблема определения страховых рисков как предмета договора агрострахования, а также установление особенностей регулирования страхования от чрезвычайных ситуаций природного характера. Подчеркнуто, что при определении страховых случаев при агростраховании с господдержкой следует прежде всего исходить из экономической оценки убытков сельхозтоваропроизводителей, возникших в результате опасных природных явлений и чрезвычайных ситуаций, высказаны предложения по совершенствованию правового регулирования отношений в области агрострахования.

Доктор с.-х. наук А.Н. Исаков (Калужский филиал РГАУ — МСХА им. К.А. Тимирязева) выступил с докладом на сходную тему — *«Механизм правового регулирования страхования сельскохозяйственного производства как способ обеспечения продовольственной безопасности страны»*.

Доктор юрид. наук, проф. К.Д. Крылов (ИГП РАН) посвятил свой доклад теме *«Концепты и перспективы взаимодействия аграрного и трудового права»*. Он подчеркнул, что трудовое право в современных условиях динамично развивается, появляются новые формы организации труда, новые формы занятости (в том числе самозанятость), которые могут иметь важное значение для работников аграрного сектора. Для этой категории субъектов трудового права возможно нужны специальные

нормы, касающиеся предоставления льгот молодежи (с целью привлечения работников на село), регулирования труда инвалидов, пожилых людей и т.п. Особое внимание докладчик обратил на проблему инкорпорации в российском законодательстве норм международного права (в частности, в Конвенции МОТ об инспекции труда в сельском хозяйстве, хотя она и не ратифицирована Российской Федерацией).

Кандидат юрид. наук Е.А. Галиновская (ИЗиСП) в своем докладе рассмотрела *результаты и проблемы реализации Федерального закона «О развитии сельского хозяйства»*, указав, что на момент принятия (конец 2006 г.) он был прорывным, протекционистским, обеспечивал государственную поддержку сельского хозяйства, в ряде случаев даже в противоречие требованиям ВТО. С тех пор в Федеральный закон внесено много изменений, но он продолжает играть важную роль, его нормы учитывались при принятии стратегических документов по развитию сельского хозяйства.

Кандидат биол. наук М.З. Гаджидадаев (Институт экологии и устойчивого развития Дагестанского государственного университета) представил доклад на тему *«Влияние сельского хозяйства на процессы опустынивания в Республике Дагестан: правовые средства минимизации ущерба»*. Он отметил, что борьба с опустыниванием на отдельных территориях Российской Федерации (в том числе в Республике Дагестан) — важная государственная задача. Ее можно решать различными способами, в частности путем посадки на территориях, подвергающихся опустыниванию, растений, имеющих развитую корневую систему и пригодных на корм скоту. Важную роль в минимизации ущерба от опустынивания может сыграть Государственная программа эффективного вовлечения в оборот земель сельскохозяйственного назначения и развития мелиоративного комплекса, утвержденная постановлением Правительства РФ в 2021 г.

Кандидат юрид. наук, доц. О.В. Глеба (Одинцовский филиал МГИМО МИД России) в докладе на тему *«Правовые проблемы совершенствования законодательства о защите сельскохозяйственных животных»* аргументировала необходимость закрепления в действующем законодательстве правовых норм, обеспечивающих гуманные условия содержания и забоя сельскохозяйственных животных. В Российской Федерации в настоящее время нет единого законодательного акта, который бы защищал и поддерживал права всех видов животных, включая сельскохозяйственных, жить, удовлетворяя свои потребности и испытывая минимальные страдания. Принятый в 2018 г. Федеральный закон «Об ответственном обращении с животными» исключил из сферы своего действия

сельскохозяйственных животных, поэтому проблемы законодательного регулирования их содержания и защиты являются актуальными, требующими незамедлительного восполнения.

Кандидат юрид. наук Н.С. Куделькин (ИГП РАН) в докладе на тему «*Оленеводство как вид сельского хозяйства*» отметил, что оленеводство относится к одному из наиболее распространенных видов традиционной хозяйственной деятельности, поддержка которой способствует сохранению материальной и духовной культуры коренных малочисленных народов. В связи с этим докладчик предложил на законодательном уровне установить приоритет осуществления традиционного природопользования перед другими видами хозяйственной деятельности, а также высказал ряд других предложений по совершенствованию законодательства в этой сфере. Он также подчеркнул, что оленеводство имеет большое значение не только для северных территорий, но и для всей Российской Федерации, поскольку оно является одним из резервов укрепления продовольственной безопасности страны.

Поскольку ведение сельского хозяйства невозможно без использования земельных участков, значительная часть выступлений была посвящена земельно-правовым проблемам.

Доктор экон. наук, доц. С.А. Липски (факультет управления недвижимостью и права Государственного университета по землеустройству) охарактеризовал *факторы, которые повлияли на становление и развитие законодательства о землеустройстве в России* в досоветский, советский и постсоветский периоды. Он провел аналогию между текущим моментом и аграрной реформой начала XX в., проведенной П.А. Столыпиным в Российской Империи. Сопоставлены положения разработанных к настоящему времени вариантов новой редакции Федерального закона «О землеустройстве» и отмечено, что эти варианты отличаются: 1) соотношением публично-правовых и частноправовых регуляторов; 2) степенью преемственности по отношению к отечественному землеустройству; 3) объемом заимствований зарубежного опыта; 4) акцентом на разные проблемы в сельскохозяйственном землепользовании. Докладчик полагает, что один из этих вариантов все-таки будет принят и станет основой для последующего развития землеустройства на многолетнюю перспективу. Оценены также последствия такого решения для системы земельного законодательства, земельно-правовой науки и его значение для успешности решения практических задач в сфере продовольственной безопасности.

Доктор юрид. наук, доц. Г.Л. Землякова (ИГП РАН) в своем докладе затронула проблемы *толкования понятия «приватизация» при применении*

арбитражными судами п. 4 ст. 1 Федерального закона «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения», а также законодательства субъектов Российской Федерации, которым установлен мораторий на приватизацию земельных участков сельскохозяйственного назначения. Учитывая позиции ученых по поводу толкования данного термина, а также правоприменительную практику, предложено понимать под приватизацией переход земельного участка из публичной собственности в частную по любому основанию, предусмотренному земельным законодательством, так как именно Земельный кодекс РФ и Федеральный закон об обороте земель являются специальными нормативными правовыми актами, регулирующими данную процедуру. В то же время отмечено, что указанная норма Федерального закона об обороте земель нуждается в приведении ее в соответствие с Земельным кодексом РФ с заменой термина «приватизация» на «предоставление».

Обращено также внимание на проблему «маятника», связанную с тем, что субъекты Российской Федерации, руководствуясь рассматриваемой нормой Федерального закона об обороте земель, могут своими нормативными правовыми актами периодически вводить на своих территориях или прекращать приватизацию земельных участков сельскохозяйственного назначения на определенные периоды, что, с одной стороны, позволяет отдельным лицам (или группам лиц) в определенные промежутки времени приобрести используемые ими участки в собственность, а с другой — не способствует предсказуемости рынка земельных участков, необходимой для стабильной работы сельскохозяйственных товаропроизводителей.

В докладе **канд. юрид. наук, доц. О.А. Романовой (Университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА))** был дан анализ *правовых проблем осуществления строительства индивидуальных жилых домов на земельных участках, предоставленных для ведения крестьянского (фермерского) хозяйства (КФХ)*. Указано, что механизм реализации норм о строительстве домов на таких участках, в том числе особенности образования участков под такими домами, законом не предусмотрен. Не установлены основания для такого строительства, а также кто и каким образом определяет место, целесообразное для размещения дома. Неясно, должна ли площадь занятого домом участка соответствовать каким-либо нормам. Орган местного самоуправления в образовании земельного участка не участвует. Законодатель не проводит разницы между землями сельскохозяйственного назначения и сельскохозяйственными угодьями, путая эти понятия. В то же время из ст. 79 ЗК РФ до сих пор не исключена норма о том, что сельскохозяйственные угодья не могут использоваться для строительства жилых домов.

Докладчик подчеркнула, что если не урегулировать названные отношения и не установить виды угодий, на которых можно или нельзя строить дома, то это грозит злоупотреблениями. То же самое касается строительства домов на земельных участках для КФХ без каких-либо разрешений, т.е. по «дачной амнистии». Остается также неурегулированным вопрос о подключении такого дома к коммуникациям и о том, какие требования, в том числе санитарные, должны применяться, в частности, когда в отношении участка или его части установлена зона с особыми условиями использования территорий. Представляется, что условия и порядок участия органа государственной власти и / или органа местного самоуправления в осуществлении строительства жилых домов на земельных участках, предоставленных КФХ, должны быть предусмотрены законом.

Кандидат юрид. наук, доц. И.А. Владимиров (Институт права Башкирского государственного университета) выступил с докладом на *сходную тему*. Он, в частности, отметил, что фермерам разрешено строить жилые дома на земельных участках сельскохозяйственного назначения, имеющим любой вид разрешенного использования, за исключением земельных участков, относящихся к высокопродуктивным и особо ценным угодьям. При строительстве жилых домов фермерам не придется изменять прежние наименования видов разрешенного использования земельных участков и приводить их в соответствие с Классификатором видов разрешенного использования земельных участков. В целях недопущения массовой застройки сельхозземель законом вводятся ограничительные меры. Однако законодательно не урегулированным остается вопрос строительства и оформления жилых домов на сельскохозяйственных угодьях, а именно на пашнях, пастбищах, лугах, сенокосах, так как в соответствии с п. 6 ст. 36 Градостроительного кодекса РФ для этих земель градостроительные регламенты не устанавливаются.

Доктором юрид. наук, доц. Н.Н. Мельниковым (ИГП РАН) рассмотрен вопрос *сочетания видов разрешенного использования земельных участков сельскохозяйственного назначения*, под которым следует понимать случаи, когда один земельный участок используется для нескольких целей различными субъектами. В частности, согласно ст. 78 ЗК РФ запрет на использование земельных участков сельскохозяйственного назначения для целей, не связанных с ведением сельского хозяйства, не распространяется на участки, используемые для строительства и эксплуатации линейных объектов. Правовое регулирование отношений в сфере сочетания видов разрешенного использования должно основываться на предусмотренном ст. 1 ЗК РФ принципе дифференцированного подхода,

предполагающем учет различных факторов при установлении правового режима земель.

Кандидат юрид. наук, доц. С.Ю. Королев (Саратовский филиал ИГП РАН, Саратовская государственная юридическая академия) в своем докладе коснулся *мониторинга земель как средства информационного обеспечения управления земельными ресурсами*. Мониторинг является точкой отсчета для всех решений, принимаемых в сфере земельных отношений. В Швеции при осуществлении мониторинга земель в основном уделяется внимание стационарным полигонам, а в Великобритании — цифровизации. В Российской Федерации используются все методы. В последние 10 лет поменялся подход к видам мониторинга, что упростило классификацию и учет показателей мониторинга, сами показатели детализированы. Обнадеживает комплексный подход государства к регулированию не отдельных функций, но всего управления в целом. Это помогает решать вопросы с изъятием неиспользуемых земель более оперативно.

В качестве недостатков докладчик отметил отсутствие общей концепции мониторинга земель и земель сельскохозяйственного назначения, а также необходимого финансирования мониторинга, что снижает эффективность управления земельными ресурсами в целом. В связи с окончанием действия Основ государственной политики использования земельного фонда Российской Федерации на 2012—2020 годы возникает потребность в принятии новой политики, в которой в отношении мониторинга необходимо предусмотреть новую концепцию, направленную на усиление цифровизации, а также на обеспечение тесного взаимодействия между органами государственной власти, осуществляющими мониторинг и земельный надзор.

Темой доклада канд. юрид. наук, доц. Н.Г. Нарышевой (юридический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова) были *правовые проблемы оборота земельных участков, на которых расположены мелиоративные защитные лесные насаждения*. И хотя в Федеральном законе «О мелиорации земель» есть несколько статей, посвященных этим насаждениям, докладчик считает, что эти отношения все еще недостаточно четко урегулированы в законодательстве. Есть вопросы, связанные с оборотом таких насаждений. Кроме того, было бы целесообразно разграничить их по формам собственности, разграничить полномочия по их содержанию между публичными субъектами либо передать эти мелиоративные защитные лесные насаждения сельскохозяйственным товаропроизводителям.

Кандидат юрид. наук, доц. О.Б. Купцова (Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского) осветила тему, связанную с *техничко-юридическим*

аспектом составления договора купли-продажи земельного участка из земель сельскохозяйственного назначения, являющимся в настоящее время весьма значимой юридической конструкцией, которая нуждается в совершенствовании. В научной литературе неоднократно высказывались мнения о том, что необходимо расширять перечень существенных условий данного вида договора (Ф.П. Румянцев и др.). Предлагается как вариант разработка юридических дефиниций дополнительных характеристик земельного участка и закрепление их в тексте договора посредством формирования раздела «термины». Такая практика не является распространенной, тем не менее постепенно развивается в русле совершенствования договорного регулирования. Докладчик акцентировала внимание на случаях, когда использование данного предложения возможно, а также обозначены ситуации, в которых эти меры представляются нереализуемыми и неэффективными.

Кандидат юрид. наук, доц. Н.Ю. Приходько (Московский университет МВД РФ им. В.Я. Кикотя) коснулась проблем применения уголовной ответственности за преступления в сфере охраны земель и землепользования. Среди таких проблем докладчик отметила следующие: в законодательстве отсутствует определение понятия «порча и уничтожение плодородного слоя почвы»; не определены виды (действия) «иного негативного воздействия» на землю; использование в законодательстве обобщающих понятий, например, «порча земли» и «порча почв» уравнины, но таковыми не являются; ряд негативных воздействий вовсе не признаются преступными. Высказаны предложения по решению этих проблем, в том числе предложено раскрыть

в законодательстве понятие «существенный вред окружающей среде», не только соотнося его с жизнью и здоровьем человека, но и с состоянием животного мира, плодородного слоя почвы и т.д.

С краткими сообщениями по аграрной тематике выступили также иные **сотрудники и аспиранты ИГП РАН: канд. юрид. наук Н.И. Соловьяненко, канд. юрид. наук И.С. Лялина, Е.А. Летова, А.С. Иванов, А.В. Свецкий.**

* * *

Подводя итоги, можно отметить, что на конференции состоялся полезный обмен мнениями по актуальным проблемам правового регулирования аграрных отношений, в том числе отношений в сфере производства и реализации сельскохозяйственной продукции, государственной поддержки сельского хозяйства, устойчивого развития сельских территорий, рационального использования и оборота земель сельскохозяйственного назначения, и другим вопросам, непосредственно связанным с проблемой обеспечения продовольственной безопасности в условиях современных вызовов и угроз.

Участники конференции оценили некоторые изменения, внесенные в аграрное законодательство, иногда не ликвидирующие существующие пробелы, но порождающие новые коллизии норм и трудности правоприменения. Результаты обсуждения докладов показывают, что по многим проблемам позиции специалистов едины. Это в первую очередь касается критических оценок состояния законодательства и перспективных направлений его совершенствования.

Сведения об авторах

УСТЮКОВА Валентина Владимировна — доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник, и.о. заведующей сектором экологического, земельного и аграрного права Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10
SPIN-код: 8732-9692
ORCID: 0000-0002-3118-4805

ЗЕМЛЯКОВА Галина Леонидовна — доктор юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник сектора экологического, земельного и аграрного права Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

USTYUKOVA Valentina V. — Doctor of Law, Professor, Chief Researcher, Acting Head of the Sector of Environmental, Land and Agrarian Law, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

ZEMLYAKOVA Galina L. — Doctor of Law, Associate Professor, Leading Researcher of the Sector of Environmental, Land and Agrarian Law, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

СПРАВЕДЛИВОЕ ПРАВОСУДИЕ

М.И. Клеандров. ПРАВОСУДИЕ И СПРАВЕДЛИВОСТЬ.
2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма : ИНФРА-М, 2023. — 424 с.

© 2023 г. Е. В. Виноградова^{1, *}, С. И. Захарцев^{2, **}, В. П. Сальников^{2, ***}

¹Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

²Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии Российской Федерации

*E-mail: evigpran@igpran.ru

**E-mail: zakhartsev2306@mail.ru

***E-mail: Fonduniver@bk.ru

Поступила в редакцию 11.04.2023 г.

Аннотация. Второе издание рецензируемой книги продолжает исследования смысла правосудия в контексте справедливости, проводимые профессором М.И. Клеандровым. В рецензии содержится анализ сделанных дополнений в монографию. В том числе рассматриваются исторические аспекты появления справедливости в жизнедеятельности человека, оцениваются субъективные факторы, влияющие на справедливость судебных актов, и др.

Ключевые слова: правосудие, справедливость, право, закон, суд, человек, приговор.

Цитирование: Виноградова Е.В., Захарцев С.И., Сальников В.П. Справедливое правосудие М.И. Клеандров. Правосудие и справедливость. 2-е изд., перераб. и доп. // Государство и право. 2023. № 7. С. 194–199.

DOI: 10.31857/S102694520026802-3

FAIR JUSTICE

M.I. Kleandrov. JUSTICE AND FAIRNESS.

2nd ed., rev. and exp. Moscow: Norma : INFRA-M, 2023. — 424 pp.© 2023 E. V. Vinogradova^{1, *}, S. I. Zakhartsev^{2, **}, V. P. Salnikov^{2, ***}¹Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow²St. Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the National Guard of the Russian Federation

*E-mail: evigpran@igpran.ru

**E-mail: zakhartsev2306@mail.ru

***E-mail: Fonduniver@bk.ru

Received 11.04.2023

Abstract. The second edition of the reviewed book continues the research of the meaning of justice in the context of fairness, conducted by Professor M.I. Kleandrov. The review contains an analysis of the additions made to the monograph. In particular, the historical aspects of the appearance of fairness in human life are considered, subjective factors affecting the fairness of judicial acts are evaluated, etc.

Key words: justice, fairness, law, law, court, person, sentence.

For citation: Vinogradova, E.V., Zakhartsev, S.I., Salnikov, V.P. (2023). Fair justice

M.I. Kleandrov. Justice and fairness. 2nd ed., rev. and exp. // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 7, pp. 194–199.

В 2022 г. проф. М.И. Клеандров подготовил солидную монографию под названием «Правосудие и справедливость»¹. В книге были исследованы такие фундаментальные и актуальные вопросы, как понятие справедливости и правосудия; соотношение действующего законодательства с проблемой справедливости правосудия; неопределенность правовых норм, что создает проблемы справедливости; влияние судебного усмотрения на справедливость; значение судебного акта для законодателя; доказательства в системе справедливого правосудия; справедливость правосудия в экстремальных условиях коронавирусной пандемии; возможна ли справедливость от роботизированного судьи с искусственным интеллектом; смертный приговор и справедливость; механизмы совершенствования справедливого правосудия; сущность и значение конституционного органа, обеспечивающего справедливость механизма правосудия.

Названная работа заслуженно получила высокие оценки специалистов и стала активно использоваться как в научной, так и в учебной деятельности.

Может быть, это побудило уважаемого автора вновь взяться за перо, внести в монографию дополнения и повторно ее издать². В свою очередь, поскольку на первое издание нами была выпущена рецензия³, мы решили предложить отклик и на второе издание книги. Однако, чтобы не

повторяться, в настоящей статье коснемся только отдельных внесенных дополнений.

Дополнения крайне любопытны. Они относятся к вопросам, о которых, может, и задумываются, но стараются не писать. Например, человеку в принципе свойственна справедливость или нет? Если свойственна, то по логике она должна «родиться» с появлением на Земле человека и быть с ним всегда, задолго до формирования первых государств. М.И. Клеандров считает, что «не «открытие огня», не изобретение колеса, не приручение собаки и лошади, не создание письменности (в самой зачаточной форме), никакие иные достижения технического прогресса в самых первобытных человеческих сообществах не были базовой причиной образования и развития человеческой цивилизации — на самой ее заре. Причиной этому стала потребность в ходе жесточайшего селективного отбора членами данных сообществ в субъективном чувстве справедливости и, как следствие, необходимости ее обеспечения посредством образования зачатков механизма правосудия» (с. 20).

Мысль объективно красивая и перспективная. Будем честны, юридическими науками «догосударственные» моменты жизни человека подробно не изучались.

Не менее интересны и другие размышления автора. Все со студенческой скамьи, а то и ранее, знают, что обвинительный приговор не может быть основан на предположениях. Это, собственно, хорошо знают и неюристы. А в теории права и философии права данное положение традиционно подается как достижение цивилизации, развитие человечества, проявление гуманизма, справедливости и т.д. и т.п.

Но почти всегда умалчивается логичный вопрос: а может ли быть основан на предположениях оправдательный

¹ Клеандров М.И. Правосудие и справедливость. М., 2022.

² См.: Клеандров М.И. Правосудие и справедливость. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2023.

³ См.: Виноградова Е.В., Захарцев С.И., Сальников В.П. Правосудие для справедливости. М.И. Клеандров. Правосудие и справедливость // Государство и право. 2022. № 8. С. 190–194. DOI: 10.31857/S102694520021840-5

приговор? Если может, то почему об этом не сказано? А если не может, то как же быть?

С М.И. Клеандровым можно согласиться, что классической догмой должно служить утверждение: недоказанность вины подсудимого должна — в той или иной мере — сопровождаться доказанностью его невиновности. А значит, в оправдательном приговоре судья должен изложить не только доводы о недоказанности вины подсудимого (это не относится к случаям отсутствия состава, тем более события преступления), но и аргументированные доводы, подтверждающие отсутствие вины подсудимого. Иначе — «игра в одни ворота», и интересы потерпевших по делу никак не защищены, их права, прежде всего на справедливое правосудие, не обеспечены. Следовательно, высшая цель механизма правосудия — вынесение справедливых судебных актов — не достигается (с. 276).

Для многих теоретических работников-процессуалистов и почти для всех практиков очевидно, что российский современный уголовный процесс должного внимания интересам потерпевших никогда не уделял. Особенно ярко это проявилось в 1990-х годах, когда мы увлеклись соблюдением прав человека, но такие права ассоциировались с правами задержанных, обвиняемых, подсудимых и осужденных. При этом многие лично видели, когда потерпевшие и свидетели боялись давать показания в отношении бандитов, террористов, насильников, хулиганов. А слышали о подобном, наверное, все.

Правда, все мы помним из истории, что было и наоборот. В 1930-х годах попавший в судебную орбиту человек, особенно по т.н. политическим статьям, со стопроцентной вероятностью был осужден, причем нередко и к смертной казни. То же, собственно, было и при эпохе царизма.

В том числе из-за таких «шараханий» законодателя многие судьи колеблются в принятии решений по уголовным делам и до сих пор негласно ставят при вынесении приговора во главу угла признание своей вины. Если подсудимый признал свою вину, то судьи вершат правосудие спокойно и уверенно. Причем иногда проявляя, может быть, излишнюю принципиальность и неприязнь к поступку.

Но если подсудимый вину не признал, у судьи в сознании появляется тревожность. Начинаются размышления: а вдруг я приговорю невиновного, а что мне за это будет? В таких случаях судебный процесс начинает приобретать форму критичной оценки всех действий следствия, противоречий с прокурором и др. Разрешение таких дел, если доказательств вины достаточно, но подсудимый все равно не признается, заканчивается, как правило, условным или минимальным сроком (на всякий случай).

Про такой вид профессиональной деформации судей (названный нами в исследованиях «боязнь ошибки») имеется расхожая юмористическая поговорка: «Чистосердечное признание смягчает ответственность, но... удлиняет срок!». Иными словами, если подсудимый вину не признал, то вполне вероятно, что судья если и вынесет обвинительный приговор, то скорее всего не такой строгий. Однако если признал вину, то судья по определению вынесет обвинительный приговор, причем неизвестно, оценит ли он признание и помощь следствию как смягчающие ответственность обстоятельства. А если и оценит, то как это повлияет на наказание? Нам, как и другим исследователям, известны случаи, когда признающие вину подсудимые, находившиеся в преступной группе «на вторых ролях», получали

большее наказание, чем не признающие активные участники преступления⁴.

Глубокое исследование подобных действий судьи провел известный петербургский процессуалист С.А. Новиков. Проанкетированный этим ученым один из судей описал мотивы своих решений так: «Когда судья выносит обвинительный приговор отрицающему свою вину подсудимому, нередко в глубине души, несмотря на большой объем изобличающих доказательств, он боится, что совершит ошибку. Поэтому назначает менее строгое наказание. Если же обвиняемый признает вину, сам подробно рассказывает, как совершил преступление, он тем самым дает судье практически полную уверенность в правильности принимаемого решения, что зачастую приводит к весьма суровому наказанию»⁵. В данном случае налицо профессиональная деформация правосознания судьи, выражающаяся в боязни совершения ошибки, фактически в боязни своих же прав и полномочий на вынесение справедливого приговора.

Опрошенные следователи и оперативники делились с нами, что отдельные судьи, хотя и кулуарно (но не стесняясь!), высказывали им претензии: «Ну что же вы не смогли обвиняемого расколоть? Как мне теперь судить — вы подумали?»⁶.

Однако, действительно, бывают ситуации, когда доказательств виновности подсудимого для вынесения обвинительного приговора недостаточно и одновременно доказательств его невиновности для вынесения оправдательного приговора также недостаточно. М.И. Клеандров предложил рассмотреть такой вердикт суда, применяемый в ряде стран: оставлять лицо в подозрении (с. 279, 280). Эта мысль не нова, заслуживает внимания, но требует тщательных научных исследований с учетом современной обстановки в России и в мире.

Во втором издании книги появилась еще одна новая глава под названием «Субъективные факторы, влияющие на справедливость судебных актов». В ней ученый классифицирует субъективные свойства, влияющие на справедливость выносимых судьями судебных актов, на следующие группы:

- формально-анкетные;
- морально-нравственные;
- психо-социо-физиологические.

В формально-анкетной группе автор особое внимание уделил физическому здоровью судей, в том числе недопустимости принятия в судебский корпус лиц, болеющих проказой (лепрой) и СПИДом (ВИЧ). С данным фактом невозможно спорить. Однако жаль, что до сих пор поднятая проблема не решена. В Перечень заболеваний, препятствующих назначению на должность судьи, названные болезни по-прежнему не включены (с. 359).

Ко второй группе автор отнес деликатный вопрос соотносимости справедливого правосудия и религиозных чувств судьи, если последний является истово верующим человеком. По мнению автора, эта проблема триедина:

⁴ См.: Махов В., Пешков М. Сделка о признании вины // Росс. юстиция. 1998. № 7. С. 18.

⁵ Новиков С.А. Правдивые показания: правовые меры стимулирования в России и за рубежом (уголовное судопроизводство). СПб., 2008. С. 54, 55.

⁶ См.: Захарцев С.И., Сальников В.П. Философия. Философия права. Юридическая наука. М., 2015. С. 224.

будет ли истово (пусть не фанатично) верующий судья при осуществлении непосредственно правосудия в совещательной комнате ориентироваться, образно говоря, в первую очередь на Конституцию РФ и федеральное кодифицированное законодательство, а лишь потом на свою главную религиозную книгу (Коран, Библию, Тору) либо же, помолвившись, поступит наоборот?

сможет ли тот же судья в ходе ведения публичного процесса, а затем и в совещательной комнате сохранить психологическую внутреннюю «равноудаленность» по отношению ко всем (и каждому конкретно) участникам дела в ситуации, когда он знает (либо ему это сознательно демонстрируют), что тот или иной участник одного с ним вероисповедания, а противоположная сторона, например ответчик (обвиняемый), — полярно другого?

в состоянии ли тот же судья не поддаваться на уговоры (указания?) своего духовного пастыря (батюшки, имама, раввина) относительно конкретного, находящегося у него на рассмотрении дела либо конкретного участника дела? (с. 365).

На наш взгляд, до М.И. Клеандрова так четко и так точно эти проблемы в современной России никто не формулировал.

Особую остроту к поднятым проблемам добавляют секты, ведь судья тайно может в них состоять. Как пишет автор, противопоставляя себя государству, поскольку интересы сект заведомо противопоставлены интересам государства, секты наибольшую опасность представляют именно для судебной ветви государственной власти, поскольку последняя в силу собственной компетенции в состоянии воздействовать на акты, решения и действия иных ветвей власти и их должностных лиц (как и на уровень местного самоуправления), а обратное воздействие во много раз менее эффективное, а главное — свои решения судебная власть (не в пример другим) принимает в подавляющем большинстве случаев одним человеком, а на одного человека воздействовать — прямо или косвенно — намного проще, чем в случаях принятия коллегиальных решений. Следует полностью согласиться с проф. М.И. Клеандровым, предложившим разработать и принять федеральную целевую программу обеспечения независимости судебной власти в векторе, связанном с вероисповеданием. Ведь зависимость судьи — в религиозном плане — очевидная утеря справедливости выносимых им судебных актов (в конкретных проявлениях) (с. 366).

Категорически избегают ученые писать и об ином воздействии на судью, названном М.И. Клеандровым «психо-социо-физиологическим», в частности о гипнотическом воздействии, хотя о таких примерах опять же многие слышали.

Что здесь можно сказать? Более 10 лет назад мы обобщали науку под названием «экстрасенсоведение». Целью науки было попытаться *именно научными методами* (наблюдением, экспериментом и др.) изучать возможности экстрасенсов по оказанию помощи в борьбе с преступностью, а также выработать рекомендации оперативникам и следователям по использованию экстрасенсов и полученных от них знаний. Кроме того, поставить вопрос об учете лиц, обладающих экстраординарными возможностями⁷.

⁷ См.: Захарцев С.И. Наука оперативно-розыскной деятельности: философский, теоретико-правовой и прикладной аспекты. СПб., 2011. С. 51–57; Захарцев С.И., Сальников В.П. Внеаучное знание в оперативно-розыскной деятельности // Правовое поле современной экономики. 2013. № 10. С. 193–199; Захарцев С.И. Некоторые проблемы теории

Эта наука вызвала значительный интерес у сотрудников правоохранительных органов России и зарубежья. По ней появились интересные публикации. Практические работники, не боясь выглядеть ненормальными и быть неправильно понятыми, стали присылать нам материалы о случаях успешного взаимодействия с названными лицами. Наука стала развиваться.

Появилось много материалов и о противоправной деятельности лиц, имеющих экстраординарные психофизиологические способности. Наверное, многим известны случаи, когда просто нахождение рядом определенного человека, его взгляд, голос, движения могут оказать психологическое давление и создать дискомфорт.

Более того, описаны случаи, когда экстрасенсам в прямом смысле заказывали оказание воздействия на человека в целях его убийства. И человек внезапно умирал своей смертью! Медицинские причины смерти, разумеется, с экстрасенсом никак не связывались. Но специалистов смущало то, что умерший человек был относительно молод, не жаловался на здоровье, недавно проходил медицинскую диспансеризацию. Действительно ли экстрасенс причастен к смерти или это просто стечение обстоятельств, наука пока однозначно сказать не может. Вспомнился и другой случай. Охранник склада неожиданно уснул. Во время его сна со склада были похищены товары. Когда воров нашли, двое из них признались, что для усыпления охранника использовался экстрасенс, вогнавший его в сонное состояние⁸.

Защищены ли судьи от оказания такого воздействия, особенно если среди них окажутся и гипервнушаемые люди? Думаем, что нет.

М.И. Клеандров сослался на специалистов-гипнологов⁹, которые утверждают: внушением можно вызвать гнев, ревность, любовь, отвращение, презрение и др.; в гипнозе можно внушить любые мысли, убеждения, принципы, нравственные нормы, взгляды, установки, угрызения совести, раскаяние, повысить или понизить волевые качества, повлиять на мышление, память и др.; особо важно, что все названные феномены, которые вызываются в гипнозе, могут быть вызваны и в послегипнотическом периоде, т.е. можно внушить что угодно в гипнозе, а срабатывание внушения перенести на время после выхода из гипноза; гипнологи уверены, что с помощью гипноза могут быть внушены подлоги в документах, лжесвидетельства, причинение ущерба и многие иные действия вплоть до запрограммированности на самоубийство, что гипноз представляет собой ситуацию своеобразной «переорганизации сознания», когда функционирующий его центр перемещается в сознание другого человека и управляется усилиями последнего, и т.д. (с. 372).

В результате исследования автор пришел к четкому и обоснованному выводу. По его мнению, о том, что случаи гипнотического воздействия на судей имеют место в реальной действительности, свидетельствует элементарная логика: если «такое» возможно «технически» и «стоит» будет не столь дорого, особенно в сравнении с выгодой от

и философии права / под ред. В.П. Сальникова. М., 2014. С. 167–174; Сальников В.П., Захарцев С.И. Оперативно-розыскное экстрасенсоведение как новая прикладная наука // Мир политики и социологии. 2016. № 6. С. 184–190; Захарцев С.И., Игнащенко Ю.Ю., Сальников В.П. Оперативно-розыскная деятельность в XXI веке. М., 2015. С. 75–82; и др.

⁸ См.: Захарцев С.И., Сальников В.П. Философия и юридическая наука. М., 2019. С. 181.

⁹ См.: Кандыба В.М. Криминальный гипноз. СПб., 2001. С. 117–119; Гримак Л.П. Гипноз и преступность. М., 1997. С. 4, 58.

«правильного» для организатора этого действия судебного акта, а иной путь решения «вопроса» вроде дачи взятки конкретному судье невозможен по причине его неподкупности, то «такое» и будет организовано и не один раз. Наряду с прямым подкупом судей, с «засылкой» в судебский корпус на должности судей «своих людей и другими способами, влияние на правосудие по конкретным делам посредством организации гипнотического воздействия на судей — прекрасная возможность оргпреступных группировок и иных действующих «на грани фола» структур решать проблему в свою пользу» (с. 373).

О том, что право в настоящее время к защите от описанных неправомерных действий не готово, мы не раз писали. Речь идет не только о привлечении к уголовной ответственности преступных экстрасенсов-гипнологов, но и даже о понимании этой проблемы¹⁰.

Так же думает и автор рецензируемой монографии. Он пишет, что поставленная в его работе проблема существует как латентная, а потому особенно опасна в силу отсутствия методики фиксации случаев гипнотического воздействия на судью и, соответственно, вынесения (объявления) судебного акта судьей, находящимся под этим гипнотическим воздействием. Поэтому главное здесь — осознать наличие проблемы. Решаться же она должна комплексно, на основе серьезных научных разработок, и не только юристами, но и медиками, и представителями иных наук. Так, необходимо поставить перед психологами и другими специалистами задачу научиться быстро, а главное — безошибочно определять: не находился ли судья, вынесший «странный» судебный акт, под воздействием гипнотического внушения? (с. 374).

Конечно же, очень хорошо, что растет количество действительно крупных ученых, не просто понимающих, но и не стесняющихся огласить указанную проблему!

Нам близки и другие рассмотренные автором в первом издании и продублированные во втором издании книги позиции. Можем повторить, что работа получилась весьма содержательной, актуальной и полезной. Она представляет значительный интерес для специалистов различного профиля: философов, политиков, юристов, социологов, руководителей государственных структур, сотрудников правоохранительных органов, аспирантов, студентов и т.д.

Нам, что тоже отмечалось, приятно, что М.И. Клеандров — ученый, пишущий честно и объективно. Например, он не утаивает объективно имеющуюся проблему недоверия россиян к суду, а пытается предложить конкретные меры по исправлению данной ситуации и совершенствованию судебной системы.

Рецензентами монографии вновь выступили два авторитетных ученых: акад. РАН А.Г. Лисицын-Светланов и член-корр. РАН А.Н. Савенков.

* * *

В науке принято, что рецензии должны содержать замечания. Мы выскажем два.

Первое. В настоящее время крайне актуальной является проблема справедливости правосудия во время боевых действий. Но это не исследовалось. Второе. Научная работа,

¹⁰ См.: Захарцев С.И., Сальников В.П. Философия и юридическая наука. С. 173–181; Их же. Размышления о развитии науки оперативно-розыскного экстрасенсоведения и ее отдельных критиках // Юридическая наука: история и современность. 2021. № 8. С. 101–107; и др.

тем более столь солидная, должна иметь список использованных источников. Списка литературы нет как в первом издании, так и во втором.

Однако данные замечания не затеняют высочайший уровень проведенного исследования. Монография удалась, отвечает всем предъявляемым требованиям, содержательна и полезна широкому кругу читателей. Искренне желаем уважаемому автору новых успехов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Виноградова Е.В., Захарцев С.И., Сальников В.П. Правосудие для справедливости. М.И. Клеандров. Правосудие и справедливость // Государство и право. 2022. № 8. С. 190–194. DOI: 10.31857/S102694520021840-5
2. Гримак Л.П. Гипноз и преступность. М., 1997. С. 4, 58.
3. Захарцев С.И. Наука оперативно-розыскной деятельности: философский, теоретико-правовой и прикладной аспекты. СПб., 2011. С. 51–57.
4. Захарцев С.И. Некоторые проблемы теории и философии права / под ред. В.П. Сальникова. М., 2014. С. 167–174.
5. Захарцев С.И., Игнащенков Ю.Ю., Сальников В.П. Оперативно-розыскная деятельность в XXI веке. М., 2015. С. 75–82.
6. Захарцев С.И., Сальников В.П. Вненаучное знание в оперативно-розыскной деятельности // Правовое поле современной экономики. 2013. № 10. С. 193–199.
7. Захарцев С.И., Сальников В.П. Размышления о развитии науки оперативно-розыскного экстрасенсоведения и ее отдельных критиках // Юридическая наука: история и современность. 2021. № 8. С. 101–107.
8. Захарцев С.И., Сальников В.П. Философия и юридическая наука. М., 2019. С. 173–181.
9. Захарцев С.И., Сальников В.П. Философия. Философия права. Юридическая наука. М., 2015. С. 224.
10. Кандыба В.М. Криминальный гипноз. СПб., 2001. С. 117–119.
11. Клеандров М.И. Правосудие и справедливость. М., 2022.
12. Клеандров М.И. Правосудие и справедливость. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2023. С. 20, 276, 279, 280, 359, 365, 366, 372–374.
13. Махов В., Пешков М. Сделка о признании вины // Росс. юстиция. 1998. № 7. С. 18.
14. Новиков С.А. Правдивые показания: правовые меры стимулирования в России и за рубежом (уголовное судопроизводство). СПб., 2008. С. 54, 55.
15. Сальников В.П., Захарцев С.И. Оперативно-розыскное экстрасенсоведение как новая прикладная наука // Мир политики и социологии. 2016. № 6. С. 184–190.

REFERENCES

1. Vinogradova E.V., Zakhartsev S.I., Salnikov V.P. Justice for justice. M.I. Kleandrov. Justice and justice // State and Law. 2022. No. 8. P. 190–194. DOI: 10.31857/S102694520021840-5 (in Russ.).
2. Grimak L.P. Hypnosis and criminality. M., 1997. P. 4, 58 (in Russ.).
3. Zakhartsev S.I. The science of operational investigative activity: philosophical, theoretical, legal and applied aspects. SPb., 2011. P. 51–57 (in Russ.).
4. Zakhartsev S.I. Some problems of theory and Philosophy of Law / ed. by V.P. Salnikov. M., 2014. P. 167–174 (in Russ.).

5. *Zakhartsev S.I., Ignashchenkov Yu. Yu., Salnikov V.P.* Operational investigative activity in the XXI century. M., 2015. P. 75–82 (in Russ.).
6. *Zakhartsev S.I., Salnikov V.P.* Extra-scientific knowledge in operational investigative activity // The legal field of the modern economy. 2013. No. 10. P. 193–199 (in Russ.).
7. *Zakhartsev S.I., Salnikov V.P.* Reflections on the development of the science of operational-investigative psychics and its individual critics // Legal science: history and modernity. 2021. No. 8. P. 101–107 (in Russ.).
8. *Zakhartsev S.I., Salnikov V.P.* Philosophy and legal science. M., 2019. P. 173–181 (in Russ.).
9. *Zakhartsev S.I., Salnikov V.P.* Philosophy. Philosophy of Law. Legal science. M., 2015. P. 224 (in Russ.).
10. *Kandyba V.M.* Criminal hypnosis. SPb., 2001. P. 117–119 (in Russ.).
11. *Kleandrov M.I.* Justice and fairness. M., 2022 (in Russ.).
12. *Kleandrov M.I.* Justice and fairness. 2nd ed., rev. and exp. M., 2023. P. 20, 276, 279, 280, 359, 365, 366, 372–374 (in Russ.).
13. *Makhov V., Peshkov M.* Plea bargain // Russ. Justice. 1998. No. 7. P. 18 (in Russ.).
14. *Novikov S.A.* Truthful testimony: legal incentive measures in Russia and abroad (criminal proceedings). SPb., 2008. P. 54, 55 (in Russ.).
15. *Salnikov V.P., Zakhartsev S.I.* Operational-investigative psychics as a new applied science // The world of politics and sociology. 2016. No. 6. P. 184–190 (in Russ.).

Сведения об авторах

ВИНОГРАДОВА Елена Валерьевна — доктор юридических наук, профессор, врио первого заместителя директора Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

ЗАХАРЦЕВ Сергей Иванович — доктор юридических наук, профессор, академик РАЕН, профессор Санкт-Петербургского военного ордена Жукова института войск национальной гвардии Российской Федерации; 198206 г. Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, д. 1

САЛЬНИКОВ Виктор Петрович — доктор юридических наук, профессор, академик РАЕН, заслуженный деятель науки Российской Федерации, почетный работник высшего профессионального образования РФ, профессор Санкт-Петербургского военного ордена Жукова института войск национальной гвардии Российской Федерации; 198206 г. Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, д. 1

Authors' information

VINOGRADOVA Elena V. — Doctor of Law, Professor, Acting First Deputy Director of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

ZAKHARTSEV Sergey I. — Doctor of Law, Professor, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Professor of the St. Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the National Guard of the Russian Federation; 1 Pilyutova Pilot str., 198206 St. Petersburg, Russia

SALNIKOV Viktor P. — Doctor of Law, Professor, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Honored Scientist of the Russian Federation, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Professor of the St. Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the National Guard of the Russian Federation; 1 Pilyutova Pilot str., 198206 St. Petersburg, Russia

«ЛЕТАЛЬНОСТЬ»: ДОПУСТИМО ЛИ ВВЕДЕНИЕ В НАУЧНЫЙ ОБОРОТ В КАЧЕСТВЕ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ МЕДИКО-ПРАВОВОЙ КАТЕГОРИИ

**В.Н. Галузо. ЛЕТАЛЬНОСТЬ (медико-правовое исследование).
М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2023. — 230 с.**

© 2023 г. В. М. Редкоус

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: rwmms@rambler.ru

Поступила в редакцию 19.04.2023 г.

Аннотация. В рецензии не только обращено внимание на результаты первого монографического медико-правового исследования закономерностей развития летальности, но и осуществлена их оценка с позиций развития юриспруденции в Российской Федерации. В монографии предпринята небезуспешная попытка соотнесения нескольких терминов: «летальность», «витальность», «смертность», «моральность». При этом обосновано принципиально важное положение: недопустимость отождествления терминов «летальность» и «смертность». Это позволило избежать традиционного подхода в освещении смертности. Кроме того, использование термина «витальность» предполагает наличие и танатологического просвещения людей в образовательных учреждениях страны, чему уделяется недостаточное внимание.

Ключевые слова: право, правоприменение, медицина, летальность, смертность, витальность, валеология, моральность, патологоанатомическое отделение, танатологическое отделение, регистрация смерти человека, «право на смерть», эвтаназия, трансплантология, трансплантация органов из тела человека, трансплантация органов из трупа человека, погребение, места погребения трупов человека, услуги на погребение, пандемия коронавирусной инфекции (COVID-19).

Цитирование: Редкоус В. М. «Летальность»: допустимо ли введение в научный оборот в качестве самостоятельной медико-правовой категории // В.Н. Галузо. Летальность (медико-правовое исследование) // Государство и право. 2023. № 7. С. 200–205.

DOI: 10.31857/S102694520026806-7

“LETHALITY”: IS IT PERMISSIBLE TO INTRODUCE INTO SCIENTIFIC CIRCULATION AS AN INDEPENDENT MEDICAL AND LEGAL CATEGORY

V.N. Galuzo. LETHALITY (medical and legal research).
Moscow: UNITY-DANA, 2023. — 230 pp.

© 2023 V. M. Redkous

Institute of the State and Law of the Russian Academy of Science, Moscow

E-mail: rwmms@rambler.ru

Received 19.04.2023

Abstract. The review not only draws attention to the results of the first monographic medical and legal study of the patterns of lethality development, but also evaluates them from the standpoint of the development of jurisprudence in the Russian Federation. The monograph makes a not unsuccessful attempt to correlate several terms: “lethality”, “vitality”, “mortality”, “mortality”. At the same time, a fundamentally important provision is substantiated: the inadmissibility of identifying the terms “lethality” and “mortality”. This made it possible to avoid the traditional approach in covering mortality. In addition, the use of the term “vitality” presupposes the presence of thanatological education of people in educational institutions in the universities of the country, to which clearly insufficient attention is paid.

Key words: law, law enforcement, medicine, lethality, mortality, vitality, valeology, mortality, pathology department, thanatology department, registration of human death, “right to death”, euthanasia, transplantology, organ transplantation from a human body, organ transplantation from a human corpse, burial, burial sites of human corpses, burial services, pandemic coronavirus infection (COVID-19).

For citation: Redkous, V.M. (2023). “Lethality”: is it permissible to introduce into scientific circulation as an independent medical and legal category

V.N. Galuzo. Lethality (medical and legal research) // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 7, pp. 200–205.

Рецензируемая монография, автором которой является канд. юрид. наук В.Н. Галузо, — первое в стране комплексное междисциплинарное исследование, посвященное летальности. Аналогичных научных публикаций в свет не выходило ни в Российской Империи, ни в Советской России.

Важно также иметь в виду, что проблемы соотношения медицины и права всегда находятся в поле зрения государства, на что обращено внимание в Послании Президента РФ к Федеральному Собранию РФ от 22 февраля 2023 г.: «Культура призвана служить добру, красоте, гармонии, размышлять порой над очень сложными, противоречивыми вопросами жизни и главное — не разрушать общество, а пробуждать лучшие человеческие качества. <...> Дополнительные финансовые ресурсы должны работать с высокой отдачей и результативностью. Это особенно важно для модернизации первичного звена здравоохранения — такая масштабная программа стартовала у нас в 2021 году. Прошу Правительство и руководителей регионов не забывать: главный критерий... — не цифры в отчетах, а конкретные, видимые, осязаемые изменения в качестве медицинской помощи. Также поручаю Правительству скорректировать нормативную базу для организации закупок санитарных автомобилей с комплектом диагностического оборудования. Они позволяют проводить диспансеризацию, профилактический осмотр непосредственно на

предприятиях, в школах, учреждениях, в отдаленных населенных пунктах»¹.

Книга написана не на пустом месте: автор и ранее неоднократно обращался к заявленной теме, подготовив соответствующую научную площадку².

Структурно монография представлена в виде *шести глав*.

Глава I «Летальность человека», являющаяся, по существу, основополагающей, включает пять параграфов. При этом летальность впервые рассматривается в качестве самостоятельной категории (причем как медицинской, так и юридической), но не отождествляемой со смертностью. Важно отметить, что летальность рассматривается в виде длящегося процесса: от рождения и до смерти человека (причем биологической, как правило, сопряженной с прекращением жизнедеятельности головного мозга).

¹ Путин В.В. Мы должны обеспечить право России быть сильной: Послание Президента РФ к Федеральному Собранию РФ от 22 февраля 2023 г. // Росс. газ. 2023. 22 февр. С. 4, 5.

² См., напр.: Галузо В.Н. О соотношении терминов «летальность» и «смертность» при регулировании похоронного дела в Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2023. № 1. С. 23–25; Его же. О соотношении терминов «смертность» и «мortality» (филолого-правовой аспект) // Аграрное и земельное право. 2023. № 3. С. 6–9.

Летальность аргументированно соотносена с иными категориями: витальностью, смертностью, смертностью.

Последующие главы фактически предопределены обоснованной целесообразностью просветительской (танатологической) деятельности в Российской Федерации.

Так, в гл. 2 «*Летальность и ее проявление в организации и деятельности патологоанатомических и танатологических отделений в Российской Федерации*», состоящей из двух параграфов, представлены сведения об организации и деятельности патологоанатомических и танатологических отделений в системе медицинских учреждений Российской Федерации; о взаимодействии патологоанатомических и танатологических отделений с государственными органами, в особенности с правоохранительными органами³.

Глава 3 «Летальность посредством регистрации смерти человека в Российской Федерации» включает три параграфа, в которых, в частности, представлены сведения о регистрации смерти человека в Российской Федерации — медицинский и юридический аспекты регистрации смерти человека; а также о фактически межотраслевом институте — «право на смерть».

Глава 4 «Летальность и ее применение посредством трансплантации органов человека в Российской Федерации» состоит из двух параграфов, в которых имеются сведения о науке трансплантологии, и в особенности о трансплантации органов из тела человека; трансплантации органов из трупа человека.

В гл. 5 «*Летальность посредством погребения в Российской Федерации*», включающей четыре параграфа, в частности, представлены сведения о погребении (медицинский и юридический аспекты); о местах погребения трупов человека; об услугах на погребение.

Глава 6 «Летальность при пандемии коронавирусной инфекции (COVID-19)» включает три параграфа, где представлены сведения о пандемии коронавирусной инфекции (COVID-19) — с учетом международно-правового, государственного аспектов, а также федеративного устройства Российской Федерации.

Итоги научного исследования летальности подведены в рубрикаторе «*Заключение*». Все 19 выводов столь фундаментальны и отличаются исключительной новизной, что заслуживают их приведения в полном объеме.

«1. В медицине термин “летальность” фактически не приобрел самостоятельного значения. В качестве альтернативы... используется термин “смертность”. Представляется целесообразным и в медицине использовать термин “летальность” в качестве самостоятельной категории, под которой понимать: состояние здоровья человека от момента рождения до биологической смерти.

2. В юриспруденции термин “летальность” фактически не приобрел самостоятельного значения. В качестве альтернативы... используется термин “смертность”. Представляется целесообразным и в юриспруденции использовать термин “летальность” в качестве самостоятельной категории, под которой понимать: состояние здоровья человека

от рождения до биологической смерти, причем в качестве фактов, подтвержденных юридически.

3. Летальность — длящийся процесс от рождения до биологической смерти человека. Смертность может быть определена от момента клинической смерти до биологической смерти.

4. Противоположным по значению термину “летальность” целесообразно рассматривать термин “витальность”. Понятие “витальность” означает не только способность человека пребывать во временной земной жизни, но и предпринимаемые им усилия по осуществлению здорового образа жизни.

5. Термины “мortality” и “смертность” взаимосвязаны, но не тождественны. Понятие “мortality” определяем следующим образом: это формы художественного изображения прекращения временного пребывания человека в земной жизни. Mortality в отличие от смертности означает и отношение человека к временному пребыванию в земной жизни, причем представленного посредством одной из форм литературного творчества (проза, поэзия).

6. В Российской Федерации фактически осуществляется двойной учет смертности, причем в субъектах Российской Федерации: а) в медицинских учреждениях посредством выдачи документа строгой отчетности — “медицинское свидетельство о смерти” и б) в государственных органах (органах записи актов гражданского состояния) посредством выдачи документа также строгой отчетности — “свидетельство о смерти”. В законодательстве субъектов Российской Федерации отсутствует единообразный подход в регулировании регистрации смерти человека. Представляется целесообразным учет регистрации смерти человека осуществлять в патологоанатомических и в танатологических отделениях (ПАО/ТАО) при медицинских учреждениях субъектов Российской Федерации посредством выдачи единого документа — “свидетельство о смерти”. На ПАО/ТАО при медицинских учреждениях субъектов Российской Федерации возложить обязанность представлять сведения о смерти человека в уполномоченные органы тех же субъектов Российской Федерации (как правило, в органы записи актов гражданского состояния). Основанием для направления трупов из ПАО/ТАО при медицинских учреждениях субъектов Российской Федерации для погребения на государственных кладбищах является исключительно “свидетельство о смерти”.

7. Патологоанатомические и танатологические отделения взаимодействуют с государственными правоприменительными органами, в особенности с их разновидностью — правоохранительными органами. Результаты деятельности патологоанатомических и танатологических отделений, как правило, сопряженные со вскрытием трупов, при соблюдении определенных условий поступают в заинтересованные правоприменительные органы.

8. Смерть человека фактически означает превращение его тела в труп. В медицине и донныне не существует единообразного подхода в определении момента смерти человека. В медицине не оспаривается момент смерти человека с прекращением жизнедеятельности его головного мозга.

9. Документом, являющимся основанием для погребения трупов человека, необходимо признавать исключительно “свидетельство о смерти”. Право выдачи свидетельства о смерти предоставить органам записи актов гражданского состояния на основании сведений, представляемых уполномоченными должностными лицами патологоанатомических

³ Здесь же автором использованы результаты его другой монографии (см.: Галузо В.Н. Теория правоохраны в Российской Федерации. Историко-правовое исследование. М., 2022; см. также: Рец.: Редкоус В.М. Теоретическое обоснование правоохраны в Российской Федерации: состояние и перспективы развития // Государство и право. 2022. № 5. С. 188–192).

и танатологических отделений медицинских учреждений системы Министерства здравоохранения РФ.

10. С учетом медицинского аспекта всякий человек имеет право на безагональную смерть (в особенности при неизлечимых и сопряженных с физическими страданиями болезнях). С учетом юридического аспекта человек имеет право на безагональную смерть лишь при условии наличия юридического механизма на осуществление этого права. Ввиду неопределенности термина “эвтаназия” необходимо отказаться от его использования в нормативных правовых актах Российской Федерации (в первую очередь в Федеральном законе “Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации” от 1 ноября 2011 г.). В правовом государстве может быть закреплено право на смерть. Несмотря на наличие положения, закрепленного в ч. 1 ст. 1 Конституции РФ, в Российской Федерации правовое регулирование эвтаназии преждевременно.

11. Трансплантация органов и тканей из тела человека, как самостоятельное направление медицины, охватывается предметом исследования медицинской науки, называемой “трансплантология”. Перечень органов и тканей, подвергающихся трансплантации из тела человека, ввиду достижений медицинской науки, расширяется. Порядок трансплантации органов и тканей из тела человека урегулирован в законодательстве Российской Федерации: в двух нормативных правовых актах с разной юридической силой (Закон РФ “О трансплантации органов и (или) тканей человека” от 22 декабря 1992 г. и Федеральный закон “Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации” от 1 ноября 2011 г. — ст. 47).

12. Трансплантация органов и тканей из трупа человека, как самостоятельное направление медицины, охватывается предметом исследования медицинской науки, называемой “трансплантология”. Неурегулированность принадлежности трупов человека является одной из узловых проблем похоронного дела в Российской Федерации в целом и трансплантации, в частности. Во вновь принятом Федеральном законе “О похоронном деле в Российской Федерации” необходимо закрепить общее положение о принадлежности трупов человека государству, его уполномоченным органам, причем на праве государственной собственности (часть 2 ст. 8 Конституции РФ).

13. Криминализация похоронного дела в Российской Федерации во многом предопределена отсутствием монополии государства на ее осуществление и, соответственно, несовершенным законодательством о таковом. Первым шагом в монополизации именно похоронного дела в Российской Федерации могло бы быть включение в ст. 71 Конституции РФ дополнительного пункта: “похоронное дело”. Похоронное дело, как и иные виды государственной деятельности (как, например, таможенное дело), должно находиться в исключительном ведении Российской Федерации. В Российской Федерации целесообразно похоронное дело урегулировать в Федеральном законе “О похоронном деле в Российской Федерации”. В субъектах Российской Федерации целесообразно принимать нормативные правовые акты для урегулирования порядка погребения трупов человека (например, в г. Москве таковым мог бы быть Закон г. Москвы “О порядке погребения трупов человека в городе Москве”). Всякий труп человека должен поступать в морг, который необходимо рассматривать исключительно промежуточной инстанцией между местом констатации смерти человека (медицинская организация, дом, квартира, дом-интернат для престарелых и инвалидов и др.)

и кладбищем. На кладбище трупы должны поступать исключительно из моргов. Погребение трупов осуществляется на кладбище в домовине (гроб, саван и др.).

14. Похоронное дело является разновидностью деятельности государства и должно быть урегулировано в едином нормативном правовом акте, по юридической силе приравненном к федеральному закону. Во всех субъектах Российской Федерации могут быть урегулированы лишь особенности похоронного дела в конкретном субъекте Российской Федерации. Законодательство о похоронном деле в городе федерального значения — городе Москве и в Московской области, как двух субъектах Российской Федерации, в целом соответствует Федеральному закону “О погребении и похоронном деле” от 8 декабря 1995 г.

15. Погребение трупов человека необходимо рассматривать в качестве основного элемента похоронного дела. После констатации факта биологической смерти человека прекращается всякая юридическая связь между родственниками и трупами, ибо таковые становятся имуществом, принадлежащим на праве собственности государству (его уполномоченным органам). Похоронное дело должно находиться в исключительном ведении государства (его уполномоченных органов). Похоронное дело во всех субъектах Российской Федерации, в том числе и в городах федерального значения, должно регулироваться единообразно. Нормативным правовым актом, предназначенным для регулирования похоронного дела в Российской Федерации, должен являться Федеральный закон “О похоронном деле в Российской Федерации”. В данный Федеральный закон необходимо включить статью, в которой дать разъяснения некоторых терминов (как то: “смерть”, “труп человека”, “похоронное дело”, “место захоронения”, “кладбище”, “колумбарий” и др.). В городах федерального значения целесообразно принять нормативные правовые акты исключительно об особенностях похоронного дела в таковых: Закон г. Москвы “Об особенностях похоронного дела в городе Москве”, Закон г. Санкт-Петербурга “Об особенностях похоронного дела в городе Санкт-Петербурге”, Закон г. Севастополя “Об особенностях похоронного дела в городе Севастополе”. В этих же нормативных правовых актах предусмотреть исчерпывающий перечень мест захоронения. Исчерпывающий перечень мест захоронений федерального значения, на которые не распространяется юрисдикция уполномоченных государственных органов городов федерального значения, предусмотреть в Федеральном законе “О похоронном деле в Российской Федерации”.

16. Патологоанатомические вскрытия проводить в соответствии со статьей 67 Федерального закона “Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации” от 1 ноября 2011 г.

17. Право является универсальным регулятором большинства общественных отношений. Попытки подменить право в регулировании общественных отношений иными регуляторами (политика, религия и др.) влекут исключительно негативные последствия. Универсальность права в качестве эффективного регулятора большинства общественных отношений предполагает наличие у государства статуса “правовое государство”. Универсальность права в качестве эффективного регулятора большинства общественных отношений предполагает отсутствие негативного явления — правового нигилизма у граждан (подданных) всякого субъекта международного права. Предупреждение всякой пандемии, в том числе и пандемии

коронавирусной инфекции (COVID-19), невозможно без правового регулирования.

18. Предупреждение всякой пандемии, в том числе и пандемии коронавирусной инфекции (COVID-19), предполагает совершенное правовое регулирование. В Российской Федерации, как субъекте международного права, принято несколько указов Президента РФ (№ 206 от 25 марта 2020 г.; № 239 от 2 апреля 2020 г.; № 294 от 28 апреля 2020 г.), правовое обоснование которых (ст. 80 Конституции РФ) позволяет их по юридической силе приравнять к федеральному закону. Пандемия коронавирусной инфекции (COVID-19) неизбежно распространяется и на похоронное дело. В Российской Федерации в качестве альтернативы Федеральному закону «О погребении и похоронном деле» от 8 декабря 1995 г. необходимо принять федеральный закон «О похоронном деле», в котором предусмотреть главу «Об организации похоронного дела при чрезвычайных ситуациях».

19. Исчерпывающий перечень субъектов Российской Федерации предусмотрен лишь в статье 65 Конституции РФ от 12 декабря 1993 г. (с последующими изменениями и дополнениями). Фактически в каждом субъекте Российской Федерации имеются особенности правового регулирования при пандемии коронавирусной инфекции (COVID-19). Правовое регулирование предупреждения пандемии коронавирусной инфекции (COVID-19) в городе федерального значения — Москве в целом необходимо признать несовершенным. Правовое регулирование предупреждения пандемии коронавирусной инфекции (COVID-19) в Московской области в целом необходимо признать несовершенным» (с. 139—144).

Данные выводы, несомненно, носят научный и междисциплинарный характер, поэтому могут быть использованы не только для совершенствования выделенной автором сферы жизнедеятельности человека, но и в целях совершенствования правового регулирования форм и методов государственно-управленческой деятельности в Российской Федерации, что актуально для научных исследований, осуществляемых Институтом государства и права РАН⁴.

Монография содержит также несколько вспомогательных рубрикаторов: «Библиографический указатель» с тремя подрубрикаторами: «Литература», «Законодательство» и «Праворегулятивная практика».

Особо впечатляет перечень использованной в работе литературы. Всего в перечне 427 источников, в том числе не менее половины — научная литература по медицине, биологии, ветеринарии (монографии, авторефераты и диссертации на соискание ученых степеней «кандидат медицинских наук», «доктор медицинских наук»).

К числу недостатков, в частности, можно отнести: незначительное представительство рецензентов, имеющих ученые степени «кандидат медицинских наук» и «доктор медицинских наук». Хотя фактическое отсутствие даже попыток представителей медицинской науки к обособлению понятия «летальность» представлены в рецензируемой монографии более чем наглядно.

Пожелание же следует из текста еще одного оригинального рубрикатора рецензируемой книги — «Послесловие»

⁴ См. об этом, напр.: Жуков В. И. Естественный прирост и депопуляция населения в России (нормы, демографические девиации и ресурсы) // Государство и право. 2023. № 2. С. 17—30; Его же. Социально-демографический НАБАТ. М., 2017; Ковалев М. И. Право на жизнь и право на смерть // Государство и право. 1992. № 7. С. 68—75.

(на русском и английском языках): «Завершение работы над данной монографией побуждает нас к подведению окончательных итогов. Действительно, летальность, как самостоятельная категория, еще не получила широкого распространения в медицине и в юриспруденции. Ныне в Российской Федерации является господствующим так называемый традиционный подход, когда фокусируется внимание именно на смертности и ее соотношении с рождаемостью, причем в демографическом аспекте. Надеемся, что результаты данного медико-правового исследования позволят изменить традиционный подход и не только посредством разграничения летальности и смертности, но и с приоритетом летальности как длящегося процесса. И наконец, о жанре данной публикации, определенном нами как монография. Можно, разумеется, условно также определить жанр монографии и как «оптимистическая трагедия». Всякий человек рождается быть счастливым, но вместе с тем этот же человек обречен и непременно завершит свое пребывание в земной жизни, что должно рассматриваться как трагедия именно для этого конкретного человека. Мы сделали лишь первый шаг в формировании пока еще гипотетической теории летальности. Надеемся, и другие ведущие представители и медицинской науки, и юридической науки сфокусируют внимание именно на летальности и ее соотношении со смертностью, витальностью, смертностью» (с. 145).

* * *

Таким образом, автору рецензируемой монографии впервые в Российской Федерации удалось не только представить летальность в качестве самостоятельной категории (причем как медицинской, так и юридической), но и обосновать необходимость танатологического просвещения в российских образовательных учреждениях.

Неполный перечень достоинств монографии «Летальность (медико-правовое исследование)» заслуженно оценен управомоченными государственными органами и общественными объединениями: «Рекомендовано к изданию Международным учебно-методическим центром «Профессиональный учебник» в качестве монографии»; «Рекомендовано к изданию Научно-исследовательским институтом образования и науки в качестве монографии».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Галузо В. Н. Летальность (медико-правовое исследование). М., 2023. С. 139—145.
2. Галузо В. Н. О соотношении терминов «летальность» и «смертность» при регулировании похоронного дела в Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2023. № 1. С. 23—25.
3. Галузо В. Н. О соотношении терминов «смертность» и «моральность» (филолого-правовой аспект) // Аграрное и земельное право. 2023. № 3. С. 6—9.
4. Галузо В. Н. Теория правоохраны в Российской Федерации. Историко-правовое исследование. М., 2022.
5. Жуков В. И. Естественный прирост и депопуляция населения в России (нормы, демографические девиации и ресурсы) // Государство и право. 2023. № 2. С. 17—30.
6. Жуков В. И. Социально-демографический НАБАТ. М., 2017.
7. Ковалев М. И. Право на жизнь и право на смерть // Государство и право. 1992. № 7. С. 68—75.

Подписывайтесь на журнал «Государство и право»!

Подписка принимается на почте по объединенному каталогу «Пресса России». Приобрести журнал «Государство и право» можно по адресу: <https://press.gau.ru/>

Ознакомиться с журналом и подать заявку на публикацию статьи можно по адресу: <https://ras.jes.su/gp>

В рамках выполнения задания Российской академии наук открыта для использования новая интернет-платформа, обеспечивающая полный цикл подготовки, рецензирования, редактирования, публикации, распространения и индексирования научных статей. Этот интернет-ресурс размещён по адресу: <https://RAS.JES.SU>

Данная платформа обеспечивает возможность для авторов:

- ✓ подать заявку на публикацию в онлайн-режиме и проследить все этапы её рассмотрения;
- ✓ осуществить доработку и редактирование материалов после получения рецензии.

Дополнительные возможности для редакторов:

- ✓ назначить рецензентов и обеспечить их работу в формате двойного слепого рецензирования в онлайн-режиме;
- ✓ использовать функции технического перевода на английский язык, транслитерации, проверки на некорректные заимствования;
- ✓ оперативно сформировать и опубликовать выпуски научных журналов.

При этом присвоение DOI и индексация материалов в ведущих наукометрических базах данных осуществляется в автоматическом режиме.

Приглашаем учёных и исследователей ознакомиться с этим ресурсом и использовать данную систему для быстрой и удобной публикации результатов своей научной работы с применением новых информационно-технологических возможностей!

Журналы РАН, размещённые на платформе RAS.JES.SU

Азия и Африка сегодня	Общество и экономика
Вестник древней истории	Проблемы Дальнего Востока
Вопросы истории естествознания и техники	Психологический журнал
Вопросы языкознания	Русская литература
Государство и право	Русская речь
Известия Российской академии наук.	Славяноведение
Серия литературы и языка	Социологические исследования
Латинская Америка	Человек
Новая и новейшая история	Экономика и математические методы
